

Исламский комитет России

Гейдар ДЖЕМАЛЬ

Дауд vs Джалут
(Давид против Голиафа)

Москва

Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ»

2010

УДК 297.:1/14
ББК 86.38.:87.2
Д40

ДЖЕМАЛЬ Г.Д.
Д40 **ДАУД vs ДЖАЛУТ (Давид против Голиафа)**. — М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2010. — 388 с.
— (Серия: Россия и Ислам, 6).

ISBN 978-5-91579-046-8

Главная проблема современного человечества — исчезновение идеологии протеста. Протест есть как инстинкт, как практика, однако алгоритм протеста ликвидирован вместе с демонтажем классического марксизма.

Марксизм на поверку оказался просто крайне левой формой либерализма. «Преодоление отчуждения» по Марксу на деле сводится к устранению трансцендентного измерения человека: человек должен, с точки зрения левых, стать вполне имманентным самодостаточным существом, растворенным в объективной реальности. Это тупик!

Начнем протест с чистого листа: доведем отчуждение человека до абсолютной степени. Пойдем путем «антифейербаха»: человек есть просто инструмент Божественного провидения. Он не более чем исполнитель великого делания, цель и смысл которого выходит далеко за пределы антропологического пространства. Парадоксальным образом именно на этом пути предельного «отчуждения», трансцендентализации человеческих смыслов открывается тайна настоящей свободы.

© **Гейдар Джемаль**, 2010.

ISBN 978-5-91579-046-8

© **Воробьев А.В.**, оформление, 2010.

Сдано в набор 08.10.2009. Подписано в печать 16.10.2009. Формат 60x88/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,25.

Уч.-изд. л. 18,88. Тираж 1 000 экз. (1-й завод — 500 экз.). Заказ № 32.

Оригинал-макет подготовлен *А.В. Воробьевым*. Корректор *Т. Тарасова*
Обложку подготовила *О. Норская*

Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ». 7720376@mail.ru
141200, МО, г. Пушкино, Московский проспект, дом 55. **Тел. 772-03-76**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595.

СОДЕРЖАНИЕ

Современный кризис интеллекта и возможности его преодоления	4
Последние станут первыми	10
Кризис реальности	28
Теология отрицания как нелиберальный урок Октября	100
Очерки к «Теологическому манифесту»	105
Пророческая эсхатология и традиционная доктрина циклов	128
Наследие Кириллова	152
Чертовы куклы Женщина как объект бесстрастного анализа	173
«Се человек»	183
«Цветы зла» Лекция в Московской Международной Киношколе	188
Политическая публицистика 2000-е	209
Говорить языком прошлой эпохи уже нельзя	209
Религиозная сущность гражданской войны	222
«С Исламом хотят дружить почти все»	225
Правда реального Ислама	236
Смерть Милошевича и будущее глобального исламского проекта	247
Есть политические нации, но нет этнических государств	255
Сколько стоит удар пульса?	263
Тайна беззакония. Криминальная экономика как столп мирового порядка	274
«Двойной охват»	280
Рок или промысел? Империя США — непосредственная угроза современному миру	289
Предпосылки внутриевропейского конфликта	301
Сценарии развязывания Третьей Мировой войны	314
Актуальные проблемы мировой Уммы	326
Насилие вчера, сегодня, завтра	333
Генезис политического насилия в современном мире	339
Медиа в эпоху «постмодерна»	345
Тоннель без света в конце	351
Глобальная империя	358
Глобальная борьба с Системой	362
Субъект сопротивления всемирному гнету	375
Интернациональный союз: «История нам должна!»	379
Список использованных источников информации	386
Биография	387

Современный кризис интеллекта и возможности его преодоления

Доклад на конференции
«Дни Петербургской философии — 2007»
Санкт-Петербург, 15 ноября 2007 года

Если разговоры о кризисе интеллекта, кризисе науки, кризисе точного знания еще не стали общим местом в современном западном дискурсе, то, по крайней мере, очень быстро общим местом становятся. Уже на протяжении восьмидесяти и более лет разговоры о кризисе идут с разной силой, с разными акцентировками. Но, пожалуй, начал эту тему в ее всеобъемлющем характере Гуссерль, который впервые сформулировал, что западная мысль не состоялась в своих сверхзадачах, которые полагались в том, чтобы создать универсальное сознание, универсальный метод, позволяющий интегрально решить все аспекты истины. Он назвал это кризисом смысла. И сегодня вслед за ним очень многие, прежде всего из постмодернистов, которые пришли на волне этого кризиса и являются его экстериоризацией, говорят о кризисе смысла и даже апокалипсисе смысла.

Но что такое кризис? По крайней мере, данный конкретный кризис как внутренняя проблема интеллекта, как внутренний сбой интеллекта. Кризис — это, прежде всего, ложная презумпция, лежащая в основе посылки, которая будучи незамеченной, потом как мина замедленного действия приводит к сбою, приводит к слому системы.

В данном случае Гуссерль попал философским пальцем в нервный узел проблемы, когда начал говорить о несостоявшемся прорыве к универсальному. Он попал в том смысле, что именно проблема универсального является форматом и описанием кризиса.

Что такое универсальное в данном случае? Когда мы говорим об универсуме, когда мы говорим об универсальном, мы попадаем в очень серьезное метафизическое противоречие. Либо, с одной стороны, мы

являемся свидетелями универсального, и тогда мы вне его, и тем самым мы ограничиваем его, и, таким образом, оно уже не универсальное. Либо же наоборот, мы утверждаем себя как часть универсального, но в этом случае, какое право часть имеет высказываться о целом? Как ни крути, сама постановка вопроса об универсальном или о том, что мы называем (с большой буквы) «Все» — это драматический вызов интеллекту, который с неизбежностью ведет к кризису.

Прежде всего, тема универсального неотделима от проблематики монизма как общей подкладки европейского философствования. Сквозь все превратности философских исканий от Платона до наших дней, общая подкладка в философском инстинкте мыслителя, воспитанного в духе эллинизма (а он воспитан в духе эллинизма, даже если творит в начале двадцатого столетия), это все равно подкладка монизма, это монистический инстинкт; а монизм представляет собой более глубокую, более метафизическую постановку вопроса об универсальном.

С самого начала своей истории философия явилась не чем иным, как опусканием метафизики на землю. Если метафизический подход, подход высокого жречества на уровне Пифагора, Эмпедокла, — это сведение конкретного к абсолютному, то философия с самых первых своих шагов, когда она оформилась именно как философия, была попыткой представить абсолютное в виде конкретного. И даже у Фалеса Милетского, даже у Анаксагора мы обнаруживаем всю ту же самую страсть сведения абсолюта с небес в непосредственно представимую конкретику. Поэтому философ, мыслящий в рамках этого посыла, стоит перед большой проблемой взаимоотношений субъекта и объекта. Субъект и объект в этом случае для него являются комплементарными аспектами абсолютного целого. И в тот момент, когда они сливаются, наступает состояние возвышенного познания истины.

Иными словами, фундамент европейской мысли — это то, что сознание определяется как бытие. Это очень важная мысль. Именно здесь зарыта мина замедленного действия. Тожество бытия и сознания возвращает нас к проблеме: каким образом сознание может свидетельствовать бытие, если оно ему, в конечном счете, тождественно? Вся философская история Европы есть попытка сбалансировать и откорректировать эту внутреннюю драму монизма, эту зарытую внутри него проблематику.

Наиболее полно это представлено у трансцендентальных авторов, у раннего Шеллинга, который сразу же скатился на философию тождества, и мэтра диалектики Гегеля, ибо в его случае диалектический метод есть не что иное, как попытка выйти на свободу из ловушки тождества сознающего субъекта самому себе.

Но проблема в том, что абсолютная идея ни при каких обстоятельствах не превращается в экзистенциальное сознание свидетеля. Вы не можете начать с чистого универсального ничто как исходного содержания абсолютной идеи, а закончить смертным человеком, который находится «здесь и теперь» и является зеркалом, предьявленным реальности. Потому что здесь есть барьер, который нельзя перешагнуть иначе, как совершив философский подлог.

Я хочу сказать, что этот аспект европейского мышления есть не что иное, как выявление внутренней парадигмы всей человеческой метафизики. Ибо, куда бы мы ни пошли, куда бы ни направили свой взор, мы найдем всюду монизм, монизм и один только монизм, начиная от дальневосточной традиции, от индуизма, и кончая друидами, ацтеками и так далее.

Исключение составляют совершенно уникальные традиции Единобожия, традиции авраамических пророков (Да будет мир над ними всеми!), которые осуществили революцию в метафизике, в самом понимании того, что такое сознание и что такое когнитивная способность человека.

Проблема универсализма, которая ставится всеми мыслящими носителями любой традиции в любой цивилизационной системе, — это внутренняя воля, внутренняя необходимость выйти на ту подлинность, которую нельзя определить иначе, как «То, кроме чего ничего нет». Что есть то последнее, достигнув которого, мы можем пережить ощущение избыточности, не допускающей никакую параллельную реальность рядом, ничего кроме себя? Именно этот избыток и есть критерий подлинности. И я скажу больше: именно это есть критерий правды. Ибо истина есть констатация сущего, а правда — это должествующее, то, что должно стать.

Вот здесь главная проблема. В тот момент, когда человек сознает бесконечность как предмет своего созерцания, он самим фактом этого

созерцания выступает как ограничитель той «бесконечности», которую он отражает как свидетель.

Я не согласен с теми исследователями, философами, которые полагают, что опыт бесконечности — это единственный опыт, который нам недоступен. Нет. На самом деле человек испытывает опыт бесконечности очень рано, когда ему всего лишь несколько лет отроду, до того, как к нему придет ощущение драмы, боли, смерти и так далее. Его способность смотреть, воспринимать и отражать мир уже закладывает в себя привкус неограниченной способности к отражению, неограниченной способности к перцепции. Причем в инстинкте этого взгляда на мир содержится интуиция, что потенциал перцепции больше чем то, что может быть отражено. Сила зеркала больше, чем то, что может попасть в фокус этого зеркала.

Потом, с приходом боли, с приходом ощущения бренности своего тела, эта интуиция уходит. Но она фундаментально встроена в сам акт свидетельствования. Акт свидетельствования есть нечто другое, чем интеллект. Потому что это экзистенциальное переживание той точки, которая находится внутри нас «здесь и теперь», в которой останавливается внешний мир.

В самой идее зеркала содержится этот момент. Он содержится в черной амальгаме с обратной стороны зеркала. Все, что отражается в зеркале, отражается благодаря тому, что его обратная сторона является непроницаемой для света. Но эта черная амальгама никогда не бывает в самой системе рефлексии, то есть она никогда не выводится непосредственно вот в эту рефлексию, в отражение. Черная амальгама является скрытым необходимым условием отражения. Совершенно аналогично этому, внутри человека тоже находится эта черная амальгама, некий фактор негативного апофатического присутствия в его сердце, о которое разбиваются волны внешнего наружного света, которые видны ему, которые несут ему впечатление о феноменологическом мире вокруг. И именно благодаря этому, в его личностном зеркале этот мир оживает. Потому что внутри него есть та точка, которая не тождественна ничему из того, что он способен увидеть, понять и почувствовать.

Авраамические пророки (Мир им всем!) сосредоточились именно на выявлении этого центра, формулируя дискурс об этой точке, кото-

рая не может быть выявлена в опыте, потому что она есть условие опыта. Она подобна черной амальгаме зеркала, благодаря которой зеркало отражает, но сама эта черная амальгама скрыта. Этого нет ни в одной традиции — языческой, консервативной, метафизической, традиции высшего жречества, духовно окормлявшего мир на протяжении всей его истории. Вы можете исследовать глубины эллинской философии, глубины дальневосточной традиции, можете пройти все шесть школ индуизма, но вы не найдете там сосредоточенности на этой актуальной точке, которая есть точка оппозиции, ограничивающая безграничное «Всё» вокруг, благодаря которой это «Всё» оживает не как хаос, а как структура.

В языческой метафизике присутствуют очень сложные и правдоподобные построения об эманациях, о том, как делятся первичные элементы мироздания, создавая «объективное» и «субъективное», но там нет того главного, что отличает живого субъекта от искусственного интеллекта: точки абсолютного нетождества всему сущему, которая одновременно воплощает в себе предчувствие неотвратимой смерти, да, по сути, и есть сама эта предстоящая смерть. Искусственный интеллект, не имея сознания смерти, не знает, что он «жив». А то, что нам описывает философия санкхья или мистика даосов как архитеконику живого существа, на самом деле есть подробнейшее описание искусственного интеллекта.

Единственное, что делает нас отличными от искусственного интеллекта, единственное, что не позволяет никогда, ни при каких обстоятельствах низвести нас до статуса искусственного интеллекта, — это реальность смерти, финальности, которую мы непосредственно чувствуем внутри себя, и которая является условием нашей перцепции. Наша смертность и наша непосредственная экзистенциальная включённость в свидетельствование «здесь и теперь» есть одно и то же. Это и есть субъект. Но этот субъект не тождественен объекту и не является комплементарным, не является одной из половин «Магдебургских полушарий». Его — субъекта — как бы «нет», если «есть» все остальное! То есть, бытие и сознание — это как день и ночь. Если бытие есть, то сознание — это диалектическая противоположность: его нет. Но благодаря этому «нет», в его зеркале существует бытие

«для нас». Таким образом, нет и не может быть никакого онтологического монизма. Вместо этого есть интуитивное монотеистическое движение: переход от одной единицы к радикально и качественно другой. Если первая единица дается как исходное утверждение, то вторая единица существует рядом с ней как отсутствие. В тот момент, когда мы утверждаем «единицу», выражающую внеонтологическую субъектность, «единица» бытия, первичного Объекта становится призраком. Это динамика монотеистического перехода от абсолютного объекта к абсолютному субъекту выражена в аяте Корана: «В конце концов, не останется ничего, кроме лика Аллаха».

То, что я сейчас изложил в паре кратких тезисов, есть, конечно же, не философия. Это теология, теологический метод. Сегодня нужно поставить вопрос следующим образом: философия, две с половиной тысячи лет жившая Платоном, Аристотелем, неоплатониками и всеми теми, кто исповедовал идеи универсализма, монизма и тождества бытия и сознания, очевидно, исчерпала свой внутренний ресурс, что проявилось в виде постмодернизма. Нужно сделать шаг к совершенно новому — к методологии нетождества, к методологии субъекта, понятого не как онтологическая единица, а как фундаментальная оппозиция всякому наличному бытию, которая является условием когнитивного процесса. И возможно тогда теология откроет перед нами методологическую перспективу построения новых наук, в том числе, относящихся к естествознанию.

Завершая, я приведу простой пример. Кризис современной физики связан с тем, что физикам обязательно необходима объективная точка сборки мироздания. Им вынь да положь данное вне субъекта единство мира, то единственное и всеобщее силовое поле, которое должно оказаться основой всех остальных физических полей. Они не понимают простой вещи: единство мира в глазу смотрящего! Оно в сердце субъекта. Это подобно тому, как зритель переходит из театра в театр и смотрит разные спектакли на разных сценах, оставаясь самим собой.

Таким образом, смотрящий, будучи одним и тем же, играя на разных площадках физического мира, социального мира, исторического мира, духовного мира, является универсальной «точкой сборки» всех этих миров.

Последние станут первыми

Инструменты сломаны

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ. Общим местом размышлений о современной реальности являются разговоры о том, что мир продолжает втягиваться в некий огромный кризис, который ломает хребет не просто XX веку, но колоссальному историческому периоду. Неизвестно, то ли это мир меняет кожу, то ли кожу с него сдирают, под ней — голое мясо, а новая кожа никогда не вырастет. Вы обладаете не только целостным мировоззрением, но и инструментарием, позволяющим рассматривать такие большие системы, как цивилизация, история, мировые кризисы. Как бы Вы описали нынешний кризис и эскизно объяснили, что же происходит сегодня в мире, кончатся ли источники вод, что питали человечество на протяжении огромного времени?

ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ. Я согласен с тем, что мы переживаем сейчас одну из начальных фаз кризиса, который начался не сегодня и не вчера. Но мы только сейчас начинаем понимать, что речь идет о тектоническом сломе цивилизационного масштаба, уникального за 300–400 лет.

Проблема в том, что интеллектуалы сегодня не готовы к исследованию происходящего. Один из характерных моментов этого кризиса связан с тем, что вместе с началом кризиса одновременно кончились и те интеллектуальные инструменты, которыми было комфортно в XIX—XX веках познавать реальность. Марксизм сегодня умер, он ничего не описывает. Хотя это был инструмент, дававший глобальную картину мира — сверху до низу, от макромира до микромира, с диалектикой и своеобразной метафизикой.

Марксизм был выстроен на основании монистического видения бытия. Это был гуманизм, центрированный на материи, которая, од-

нако, определялась очень невнятно: то ли это было вещество, то ли движение, то ли некая субстанция, которая проявлялась в разных формах. Конечно, как только мы пытаемся разобраться в этой философии, мы тут же встречаемся с теми страшными противоречиями, которые очень быстро заставляют искать какие-то альтернативные методики. Но все же там был некий визион.

Для научной школы марксизм был ценен тем, что он приучал любого среднего студента к системному мышлению, к глобальной системе отсчета. Это очень хорошо отследил Сергей Кара-Мурза в книге «Манипуляция сознанием» — в ней он пишет, что с концом советской высшей школы исчезает то завоевание советской власти, когда каждому человеку дается возможность увидеть мир так, как его мог бы увидеть человек калибра Гегеля. Сегодня такая возможность резервируется только для элит и отнимается у эксплуатируемого рабочего, «механической скотины», функционального придатка к своему станку.

Но и с точки зрения интеллектуала, который дошел до вершин интегрального понимания мира, понятно, что с той методикой, которой владели либеральные мыслители XIX–XX века, мир описать уже нельзя. Проблема в том, что альтернативных методик нет. Постмодернизм разрушил все, в том числе и т. н. «буржуазные» попытки интегрального объяснения Вселенной. Поэтому сегодня все поползновения прокомментировать кризис выглядят очень жалко.

Одним из наиболее жалких «комментариев к кризису» я считаю объяснение, что мы живем будто бы в «эпоху столкновения/диалога цивилизаций». Дело в том, что «цивилизация» — это еще более маргинальный термин, чем мистическая «материя» Маркса. Цивилизация еще менее оперативна как рабочая категория. Потому что цивилизация — это набор интерпретируемых символических признаков, которые являются в любом случае всегда очень внешними. Серьезные мыслители давно уже доказали, что любая цивилизация «переводима» на другую через некоторый общий метаязык. Есть традиционалисты, которые показывают, что некое сверхсодержание может быть изображено и в терминах египетской цивилизации, и в символах цивилизации инков, и в рамках китайской традиции и т. д.

И всегда это будет одно и то же. Просто термины, образы, символы, знаки всякий раз разные, они адаптируются к внешним психофизическим характеристикам людей. Поэтому говорить о «столкновении цивилизаций» — это все равно, что говорить о «столкновении культур», о «столкновении богем» или «столкновении схоластов», говорящих об одном и том же, но на разных языках. То есть эта теория ничего нам не объясняет.

Ресурсы кончились

На самом деле, на мой взгляд, сегодня с человечеством происходит следующее.

Мировое общество — это вещь фундаментально затратная, потому что она реализует некий глобальный метапроект, благодаря которому человек является человеком, центром Вселенной. Мировое общество является коконом, который защищает человека от свирепствующей динамики внешнего мира, от сил вселенского Хаоса, которыми человек был бы стерт, если бы вокруг него не было бы этого кокона антропогенной вселенной. Прометей, принесший человеку в пещеру огонь, украденный у олимпийцев, осуществил, по сути, акцию создания антропогенного космоса, в котором человек с самого начала, как только он входит в общество, сколь угодно древнее, архаичное, примитивное, сразу же освобождается от фундаментальных законов деструкции, энтропии, от второго начала термодинамики, действующего во внешнем мире.

Представим себе дикарей Амазонки, которые еще не знают реального общества и в силу этого полностью зависят от некоторых обстоятельств — например, от того, как течет река, в которой дикари ловят рыбу. Когда приходит белый человек и перекрывает ее, эти бедняги должны либо куда-то убежать, либо вымереть. Скорее всего, произойдет последнее. Но когда подобная катастрофа происходит с обществом, пусть даже это древнеегипетское общество с его «десятью казнями Египетскими», — то с этим обществом ничего не происходит. Если прекратятся разливы Нила, общество не исчезнет. Оно найдет какие-то новые ресурсы, потому что антропогенный космос обладает неограни-

ченным запасом устойчивости по отношению к любым катастрофам: землетрясениям, засухам, падениям метеоритов и т. д.

Но это — не бесплатно. Потому что, скажем, если вы живете в доме, в котором двадцать пять градусов тепла, а за окном — минус сорок, то дом надо топить. А чем топят глобальное человеческое общество? Нами. Нашим временем, нашей энергией. На компенсацию этого ледяного ветра, дующего сквозь Вселенную, идет жизненное время, отчуждаемое у миллионов людей в тысячах поколений. И каждый день надо платить чуть больше. Во времена фараонов компенсировать расходы на содержание мирового социума можно было самыми неограниченными средствами. Но рано или поздно возникает проблема: нельзя получить дополнительный ресурс из людей в том состоянии, в каком они все когда-то были: рабы, ручной труд, носилки, кирка. Это значит, что необходимо мобилизовывать сам социум, модернизировать его.

И мобилизация, и модернизация общества всегда идут сверху. От тех инстанций, которые наиболее глубоко осознают глобальные проблемы, стоящие перед человечеством. Во все времена уровень понимания такого рода был присущ только одной группе людей — тем, кто профессионально владел фундаментальной метафизикой, то есть жрецам. Именно жрецы являлись и являются проектантами истории, и все мобилизационные технологии идут от них. Но, поскольку они мобилизационные, они не должны иметь вид внешней, чужеродной стимуляции. Поэтому история имеет вид череды социальных потрясений «снизу»: революций, всплеск требований со стороны общественных групп и так далее.

Когда мы смотрим на всю систему вызовов, бросаемых низами, мы приходим к выводу, что на самом деле не рабство исчезает, не свобода приходит на место рабов фараона, а просто стоимость рабовладения, капитализация рабства непрерывно повышается. Современный технократический менеджер, яппи из мегаполисного офиса — это такой же раб, просто секунда его времени стоит в десять тысяч раз дороже, чем секунда времени строителя пирамид.

Так вот, сегодня проблема заключается в том, что социализировать человека еще больше, чем он социализирован в современном мегаполисе, невозможно. Нельзя повысить через мобилизационные техно-

логии его отдачу. Например, в 30–50 гг. XX века в мобилизацию России, ста пятидесяти миллионов мужиков, которые превратились в обитателей колхозов и великих мегаполисов, были вложены колоссальные ресурсы. Но теперь нет таких ресурсов, чтобы вбросить в мегаполисную цивилизацию, скажем, семьсот миллионов жителей Африки или два-три миллиарда людей Азии и Латинской Америки. В Китае идет этот процесс, но крайне проблемно. В Индии этот процесс фактически привел к разрыву на две страны: высокотехнологичную Индию, которая является составной частью Большого Мегалополиса, и громадную остальную часть, которая осталась где-то внизу, как затонувшая Атлантида, и не участвует в этом Полисе. Такие же процессы протекают в Юго-Восточной Азии. Чтобы поднять социум архаического мира, необходимы колоссальные ресурсы, которые несопоставимы с тем, что потратили большевики на преобразование России.

Прикончить человечество?

Большевики нашли эти ресурсы: они были революционерами, они отняли бриллианты у фрейлин, они демпинговали, продавая зерно, предварительно отнятое у крестьян, то есть они вырвали ресурс из всего, что могли, и сделали из страны мегалополис: к сороковому году это была сверхдержава. Можно сказать, что тогда произошло чудо.

Теперь такое чудо невозможно. После 45-го года окончательно победила спекулятивная виртуальная экономика, которая базирует основную часть производимого продукта на чисто информационном базисе. Это фьючерсные сделки, это торговля ценными бумагами, это создание хай-тек компаний, что выпускают акции на несколько миллиардов долларов, а затем лопаются, потому что за ними ничего не стоит. И все эти сделки фактически проели реальные активы. Можно сказать, что сегодня спекулянты проели собственность человечества на несколько поколений вперед. Все разошлось по карманам элит и обслуживающих их проходимцев.

Сегодня, чтобы произвести какую-то трансформацию, надо у тех десяти процентов, что владеют 99 % мировой собственности, отнять

все. И вопрос стоит так: поскольку эти десять процентов хотят обезопасить себя от каких бы то ни было вызовов, девяносто оставшихся процентов населения Земли должны быть признаны лишними и враждебными!

Для верхушки абсурдно и бессмысленно отдавать свою собственность для того, чтобы оставшийся мир стал современными яппи. Более того, нет таких большевиков, которые сегодня поставили бы так вопрос. У самих девяти десятых населения Земли такие ресурсы получить уже нельзя. Потому что их время стоит слишком дешево. Но ведь Хаос по-прежнему требует возрастания платы за антропогенную цивилизацию, которая защищает всех: и непальца, и француза, и клошара, и Саркози. Дальше невозможно нести на себе бремя этих девяноста процентов людей, которые живут так, будто они все еще в XV веке. А платить надо уже как в XXII веке. Поэтому сегодня уже открыто, без всякого стеснения, выдвигается на уровне профессорских кафедр суждение о том, что большинству населения Земли лучше поскорее подохнуть.

Подобные разговоры предшествуют великой подвижке, которая называется информационной революцией и переходом к информационному обществу — последней, на мой взгляд, стадии прогресса рабовладения. Древнеегипетское общество даже не подозревало о таких возможностях эксплуатации, отчуждения и интенсификации человеческого фактора, которые предусмотрены в информационном обществе. Раб, после того как отдал свое время на строительство пирамиды, возвращается к себе в шалаш и остается наедине со своим сердцем. А у современного человека уже нет этого сердца, этого внутреннего пространства, в которое он мог бы вернуться из офиса. Его социальная зависимость, его связи, его уровень ответственности возросли во много раз. Мозги его захлестнуты медиа, его сердце запрограммировано на то, что есть благо, политкорректность уже у него в бессознательном. Современный «человек офисный» — это терминал, через который идет информационный поток. Поток этот подобен ленте Мебиуса, на которой нет разницы между внутренним и внешним. Человек утрачивает свой внутренний мир для того, чтобы весь свой экзистенциальный капитал перекачать в этот информационный поток.

Но естественно, останется очень узкая сверхэлитная группа, которая и будет бенефициаром этого информационного общества. Что самое интересное, чего не было раньше: за последние триста лет образовалась правящая надстройка, которая вынесена за пределы общественного пространства. Если раньше церковь в широком смысле и короли с аристократией (которые являются собеседниками церкви, переводящими импульсы последней на человеческий язык) были составной частью социума, то сегодня эта группа видимым образом исключена из него. Исключена настолько, что обыватель, когда слышит о них, представляет их чем-то вроде зеленых человечков. Он спрашивает: «А разве эти люди еще существуют? Разве они оказывают какое-то влияние? Скорее всего, это уже живой музей, символы и ритуальные традиции!»

Это очень интересный психологический настрой, который подчеркивает страшную вещь. «Суперэлита» обеспечила себе некую форму господства и контроля над обществом без обратной связи с собой. То есть ей нельзя сделать предъявление по поводу ее позиции или ее ошибок. Надо понять, что великие посвященные, представителями которых являются Папа, Далай-лама и тому подобные персонажи, с нами не говорят. Папа, может быть, раз в год паломникам рукой машет сверху, и всё. Они в диалоге с избранными. С королем Олафом, с принцем Чарльзом, с Майклом Йоркским, королевой Джулианой.

«Черная дыра»

Россия здесь находится в особенной ситуации. Расстреляв в 18-м году Романовых, она стала «черной дырой». Имеется в виду не негативное толкование, а непредсказуемость. Голландия предсказуема, потому что там есть королевский дом. А Россия непредсказуема. Возможно, в том и заключается один из последних шансов истории, что Россия — «черная дыра». Не жесткая связка шарниров и шестеренок, а упругий резиновый патрубок с люфтом, позволяющим гулять налево-направо.

Церковь, монархии, — все это существует, как и во времена Борджиа. Но тогда они были центральными актерами исторической сце-

ны, а сегодня они являются полностью вынесенными за скобки. Люди думают, что это они занимаются историей, проектируют собственное будущее, ходят голосовать, выбирают партии в парламент. Они не понимают, что подобная суета есть форма социальной мобилизации, которая чего-то стоит. И на самом деле, все, что они производят, — это отчуждаемая работа, на которую они тратят свое время. Это время отчуждается и трансформируется во внешний капитал: пересчитывается в деньги, которые тратятся на то, на се. Но эта деятельность не является значимой жизнью, не является реальностью. В ходе этой суеты не возникает никаких судьбоносных решений, исходящих от vox populi (гласа народа).

На самом деле, в современном обществе есть два противостоящих друг другу института. Бюрократия — анонимная, беспринципная, имеющая хозяина, находящегося за скобками, существующего скрытно. И институт публичных политиков, возглавляющих партии, появляющихся на экране телевизора, работающих ярмарочными зазывалами, которых бюрократы ненавидят, потому что их психотипы полярно противоположны. Одни угрюм-бурчеевы, анонимно скрытые в кабинетах за шторами корпоративной этики. Другие — рыжие, скачущие на ковре на потеху публике. Но, тем не менее, и те, и другие получают сигнал от одних и тех же «центров принятия решений». Не жириновские и не белых вырабатывают принципы легитимности. И даже не анонимные бюрократы в кабинетах. Мы знаем, к кому все они бегают на поклон.

Проблема России в том, что после зачистки девяносто лет назад романовской грибницы, выращенная здесь номенклатурная бюрократия и их сегодняшние наследники бегают на поклон к кому-то из другого, не российского пространства. Им хозяин необходим, но здесь, внутри России, такого хозяина, который нужен бюрократии, нет. Пока существовала квазиспиритуальность в виде советской идеологии, сверхзадачи и коммунистической футурологии, все это сдерживалось. Но когда советский проект был «слит», выяснилось, что бюрократия не может выживать в вакууме и быть царем самой себя. Она не Мюнхгаузен, который вытаскивает себя за волосы из болота.

Есть либералы, которые могли бы и хотели бы стать хозяином этой бюрократии. И в начале 90-х они стали на время таким хозяином.

Но поскольку либералы и бюрократия онтологически ненавидят друг друга, бюрократия вырвала инициативу у либералов, часть из них используя сегодня как шестерок-политтехнологов. А большая часть либералов ушла в разнообразную оппозицию.

Либералы сегодня находятся по всему миру в большом кризисе, потому что крах экспоненциального роста мировой цивилизации — это, прежде всего, крах либерализма. Если невозможно включить в мобилизационные механизмы модернизации архаическую часть человеческого общества (а это сегодня более четырех из шести миллиардов человек, проживающих на Земле), то нет базы для либерализма. Ведь либерализм — это паразитическая вещь, которая процветает, как мох, на мобилизационных процессах. В своем нынешнем виде он возник после кризиса абсолютизма в Европе, когда началась буржуазная модернизация и когда, во Французскую революцию, аббат Сийес сформулировал главное учение буржуазии: «Третье сословие ничто, но оно должно быть всем». Либерализм нуждается в подобном росте цивилизации, но не во имя самой цивилизации — просто «подогревание» последней во время роста кормит и взращивает либерализм.

Конечно, либеральный клуб — это не единая система. Там есть и крайне правое крыло, вроде фашизма Муссолини. Есть крайне левое крыло в виде Троцкого. Но что касается России, то Ленин никогда не был либералом. Он принадлежит к совершенно иной породе людей: он русский коренной радикал. Того же замеса, что и Бакунин или Нечаев. Воспользовавшись либеральным дискурсом, чтобы овладеть международным потенциалом марксизма как языка протестных сил, Ленин оставался радикалом. Поэтому специфика большевистской революции отмечена не социал-демократическими принципами, не Каутским и даже не Троцким, а Лениным, восходящим к глубинным корням мессианской роли России. Эта роль связана не с Екатериной или Петром, а с Пугачевым, с раскольниками, с казачеством — с великим содроганиями, идущими снизу, которые ставят под вопрос существование верхней «грибницы» и бросают ей вызов.

Общины пассионариев

Россия — зона священного беззакония. Именно поэтому создается такой трагический перекося, когда в обычное время все русские люди инвестируют свою идентичность в государство. Видимо, это оборотная сторона характерного онтологического существования вне закона.

Мессианская роль России заключена как раз в таком негативе, потому что вызов, бросааемый русскими, — это вызов, который нужен Богу, его провиденциальной мысли. Замысел Бога не в том, чтобы дать шанс фараонам укрепить свое рабство, чтобы оно было безбрежным, неатакуемым и чтобы те, кто выжил, навсегда были превращены в зомби этих фараонов. Провиденциальная мысль Бога — на стороне отрицания этой системы.

К сожалению или к счастью, мир очень сложен. Поэтому революция часто служит замыслам контрреволюции. А дух протеста может находить или не находить себя в явных вызовах истории. Сегодня складываются очень интересные форматы противостояния мировой верхушке. Деятельность таких организаций, как ФАРК в Колумбии, «Хизбулла» в Ливане, ХАМАС в Палестине — это провиденциальное указание на то, каким будет состояние истории в ближайшие поколения. Она будет проходить под знаком самоорганизации пассионариев, которые располагают технологическими, финансовыми, организационными ресурсами и которые бросают вызов «легитимному истеблишменту». Без помощи и непосредственного вмешательства Бога эти пассионарии вряд ли имеют возможность окончательно победить, но они способны создать зоны, внутри которых возможна свобода и реализация для перспективных человеческих типов, носителей нового сознания. Эти зоны не допустят, чтобы мир стал до конца «однополярным», когда бы власть имущие окончательно «закрыли человечество» и превратили людей в программируемых роботов ради наивысшей стадии их эксплуатации.

На мой взгляд, сегодня именно такие организации пассионариев дают примеры внесударственной общины, что было мечтой протестных сил чуть ли не со времен Моисея и исхода из Египта. К слову, исход — это первый из известных нам на легендарном уровне вызовов, брошенный организованному аппарату, централизованной власти и системе, которая

действительно представляла собой законченный образ государства: фараон, жрецы, писцы, методики и т. д. По своей модели исход затем поразительным образом повторялся на примере других пророков авраамической линии. Это повторяется и в христианстве, и в Исламе и, судя по всему, это фундаментальная онтологическая вещь.

Мечта об общине — это мечта преодолеть общество как машину по вымогательству жизненных соков из каждого ныне живущего. То есть это мечта решить уравнение, каким образом осуществить миссию человека и протиснуться между Сциллой и Харибдой. Чтобы, с одной стороны, не быть сметенным страшными силами Хаоса, свирепствующего за окошком нашего уютным теплого дома. А с другой стороны, чтобы избежать избыточной социализации, когда люди превращаются в винтики защищающей нас от космоса исполинской машины. Эта дилемма не может быть решена в рамках той системы, в которую мы все сегодня погружены.

Конечно, общество является сверхъестественным феноменом. Это феномен уже магический, метафизический. Это отражено даже в просторечии, когда говорят, что есть нечто натуральное, а есть — социальное, что общество с его законами противостоит природе с ее законами. Множество мыслителей потратили огромное количество умственных сил, чтобы доказать, что есть единая теория поля. Не в эйнштейновском смысле, а в философском: что есть законы природы, которые идентичны законам общества, что между ними нет качественной разницы. Доказать это не удалось, потому что общество «вращается» в сторону, обратную вращению энтропийного «колеса» природы. Подобная «сверхъестественность» общества окружает нас на каждом шагу, ведь сама идея мобилизационного ресурса, извлекаемого снизу, — это то, что противоречит второму началу термодинамики, это то, что не работает в природе.

Левиафановский гуманизм

Увы, на нынешнем уровне сверхъестественности общества нельзя решить те вопросы, которые ставит перед человеком теология. Это пока еще языческая, «левиафановская» сверхъестественность, во-

площенная в некий проект, в котором общество является точным выражением «Великого Существа». Существа, которое многие языческие религии считали небесным богом и называли Ормуздом, Митрой, Зевсом, Аполлоном. Но, например, в Исламе слово «ибليس», которым обозначают сатану, — это арабское произношение имени «Аполлон». И это не случайно, потому что то, что для «естественного» человечества является богом, то есть «Великим Существом», носителем света, авраамическая религия объявляет сатаной. Здесь имеется в виду не какой-то бес с рогами. Под сатаной имеется в виду светозарный «сын Земли и Неба», архетипическая модель всех существ, «первое творение» Бога истинного. Этот «князь мира» обладает колоссальным ресурсом, чтобы соблазнить человека.

Главная форма соблазнения современного человека — это гуманизм. Он существует как самостоятельная идеология в открытой форме уже лет пятьсот, со времен Эразма Роттердамского. У него много ликов. Есть религиозный гуманизм, как некий паллиатив, попытка договориться между либералами и жрецами. Есть магический гуманизм алхимиков Возрождения. Есть гуманизм чисто либеральный — Гоббса, Конта, Маркса. Все эти формы гуманизма предполагают одну общую вещь — человека как самодостаточную реальность, которая является целью для самой себя.

Это может быть правый гуманизм: фашизм и расизм, которые хотят создать лучшего человека за счет евгеники. Это может быть левый гуманизм, утверждающий, что все равны и все должны быть цветами в прекрасном саду за счет хороших удобрений и снятия ограничений роста. Но и левый, и правый гуманизм являются, по большому счету, формами искушения человека сатаной. Потому что в предельном развитии гуманизма человек хочет стать уменьшенной, но вполне совершенной калькой «Великого Существа» — самодостаточным и имеющим цель в себе самом.

Более того, та идея, с которой мы начали, — о девяти десятых населения Земли, которые, по мысли «сверхэлиты», никому не нужны и должны быть «слиты» — является развитием гуманистической идеи. Это все тот же гуманизм, предполагающий, что конечным финалом должно стать появление некоего «человека элит», «человека клубного», который

и является подлинным человечеством, достигая максимализации человеческих возможностей. И если ему на этом пути кто-то мешает, будь то негры или бедные, россияне или революционеры, Усама бен Ладен или ФАРК — их всех надо закатать под асфальт. Ведь они мешают долгожданному появлению подлинной человеческой сущности! Это и есть финал гуманизма — уничтожение девяти десятых человечества.

«Человек умрет»

Когда Ницше сказал «Бог умер», он, на самом деле, сказал великую вещь, которую никто не понял. Он сказал, что умер-то человек. Потому что за этой формулой Ницше скрывалось понимание того, что исчерпан либеральный дискурс. Он пытался это проговорить, но всех ослепил этот богоборческий пафос. Сто лет понадобилось, чтобы понять эту ницшеанскую формулу.

И ведь человек реально умер! Человек как цель в себе разоблачился, как только все условия для этого сошлись. Были отодвинуты в сторону представители метафизического дискурса. На передний план вышли агностики и наука. Победила представительная демократия, во всех странах возникли парламенты. Всеобщее образование стало практически доминирующим. То есть все элементы практического либерального гуманизма на сегодняшний день инсталлированы в мир — от Непала до Колумбии. И в этот момент становится понятно, что человек переживает сильнейший кризис. Что возможность его экспоненциального роста как индустриальной системы исчерпана. Что необходим переход к совершенно иным структурам производства продукта и обмена веществ. И что в принципе человек становится помехой самому себе, когда он настаивает, что продолжает оставаться целью для самого себя. То есть человек в претензии на статус всеобъемлющей и последней реальности в некотором смысле становится «квадратным кругом». Когда это очевидно если не для всех, то для многих, возникает необходимость новых интеллектуальных методик.

Нынешняя философия, тесно связанная с либерально-гуманистической традицией, неспособна их предложить. Она исходит из монистиче-

ских посылок, которые предполагают, что мыслящий человек является одновременно судьей своему собственному мыслительному процессу, опирается исключительно на свой интеллектуальный ресурс. Он не апеллирует ни к метафизике, ни к откровению как религии пророков. Поэтому философия сегодня терпит крах вместе с либерализмом и заменяется постмодернистскими пародиями и шутками.

Традиционалистский клуб предлагает нам возврат к метафизике. Но с точки зрения сил протеста, это идеология врага. Потому что вернуться к метафизике, к шанкарачарьям и «Дао Дэ Цзин» — это значит вернуться к подчинению фараону и признанию того, что 90 % людей являются балластом, от которого надо избавиться, сохранив лишь «высший тип существ», и закрыть историю на главе возврата к Золотому веку. Мы не можем на это согласиться. Ведь таким образом мы отречемся от плеяды тех, кто приходил в мир, чтобы бросить вызов этой системе. Я имею в виду Авраама, Моисея, Иисуса, Мухаммада, — всех тех, кто отдал жизнь, чтобы открыть путь к абсолютно неизведанным возможностям.

Эти неизведанные возможности описываются только теологией. Но не той теологией, которую мы знаем, — теологией Фомы Аквината, схоластов, по поводу которых остались только шуточки про пять тысяч ангелов на острие иглы. Это совершенно другая теология. Теология, к которой близко подошли некоторые диалектически мыслящие протестантские мыслители XIX–XX веков. К которой близко подошел Сартр, формально декларировавший себя атеистом, но очень многие тезисы которого являются глубочайшими откровениями в природе нового понимания религиозности. Это теология, которая брезжит в отдельных пассажах Декарта и Канта.

Я веду речь о теологии, рождающейся из пафоса отрицания Объекта, из отрицания власти Объекта над человеческой душой. Это учение о том, что подлинный Субъект трансцендентен онтологии, непосредственному наличному бытию. Что этот Субъект является некой точкой оппозиции макросистеме феноменов. А с другой стороны, это понимание того, что Субъект не совпадает с нашим эмпирическим «Я». Последнее является орудием и инструментом для реализации Божественной воли, провиденциального замысла этого Субъекта.

Культ Объекта

Главное здесь — методология, и методология очень практическая. Возьмем пример. Все интересующиеся вопросом знают о кризисе современной физической науки. Кризис этот вчерне состоит в том, что существует проблема несовместимости законов микромира и макромира. Один исследован Планком, другой Эйнштейном. Оказывается, что они выработали настолько принципиально разные подходы, что их системами нельзя описать оба мира сразу. И вот уже пятьдесят лет физики и научные философы пытаются создать единую теорию, систему описания, которая свела бы на общей площадке два этих мира. Ученым, как и всем современным людям, воспитанным в платоновско-гегелевской системе, не дает покоя идея монизма, то есть идея обязательного, объективного единства внешнего мира. Она сидит в физиках, в журналистах, в подсознании религиозных деятелей. Монизм — это вещь, выращенная язычеством. Язычник — это естественный монист.

Проблема в том, что монизм отдает пальму первенства Объекту. То есть монизм — это Объект, говорящий через человека. Это огромный торжествующий Объект, который берет человека как некоторую дуду, через которую он дудит. И один из потрясающих примеров интеллектуального вырождения объективизма является пример марксиста Альтюссера. Этот известный философ, член французской Компартии, начинавший как католик, прожил долгую жизнь с 18-го по 90-й год. Он был абсолютным сталинистом, он был марксистом по сталинским образцам. И он пришел к выводу, что никакого Субъекта нет. Что такое история, по Альтюссеру? Это Объект, который осуществляет себя через собственное движение и через ряд манипуляций, в которых человек является снимаемым, переходным моментом. Представим себе замаятинское «Мы» и изобразим это в терминах марксистской диалектики. Это будет Альтюссер. То есть меня, по большому счету, — нет. И вас тоже — нет.

Это один из примеров того, к чему идет в XX веке культ священного Объекта, культ феноменологии, культ наличного бытия, который присутствует в подсознании практически у всех нас. Но теперь, наконец-то, встает вопрос о том, что на интеллектуальном уровне ему можно бросить вызов. Я всегда удивлялся тому, что для мыслителей,

ученых так остро необходимо доказать единство внешнего мира и подчиненность общим законам, общему коду... Эйнштейн умер в поисках единого поля, к которому можно свести все остальные энергетические поля. В то время как очевидно, что точка единства находится в смотрящем, а не во внешнем мире.

Я представляю ситуацию, когда приехавший в чужой город человек хочет посмотреть очень многое за очень короткое время. Вот он идет во МХАТ, затем в Малый театр, потом в Большой, затем на Красную площадь, где тоже разыгрывается некое действо. И все эти действия разные, они происходят по разным законам. Они друг о друге не знают. В МХАТе играют «Вишневый сад», в Малом — «Не в свои сани не садись», в Большом идет балет, а на Красной площади идет развод караула на посту № 1. Все это разные пафосы, разные смыслы. Но зритель — один. И он является той единственной точкой сборки, которая проходит через разные ситуации. Он и в микромире, он и в макромире, он и в социальной истории, он и в экономическом процессе. Он является одним и тем же свидетелем, по отношению к которому разворачивается несколько параллельных, не связанных друг с другом сцен.

В этом новом мировоззрении точкой единства реальности является Субъект, его оппозиция объектному бытию, миру феноменов — как грубым, вещественного порядка, так и более тонким, невидимым, но предъявленным вещам. Это оппозиция всему тому, что попадает в зеркало свидетельства. Это совершенно антигуманистическая теология, она принципиально отвергает человека как цель в себе и рассматривает его как инструмент служения.

Божественное вмешательство

И здесь встает интересный вопрос. В политическом смысле, каким образом эта методология может быть базой реального мировоззрения свободы и реального состояния свободы? С моей точки зрения, будущая история будет проходить как борьба между истеблишментом и пассионариями.

Истеблишмент претендует на легитимность и опирается, скажем, на модель, описанную Антонио Негри в его книге «Империя». Это

сверхбюрократическое образование, которое, с одной стороны, имеет имперскую «клубную» вертикаль, а с другой стороны, имеет сетевое распространение через транснациональные корпорации, через наемные военные кампании с полицейскими отрядами подавления, через информационные сети, сосредоточенные в мегаполисах и очень жестко контролируемые.

Такому имперскому истеблишменту, онтологически зацикленному на культе Объекта, на системности, на отсутствии вызова, на виртуальном росте, в котором даже нет кризисов, болезней роста, противостоят пассионарии. Пассионарии на теологической основе (потому что либеральная теория марксизма в качестве теологии протеста давно обанкротилась), подобно анабаптистам в конце Средневековья, бросают вызов этой системе абсолютной тирании.

Естественно, на этом уровне реализации общественных законов пассионарии не имеют шансов свергнуть тирана и заменить его власть на свою. Это было бы ошибкой, потому что это было бы не свержение империи, а попытка реформаторски создать «хорошую империю», приход «людей со сторонь», которые вынуждены были бы играть по правилам, против которых они боролись. В лучшем случае получится, как в России, когда во имя свержения государства Ленин рушит царскую империю, а потом оказывается, что с государством еще рано кончать, и через несколько шагов все возвращается на круги своя. Нельзя вливать новое вино в старые мехи.

Поэтому оптимальным вариантом является борьба Света и Тьмы, при которой на большей части Земли возникают зоны ослабленной диктатуры — где-то это ослабление доходит практически до состояния свободы, а где-то это не яркий ослепительный свет, а только сумерки. Человечество через выдвинутых в авангард пассионариев, подобных ФАРКу, ХАМАСу, «Хизбулле», маоистам Непала и т. д., создает зоны, где присутствие коллективного фараона ослаблено, где чувствуется реальное дыхание человеческого фактора, дыхание истории. И если на каком-то уровне критическая масса этой пассионарности будет достигнута таким образом, что это будет признано Провиденциальной Мыслью, то я абсолютно убежден, что это приведет к непосредственному Божественному вмешательству в ход истории и ее завершению.

Это будет завершение истории не по традиционалистскому сценарию человеческих циклов, которые сменяются и повторяются друг за другом. Циклы эти сменялись, потому что ни один из них не достигал своей цели, не выходил на финишную прямую. Поэтому они просто стирались как неудачная попытка, и эта попытка возобновлялась снова — с новым материалом, оставшимся от предыдущего. Цикл за циклом — до тех пор, пока не появится истинная цель Скульптора, лепящего свое творение из одной и той же глины, пока Он не попадет на ту неповторимую черту, которая будет схватывать Его замысел. Это и будет Его непосредственное вмешательство в мир, это и будет остановка Его усилий, остановка циклов.

Специфика здесь в том, что, согласно всем авраамическим религиям, глина соучаствует в замысле Скульптора. Последний оживляет глину частицей своего Духа и поручает ей быть своим заместителем. Но глина раз за разом не может сделать то, что поручено ей. А не может она потому, что единственное, что отличает ее от обычной глины, — это частица Духа Божьего. Эта частица так мала, а глины так много и она так тяжела, что чудо победы малого над великим раз за разом откладывается. Но именно в этом пафос истории, что малое должно победить великое, слабое должно победить сильное. Слабое в количественном смысле должно победить то, что «сильно» своей инерцией и своей грандиозностью. Глина на самом деле слаба, но ее очень много. И глина эта — весь социум, вся человеческая наработка, весь человеческий пафос любования собой. Этой глине противостоят огненные сердца Гуса, Мюнцера, катаров, бросавших вызов этой системе.

Пафос проповеди пророков заключается именно в прекращении истории и во вторжении Божественного фактора. Ведь человек самостоятельно, вне общества, вытягивающего из него все жизненные соки ради борьбы с энтропийным Хаосом, не может этого сделать. Но человек может создать ситуацию, «вымогающую» Бога на вмешательство. Это и есть приход Махди и «второе пришествие» Иисуса — то, во что верят мусульмане и христиане.

«ЗАВТРА». №27(761). 18.06.2008

Беседа с главным редактором газеты АЛЕКСАНДРОМ ПРОХАНОВЫМ

Кризис реальности

Апокалипсис завтра! Контурь войны, революции и мира

1

Нынешний кризис — лишь мелкая судорога, пробегающая по шкуре издыхающего, агонизирующего зверя. Этим зверем является мировая цивилизация. Она состоит отнюдь не только из общечеловеческого либерального формата, укоренившегося в пропитанных спекуляцией и фальшью мегаполисах Запада. Глобализм — это химера, которая, подобно легендарному мифологическому чудовищу, совмещает крылья орла, лапы льва, человеческую голову и хвост змеи. То есть, помимо западного мегаполиса, частью современного глобализма оказываются также и джунгли Африки, трущобы индустриального Тайбея, горы Тибета, пустыни, в которых возвышаются, как и тысячи лет назад, шатры бедуинов. Это все глобальная структура, связанная бесчисленным множеством капиллярных сосудов, — от тех же шатров к небоскрегам Манхэттена!

2

Современное устройство производительных сил требует поляризации этого сложного мира на ту часть, в которой только потребляют, и ту, в которой только производят. При этом в потребляющем сегменте мира практически исчезает или перерождается понятие «заработной платы». От безработных до топ-менеджеров люди там получают доход. Этим доходом является попросту выдаваемый ростовщиками кредит на вольготную жизнь.

Между двумя этими полюсами располагаются «серые» зоны: там, где производят сырье, там, где ничего не производят. А есть зоны,

в которых «производят» чистую политику. Например, студенческие общежития больших университетов в городах Третьего мира. Или джунгли Колумбии.

3

Мировое правительство сегодня стоит перед дилеммой. Такая предельная поляризация на тех, кто только ест, и тех, кто только работает, воспроизводит при всей кажущейся супер-современности крайне архаическую модель общества. Россия прошла такую ситуацию в эпоху гоголевских мертвых душ. За фасадом блистающих неонов прочерченных параллелепипедами офисных зданий центров мира просвечивает обрюзгшая фигура Обломова в колпаке с кисточкой или мрачная рожа Собакевича, самозабвенно пожирающего осетра. За толпами дисциплинированно тянущихся в офисы и сверкающие антисептической белизной цеха южнокорейских или тайваньских трудящихся маячит фигура бесправного крепостного, отбывающего проклятую барщину. В современном мире накапливается конфликт, восходящий ко времени основания фараоновских пирамид.

4

До тех пор, пока существуют такие социально-экономические «ножницы», которые время от времени смыкаются, перерезая жирную глотку фондовых спекулянтов, мировое правительство не может перейти к следующему цивилизационному формату, который предполагает новый порядок технологических возможностей — неограниченные энергетические ресурсы в любой желаемой точке земной поверхности, неограниченные возможности трансформации вещества, неограниченные возможности манипуляции информационным потоком, неограниченные возможности одновременной связи между сколь угодно большим числом абонентов и т. п. Такой технологический уровень предполагает гарантированную независимость от любых кризисов и потрясений, ликвидацию на корню самой возможности бросить вызов Системе.

Упомянутая дилемма сводится к выбору между тотальной мобилизацией человеческого фактора, еще остающегося вне западного мега-

полиса (а это большинство ныне живущих на планете людей!), или же не менее тотальный вывод этого человеческого фактора за рамки истории — в мировую провинцию, в пустыню, в супер-гетто, где, по замыслу мирового правительства, подавляющее большинство людей с неизбежностью будут утратить человеческий облик.

5

Есть свидетельство того, что мировое правительство как бы опробовало и примерило оба этих подхода.

Мобилизация человеческого фактора в Третьем мире имела место в Юго-Восточной Азии — появление так называемых «тигров», пресловутое экономическое чудо Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, бывшего Гонконга... Этим экономическим чудом «заведовала» Япония, которой в редуцированной и пародийной форме доверили в 1960-е годы исполнение ее довоенной мечты — собрать под собой всю Южную Азию, «восемь углов под одной крышей». (Побежденная в 1945 году Япония, тем не менее, осталась частью большого Запада, в который ее «за ручку» ввел после революции Мейдзи британский империализм, покровительствующий Микадо.)

К «тиграм» юго-восточной Азии в 1980-е годы присоединился неокommунистический Китай. Он-то и стал на сегодняшний день главным полигоном глобализма по мобилизации незападного человеческого фактора в формат постсовременности. Нынешний Китай реально превратился в полюс производства продуктов мегаполисного потребления. Однако уже сейчас понятно, что развитие такой модели дальше и ее перенос на остальную часть Третьего мира чреваты больше опасностями и издержками, чем положительными сторонами.

Китай сидит на разогревающемся вулкане социального бунта. Активизация масс пока сдерживается опытной бюрократией КПК. Именно поэтому Запад пошел на сохранение коммунистической номенклатуры в Китае после краха соцлагеря. (Другой причиной, по которой мировое правительство избрало Юго-Восточную Азию как полигон для модернизации, было отсутствие в этом регионе мира значимого исламского фактора).

В других промышленно развитых «тиграх» отсутствие коммунистической бюрократии компенсируется диктатурами промышленного капитала, едва прикрытыми фиговым листком «азиатских демократий».

Однако понятно, что опыт Китая и Южной Кореи невозможно распространить на весь Третий мир без риска всеобщего социально-политического взрыва.

6

Опыт выбрасывания человечества в супер-гетто мировое правительство приобрело в сегодняшней черной Африке. После краткого периода мобилизационного оживления в 1960-е годы, когда под влиянием СССР значительная часть континента вступала в эпоху антиколониальных преобразований, эта часть человечества оказалась практически выброшенной за рамки истории. Окончательно поставить точку в ее судьбе мешает, прежде всего, присутствие исламского фактора, который активно борется на африканском континенте против трайбализма, архаики и внутреннего геноцида.

Тем не менее, опыт маргинализации целого континента «пришелся по душе» мировому правительству в качестве приемлемого образца нейтрализации незападного человечества.

7

Самым опасным для мирового правительства сейчас является вызов политического Ислама. Эта теолого-политическая система жестко отрицает весь порядок западных идеологических ценностей как в формате традиционной метафизики, основанной на пантеизме и доминировании в духовной сфере клерикальной касты, так и в формате светского либерализма и атеизма, в рамках которых человек является самодостаточной высшей ценностью, не имея при этом никакой другой цели кроме собственного благополучия.

Политический Ислам отрицает спекулятивную экономику, социальную несправедливость, узурпацию знаний в руках класса избранных правителей, то есть все то, что составляет главные механизмы западной Системы.

Система в ответ разрабатывает план нейтрализации политического Ислама, который уже сегодня становится идеологической надеждой немусульманских масс Третьего мира и многих интеллектуалов самого Запада.

Эта нейтрализация должна осуществиться через проект «Халифата». Западные геополитики обращаются к опыту, прежде всего, последнего Халифата — Османской империи, который позволил нейтрализовать Ислам как дестабилизирующую мировой порядок силу и сделать из Халифата фактически партнера Запада по контролю над мировой исламской общиной.

8

Вывод четырех пятых человечества за рамки истории, создание супер-гетто по образцу сегодняшней центральной Африки, к которой присоединятся Южная Америка и Азия, приведет к тому, что у Запада будет перекрыт очень важный источник экономического благополучия. Процветание Запада зиждется на отчуждении человеческого ресурса у незападной части мира, что возможно постольку, поскольку существует глобальная экономическая система.

Ликвидация политических амбиций Третьего мира, отказ от мобилизационных социальных технологий в его отношении приведут неизбежно к обвалу экономического благополучия большей части населения на самом Западе. Миф о золотом миллиарде будет развеян с того момента, как основная масса людей будет заключена в планетарное супер-гетто. В этом случае большая часть золотого миллиарда окажется оловянной.

Именно после этого возникнут условия для новой революционизации западных масс, угроза чего была успешно преодолена мировым правительством в итоге Второй Мировой войны и «железного занавеса». Впервые после разрушения социализма на Западе возникнут предпосылки массового социального бунта именно в тот момент, когда мировое правительство, казалось бы, решит проблему «бескризисной истории».

Нестабильность на этом пути обострится еще и тем, что разделение мировой цивилизации на мегаполис и супер-гетто потребует упразднения США в качестве мирового лидера и одновременно мирового жандарма. США играют эту роль именно потому, что выступают в качестве некоего центра, апеллирующего ко всему человечеству, параллельно демонстрируя критическое оппонирование «старому Западу». После того, как большая часть мира утратит, по замыслу мирового правительства, исторический и политический смысл, Соединенные Штаты будут демонтированы как отдельный проект, а их военно-технологический ресурс взят под непосредственный контроль Системы.

Однако важнее ухода США с исторической сцены в качестве лидера будет упразднение их функции в роли жандарма. С того момента, как американский империализм перестанет идеологически экспортировать свою демократию на штыках морской пехоты, произойдет новая волна активизации колоссальных протестных сил. Именно в этот период возможно начало мировой гражданской войны между организационно-политическими ресурсами Системы и наиболее активной частью человечества, оказывающегося перед угрозой выпасть из истории. Надежда на победу в этой войне коренится в союзе незападного человечества с вновь радикализирующимися массами западного мегаполиса — наиболее проигравшей частью бывшего золотого миллиарда.

10

Вся эта перспектива сочетается с общим крахом либерализма. Речь идет не о тех или иных частных направлениях либерального сознания: крайне правой его версии в виде нацизма или крайне левой в виде марксизма-ленинизма.

Крах переживает весь либеральный клуб как сообщество тех социальных сил, которые стоят на трех китах Нового времени: человек является самодостаточной реальностью, кроме которой ничего нет; он сам порождает и развивает собственный разум, который делает его центром Вселенной; единственной главной целью этого разумного самодостаточного человека является его благополучие и довольство, в преследовании которых не существует никаких ограничений.

Конец либерализма как ведущей силы Нового времени ведет к тому, что друг против друга выстраиваются два фундаментальных полюса человечества: традиционная верхушка, корнями восходящая к самодержавию фараонов, и радикальный низ, главным аргументом которого всегда была теология единого Бога.

Иными словами, в постлиберальную эпоху борьбу между собой поведут два извечных типа человеческого сознания: традиционалисты, ориентирующиеся на собственное увековечивание, и радикалы, ориентирующиеся на конец истории и Царство будущего века. Сила против Справедливости!

Эта поляризация есть эсхатологический взрыв единства человеческого рода, ибо в мировой гражданской войне вопрос будет поставлен неизмеримо более жестко, чем в эпоху классовой борьбы, диктатуры пролетариата или даже расистских концепций арийского сверхчеловека — все эти предыдущие противостояния исходили из либеральной идеи конкуренции внутри Homo Sapiens.

Завтра вопрос будет поставлен так: те, кто выигрывают, и будут собственно людьми грядущей реальности; те, кто проигрывают, выпадают из сферы глобального смысла, а стало быть, больше людьми не будут. Сознание завтрашнего дня, обладание им — такова ставка мировой гражданской войны, первое залпы которой уже прозвучали.

1. Общество

*Кризис общества определяется тем, что подавляющее большинство его членов стремится к благополучию, в то время как подлинная цель общества заключается со-
всем в другом*

Люди привыкли к тому, что общество является мерилom всего — жизненного смысла, благополучия, успеха... Никто никогда не мыслит себя вне общества; точнее, те, кто на это посягают, рассматриваются как изгои.

Уже Аристотель утверждал: «Человек — это общественное животное». Через две с лишним тысячи лет Ленин добавил: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». Двух этих примеров достаточно, чтобы показать, что никто и никогда не брал сам принцип общества под сомнение!

Так уж ли никто? Христос брал! Ибо союз его учеников есть не что иное, как прямая альтернатива обществу, существовавшему в тот момент — братство взыскующих смысл.

Именно с непониманием природы общества — непониманием, которое закладывается в каждого из нас с рождения, — связаны иллюзии самых разных людей, от консерваторов до революционеров, о том, что общество может быть «хорошим» или «плохим», что общество можно «исправить», что «плохое» общество ответственно за появление «плохих» людей и т. д.

Для людей общество де-факто стало богом или его эффективным заменителем, на которого они молятся, от которого ждут решения всех вопросов бытия. Но как жестокий идол, равнодушный к крови, которая проливается по его подножию, общество игнорирует чаяния тех, кто его «составляет»; оно существует для иных целей.

В отличие от животного, человек, брошенный в природную реальность, не проживет и дня или будет влачить самое жалкое существование, которому не позавидует и окрестное звери. Вокруг него свирепствует ледяной хаос, движение от раскаленной плазмы в начале творения к абсолютному нулю в его конце. Животные выживают за счет встроенности в экологическую нишу. У человека таковой нет. Он стоит посреди продуваемой ветрами земли, на юру.

Общество есть отчужденный от человеческой души механизм, который перекачивает соки жизненной энергии каждого из нас, превращая их в плату за жизнь, плату беспощадному бытию.

Человеческое время есть в фундаментальном смысле плата за Бытие. Общество обречено взимать с коллективного человека эту плату во все возрастающем количестве, стало быть, обречено любыми способами повышать стоимость единицы индивидуального времени. Поэтому в течение всей истории общество заставляет людей во все большей степени жертвовать ему своей человеческой

породой, мобилизовываться во имя призрака защищенности и комфорта.

Сегодняшний кризис — лишь эпизод во всеохватном кризисе, рожденном неснимаемым противоречием между личными целями человека и совершенно безразличной к этим целям сущностью общественного механизма.

1.1. Власть

Кризис власти в том, что она реализует себя через насилие, провокацию и ложь, не подкрепленную никакой фундаментальной мотивацией, выходящей за рамки материальных интересов самой власти.

Власть для людей всегда была сочетанием тайны, опасности и отцовского покровительства. В разное время преобладал тот или иной из этих трех компонентов.

Приход тирана акцентировал исходящую сверху угрозу; мощь и великолепие империи будило в людях чувство непостижимости, присущее основам власти. И вместе с тем, сквозь все эти моменты проходила надежда на то, что власть блага и милосердна и не желает зла «малым сим».

В древние эпохи божественное и властное вообще не различались. Проблемы стали возникать, когда для противостояния внешней среде, для компенсации существования голой души в открытом космосе общество стало требовать с каждого отдельного человека все больше и больше.

На определенном этапе у многих, выгнанных с насиженных мест в бесчеловечные города, стал возникать вопрос: «Насколько силу, которая принуждает их отказываться от своей привычной человеческой природы, можно воспринимать как добрый родительский авторитет?»

Люди стали бросать вызов тому, что сегодня именуется «административным ресурсом» — поднимать бунты, которые топились в крови.

Власть ответила на социальную нестабильность снизу размежеванием «божественного» и «мирского»: она освободила себе руки для потенциально безграничной агрессии против социального низа.

Тысячелетиями люди путали две принципиально разных вещи: отношения между рабом и господином с одной стороны, отношения между властью и управляемыми — с другой.

Раб и господин — оба принадлежат к человеческому пространству.

Власть — это нечеловеческий фактор. Она есть орган общества, гарантирующий, что жизненные соки людей будут отчуждаться в качестве платы за бытие во все возрастающем масштабе.

В некотором смысле власть — это раскрытие подлинной природы общества, его античеловеческой механистической сущности. Тайна власти существует в той мере и до тех пор, пока природа общества не осознается людьми, пока у них есть наивная иллюзия, что общество — это они сами.

Кризис власти заключается в том, что с определенного уровня мобилизации общества она не может выступать перед управляемыми в своей истинной природе.

На каком-то этапе власти приходится создавать видимость самоуправления, которое превращается в атрибут мобилизационных политехнологий.

Иными словами, власть вынуждена идти на создание у людей заведомо ложного представления о механизмах своего функционирования, то есть, идти на заведомую фальсификацию массового сознания.

Последняя фаза кризиса наступает тогда, когда уже не люди «внизу», а сами носители власти сверху возвращаются к старому заблуждению относительно межчеловеческих отношений рабов и господ: они всерьез начинают принимать себя за господ, оставаясь на самом деле всего лишь исполнителями в работе античеловеческого механизма общества.

1.2. Цивилизация

Кризис цивилизации в том, что внутри нее с определенного момента растет количество внутренних «варваров» — тех, кто не принимает устоев этой цивилизации и ищет союзников вне нее.

Человек никогда не заблуждался бы относительно «благой» природы общества, если бы после своего рождения сталкивался с ним в какой-

то абстрактной форме. Но дело в том, что для конкретных людей общество всегда выступает в совершенно конкретном виде: как цивилизация, говорящая на определенном языке, имеющая определенные символы, вызывающая к определенным ценностям.

Конкретизация общества в виде определенной цивилизации, выполняет задачу огромной важности: она дает брошенному в мир человеку самоидентификацию.

С другой стороны, цивилизация связывает с этой самоидентификацией вещи универсальные, вселенские.

Таким образом, не человек смотрит на космос, а эллин — на греческую вселенную, русский — на православное мироздание, китаец — на бытие, разделенное между землей и небом, в котором он образует соединительную ось.

Именно совпадение универсального с конкретной идентификацией самого себя заставляет человека принимать свое общество как само собой разумеющееся.

Но кости в могиле цивилизационной идентификации не имеют. Умерев, человек перестает быть греком, русским, китайцем и становится человеком вообще. Т. е. тем, кем он родился.

Природа человека вообще приходит в противоречие с символизмом и спецификой любой цивилизации, которая программирует и обращает в духовный плен свое человеческое стадо. Вот почему любая цивилизация не любит «человека вообще», считает его варваром, изгоняет его признаки отовсюду. «Человек вообще» контрабандой проникает на задворки цивилизаций в зонах их столкновения и смешения, где обнаруживается относительность каждой отдельно взятой цивилизационной программы.

Внутри цивилизации постоянно тлеет бунт тех, чья врожденная интуиция смертного человека не дает поверить до конца в категорические догмы цивилизационного сознания.

Тогда цивилизация идет на подлог. Она объявляет себя либеральной и общечеловеческой. Она выкидывает пинком любые конкретные символы и говорит новорожденным: «Видите, теперь я совпадаю с вашей вечной и неизменной сутью просто людей. Мои ценности — общечеловеческие: есть, любить, веселиться...»

Здесь начинается последний акт цивилизационного кризиса, ибо врожденная совесть смертного не позволяет принять и эту — самую чудовищную из всех когда-либо существовавших! — ложь.

«Общечеловеческая цивилизация» противостоит истинно человеческому безусловнее, чем цивилизация Вавилона, Египта или Майя.

И тогда общечеловеческая цивилизация переходит в определении тех, кто с ней не согласился, от термина «варвары» к термину «радикалы»...

1.3. Иерархия. Сакральный авторитет

Кризис иерархии в том, что она мотивирует себя технологическими основаниями, одновременно упраздняя или скрывая изначальный религиозный смысл.

Почему одни люди поставлены по своему положению выше других? Почему существует не только имущественное и социальное, но и сущностное, душевное неравенство индивидуумов? Значит ли, что те, кто имеют право определять мою судьбу, лучше меня? И если да, то по какому критерию определяется это «лучше»?

Эти вопросы мучили людей всегда. И самые разные мыслители — от Платона до Гете и Лессинга — пытались дать ответ.

Иерархия существовавшего общества всегда являлась производным от иерархии человеческих целей. В традиционном мире разные цели, стоящие перед человеком в жизни, не равны друг другу. Одно дело — постигать и хранить «высший Закон», благодаря соблюдению которого сохраняется равновесие всех вещей и тенденций, совсем другое дело, например, торговать или мастерить нечто для житейской потребности. Постигание закона — дело высшей касты — жрецов, которые и «слеплены» из особой глины. Как гласит традиционная мудрость, жрецы сделаны из головы «великого существа».

Воинская каста реализует в качестве своей высшей цели страсть, которая своим низшим выражением имеет насилие и разрушение, а высшим — любовь, она же самопожертвование.

Третье сословие — купцы, ремесленники — занимаются «обменом вещев», их дело — производство и распространение материальных благ.

Очевидное неравенство этих принципиальных жизненных целей оправдывало превосходство или подчиненность тех, кто эти цели преследовал. Касты и корпорации формировались по строгим критериям соответствия этим целям. Человек с преступными наклонностями не мог быть членом касты жрецов, а человек, не способный на самопожертвование или хотя бы воинскую отвагу, не мог входить в касту пассионариев.

Современное общество отличается тем, что, во-первых, все цели в нем даны не в своем полноценном природном виде, но как бледные подражания или пародийные имитации того, чем они являлись в прошлом.

Закон сегодня стал продуктом парламентского законотворчества, которое мотивируется закулисным согласованием корыстных интересов элитных группировок.

Любовь дегенерировала до деятельности гуманитарных фондов и благотворительных организаций, отвага укрывалась за технологическим превосходством огневой мощи, способной за сутки разнести в щепенку крупный жилой массив.

А «обмен веществ» с материальной средой полностью покорился азартным играм «воздушной» экономики, которые ведутся на фондовых рынках.

Единственным сохранившимся сословием остались жрецы, ценой того, что вывели себя через ряд социальных потрясений за рамки общества. Они превратились в полумифических «олимпийцев», которые существуют как бы «среди людей, но не с людьми». Они отдали профанированный закон на откуп светским либеральным учреждениям, а сами, с точки зрения общества, воплощают ставшие совершенно абстрактными «вечные ценности»

Значит ли это, что с исчезновением религиозной иерархии в обществе наступило равенство? Нет! Современное общество иерархизировано до предела, но критерием превосходства одних над другими сегодня является уровень причастности к власти, лишившейся всякой претензии на высшее духовное оправдание.

1.4. Государство

Кризис государства в том, что оно не добавляет стоимость ни к чему, произведенному под его контролем, но, наоборот, увеличивает себестоимость любого продукта.

Одна из наиболее темных и запутанных категорий современной политологии — это государство. Такое положение существует, потому что нынешнее государство фактически отождествило себя с властью. Так было не всегда.

Фараон, кесарь и иные тираны, представлявшие на земле «Великое существо», никогда не были государством. Когда Людовик–XIV — «Король Солнце» — опрометчиво заявил: «Государство — это я», — он не имел в виду, как полагают наши наивные современники, узурпировать prerogatives неподобной безличной структуры и повысить тем самым свой королевский статус. Наоборот. Бедный король пытался продекларировать свою демократичность и сказать, что между ним и его народом, Францией, нет никаких преград.

Изначальная суть государства заключалась в том, что оно стояло преградой между нечеловеческим фактором власти и сугубо человеческим фактором управляемых. Государство выросло из сословия вольноотпущенников, прикормленных люмпенов и бедных родственников, которые образовывали паразитическую свиту больших людей. Их задача состояла в том, чтобы отсекал просителей.

В обществе, где иерархия носила еще естественный характер, любые проекты осуществлялись и любые приказы исполнялись путем прямой передачи сверху вниз. Только подумать, что было бы с такими величайшими деяниями истории, как, например, походы Александра Македонского или освоение обоих американских континентов, если бы их организовывало государство.

Государство существует исключительно как механизм, разрывающий обратную связь «управляемых» с «управляющими». Оно есть аппарат, функция которого — пресекать «доступ к телу». С самого начала государство возникает как паразитический нарост на любых проектах.

Иерархически организованное общество в действительности не нуждается в государстве. В нем функции приказа, вооруженного подавления, суда и исполнения сохраняют общественный характер.

В нынешней ситуации нечеловеческий фактор власти сращивается с государством как паразитирующей структурой. При этом природа государства остается антиконструктивной.

Вследствие этого государство входит в противоречие не только с низами, связь которых с верхом оно пресекает, но и с верхами, инструментом которых оно якобы является.

Конфликт государства с верхом является одним из главных источников политических потрясений, поскольку в определенный момент становится очевидным, что государство превращается в своеобразный антиэкономический институт. Если цель любого экономического института — производство новой стоимости, то единственной истинной функцией государства становится добавление новых затрат.

1.5. Нация

Кризис нации в том, что она как сообщество строится на основаниях, остающихся внешними для подлинной сути людей.

В прошлом цивилизация, формируя людей, не нуждалась в опоре на идею «нации». Более того, цивилизация разрушала и отрицала всякую архаичную самобытность.

Символизм, пронизывавший мировоззрение традиционного человека, отбрасывал этническую принадлежность на самую далекую периферию сознания.

Приход «общечеловеческой» вселенской цивилизации все изменил. Вертикальные символы, отсылающие человека от Земли к Небу, были разрушены. При этом с новой силой встал вопрос о конкретной самоидентификации каждого: «Кто ты и частью чего ты являешься пред лицом бескрайнего мира?»

«Общечеловеческая» цивилизация заменила вертикальную систему символов на горизонтальную. Точнее, речь уже не идет о символах, поскольку никаких аналогий с высшей реальностью они в себе не содержат.

Современная нация — не этническое явление. Это искусственное объединение людей, которое строится государством, вкладывающим в это строительство и в поддержание национального сознания огромные ресурсы. Мы стали свидетелями того, как разыгрывается фарс якобы драматического напряжения между двумя «полюсами»: с одной стороны ложная общность, основанная на сконструированных мифах и краденных или выдуманных эмблемах, с другой — «универсальное», которое апеллирует к наиболее банальному и низменному в человеческой природе. Между приверженностью к собственной нации и лояльностью ко всемирному «граду не-Божьему» мечется обыватель.

И нация, и цивилизация представляют собой антидуховные силы. Внешние по отношению к врожденной совести смертного человека. Они не входят в его подкорку, не являются частью его сокровенного нутра.

Нация и цивилизация с двух противоположных сторон штампуют явившегося в мир человека, как «чистую доску».

Разница в том, что нация собирает людей, взывая к прошлому, к травматическому событию, из которого якобы растет их нынешняя общность. Так, французская нация вырастает из травмы революции 1789 года, американская — из войны колоний за независимость, скорректированной позднее посредством дополнительной травмы Гражданской войны, британская нация поднимается из войны между королем и парламентом и так далее.

Проблема этого ложного сознания в том, что оно неизбежно должно быть привязано к такой системообразующей травме в прошлом, которая, во-первых, постоянно размывается в восприятии сменяющихся поколений и нуждается в затратных усилиях по его поддержанию, а во-вторых, вступает в противоречие с новыми мобилизационными техниками глобальной цивилизации.

Цивилизация же претендует на открытие перспективы в будущее. И очевидно, что при лживости обеих претензий, та, что манит обещанием, тактически оказывается сильнее, чем та, которая опирается на мифологизированный вчерашний день.

1.6. Военное дело

Кризис вооруженной силы в том, что насилие является технологической операцией, не соответствующей человеческой сущности тех, кто вынужден им заниматься.

Насилие и пролитие крови пронизывают всю человеческую историю. Человеческая история совершается через насилие духа над телом. Это религиозно признанный факт, подтвержденный всеми традициями.

Как деяние духа насилие всегда было достоянием людей духовных. На него имели право только адепты Любви, понятой как самопожертвование.

Насилие всегда являлось внешней негативной стороной страстной жертвенности.

Таким оно было как функция традиционной корпорации воинов, которая сосредоточила в своих руках всю сферу, относящуюся к казни, воздаянию и разрушению. Воины в традиционном обществе служили именно духу, понятому как неизменный закон.

После того, как Небо оторвалось очень далеко от «Земли», а святость радикально покинула властный институт, для верхушки общества каста пассионариев стала обузой.

Насилие для власти теперь не должно являться способом вершения истории. Оно превращается, прежде всего, в технику вымогательства дополнительных жизненных ресурсов из человеческого биоматериала.

Уже во время перехода от феодальных суверенитетов к бюрократическим абсолютистским монархиям стало ясно, что люди чести и шпаги не могут найти себе место при новом порядке.

Государству-монстру потребовалась сила принуждения, организованная как механизм, как нечто, отражающее нечеловеческую природу самой власти. Палочная дисциплина, марширующие каре и колонны, движение человеческих масс, уподобленное движению хорошо смазанных частей inferнального механизма, — вот что принесло новым колониальным империям военную победу над индивидуальной отвагой и боевыми искусствами воинов традиционных обществ.

Современная армия ничего общего не имеет с духом мужественной

героики и суровой жертвенности. (В той части, где эти моменты еще проявляются, армия не является современной.)

Это бюрократическая организация, мерилom которой стало отношение количества разрушений, которые она может причинить, к количеству денег, которые для этого разрушения надо истратить. Это технологический вопрос, решаемый технократами в погонах, максимально защищенными от ответного риска.

Однако фальсификация фундаментальных сторон человеческой жизни не может окончательно подменить собой подлинную реальность. Фальсифицированное насилие, осуществляемое люмпенами-наемниками, обламывает себе зубы, сталкиваясь со встречным насилием новых воинов, которые встают на пути вселенской лжи.

На наших глазах партизанские образования ЦАХАЛ, успешно воевавшие против профессиональной британской армии, превратились в хорошо отлаженный бюрократический агрегат истребления на службе сионистского государства. В тот момент, когда, казалось, ничто не могло встать на его пути, этот Голиаф был посрамлен самоотверженной борьбой Хизбуллы — вооруженной организацией народа.

2. Сознание

Кризис сознания — в его принципиальной вторичности к простому факту существования, в результате которого нужно вновь и вновь пересматривать его содержание.

«Бытие определяет сознание» — это знает каждый. Не только бывшие советские люди, но и весь западный мир стоит на том, что главное — это объективная реальность. Сознание — всего лишь верное зеркало, отражающее мир. К этому западное человечество приучено тремя веками просветительства и рационализма.

С другой стороны, само это представление существует в нашей голове. Там же в голове «живет» и пресловутая объективная реальность. Человек не может выскочить из сознания с такой же легкостью, с какой он выпрыгивает из своих штанов.

В результате люди сталкиваются с неразрешимым противоречием. Они заперты в сознании как в тюрьме, из которой нельзя убежать. Любой акт их деятельности — от открытия теоремы до полета на Марс — есть акт сознания. Вместе с тем, они предполагают, что это сознание (из которого невозможно выйти!) — это пассивное отображение «чего-то» настоящего, существующего вне них.

Для того чтобы выйти из этого противоречия, люди придумали «науку». Благодаря «науке» можно считать, что то, что находится в твоей голове, — это то, что есть «на самом деле». «Наука» представляет собой психологический прием, в результате которого можно ставить знак равенства между сознанием и действительностью.

Сознание, тем не менее, не может угнаться за действительностью. Чем бы эта действительность ни была «на самом деле», она заводит сознание все в новые и новые ловушки. Поэтому содержание нашей головы все время приходится приспосабливать к быстро меняющемуся бытию. Еще 200 лет назад огонь в камине пылал благодаря особой горючей субстанции, якобы содержащейся в материи, — флогистону. Затем, лет на сто эта идея стала курьезом из истории науки. Сегодня некоторые ученые опять поговаривают о флогистоне.

Человеческое сознание напоминает щенка, который пытается поймать самого себя за хвост. Люди постоянно преодолевают содержание собственного сознания, ссылаясь на столкновение со вновь открывшимся неизвестным.

Суть любого кризиса именно в этом: во внутреннем конфликте, который живет в человеческом сознании. Шагнув еще дальше, мы можем сказать, что кризис, идущий сквозь все эпохи и цивилизации, порождается тем, что сознание до сих пор не может сказать окончательного слова о своей истинной природе.

2.1. Традиция

Кризис традиции в том, что по видимости она осталась в прошлом, а по сути она правит миром. По видимости нынешний человек свободен от традиции, а по сути он ее полный раб, причем лишенный стремления к свободе.

Кризис традиции в том, что для своего сохранения и продолжения в человеческом обществе она вынуждена идти на отлучение от себя подавляющего числа обывателей, делая их профанами.

Современность противопоставляется традиции. В традиционном мире каждое движение человека, каждая вещь, которой он пользуется, имеет смысл, отсылающий к высшей реальности. То, что внизу, отражает то, что вверху.

Суть современности как раз в разрыве с таким пониманием жизни. Все рационально, каждый шаг человека предполагает получение результата в этой жизни. Достаточно сравнить между собой два таких взаимоисключающих подхода к эстетике, как религиозное искусство и техно-дизайн, чтобы понять пропасть, отделяющую нас от традиции.

А ведь есть еще и постсовременность. В ее перспективе распадается сама рациональность, обесмысливаются даже вполне ясные цели. Постсовременность обнаруживает нестыковки в тех целях, которые человечество ставило перед собой совсем недавно. Всеобщее счастье, машинная цивилизация, полное покорение природы и т. п. Оказалось, что достижение всех этих благ возможно только через решительное разрушение всего человеческого.

Постсовременный человек разочарован в смысле. Он погружен в хаотическое море информации, мозаика которой не собирается в картину. В итоге он намного более послушен, чем вчера и позавчера были его отцы и деды: они ведь преследовали какие-то цели, пусть ложные, и соизмеряли с этими целями свою жизнь.

Еще более послушен постсовременный человек в сравнении с людьми традиции. Тех обычно представляют существами, полностью определявшимися рутинной. Жесткие догмы, скудные и смешные представления о вселенной, закопченное низкое небо «Темных веков» — таково представление о них из современного учебника... Еще один лживый штамп!

Именно люди традиции создали ту большую вселенную, в которой постсовременный человек ощущает себя потерявшейся букашкой. Люди традиции не только принимали смыслы, спускаемые им «свер-

ху». Они и восставали против этих смыслов. Постсовременный человек боязливо моргает, когда его спрашивают о смысле.

Традиция сегодня живет в клубах элит. Там хозяева жизни имеют достаточно дерзости, чтобы ставить перед собой задачи, выходящие далеко за рамки массового кругозора. Они не верят в то, во что сами же заставляют верить людей с помощью СМИ.

Постсовременный человек, отлученный от традиции, стал как воск в руках власти, которая сохранила с традицией тайную связь. Он больше не способен бросить вызов каким бы то ни было догмам — потому что догм для него нет. Нельзя бросить вызов зыбкой неопределенности. Можно лишь положиться на решение чужой воли.

2.2. Философия

Кризис философии в том, что она не в силах преодолеть загнилотизированность идеей позитива в любой форме и начинает разрушаться в тот момент, когда ставит позитивное под сомнение.

Для обычного человека философия — это избыточная премудрость, не имеющая отношения к его нуждам. Он и не подозревает, что сам весь целиком — от подошв его китайских кроссовок до банки пива в руке — является побочным продуктом философии.

Если наука претендует на то, что решает «уравнения с двумя неизвестными» — сознанием и внешним миром, то философия организует, в том числе, и науку.

Философы выдвинулись как оппозиция религиозным мудрецам, претендовавшим на знание последних тайн. Философ стремится представить всеобщее в самом конкретном и непосредственном виде. Поэтому для него отправной точкой всегда является наличный предмет, который можно потрогать руками.

Даже для Платона, который считается самым духовным из когда-либо живших философов, это тоже так. Поэтому, главной идеей Платона было само Бытие, оно же — высшее Благо.

Философы всегда ориентируются на конкретный позитив. Мера этого позитива — человеческий опыт. Бытие как блаженство, ощущение райского сада — вот невысказанный критерий всякого философского рассуждения.

Поэтому между глубокими мистиками и поверхностными либералами разница не так уж фундаментальна. Философ не может себе представить иной точки отсчета, чем личное положительное переживание.

К сожалению, в конечном счете обнаруживается, что такой подход несовершенен. Сначала философия успешно критиковала религию, и одно время казалось, что совсем взяла над ней верх. Но в последнее время религия перешла в контрнаступление. Принцип положительного не достаточен в ответе на вопрос о смысле. Религия, занимаясь смыслом, так или иначе указывает на ограниченность самой идеи бытия. Ведь философы бессильны по-настоящему даже объяснить факт смерти, тем более преодолеть ее.

После того, как религиозные авторитеты удалились от обыденной жизни в заоблачные эмпирии, власть поручила философам организовывать сознание светского общества. Философы с этой задачей не справились, о чем свидетельствует кризис философии в виде постмодернизма. Последним словом современной философии становится Френсис Фукуяма, намекающий на то, что подавляющее большинство ныне живущих людей мешают правильной организации будущего общества. Хорошо бы их куда-то деть.

2.3. Наука

Кризис науки в том, что она как метод невозможна без культа объективного, что ведет ее к созданию все новых и новых мифов по поводу внешней реальности.

Многие люди, не исключая и нынешних ученых, думают, что наука — это синоним материализма. Дескать, научный метод основан на эксперименте и истолковании практических результатах оного.

Наука продвигается наощупь, малыми шажками, шаря в темноте растопыренными пальцами и отвоевывая у неизвестности крупицу за крупицей достоверного знания.

Такой подход живо напоминает о том, как пять слепых щупали слона. Один, ухвативший хобот, говорил, что слон — это гибкая упругая труба. Другой, обнявший ногу, уверял, что это мощная, уходящая ввысь колонна и т. д.

Конечно же, наука начинает с общего абстрактного представления о том, чем мир является (=должен быть). Потом она начинает это доказывать. Если не доказывается, наука нехотя и чуть-чуть подправляет первоначальную идею и снова доказывает.

Так, представление о вселенной, существующей миллиарды лет, возникло фактически в XIX веке и отнюдь не экспериментальным путем, потому что экспериментальным путем это доказать нельзя. Такое представление пришло в научный разум из плохо понятых индийских мифов, а дальше его начали доказывать с помощью радио-телескопов и синхротронов. Идея Дарвина о происхождении человека из обезьяны также происходит из шаманского мифа. Различные тотемные концепты происхождения человека от разных животных популярны у разных примитивных народов. Но Дарвин для обоснования этого шаманского мифа разработал целую теорию естественного отбора. Когда в XX веке в этой теории обнаружились дыры, на смену пришла теория скачкообразных мутаций и т. д.

Наука в современном смысле была создана талантливыми идеалистами-язычниками, вроде Коперника и Джордано Бруно, во имя политической борьбы с церковью. Сегодня она превратилась в самостоятельный мифологический институт — могучее средство для контроля массового сознания. Ведь обыватель верит, что окружающие его технологические «чудеса» созданы наукой. Ему и невдомек, что развитие технологий не только не опирается на научное мировоззрение, но часто осуществляется вопреки ему.

2.4. Идеология

Кризис идеологии — в ее полном отчуждении от духовных и экзистенциальных потребностей тех людей, к которым она апеллирует и которые должны быть ее носителями.

Впервые идеология в современном партийном значении слова появилась с Французской революцией 1789 г. Тогда французы разделились на «роялистов» (сторонников короля) и республиканцев. Республиканцы и монархисты были и раньше, в той же Англии времен Кромвеля или Древнем Риме. Но тогда это не было идеологией. Политические деления опирались на религиозный мотив.

В наше время идеология не нуждается в высшем оправдании, выходящем за рамки обыденной жизни. Предметом идеологии может быть спор по поводу ЖКХ или отношения к налогам. Сегодняшние левые доказывают свою левизну тем, что требуют взимать прогрессивный налог с богатых. Другие идеи им просто не нужны.

Идеологические программы партий фактически не различаются между собой. Различаться им не дает очень жесткая договоренность в современном обществе о том, что можно говорить и чего нельзя. 99 % тем, существующих в большой культуре, в наши дни невозможно ввести в политический оборот: это будет вызовов политкорректности!

Прошли те времена, когда говорилось о пролетарской идеологии или о буржуазной идеологии. В то время считалось, что идеология обращается к реальным группам людей, не похожим на другие, и выражает их особые интересы. Сегодня по умолчанию все идеологии обращаются к одинаковым людям и являются поводом для конкуренции партийных брендов. Электорат делится между партиями по тому же принципу, что и фанаты футбольных клубов. С таким же успехом можно говорить об идеологиях «Спартак» или «Челси».

Конечно, это не значит, что современное общество состоит из одинаковых бильярдных шаров с приблизительно намалеванными на них человеческими лицами. Как и в прошлом, разные и даже несовместимые группы людей противостоят друг другу. Если бы они смогли

высказываться от своего имени, у мира возникли бы разные версии возможного будущего. Альтернативные перспективы, связанные с этими человеческими типами.

Именно поэтому власть лишает носителей различия возможности говорить, затыкая им рот принятыми и одобренными идеологиями. Это форма психиатрической терапии, которая применяется властью к населению как к пациенту сумасшедшего дома.

2.5. Культура

Кризис культуры в том, что для своего функционирования она должна играть на понижение смысла тех символов, которые использует, переходя от пострелигиозного (общечеловеческого) к «попсе» и дальше вниз.

Главная проблема культуры та же, что и главная проблема денег — ее всегда мало, и она всегда находится в состоянии инфляции.

Что такое инфляция денег, понятно каждому. Это значит, что сегодня за рубль можно купить меньше, чем вчера. А вот что такое инфляция культуры?

Возьмем высокий пример такой инфляции. У нас есть знаменитая картина Да Винчи с одной стороны, и у нас есть книжка Дэна Брауна «Код Да Винчи» — с другой.

На одном конце колоссальный груз подразумеваний, бездна мастерства, в итоге которых возникает шедевр. Вокруг этого шедевра веками идут споры, рождаются домыслы...

На другом конце у нас есть попсовая поделка, которую читают в метро, чтобы убить время. Это «высокая» инфляция, потому что «низкая» — это улыбка Джоконды на пластиковой сумке из супермаркета.

Культура возникает из переосмысления религиозных символов в человеческом ключе. Богомаз пишет по заказу церкви Деву Марию, а в качестве модели берет простую девушку. Потом приходит критик и объясняет, что Дева Мария — это просто повод для того, чтобы возвеличить обыденную человеческую женственность. С этого начина-

ется. Кончается это массовой культурой, в которой завершается распад первоначальных символов.

С момента своего появления культура становится инструментом вытеснения обычных людей из сферы высших религиозных смыслов. Если религия для простого человека связана с этикой, с тем, что должно, культура концентрирует его внимание на эстетике, на том, что красиво. Это прием для того, чтобы заставить человека полюбить самого себя вместо того, чтобы любить Бога.

Культура освобождает от этики, потому что приучает к мысли, что «человек — широк». В человеке-де есть все. И, в конечном счете, ему все можно. А стало быть, если возможен в культуре Пласидо Доминго, то есть место и для Гарика Сукачева.

Культура изначально имитировала религию. Только она в качестве своего главного оправдания ввела в обиход идею «ценности». Торговое понятие, денежное, стало быть, еще раз сближающее культуру с низменной сферой финансов. И по мере того, как подвергается инфляции заложенное в культуру содержание, цены на культуру растут. Она все в возрастающей степени становится привлекательным инвестиционным направлением.

А массы лишаются последнего контакта с «высоким»...

2.6. Информация

Кризис информации в том, что знак (в отличие от символа) совершенно не связан с пониманием, и, таким образом, расширение информационного потока ведет к уменьшению общей суммы знаний.

Самое распространенное заблуждение (которого не избежал даже Сократ) — это то, что «знание» есть обязательно «знание истины», то есть знание того, что есть на самом деле. Сократ шокировал своих современников и заставил цитировать себя бесчисленными поколениями живших после него философов, заявив, что единственное, что он знает, это то, что он ничего не знает!

Однако это не так. Сократ именно знал массу вещей, что и позволило ему сделать хотя бы выше приведенное высказывание. Он знал, по крайней мере, что такое то самое знание, которое, как он считал, у него отсутствует. Иными словами, у него была некая картина мира, которую он понимал.

Вот это самое главное. Знание не есть точное отражение того, что «на самом деле». Реальность вне нас проблематична. Может быть, ее и вообще нет, как подозревал Кант. Зато то, что есть точно, — это знание. Что же это такое? По сути, это то же самое, о чем говорил Сократ, только немного иначе. Знание — это когда мы знаем, что мы знаем. Попросту, это понимание.

Понимание противоположно различению. Компьютер не понимает то, что он делает. В нем происходят операции различения, которые ничем не отличаются от химических или физических процессов. «Состояние» компьютера такое же, как состояние любого неживого предмета.

Понимание есть, прежде всего, соотношение с самим собой как понимающим. Человек, который узнает на фотографии знакомый пейзаж или сцену из собственной жизни, проходит две стадии в этом узнавании. Сначала он различает, то есть реагирует на сигнал, а затем понимает, на что он смотрит. Это понимание включает в себя обязательно присутствие самого себя в этом познавательном акте. Собственно говоря, такое понимание и есть подлинное знание. Все остальное может быть фальсифицировано.

Информация не имеет к этому состоянию понимания никакого отношения. Она сводится, в конечном счете, просто к различению сигналов. Буква «а» есть просто эта буква, никакая другая. Цветные мазки на картине не складываются вне понимания в осмысленное изображение, они так и остаются набором пятен. Программы для компьютеров пишутся, исходя из принципов именно такого различения, понимание к ним добавляет пользователь. Именно это делает идею искусственного интеллекта абсурдной. С какой бы скоростью ни проводил операции различения такой «интеллект», он все равно в действительности не будет отличаться от булжника. Только живой человек обладает пониманием, потому что он знает о своей отдельно-

сти от того, что он воспринимает. Проблема информации в том, что, вытесняя знание из духовной сферы, она убивает в человеке его специфический статус «знающего». Информационный поток сегодня сводит любое отдельное сообщение на уровень цветного пятна. И хаос не складывается в картину. Еще недавно любые сведения, воспринимавшиеся человеком, были частью его картины мира. Сегодня человек тонет в море информации, которая остается для него совершенно чуждой и, в конечном счете, лишенной всякого смысла.

2.7. Образование

Кризис образования в том, что его задача — сделать из людей функциональный элемент общества, украв у них шанс на реализацию своей подлинной натуры.

Когда мы разьясняем необходимость образования, то говорим обычно: «Без этого нельзя стать полноценным человеком». Образование, в нашем понимании, — это путь к раскрытию и реализации человеческого потенциала, к тому, чтобы из родившегося «чистой доской» новорожденного сделать не какого-нибудь Маугли, а полноценного представителя своей цивилизации.

Вот здесь-то и находится камень преткновения. Что воспроизводится с помощью образования — личность или система? Мы обычно считаем, что личность, которая может раскрыться только усвоив картину мира и набор профессиональных навыков, достигнутых нашим обществом. Но есть не менее обоснованная позиция системы, которая нуждается в своем воспроизводстве, формируя соответствующих членов общества из сырого человеческого материала.

То, что к действительности ближе вторая точка зрения, подтверждается постоянным бунтом каждого очередного юного поколения против тесных рамок той матрицы, в которые его загоняют. В человеке изначально есть нечто, сопротивляющееся видению мира, способу мышления, которые навязываются ему его средой с момента появления на свет. Конечно, сил на бунт хватает только в молодые годы, по-

ка еще не завершен процесс формирования и «замораживания» конечного продукта.

Система однако не желает мириться и с таким ограниченным возрастом и возможностями протестом. Поэтому современное образование представляет собой ловушку для тинейджеровского бунта.

Современное образование не дает более в авторитарном порядке жесткую картину мира, за ошибки в усвоении которой бьют линейкой по пальцам. Оно теперь предлагает на выбор несколько вариантов ответа, один из которых правильный. Усвоение картины мира идет в форме игры, в которой юное создание должно угадать правильный ответ, как выигрышный номер в лото. В таком формате преподавания картина мира исчезает, зато и протест против нее рассеивается — нет того, против чего можно возразить. Собственно говоря, не возникают при этом и профессиональные навыки: ведь если сведения об окружающем мире угадываются по типу игры в казино, то в итоге не может возникнуть знающий что бы то ни было человек.

Система добивается посредством такого образования специфического результата: с одной стороны, в жизнь вступают гиперконформисты, лишённые всякого стимула к самостоятельной позиции и воспринимающие все происходящее как вращение колеса фортуны — повезет/не повезет. Это новое поколение восприняло бы школьные учебники своих отцов и дедов как безумную конспирологию! С другой стороны, система получает в лице этих новых членов общества непрофессионалов. Они отлучены от всякой возможности производительного труда или организованного творчества. Единственная сфера, в которой они могут найти себе применение, — это потребление и основанные на нем хаотические социальные связи. Поскольку при таком подходе подавляющее большинство этих людей обречено остаться профессиональными неудачниками, они вынуждены зависеть от кредитования их потребления. Благодаря этому система получает в их лице идеальный «социальный низ»: зависимых от кредита паразитов. Однако, с другой стороны, система не может решить с помощью такого человеческого материала ни одной серьезной проектной задачи, не может предпринять ни одной фундаментальной инновации. Таким образом, новое постмодернистское образование со всей неиз-

бежностью ведет систему к цивилизационному застою. Именно поэтому научно продвинутые центры Запада все больше полагаются на экспорт мозгов из Третьего мира, где передача знаний еще не подверглась постмодернистскому разложению.

2.8. Этика

Кризис этики в том, что из нее принципиально ушло долженствование, заменившись моралью, понятой как соблюдение в данной среде поведенческого кода.

Самая ранняя стадия формирования члена общества — когда ему говорят, что он что-то должен. Мы все что-то должны. Но самое интересное — это содержание такого принципа. Что именно мы должны? Как правило, обыватели смешивают этику и мораль. Популярно считается, что этика — это высокопарное научное наименование морали.

А что такое мораль? Это всем более или менее понятно. Мораль — это набор общепринятых правил поведения. Попросту говоря, это «адаты».

Но ведь мораль меняется от эпохи к эпохе, от общества к обществу. Критики морали всегда указывали на ее относительность. Этика, с другой стороны, есть не набор привычных правил, которые обязательны, потому что так делают все. Это то, что человек должен делать сам, один, потому что он отвечает перед собственной душой и перед Богом.

Всегда общество пыталось подчинить ЭТИКУ (как долженствование и ответственность человека перед высшим смыслом жизни) МОРАЛИ (как набору общепринятых правил). Этика была поставлена на службу морали: ты должен соблюдать общепринятые правила... потому что ты отвечаешь перед всеми остальными, кто их так же соблюдает. Ни перед собой, ни перед Богом — перед теми, кто уже играет по этим правилам... Общество всегда как огня боялось этики как таковой, потому что человек, который должен собственной совести, может оказаться ничего не должен ему, обществу. Более того, этика

может побудить одиночку (и не только одиночку!) выступить против самых основ принятой морали и тех, кому она выгодна. Поэтому с древнейших времен этические школы были неудобны элитам, поэтому в Римской империи преследовали христиан, которые поставили этику над моралью.

Сегодняшние общества пронизаны идеей ценности. Ценность противопоставляется стоимости как нечто духовное. Но в действительности, ценность и стоимость — понятия, находящиеся на одной оси. Когда цивилизация становится глобальной и региональные моральные кодексы сливаются в один политкорректный либеральный набор, то он объявляется имеющим некую духовную стоимость — вечную ценность. Лояльность по отношению к этой новой общечеловеческой морали превращается в содержание современной этики. Таким образом глобальная цивилизация думает преодолеть вызов, который исходит от «человека этического» — самого беспокойного обитателя социального пространства, который время от времени имеет обыкновение становиться революционером.

3. Человек. Кризис онтологического статуса

Кризис человека в том, что сам человек возможен только как инструмент некой сверхзадачи, выходящей за рамки его индивидуального существования, в то время как статус его в современном обществе редуцирован к «заикленному» на своем «я» индивидууму.

Динамику кризиса человека можно проследить в масштабе большой истории по тому, как с веками менялось понимание древнегреческого афоризма «Человек есть мера всех вещей». Тогда, когда это было сказано, подразумевалось, что человек представляет собой своеобразный «золотой ключик», которым открывается необъятный ларец Вселенной. Именно он несет в себе имена и значения всего сущего, именно в нем сокрыто понимание, без которого все разнообразное наполнение мира все равно что пустое ничто, дом без хозяина. Человек есть

то зеркало, в которое Вселенная смотрится, чтобы узнать в нем самое себя. При этом — или благодаря этому — человек всегда оставался самой неопределенной вещью на свете. Тогда же, когда был изречен первый афоризм, греки родили и второй: «человек — это двуногое без перьев». Все это означает, что человек противостоит миру, не будучи его частью. Он определяет себя как бы по сюжету той пьесы, которую ему приходится играть, причем этот сюжет ему надо открывать самому, акт за актом. Отсюда происходит та великая драма неопределенности человеческого состояния, которая обобщена мудрецам в трех sacramентальных вопросах: Кто мы? Откуда пришли? Куда идем?

Для современного человека эти вопросы не то чтобы утратили смысл, — они больше не стоят! Его горизонтом, его всеобъемлющей действительностью оказывается глобальное общество, которое вбирает в себя все и за пределами которого нет ничего. При этом современный человек не противостоит обществу, подобно тому, как в прошлом это делали революционеры. Не противостоит он, тем более, и «Космосу» в мифологическом смысле, ибо такового для либерального обитателя нынешних мегаполисов теперь просто нет. Современная мораль учит индивидуума, что «обществу противостоять непродуктивно». Под этим имеется в виду, что если ты нарушаешь мораль абсолютного конформизма, то можешь быть отлучен от потребления или перейти на существенно более низкий уровень участия в нем.

На самом деле самоопределение человека сегодня сводится к его статусу в потреблении. Человек, который потребляет простые материальные блага, которые можно съесть или натянуть на тело, находится в самом низу иерархии. Человек, который потребляет бренды, обозначающие гламурные виды еды и одежды, находится существенно выше и т. д.

Человек растворился в социальном бульоне. Он не является более твердой песчинкой на ветру времени. Но, скорее, молекулой тепловатой жидкости, которая идентифицирует себя только через среду. Это самый тяжелый этап кризиса человека, ибо внутри него продолжает жить в состоянии сонной личинки его подлинная человеческая сущность — спящая царевна в заколдованном лесу мегаполиса.

3.1. Кризис самоидентификации: миссия на земле

Кризис самоидентификации выражается в том, что человек обретает себя только в соотношении с внешними знаками и более не способен сосредоточиться на том, что выражает его глубинную суть.

Для многих людей вопрос «зачем?» вообще не встает. Они как пловцы, перед которыми стоит задача доплыть до финишной отметки. Они брошены в конкретную стихию и решают бесчисленное количество мелких задач, не дающих им даже возможности поставить вопрос о глобальном смысле.

Если же время от времени они и отвлекаются от каждодневной суеты с закадычным другом за кружкой пива, то готовые ответы на дремлющий неподалеку вопрос «зачем?» находятся в привычных штампах: дети, семья, как правило, — самые легкие и очевидные из них. Для людей позакovskyристее могут после энной кружки всплыть на поверхность и «национальные интересы». Как правило, собеседники стараются не поддаваться скрытому бессознательному ощущению, что все эти легкие штампованные ответы — лишь имитация решения вопроса, по большому счету — собачья чушь.

Человек интуитивно жаждет быть на Земле «зачем-то». Иными словами, ему нужна миссия. Как бы он не был замордован обыденной жизнью, все равно в нем живет потребность того, чтобы его жизнь была «не просто так». Именно это люди пытаются выразить, когда начинают толковать о патриотизме и национальных интересах: таким образом они пытаются апеллировать к истории.

Одно из серьезнейших преступлений современного общества против живущих в нем людей — это исключение их из истории. Рассуждение о конце истории — это высокобровое умничание профессора, предназначенное для элит. Для них история «уже кончилась» или «еще не кончилась» в том смысле, что есть вопрос: окончательно ли власть имущие подмяли под себя все человечество или еще нет?

Остальное же человечество стоит на грани того, чтобы выпасть из истории в буквальном смысле слова — стать «ником», превратиться в

«живущих просто так». И только на окраинах этой человеческой туманности вспыхивает отчаянная борьба за пребывание в сфере смысла, обладание миссией, причастность к истории.

Одной из наиболее распространенных форм человеческой компенсации за бессмысленность является изобилие вновь возникающих неоспритуалистических сект, которые принято обозначать общим термином «ню-эйдж» (новая эпоха). Характерная черта всех этих сект — соединение «миссионности» (у всех этих сект есть некая великая конспирологическая задача на Земле) с полнейшей бессмысленностью и инфантильным убожеством содержательной части их учения. Секты возникают вокруг произвольно истолкованной фразы из Писания, неведь кем изобретенного абсурдного ритуала или просто человека, объявившего себя спасителем...

Общество почти не борется с подобными сектами, потому что фальсификация смысла и миссии, происходящая в них, вполне устраивает современные элиты.

3.2. Утрата суверенитета личности. Кризис эго

Кризис личности в том, что для своего утверждения она нуждается в санкциях со стороны общества/государства, легитимность которых в свою очередь фиктивна.

В прекрасном стихотворении Пушкина «Анчар» властелин посылает раба за плодами ядовитого дерева. Выполнив задание, отравленный раб приползает на «лыки», постеленные в его собственном шалаше. Это очень важный момент: у раба есть место, где умереть. Каждую ночь измученные социальным гнетом существа возвращались к себе, на жалкое ложе, и внутрь себя, в тайники собственного сердца, чтобы остаться там на короткий миг одиночества наедине с собой.

Этот возврат в духовное убежище собственного сердца — обязательное условие воскресения к новым испытаниям, обретения сил для того, чтобы выдерживать страдания и унижения реальной жизни.

У современного человека забирают это духовное убежище. Ему не оставляют возможности уйти в самого себя, совершая внутреннюю иммиграцию из мира абсурда и бесполезной растраты времени и усилий. Медийное пространство, реклама, Интернет, профессиональные и социальные связи все больше заполняют то пространство внутри человека, где, по идее, не должно быть ничего, кроме тишины, ничего, кроме тайны его непостижимого Я. Человек становится лентой Мебиуса: внешне плавно переходит в нем во внутреннее. Он боится остаться наедине с собой, потому что встреча со своим Я не возрождает его, не дает ему новые силы. Путешествие в себя отравляет современного человека, как поход за плодами дерева анчар отравил раба из пушкинского стиха.

Следует признать удивительную вещь — дерево жизни в сердцах людей превратилось для них в анчар, и его плоды стали ядовитыми.

В ужасе люди бегут наружу, к социуму, к рекламе и развлечениям, к партийным собраниям и клубным тусовкам, они просят у всего этого внешнего гама защиты от ядовитых плодов собственного Я.

Психоанализ оказывает им в этом деле активную помощь. Фрейд подсказал элитам, — и они взяли это на вооружение, — что истинную сущность человека следует шельмовать и держать в кандалах и за решеткой, как озверелого маньяка. То, что на самом деле является врожденной совестью, не дающей смириться с диктатурой мира — диктатурой, осужденной всеми пророками, включая Иисуса Христа, как совершенная ложь! — превращается в психоанализе в бессознательного внутреннего агрессора, имя которому «Оно».

Психоаналитики — профанические наследники церковников — не учат смирению; в той системе контролируемого абсурда, которую они предлагают современным людям, смирение превращается в излишнюю роскошь.

3.3. Кризис статуса (кризис социального эго)

Кризис статуса в том, что человек не может полноценно относиться к себе как к значимому существу вне своей социальной или профессиональной функции.

Тварь я дрожащая или право имею — вопрошал себя Родион Раскольников, шествуя неверной походкой по улицам Санкт-Петербурга. Проверить это он мог, только убив старуху. Потому что альтернатива в его вопросе состояла из взаимоисключающих позиций. Сегодня Родион Романович выглядит странно. В современном представлении, конечно же, он имеет право, более того — все права. И именно поэтому он дрожащая тварь. Между тем и другим не должно быть никакого противоречия.

Для Раскольникова «иметь право» означало уподобиться Наполеону, который встал над всеми. Для современного человека «иметь право» является чем-то прямо противоположным. Это означает устранение самой возможности Наполеона в человеческом естестве. «Наполеон» для современного общества — это Гитлер, который сжег в печах 6 миллионов евреев. У современного человека, — который, естественно, не может быть ни кем другим, кроме как «тварью дрожащей», и несет этот статус с достоинством, — есть масса всяких прав. Но все эти права приобретают тем большую яркость, выпуклость и глубину, чем меньше их навязчиво пытаются реализовать.

Есть права, а есть негласное подразумевание, что подчеркнутое осуществление их раскачивает социальную лодку. И вообще ведет к опасному дисбалансу. Ведь что такое право для либерала — попробуйте, скажите Наполеону любимую фразу нынешних правозащитников, что, дескать, «твое право махать кулаком заканчивается там, где начинается нос другого»!

Но если все права взаимно ограничены подобным образом, они становятся даже не то чтобы виртуальными, они превращаются в своеобразное отречение от себя, в некий квазирелигиозный искус, своеобразный либеральный монастырь социального альтруизма.

Конечно же, статус дрожащего правообладателя предписан «масовке». Ведь первоначально иметь право означало нечто, весьма близкое к «мочь» (в обыденном языке это и сейчас так: «право имею» — значит «могу»).

Но ведь «мочь» — корень, который во многих языках совпадает со словом «власть»: «power», «puissance», «poder». Обладатели власти — суть те, кто способны делать нечто; те, кто могут.

А обладатели прав в современном обществе не могут ничего.

Власть по определению сегодня вывела себя за рамки права, предоставив все эти замечательные права раскаявшимся раскольничьим, которые на коленях просят прощения у всех, кого обидели за последнюю тысячу лет.

Обязанностью обывателя является его добровольный отказ от безусловно признаваемого за ним права. Если же он на своих правах настаивает, то общественное сознание, озвученное через СМИ, в лучшем случае, позиционирует его как кликушествовавшего неврастеника, пафосного клоуна. Таким образом, воспитание социально ответственного эго новых поколений обывателей заключается в сознательном принятии фактического бесправия при лицемерном декларировании абсолютного господства социальной свободы.

3.4. Кризис касты

Кризис касты заключается в том, что, оставаясь реальностью, она перестает иметь прямое отношение к функциональной организации общества.

Сколько раз мы слышали обращенный к нам вопрос: «Ты что, из другого теста сделан?» Или, наоборот, утверждение о тех, чьи деяния кажутся в нынешней среде удивительными и невозможными: «Да, те люди были из другого теста».

Священное Писание учит нас, что человек сделан из глины, понимая глину не буквально, а как некую субстанцию, из которой, собственно, состоит и все остальное. Только «глина»-то эта бывает разных сортов, о чем Священное Писание не преминуло упомянуть. Есть глина сырая, жирная, чавкающая, этакий ил со дна реки; есть глина сухая, звонкая, из которой изготавливают благородные гончарные изделия, звенящие от любого прикосновения. Глина, или тесто, из которой делают людей, очень разнится. Но не как попало, а согласно некоему космическому порядку. Одни люди сделаны из глины такого сорта, что могут только вкалывать в поте лица. Глина других предна-

значает их для, например, торговли или тщательного выделывания рафинированных ювелирных вещей.

В классическом обществе считалось, что духовные деятели, священство, сделаны из самого высшего сорта небесной глины («брахманы сделаны из головы Брахмы»). Назначение этих людей было в том, чтобы нести в себе смысл вечного Закона, который правит мирозданием, и следить за тем, чтобы мир людей не отклонялся от следования этим путем. За воинами была зарезервирована функция насилия, ибо насилие есть проявление страсти. Воины сделаны из огнеупорной глины. Огонь свирепствует внутри нее, не раскалывая ее и не вырываясь наружу иначе как с дозволения верховной власти.

А мы — без сомнения, сделанные из глины — мы имеем отношение к этой упорядоченной классификации? Или все эти разграничения высосаны из пальца полными предрассудков и невежества древними, а люди на самом деле все одинаковые? Ну, один потрусливее, другой чуть более жадный или чуть более щедрый, третий — интроверт, склонен задумываться о вещах, которые больше никого не интересуют... Но все эти различия вроде как разный цвет глаз или рост: никакого влияния на действительную жизнь не оказывают.

Истина и там, и там. Да, мы продолжаем рождаться воинами, торговцами и духовидцами. И, увы, — эти различия больше не имеют никакого отношения к тому, чем общество вынуждает нас заниматься в жизни. Современный человек лишен касты — или, как принято говорить на социологическом жаргоне, — деклассирован — не потому, что вдруг все стали рождаться «из одного теста», а потому, что социальные функции построены таким образом, чтобы не соответствовать человеческой природе.

Современный бюрократ в погонах — вместо воина, современный спекулянт — вместо торговца, современный технократ — вместо цехового мастера, современный художник, гордо ставящий на всеобщее обозрение унитаз, — вместо провидца и творца шедевров...

Каста выброшена из общества, но ее реальность продолжает жить нелегитимно и в подполье.

3.5. Кризис либидо (закат любви)

Кризис полового влечения связан с утратой интуитивного опыта единства эроса и смерти и исчезновением в современном человеке трагического переживания оргазма как разрыва с повседневным существованием.

Для рядового обывателя половое влечение есть единственная возможность соприкоснуться с чем-то сверхчеловеческим и даже сверхъестественным. Эротическую энергию люди всегда обожествляли и относились к ней со страхом, ибо эта сила, с одной стороны, живет в них самих, с другой стороны, выходит из-под их контроля.

Часто либидо (половое влечение) смешивают с любовью. Сущность любви в самопожертвовании. Пассионарная готовность отдать себя во имя высокого дела, своих близких, тех, кого Христос имел в виду, говоря о том, чтобы «положить душу за други своя»... Все это связано с духовной волей, имеющей корни в человеческом сердце.

Половое влечение, в отличие от благородной жертвенной страсти к самопожертвованию, подобно электричеству, которое действует независимо от того, знаем мы о нем или нет. Это не сверх-, а скорее, нечеловеческая сила. Мы не случайно употребили слово электричество: подобно тому, как существует плюс и минус, образующие разность потенциалов, и в биологической сфере существуют катод и анод в виде мужского и женского начала.

В обществе, где доминирует «третий пол», невозможно представить себе драму эротического чувства, составляющую одно из стержневых направлений классической культуры. Для современного мужчины, с точки зрения офицера наполеоновских войн являющегося биологическим вырождением, непостижима проблематика шекспировских любовных пьес. Именно поэтому постмодернистская либеральная культура так ценит Чехова, который хорошо показывает обрушение поляризации и кризис мужественности в разночинном интеллигенте на переломе веков.

Оппозиция полов есть, пожалуй, наиболее космическая вещь, явным образом представленная в человеке. То, через что человек ближе всего подходит к стихийному космосу. Мужское и женское в их символиче-

ском плане пронизывают всю реальность, предавая ей мифологическую структуру: земля и небо, форма и материя, точка и протяженность...

Мы окружены примерами этого бинарного противостояния и не-сем его в самих себе.

Энергия секса в своем фактическом проявлении разрывает опыт обыденного мироощущения, который у большинства людей подобен сну наяву. Соединение мужчины и женщины ведет к вспышке, которая выбрасывает их из профанической действительности и вводит, хотя бы на мгновение, в опыт парадоксальный и пугающий.

Именно поэтому современное общество стремится максимально банализировать секс, сделать его одним из продуктов безопасного потребления. Главной технологией торжествующего либерализма становится атака на противостояние полов, на гендерную идентичность. Мужчина должен быть лишен своего специфического качества в первую очередь, после чего природа женственности тоже без труда деформируется. Унисекс, порождаемый либерализмом, приводит к тому, что половая энергетика уходит из человеческого пространства и люди лишаются последнего соприкосновения с чем-то большим, чем их бессмысленная повседневность.

3.6. Гендерный кризис

Кризис межполовых отношений заключается в том, что в общественном пространстве перестает открыто действовать надчеловеческая сила, регулирующая неизбежную и естественную «войну полов».

Все религии констатируют, что между мужчиной и женщиной идет постоянная, никогда не затухающая война. Когда Бог изгнал за непослушание Адама и Еву из Рая, то предупредил их: «И вражду положу между вами».

Мужчина и женщина в раю находятся в золотом сне первозданного блаженства. Среда не противостоит им, и они также не переживают травму своего фундаментального различия. Поэтому до грехопадения

они ходят голыми, не зная стыда, поскольку не являются тайной друг для друга.

Человечество, брошенное в суровый мир, сразу испытывает на себе беспощадность среды. В этих условиях мгновенно проявляется диаметрально противоположная оппозиция смыслов, присущих мужскому и женскому. Они по-разному интерпретируют окружающий человека мир, имеют разные ценностные ориентиры, часто не совместимые задачи. Главная цель женщины — безопасность, главная цель мужчины — вызов, постоянная конфронтация со средой.

Перемирие между полами возможно только при наличии сверхзадачи, которая определяется в религиозной перспективе. Религия дает возможность мужчине и женщине сойтись на общей площадке, урегулировать непримиримое противостояние полов. Речь идет, конечно, не только о семье и детях. Скорее, сама семья становится возможной лишь после того, как такое перемирие заключено.

То, ради чего мужчина и женщина заключают перемирие, а возможно, даже вступают в союз, — это предъявленное им религиозией сознание того, что все формы и ценности повседневного существования иллюзорны и конечны, смерть господствует над всем. И только выход за пределы этого конечного может оправдать мучительные тяготы обыденной жизни.

Либеральное общество уникально в том смысле, что впервые за всю историю делает ставку не на примирение полов через высшее начало, а как раз, наоборот, на разжигание межгендерной розни. Конечно, все это делается под аккомпанемент политкорректных причитаний, через внушение с самого нежного возраста отвращения к «сексизму», через прививку толерантности, идущую так далеко, что мальчиков с детского сада приучают писать так же, как девочек.

В итоге любой офис западного мегаполиса похож на банку со скорпионами, где мужчины и женщины находятся в постоянном напряжении взаимного недоверия, подозрительности, интриг, именно на половой основе. Между ними то и дело вспыхивают судебные разбирательства по поводу не так брошенного взгляда, взаимные обвинения в сексуальных домогательствах и тому подобный паранои-

дальный бред, который либерализм внушает своим утратившим всякую естественность последователям.

Вместе с тем, ни на Кавказе, ни в Индии, ни в Ираке этих представителей «офисного планктона» не приняли бы ни за мужчин, ни за женщин: так далеко на самом деле они отошли от образов своих прародителей, Адама и Евы.

Либеральный унисекс не решает через пресловутую толерантность проблему войны между полами, наоборот, он делает перемирие между мужчиной и женщиной практически невозможным.

3.7. Кризис поколения. Кризис рода

Кризис межпоколенческих отношений заключается в утрате непосредственно переживаемой исторической последовательности «отцов» и «детей», в результате чего разные возрасты сопresentуют в общем бродуновском движении на одной временной плоскости.

Молодое поколение должно бросать вызов своим родителям. Без этого вступающие в жизнь юнцы просто не смогут стать настоящими людьми. В конце концов, именно в родителях обобщается образ той неправды, которая интуитивно ощущается еще неиспорченными душами в любой общественной среде.

Для того чтобы бросить вызов отцам, нужно, чтобы поколение старших было оформлено как самостоятельная сила, имеющая собственное лицо. Нужно, чтобы старшие воспринимались своим потомством как хозяева жизни, ответственные за то, что происходит.

Когда Ульрика Майнхоф и Андреас Баадер выступили в предельно жесткой форме против современного им общества Германии 1960-х, их мотивом была борьба против отцов, ответственных за Вторую Мировую, приведшую к поражению и порабощению Германии. Для радикальных левых движений двух послевоенных поколений проблема отцов была едва ли не доминирующей, оттесняющей на задний план классовые и экономические вопросы.

Сегодня такое вряд ли возможно. Отцов нет! Противостояние между поколениями размыто до исчезновения четких границ между «старшими» и их вступающим в жизнь потомством.

Кроме того, у нынешнего подрастающего поколения нет ощущения, что в лице своих отцов они имеют дело с «хозяевами жизни», которые за что-то несут ответственность. Скорее, наоборот, люди старшего возраста воспринимаются как маргиналы с несостоятельными воззрениями, они, если и отвечают за что-то, так только за напрасность прожитых ими жизней.

Неправда, против которой следует выступать, сегодня утратила традиционную ассоциацию с не дающей дышать геронтократией. В советское время диктатура старцев отчетливо противопоставлялась нетерпеливым ожиданиям молодости. Необходим был такой политический институт как комсомол, для того чтобы использовать конфликтную энергию юного поколения.

В наши дни все «молодежное» имеет нестерпимый привкус фальши и «постановки», немислимых раньше, когда молодость была синонимом подлинности.

В броуновском движении мегаполиса отцы и дети, молодежь, люди среднего возраста и пенсионеры составляют равномерно взболтанную взвесь: все одинаково лишены ориентиров, все находятся в равных экзистенциальных условиях маргинализованных люмпенов. Поколения не только утратили лицо, они не могут даже выработать символические маски, которые были в ходу еще недавно (пресловутые «шестидесятники» и т. д.).

Либеральное общество отобрало у людей еще один ориентир, лишило их возможности как протестовать, так и «делать жизнь с кого», отталкиваясь от исторической преемственности. Еще одним шансом что-то понять меньше! Еще одна дверь на свободу замурована...

4. Политика

Кризис политики заключается в том, что борьба групповых интересов заменяет противоборство между принципиальными типами сознания

Сфера политики есть сфера противоборства между различными типами сознания, имеющими своих представителей, или субъектов политики, в лице «политических клубов». До начала Нового времени главными противоборствующими субъектами, представляющими различные типы сознания, были, с одной стороны, клерикалы, с другой стороны — королевская власть, опирающаяся на традиционную воинскую касту. С началом Нового времени клерикалы и светская знать слились в один традиционалистский клуб, которому начал противостоять либеральный клуб — богема и лица свободных профессий, с определенного момента проявившиеся как самостоятельный общественный фактор. Воинская каста, уйдя из иерархической организации, переродилась в самовоспроизводящееся сообщество радикалов, а с течением времени политическим фактором стал также и мегаполисный люмпен — молчаливое большинство. Либералы практически заполнили всю менделеевскую таблицу современной политики — от марксистов до фашистов. Однако их отчаянные попытки влиять на старые элиты, держать под контролем люмпенов и использовать как инструмент радикалов наталкиваются на тайную дипломатию традиционных верхов, которые с легкостью переигрывают амбиции парламентских партий. Кроме того, в самое последнее время вызовом для либералов стало возвращение религии на авансцену политической борьбы, причем не сверху, а снизу, как это было в Европе во времена анабаптистов. Кризис политики основан на ее двойственной природе: с одной стороны, сценический аспект, сопряженный с публичными фигурами; с другой стороны, кулуары анонимной бюрократии, которые ведут в клубные кабинеты истинных хозяев жизни.

4.1. Кризис авторитета

Кризис авторитета заключается в том, что сама его природа невозможна без апелляции к надчеловеческому, в то время как оно табуировано в организации современного общества.

Традиционный авторитет основан на презумпции прямой связи между клерикальным порядком и Божественным Бытием. Этот авторитет сегодня ушел в тень. На первый план вышло демагогическое восстановление древнеримского лозунга: «Глас народа — глас Божий». «Народу» подсовывают фигуры и институты, якобы легитимизированные его собственным выбором. Однако стоит этому «обожествленному» народу поставить под сомнение то, что он якобы инвестировал легитимность в давящую его систему, как на него обрушиваются дубинки, а то и пули со стороны бюрократов в погонах, силовиков, защищающих «доступ к телу». Сегодняшний «авторитет» режимов покоится на всеобщем страхе, жупеле терроризма, призраке гражданской войны и лишен всякого независимого критического содержания. Авторитет же Церкви поддерживается за счет ее мнимой выведенности за скобки мирских дел.

4.2. Кризис политической цели и политического проекта

Кризис политической цели (за исключением революционного проекта) заключается в том, что вся ее стратегия направлена на ограничение возможностей человека, подавляющего большинства людей, в рамках «общественного договора» (социального пространства).

Типичной характеристикой предвыборных программ и речей политиков является их безусловный отрыв от реальных проблем повседневности и от принципиальных вопросов, связанных с теми модальностями сознания, которые отражены в политических клубах. Иными словами, в политическом дискурсе — и справа, и слева — густой туман лжи скрывает как высокую философию, так и конкретную правду и детали происходящего на улице. Политики, опираясь на СМИ, ведут с обществом как с плохо управляемым ребенком игру: предъявляют ему вымышленные проблемы, высосанные из пальца угрозы, а если нужно, то сопровождают это сценическими постановками на потребу медиа в качестве иллюстраций — преступления, взрывы тер-

рористов и т. п. Политическим сегодня является всё — от семейного скандала до спортивных успехов. Таким образом, политика успешно разведена со своим главным содержанием, а политическим проектом становится партийное обещание, понятное только узким специалистам и не интересное вообще никому. Так, партия может обещать в качестве глобальной и величественной цели снижение процентной ставки по ипотечным займам, причем в масштабах, которые важны скорее для статистики, нежели для живых людей.

4.3. Кризис протеста

Кризис протеста в том, что он сводится к недовольству частным и случайным, вместо того чтобы быть оппозицией порядку вещей.

Изначальная двойственность человеческой природы всегда генерировала протест. С одной стороны, человек загружен матричным сознанием цивилизации, внутри которой он становится человеком, с другой — его ноуменальная совесть, апеллирующая к безусловному, протестует против лжи, на которой построена априори любая цивилизация. Тысячелетиями протест носил религиозный характер.

Либералы оседлали могучую энергию духовного несогласия и через доктрину Гегеля-Маркса об отчуждении и дегуманизации предъявили протестным силам квазирелигиозную версию глобального мировоззрения, в которой глобальные цели были подменены, а расстановка акцентов искажена. Со всей неизбежностью это повело к крушению леволиберального мировоззрения, системно организованной частью которого являлся марксизм. Но худо-бедно последний все же давал возможность договориться в рамках своей знаковой системы самым различным силам, не исключая и радикалов, вынужденных пользоваться этим языком. Сегодня энергетика мирового протеста лишена единого языка и единой мировоззренческой системы референций, которая позволяла бы координировать усилия разнородных протестных сил по всему миру. Это совпадает с общим кризисом ли-

берализма, в результате которого на передний план в официальном истеблишменте выходит его крайне правый фланг, иногда апеллирующий к фашистскому популизму... А с другой стороны, радикалы, махнув рукой на субкультурные движения альтерглобализма, все больше тяготеют к возврату на религиозную платформу критики существующих порядков.

4.4. Кризис территориальной иерархии суверенитетов и вассалитетов

Кризис территориальных суверенитетов заключается в том, что они носят случайный, исторически обусловленный характер и фактически могут делиться и переконпаниовываться по воле экстерриториальных сил, например, транснациональных корпораций.

Суверенитет — юридический наследник феодальной эпохи. Национальные государства, сложившиеся в XVIII–XIX веках, за ничтожным исключением, управлялись монархом. К началу XVIII века вся Европа управлялась единым семейно-родовым кланом германских принцев, а большая Евразия — альтернативным семейно-родовым кланом Тимуридов (тюркских ханов — потомков Тамерлана), связанных к тому же еще и с Чингизидами. Таким образом, за чересполосицей феодальных суверенитетов скрывался своеобразный глобализм «семейного типа». Исключением не стала и Российская империя, в которой под видом русской боярской фамилии Романовых правили все те же германские принцы. Исход Первой Мировой положил конец этой идиллии. Принцы спрятались за выкаченными на колесах парламентам и партий туррами демократии. После этого суверенитеты утратили свое функциональное назначение: охранять феодальные права династий — и превратились в повод для национал-демагогов претендовать на международные политические статусы для своих народов, а точнее, их брендов. Хозяев жизни это никоим образом не устраивает. Поэтому сегодня поставлен вопрос о конце национального государства. Кому-то может

показаться, что такой ход вводит нас в постгосударственную эру. Не тут-то было! Государство, как мы помним, есть паразитический институт разрыва обратной связи между управляемыми и управляющими. Территориальный принцип оставляет хотя бы тень возможности для ограниченных данной местностью электоратов предъявлять претензии территориально избранным политикам. Однако стирание границ лишает смысла избирательную систему. Новое кочевье, глобализация миграционных потоков убивают муниципалитет и земство. Но государство остается в виде международной бюрократии, которая не отвечает перед населением вообще и подчиняется только политическому клубу, объединяющему традиционные элиты.

4.5. Кризис участия и обратной связи (конец иллюзии единого общества)

Кризис обратной связи верха и низа в обществе заключается в растущей некоммуникативности низа, лишенного возможности формулировать свои послания к верху, т. е. отлученности низа от системы коммуникаций.

Во времена фараонов цивилизация давала концепцию человеческого единства в рамках цивилизационного проекта. Самый последний земледелец имел отношение к фараону хотя бы как бесконечно малое от него. Леволлиберальный дискурс, положивший в свою основу концепцию пролетариата и сделавший ставку на борьбу классов, сильно подорвал иллюзию единого общества, сходящегося на общей цели. Сегодняшние политтехнологи активно пытаются представить постмарксистский и постсоциалистический мир еще и как постклассовый. Однако для этого остается все меньше аргументов. В большинстве регионов мира стремительно дискредитируется национализм как точка сборки. Национализму бросают вызов землячества и диаспоры мигрантов, старые местные сепаратизмы (ирландцы, баски, албанцы, курды и т. п.). Наконец, обостряющееся социальное противостояние верха и низа. Вторым после национализма ответом на вызов теории

классовой борьбы стала встречная теория «открытого общества», либеральной демократии. Однако по мере глобализации резко сокращается целесообразность демократической демагогии и электоральной процедуры, вместо которых приходит прямое администрирование и силовой прессинг.

В условиях, когда Фукуяма рассуждает об излишках населения Земли, Поппер становится ветхим и смешным. Пока еще мегаполисный обыватель, затуманенный спортивной картинкой и все еще действенным супер-эго, не готов воспринять второе издание классовой борьбы в постмарксистском неорелигиозном изложении. Однако иллюзия единого общества с единой общечеловеческой задачей «всем жить хорошо» доживает последние дни.

4.6. Кризис смыслового представительства политических партий

Кризис политической партии сегодня заключается в ее превращении в технологическую подпорку электоральной процедуры, которая сама контролируется надпартийной верхушкой общества.

Сегодняшняя парламентская партия — это инструмент либерального клуба, через который либералы тянут шупальца либо к мозгам традиционных элит, пытаясь продать им себя подороже как союзников, либо к мозгам молчаливого большинства, предлагая себя в поводыри слепых посреди чуждого враждебного мира. Платформа этих партий, скорее, определяется социальными психологами и выверяется с точки зрения электоральных идиосинкразий, в то время как лидеры ничем не отличаются от звезд шоу-бизнеса. Современные политические партии входят в конфликт с растущими амбициями международной бюрократии, которая создает такое пространство управления, где партийной организации практически нечего делать. Именно поэтому национально ориентированные правые либералы становятся бастионом сопротивления любым наднациональным региональным слияниям типа ЕС.

4.7. Крах правой идеи

Кризис правой идеи в том, что она выделяет группу благополучателей в исторической перспективе на основании случайных и спорных признаков (раса, нация, имущественный ценз, наследственность).

Правая идея либерализма в какой-то момент приобрела популистский размах и попыталась апеллировать к крупной национальной промышленности, которой угрожало развитие спекулятивного капитала, засилье и растущее влияние фондовых рынков. В принципе, правые либералы опирались на вполне марксистскую идею, противопоставлявшую производительный труд всем другим видам оплаченной деятельности. В какой-то момент традиционалистские элиты классического старого Запада играли с мыслью: «А не сделать ли ставку на крайне правых популистов?», — однако неприятный опыт Первой Мировой войны сделал этот клуб осторожным, и они решили заключить союз с финансовыми демократиями (самое смешное, что тоталитарный сталинский СССР в системном плане являлся точно такой же финансовой демократией, как и США!). В итоге правые популисты понесли военное поражение, что сократило правую площадку до формата праволиберального консервативного индивидуализма, который, по большому счету, не жизнеспособен и даже в условиях США нуждается в наркостимуляции баптизмом.

4.8. Крах левой идеи

Кризис левой идеи в том, что она рано или поздно вынуждена делегировать заботу о равенстве всех в получении благ государству, которое само представляет собой социального паразита.

Крайне левый либерализм, исходивший из красивой, почти зеноновской, апории, что производительный труд всегда создает больше това-

ров, чем их можно потратить, построил на этом коммунистический проект преодоления «отчуждения». На деле же это превратилось в финансовую демократию партийно-бюрократического типа, где только обилие фольклорных экзотических примет не дает понять глубинное тождество между СССР и США. Экономика СССР являлась, в сущности, не чем иным, как спекуляцией безналом, за которую приходилось рассчитываться реальными жизненными соками трудовых ресурсов. Фактически экономическая проблема СССР в уменьшенной модели воспроизводила коллизию современного кризиса: с одной стороны, спекулятивная экономика потребления, где в роли неограниченного потребителя выступало единым субъектом бюрократическое государство, с другой стороны — экономический полюс производительного труда, который просто не мог угнаться за спекулятивными экспериментами Госплана. СССР был нынешними Китаем и США в одном лице.

Именно совмещение коммунистической идеи сверхпроизводства материальных благ с финансово-спекулятивным подходом к кредитованию этого производства привел к неизбежной деконструкции всей схемы, потому что в роли реального благополучателя на полюсе потребления стояла отвечающая за левый проект бюрократия, которой в какой-то момент просто надо было выйти из этого противоречия!

5. Экономика

Кризис экономики в том, что ее подлинным предметом является не создание материальных благ и услуг в интересах людей, а использование людей вопреки их как материальным, так и духовным интересам.

Экономика — одна из наиболее поляризованных и противоречивых сфер человеческого действия. Главными полюсами в ней являются, с одной стороны, «обмен веществ» между человеком и окружающей материальной средой, с другой же — количественно измеряемые процессы отношений между людьми. Скажем, производство материальных благ, которые потребляются для поддержания физической

жизни, принадлежит к первому полюсу, а менеджмент производства, наука, услуги, культура, досуг и пр. — ко второму полюсу. Во все времена существовала проблема сбалансирования этих полюсов, из их противостояния и попытки их корреляции родился «третий угол» — бумажная, или воздушная, сфера, внутри которой происходит игра между ценностями одного и другого полюсов. Общая тенденция игры состояла в относительном понижении стоимости материального сегмента («обмена веществ») при возрастании стоимости человеческого полюса экономики. В итоге родилась тесно связанная с воздушно-спекулятивными операциями экономика чистого потребления.

5.1. Глобальная ложь экономической науки

Кризис экономической науки в том, что главным предметом изучения она постоянно пытается сделать законы спроса и предложения, в то время как главным в понимании экономики является возможность управления человеческими ресурсами.

Маркс был неправ, говоря, что прежде чем заниматься чем бы то ни было, человек должен есть, одеваться и иметь крышу над головой. Дело в том, что эти фундаментальные базовые необходимости — суть предварительное условие существования любого общества, даже самого архаичного и неразвитого. Если есть общество, то человек уже имеет еду и защиту от среды. Другое дело, какой количественный вес в общем балансе усилий занимает выполнение этих условий. Однако общество не развивается постепенным образом из не-общества через труд и эволюционно развивающуюся самоорганизацию. Общество дается человеку извне («культурным героем»), в результате чего становятся возможными и труд, и самоорганизация, и еда с крышей над головой, и все остальное. Экономика на всех этапах имела политический и метафизический смысл и никогда не существовала как прагматическое средство удовлетворения потребностей (в таком смысле «экономика» обнаруживается лишь на дообщественной стадии у де-

градировавших племен, полностью зависящих от экологической ниши обитания). Главный источник экономического кризиса — противоречие между возможностями экономики (в широком смысле) и императивами политики. Так, для того чтобы обеспечить выживание человеческого общества, необходима мобилизация всех наличных человеческих ресурсов на самом высоком уровне мегаполисной организации, что в силу ряда геополитических и социальных причин становится невозможным (Фукуяма).

5.2. Кризис человеческого капитала

Кризис человеческого капитала заключается в том, что чем дороже время работника, тем условнее и периферийнее его участие в созидательном процессе.

Что является сущностью мобилизационного процесса, который принято называть «историческим прогрессом»? Это отношение времени людей друг к другу и критерии такого отношения. Например, в древности жизненное время фараона приравнивалось к жизненному времени всего его народа: он «стоил» столько, сколько все его подданные, вместе взятые (50/50). В последующие времена социальная динамика привела к возможности разного рода нестатусных фигур играть со стоимостью личного времени, и нарушилась определенность баланса монарх/остальные. Стоимость жизненного времени монарха, а затем и окружающих его элит стала понижаться относительно стоимости совокупного времени населения. Как росла стоимость времени тех самых частных лиц внизу? Она также определялась приведением жизненного времени конкретного обывателя в соответствие с тем или иным количеством людей, занятых обеспечением его жизни.

Например, земледelec в Древнем Риме стоил столько, сколько пять его рабов плюс энное количество вольноотпущенников плюс труд тех, кто собирал его урожай, тех, кто доставлял его на рынок и т. д. На жизнеобеспечение современного представителя среднего класса в мегаполисе работает прямо или косвенно несколько тысяч человек:

от далекой Джакарты, где делают для него кроссовки, до Голливуда, где для него делают фильмы, от парикмахеров и сантехников до подчиненных, которыми он командует и т. п. Естественно, что каждый в этой толпе «новых рабов» и «новых вольноотпущенников» сам опирается на кучу подобных людей, без деятельности которых он не сможет существовать. Однако понятно, что за рабочим обувной фабрики в Джакарте стоит гораздо меньше и совсем других по своему собственному весу персонажей, чем за менеджером в Париже. Статус безработного сегодня также есть форма труда, поскольку в обеспечении существования каждого безработного занята масса людей — в частности, чиновники собесов.

Относительная стоимость жизненного времени в учете человеческого капитала варьируется с колоссальными перепадами. Оптимальным в глобальной экономике (но абсолютно утопическим!) было бы, чтобы жизнь каждого из 6 миллиардов обеспечивалась всеми остальными 6-ю миллиардами. Это была бы абсолютная капитализация человеческого ресурса. Поскольку это невозможно, информационное общество представляет собой паллиатив: каждый, включенный в сеть, обеспечивается числом всех остальных юзеров. Таким образом, время, проводимое каждым в интерактиве, капитализируется фактически безмерно по числу терминалов, к статусу которых сводится человеческий участник сети. Однако понятно, что громадное большинство людей необходимым образом остается за пределами информационного общества. В этом случае само их существование разрушительно действует на систему виртуальной капитализации и встает вопрос о том, как решить проблему этого человеческого балласта.

5.3. Противоречие между овеществленным трудом и живым трудом

Кризис живого труда заключается в том, что его удельный вес в общей стоимости жизненного времени индивидуума стремительно понижается по мере перехода к «прогрессивным» инновационным формам экономики.

Все, что нас окружает, есть овеществленный или, другими словами, мертвый труд, созданный ушедшими поколениями. Но это не только молотки и дома, но и звезды, море, пляж и т. п. То есть, якобы природа. В этом нет ничего странного, если понять, что мы не можем увидеть волну или камень без призмы культурного цивилизационного отношения к ним. Мы не смотрим на звезды так, как смотрел римлянин две тысячи лет назад. Для нас это энергетические объекты, с которыми можно устанавливать высокотехнологическую связь. Океан — неограниченные запасы белка, хранилище всей таблицы Менделеева и т. д. (не говоря уже о неограниченной возможности морских путей). Овеществленный труд включает в себя также и способ восприятия любого явления, который определяет возможность в принципе это явление использовать (допустим, прибрежная полоса песка на острове для привлечения прибыли от туристов). Итак, мы видим, что преобладающее в данный момент общественное сознание включает в себя в качестве составной части овеществленный труд, а стало быть, и способ оценивать все, что является производительными ресурсами. То есть в некотором смысле мертвый труд оценивает сам себя, потому что одним из его измерений является выработанное на данный момент общественное сознание. Однако для того, чтобы все это пришло в движение (молоток застучал по гвоздю, серфингисты пришли на песочный пляж и т. п.) необходимо приложить к этому мертвому труду живой труд существующих в данный момент людей. Поскольку в каждый данный момент существует зазор между индивидуумом и его общественным сознанием, постольку существует идеологический и технологический конфликт между тем, как носители живого труда оценивают собственное время, и тем, как их время оценивает общественное сознание. Речь идет отнюдь не только о так называемой «достойной плате» за работу.

5.4. Кризис денег

Кризис денег заключается в том, что они как количественная система обладают самостоятельной тенденци-

ей к росту, не связанной с реальным повышением совокупной стоимости производительных сил.

Деньги являются наиболее абстрактной формой количества, потому что денежная единица обладает переменным количественным содержанием, которое возрастает и уменьшается в зависимости от мало предсказуемых факторов на протяжении короткого времени. Кроме того, количественное содержание денежной единицы приводится не только в соответствие со стоимостью потребляемых благ, но и в соответствие с другими, параллельно существующими денежными единицами. Причем игра на этих отношениях порождает количественный ресурс, который может быть инвестирован в реальные блага. Суть денег в том, что они являются формой учета общественной стоимости отчуждаемого жизненного времени. Однако в силу того, что оторванные от привязки к материальному миру денежные системы имеют тенденцию к неограниченному росту обращающихся в них количеств, в итоге совокупная стоимость всех денег начинает превышать общественную стоимость и мертвого, и живого труда всего человечества на данный момент. Иными словами, если мы посчитаем аукционную стоимость каждого дворца, каждой лачуги, каждой лопаты, спутника и т. п., существующих на земле, и если мы посчитаем общественную стоимость жизненного времени всех мобилизованных в глобальную экономику обитателей мирового мегаполиса, то это будет в неких условных единицах. А если мы посчитаем всю денежную массу, включая стоимость ценных бумаг, векселей, акций на акции и т. п., то она во много раз превысит совокупную оценку всех производительных сил. Выход из этого в том, что колоссальный количественный избыток должен быть перераспределен в пользу небольшой группы лиц, которая этот денежный избыток будет использовать не для потребления, ибо это приведет к абсолютной девальвации, а для финансирования глобальных политических сверхзадач, таких, в частности, как изменение общественного сознания, создание информационного общества и, разумеется, война, которая является самым деньгоемким цивилизационным проектом.

5.5. Кредит и ростовщичество

Кризис кредита заключается в том, что «прогресс» требует кредитования потребления вместо кредитования производства.

Понятно, что рост материальной базы экономики — так называемой ее «реальной» части — ограничен массой зачастую непреодолимых факторов. Нельзя сделать из Албании или Румынии Францию, невзирая ни на какие денежные инвестиции, ибо деньги вступят в противоречие с общественным сознанием данных мест (региональными производительными силами), а также со спецификой живого труда там. Если представить себе постановку такой невыполнимой задачи по отношению ко всему миру (мир — это условная «Албания», а мы должны сделать из него такую же условную «Францию»), то перед нами встает та же самая проблема: мир не может перейти с одной ступени на другую в материальном плане, невзирая ни на какой избыток инвестиционного потенциала, находящегося в руках мировых правителей. Таким образом, потребность в экономическом росте, компенсирующая «арендную плату за Бытие», не может быть удовлетворена в силу объективных условий.

Тогда правители применяют встречный ход: они заменяют реальный рост виртуальным ростом. Спекулятивная экономика, создающая избыточную массу денег, есть один из способов повышения фиктивной капитализации стоимости глобальной цивилизации. Другим путем, более эффективным, является создание информационного общества, где время каждого через интерактивную сеть замкнуто на время всех, что создает неограниченные возможности играть с его стоимостью, которая становится целиком виртуальной. Информационное общество есть предельная стадия развития ростовщичества.

5.6. Кризис производительного труда

Кризис производительного труда (не смешивать с «живым») заключается в том, что он рентабелен только в

зонах надвигающейся гуманитарной катастрофы и, в конечном счете, в условиях возврата к открытому рабочему владению.

Кризис производительного труда заключается, прежде всего, в том, что его стоимостное выражение — доля в глобальной стоимости человеческого времени — неуклонно снижается на фоне роста цен в потребительском секторе. Таким образом, для того чтобы быть рентабельным, производительный труд должен сосредотачиваться в человеческих регионах с крайне примитивной инфраструктурой, которая позволяет выживать производителю при такой шкале оценки его времени, которая невозможна в продвинутых частях мирового мегаполиса. Иными словами, безработный Нью-Йорк тратит на жизнь *на порядок* больше, чем инженер в Судане или даже в Беларуси.

Однако вытеснение производительного труда на цивилизационную окраину в силу заинтересованности организаторов экономики понижать стоимость времени тех, кто в этом труде занят, приходит в противоречие с принципиальным курсом на повышение мобилизационной включенности человеческих ресурсов в новую экономику. Таким образом, в пределе «интеллектуальная» экономика предполагает упразднение производительного труда, что по очевидным причинам до конца невозможно. Очевидно, зазор между возможным и желаемым будет заполнен возвратом к рабовладению на новом высокотехнологичном витке.

5.7. Кризис отношений собственника и благополучателя

Кризис частной собственности в том, что сегодня она лишена политического и социального содержания, и отношения владельца со своей собственностью во все возрастающей степени носят случайный характер (акционирование).

Серьезнейшим вопросом относительно мирового общества является вопрос о том, кто в нем благополучатель. Мы видим, что колесо фортуны поднимает вверх случайных выскочек из броуновского движения,

люмпенов, которые становятся обладателями миллиардов. Однако в их личной судьбе нет ничего постоянного. Побывав будто бы на вершине, они могут превратиться в заключенных или быть объявленными в международный розыск. Деньги, вопреки иллюзиям нищих горе-аналитиков, не имеют никакой политической силы. Более того, в современном обществе изменился принцип собственности, способ отношения к производству. Можно быть акционером крупного и прибыльного предприятия, но годами не получать дивидендов по решению совета директоров, которые хотят всю прибыль направить, например, на развитие. Новые правила игры лишают совокупного собственника возможности серьезно отстаивать свои экономические сценарии. Вместе с тем, круги, не имеющие юридических прав на серьезную собственность, оказываются способными мобилизовать неограниченные ресурсы на свои проекты. Таким образом, в современном мире практически не работает официально провозглашенный принцип частной собственности, и все многочисленные законы о ООО, налогах, наследстве и пр. являются ширмой, прикрывающей надзаконный статус тех, кто владеет секретом постоянного пребывания наверху, — речь идет о традиционном клубе, который после ряда тяжелых потрясений вывел себя за рамки гласного и открытого общества.

5.8. Кризис потребления и материального блага

Кризис потребления заключается в том, что само потребление сегодня в гораздо большей степени представляет институт культуры, чем обеспечение жизненных потребностей.

Современный западный человек потребляет во много раз больше, чем позволяет ему марксистски понятая доля в производстве реальных благ. Во-первых, он живет в кредит, который компенсируется за счет растущей капитализации его жизненного времени, которая достигается привлечением к обеспечению этого человека все большего числа других людей. Иными словами, каждый в мегаполисе помимо своей

воли превращается в социального паразита. Однако человек не может занять больше определенного количества квадратных метров жилья (если не брать в расчет выскочек-миллиардеров) и не может поглотить больше определенного количества калорий. Одним из направлений повышения расходов по кредитам является избыточная роскошь: катера, автомобили, активный отдых и т. п. Но это направление еще связано с большими затратами на свое производство. Гораздо более перспективным выглядит потребление мифов, концептов, брендов. Если раньше (в XIX в.) название фирмы ассоциировалось с определенным видом товаров (например, говоря «Зауэр», вы имели в виду качественную охотничью двустволку), то теперь логотип фирмы превращается в оторванный от классификации товара символ стиля. Корейская ДЭУ производит не только автомобили, но и компьютеры, танки, пистолеты и пр., в перспективе становясь неким символом корейского технического гения. Компании шоу-бизнеса дают свои имена духам и пиджакам, «Крупп» может превратиться в стиль мужской одежды. Если посмотреть на соотношение расходов заемных денег в жизнеобеспечении современного яппи, то стоимость съеденных им бифштеков составит 1 %, фитнес и солярий — 10 %, дорогой отдых — 30 %, а остальные расходы — плата за бренды тех пиджаков, ресторанов и турфирм, с которыми он имеет дело. Фактически, используя время обывателя, общественное сознание выдает кредиты на оплату самого себя, становясь при этом все менее и менее содержательным с точки зрения реального смысла.

6. Время

Кризис времени в том, что это, с одной стороны, единственная настоящая собственность людей, а с другой — объект узурпации со стороны общества.

Времени не существует! Такова, по крайней мере, была догадка отдельных мистиков, визионеров, которые поднялись до понимания абсолютно субъективной природы времени. В самом деле, что такое время? Выветривание камня, рождение новых островов, поднимаю-

щихся из глуби вод, вспышки и исчезновения звезд в бездонном пространстве космоса? Кто доказал, что у этого хаотического движения материи есть какое-то временное содержание?

Время существует потому, что существует смерть как конец индивидуальной человеческой жизни. От рождения и до последнего вдоха — столько-то миллионов ударов сердца. Каждый удар сердца — песчинка, падающая на дно песочных часов.

В Древнем Вавилоне изобрели секунду. Взяли тысячу молодых здоровых людей, измерили их пульс в состоянии покоя. Среднее время, в течение которого совершается 60 ударов сердца, стало минутой. Из человеческих секунд складываются миллиарды лет существования космоса. Живое сердце — измеритель времени Вселенной. Время — только в нас, его нет в камне, его нет в беззвездном эфире!

Собственно говоря, чувство времени есть непосредственное присутствие конца внутри еще продолжающегося движения. Смерть внутри жизни. Именно это делает наше существование грандиозным, именно это составляет основу человеческого понимания, которое, в свою очередь, становится ключом ко всемирному смыслу.

Золото — якобы эквивалент подлинной стоимости, настоящие деньги. Но что бы стоило золото, если бы оно не было напрямую связано в человеческом сознании с идеей отложенной смерти, с идеей неуязвимой вечной жизни? Золото только обозначает главный факт общественной реальности — наше бесценное время.

Неповторимые секунды, благодаря обществу, имеют стоимость. Истинным золотом является время — главная сверхценная субстанция, лежащая в основе всего созданного человеком.

За все, что у нас есть в этой жизни, — от великих идей до материального благополучия, — мы расплачиваемся собственным временем, которое существует только потому, что оно конечно. Бесконечное время невозможно!

Это время у людей крадут! Его крадут спекулянты, политики, полицейские, его похищает система, которая претворяет жизненную энергию миллионов сердец в некий «ресурс» цивилизации.

Тайна прогресса в том, что общество играет с оценкой человеческого времени. Время одних оценивается в гроши, время других, ни-

чем не лучших, стоит якобы несметные сокровища. Но и те, и другие все равно должны платить нечеловеческому молоху, системе, которая имеет собственные цели, никак не совпадающие с целями людей.

Кризис времени обнаруживает себя в том, что все большее число людей вынуждено платить все большую цену за свое нормальное человеческое существование.

6.1. Время как способ измерения неопределенного конечным

Кризис идеи времени в том, что нет иных доказательств его существования, кроме субъективного биологического опыта индивидуума.

По-настоящему время реально только в театре. Там есть первый, второй и так далее акты, там есть переход от одного положения дел к другому. Причем каждая следующая сцена выводится из предыдущей.

Король Лир мечется между своими дочками, потому что в начале драмы он отказался от власти и разделил свое королевство между наследниками. Проблемы Лира не возникли бы, если не было этого первого шага.

Интуитивно сознание человека стремится приписать неживой природе специфику театрального действия, развернутого в необозримом количестве лет. Отсюда всякого рода «истории Земли», «истории галактик» и даже «история» собственно самого времени. Понятно, что под историей всегда понимается сюжетный рассказ, в котором одно вытекает из другого.

Однако не может быть никаких реальных доказательств того, что какое бы то ни было состояние космоса является следствием предыдущего. Это мы так видим. Это мы накладываем на условную «смену кадров» причинно-следственную сетку, благодаря которой можно говорить о драме существования Вселенной и, собственно, о самом вселенском времени.

Однако все эти кадры можно «пронумеровать» в совершенно ином порядке и сочинить для них другую причинно-следственную мотивацию, а можно вообще обойтись без оной: просто рассыпать разных ничем не связанных состояний существования.

Время существует только внутри нас. Откуда же в человеке эта потребность навязывать опыт времени среде, в которой явно ничего похожего на нашу субъективную интуицию финальности нет?

Для человечества, коль скоро оно существует не в виде хаотической массы индивидуумов, а в форме структурированного общества, нет разницы между космосом и общественной средой. Так называемая природа воспринимается только через призму общественного сознания. Мы не замечаем, что даже такие, казалось бы, далекие от нашей жизни феномены как море, эфир, звезды являются средоточиями научных или философских разработок, вне которых для нас феномены просто не существуют. Поэтому все, что попадает в наше поле зрения, является частью антропогенной Вселенной, попросту говоря — мира, порожденного человеческим взглядом. А раз так — то такой мир существует только до тех пор, пока у него есть Свидетель. Финализм человека — финальность человечества — ...финальность всего бытия.

Откуда берется представление о начале и конце? Разумеется, из осмысления опыта рождения и смерти. Однако мало воспринять неопределенное через призму конечного организма. Следует еще измерить эту неопределенность. Неопределенная длительность складывается из человечески определенных «квантов» времени, ударов сердца.

Однако этот квант становится счетной единицей концепции времени только за счет того, что личная смерть соотносена с определенным числом ударов сердца, скажем, несколько миллионов.

В паузе каждого двойного удара пульса присутствует отложенная, но неизбежная граница существования. Именно эта граница и становится мерой счета неопределенного, которая преобразуется в смежные друг друга эпохи.

Кризис времени обнаруживается одновременно с проблемой периодизации этой неопределенности. Переход от счета существования Вселенной в тысячах лет к миллиардам свидетельствует об инфляции человеческого фактора во времени, поскольку в современном научном подходе к срокам существования мира уже нет речи о соотношении человеческой жизни с «жизнью» Земли, Солнца и т. д. В миллиардах лет такая мера счета как биение сердца становится чем-то вроде турецкой копейки.

6.2. Забвение личной смерти

Кризис жизненного времени в том, что вездесущая социальность вытесняет из сознания человека самое главное для него: то, что он неизбежно умрет.

Общество как нечеловеческий механизм ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с самим источником идеи времени. Идея времени берется из ограниченности земного существования индивидуума. Каждый человек в своем непосредственном проживании личной жизни в каждом ударе своего сердца соотносится с тем, что это сердце рано или поздно остановится. Именно поэтому кажущаяся неопределенность числа таких пульсаций в течение жизни человека отличается от неопределенности числового ряда. Числовой ряд не имеет последнего числа, а жизнь человека измеряется, на самом деле, конечным количеством ударов сердца, и существует «последний удар». Этим последним ударом окрашены и все предыдущие.

Цель общества в том, чтобы устранить из психики людей эту разницу, размыть ощущение личного финала, сделать биение сердца столь же арифметически неопределенным как число в числовом ряду.

Общество по своей механистической сущности стремится к суррогату бессмертия, понятого социальным разумом как неопределенная длительность. С этим связано и то, что для общества нет ничего за его пределами, ничего, кроме него самого. Человек религиозен постольку, поскольку знает свою ограниченность. Общество не желает знать ничего о своей ограниченности. Религия для него тоже функция от него самого.

Поэтому общество стремится лишить индивидуальное сознание своих членов чувства времени.

Ухищрения нынешних идеологов направлены, прежде всего, на демонтаж концепции времени как динамики движения от начала к концу. Интуитивно они прекрасно чувствуют, что длительность вне сюжета теряет качество времени. Отсюда разговоры о пост-истории.

Обитатель мегаполиса становится частью среды, функцией от общества. Не только сам он не противостоит окружающему миру, но и внутри него он перестает видеть различие между другими людьми и

функциональным неживым пространством. Каждый превращается в квант социума, участвующий в мириадах связей, утрачивает ощущение внутреннего центра, внутренней точки преткновения, которая связана с опытом своей неповторимости, финальности, и одна лишь обеспечивает волю к свободе и смыслу. А без этой воли невозможна вера как наиболее духовное и наиболее субъективное самовыражение личности.

Идея личной смерти растворяется в подавлении внутреннего свидетеля, совести, которая вытесняется в статус «Оно», и общественное сознание заливают все еще оставшиеся сухими островки во внутреннем переживании человека. Предельная ситуация — лента Мембиуса — когда нет границы между внешним и внутренним.

В телевизионном ритме историческая память укладывается в предел, не превышающий недельного срока. Благодаря СМИ, современное общество погружено в состояние «постоянного сегодня». Времени нет. Оно вычеркнуто из жизни общества и личности.

Ничто не напоминает человеку о его личной смерти. Смерть другого («не-тебя») вчера для тебя сегодня уже не существует.

6.3. Мировая история как драматический сюжет

Кризис истории состоит в размывании реальности действующих в ней лиц. Они заменяются реальностью процессов, тенденций и т. п. Это ведет к энтропии сюжета как стержня мировой исторической драмы.

Главная драма политического существования личности во времени есть корреляция — зыбкая и весьма проблематичная — между биографией и историей.

Биография индивидуума может быть представлена как лишенная смысла пустая биологическая длительность от колыбели до могилы, набор ситуативных клише: родился, женился, нарожал детей, вышел на пенсию, заболел, умер.

Но эта биография может быть преобразена в драматический сюжет.

Сюжетность личной жизни невозможна без включения ее в сюжет истории и отражение сюжета истории в ней.

Судьба Гамлета и короля Лира, даже любовная драма Ромео и Джульетты возможны как драматическое изложение лишь с апелляцией к некоему идущему за кадром глобальному пафосу метасюжета, благодаря которому имеют смысл великие вопросы, поднимаемые этими персонажами.

История, в свою очередь, существует на разных сюжетных уровнях.

Один уровень — преобразование судьбы ограниченного числа людей, живущих в изолированном пространстве. Второй уровень — история племени, в которую могут быть вписаны или не вписаны личные биографии членов племени.

Однако когда это племя вырывается за рамки своего хронотопа и превращается в знаменатель мировой истории, резко меняется историческая стоимость времени всех участников этого прорыва.

Последний раз в истории это произошло с арабами после Мухаммада.

Хозяева жизни ведут борьбу на двух направлениях.

Первый фронт — битва за изменение сюжета.

Второй фронт — борьба за то, чтобы выбросить из истории (сюжета) как можно большее число людей и народов: если в сюжет входит слишком много «посторонних», лидирующая роль драматурга и режиссера, которую узурпировали элиты, ставится под вопрос.

Простой пример. В 1918 году в России белое движение боролось за то, чтобы командарм Сорокин, батька Махно, бывший бандит Котовский остались внеисторическими фигурами вместе со многими миллионами других серых анонимов. Соответственно, красная борьба велась за то, чтобы жизнь людей, чье существование в истории значило не больше, чем жизнь ежа в лесу, превратилась в легендарное и поучительное повествование в учебниках истории для будущих поколений.

Тогда победили красные.

Сейчас белые изменили сюжет и осуществляют реванш: стирают легендарное повествование, выбрасывая его героев из истории. Элиты всеми силами стремятся вернуть себе роль драматурга, узурпировать ее и избавиться от лишних сюжетов.

6.4. Кризис прошлого

Кризис прошлого состоит в том, что оно перестает иметь личное отношение к живущему члену общества и превращается в необязательную мифологию.

Религиозная история в любом варианте делает начало человечества духовно близким и привязанным к повседневному существованию современников.

Это верно и для библейского концепта Адама, и для греческого мифа.

Не то происходит, когда история становится достоянием либеральных ученых.

Их стараниями генезис человеческого рода отрывается от конкретного человека сегодня.

В контексте либеральной научной истории с одинаковым успехом можно говорить о палеолите и о том, есть ли жизнь на Марсе.

Человек оказывается выведен из референтного отношения к большому прошлому.

Присутствие прошлого в виде сюжета и концепта характеризует монотеистическое сознание. Присутствие прошлого в виде безграничной чреды предков (которые, тем не менее, твои предки!) — это характеристика языческого сознания.

Профаническое сознание современного человека лишено представления о том, что прошлое имеет смысл, относящийся лично к «тебе» — человеку посреди актуальности.

Для молчаливого большинства в той части, которая контролируется либералами, нет ни Первочеловека (Адама) как духовного пращура ныне живущих, ни чреды уходящих вдаль предшественников, блюдушщих алтари семейного дома (древнеримское язычество в этом аспекте ничем не отличалось от китайского).

Для людей, это молчаливое большинство составляющих, прошлого нет вообще.

Такое состояние люмпенизированных низов устраивает либеральный клуб.

Ведь его пафосом является повышение стоимости настоящего. А эта стоимость также относительна в контексте временной оси.

Чем выше капитализация прошлого, тем проблематичнее реализуются паразитические амбиции либералов.

Либеральные историки разрушают историю народа, страны, семьи, личности. Они подвергают сомнению даты, имена, события, их очередность и их высокое звучание.

Под видом ироничного скепсиса они подтачивают прошлое и священное — как основу и смысл.

А смысл — это то, что люди лихорадочно ищут накануне страшных переломов.

Часто они облачают эти поиски в неловкие формы, превращают прошлое в слащавые мизансцены. Их либералам еще легче разрушать — ведь это просто лубочные картинки, в которые до конца не верит и сам профан, хотя и помещает их с удовольствием на стену.

6.5. Энтропия надежды. Отказ от инвестиций в потомков

Кризис будущего в том, что надежда как способ оценки своего жизненного времени подавляющим большинством социальных низов начинает обладать все более короткой временной перспективой, сжимаясь от надежды на будущее внуков до надежды на свой завтрашний день.

Левые либералы, подобно своим собратям с других участков «фронта», также паразитировали на мобилизационной динамике социальной среды.

Они избрали стратегию апелляции к молчаливому большинству, резко поменяв местами языческую религиозную идею культа предков со «вчера» на «завтра», введя культ потомков.

В сущности, это была краткосрочная стратегия, поскольку социопсихологи доказали, что интерес заурядного человека к своему потомству поддерживается только до второго после себя поколения.

Психологическая связь времен, направленная в будущее, теряется неизмеримо легче и быстрее, чем она же при векторе, направленном в прошлое.

Собственно говоря, основа инвестиций в потомков имеет почву в классической языческой религиозности.

Китаец заинтересован в потомстве, чтобы оно молилось ему и питало его своей энергетикой, когда он станет духом. Став покойным предком, китаец превращается в некий «интерфейс» от живущего человечества к Великому существу.

Китайцы, например, покупали за реальные деньги (монеты) специальные бумажные деньги, которые сжигали по праздникам, посвященным умершим, чтобы сделать финансовый дар своим предкам.

Однако левые либералы, естественно, не могли терпеть религиозную подоплеку в концепте апелляции к потомкам (хотя, например, во время русской революции она была очевидна) и неуклонно работали над профанированием и банализацией самой идеи обращенного в будущее проекта.

Пика банализации тема инвестиции в будущее достигла при Хрущеве.

Молчаливое большинство повсюду было податливо к социалистическому дискурсу о будущих поколениях: эмигранты в Америке ехали на непосильный труд и чудовищные условия существования также ради детей или внуков.

Дело в том, что исключенному из мифологической программы деклассированному люмпену важны не столько его потомки, сколько совершенно иная, гораздо более психологически оперативная вещь — надежда.

Дети есть лишь технический эвфемизм надежды, некий колышек, на которую ее можно материально повесить.

Молчаливое большинство изгнано из устойчивой, воспроизводящейся в неизменных условиях среды. Оно лишено сословных ценностей и сословного языка.

Первым важнейшим элементом сохранения связи с миром, критерием узнаваемости для молчаливого большинства является национал-патриотизм.

Однако если его вынуждают еще и покинуть родину (как при эмиграции) или принять интернационалистскую систему взглядов

(как в условиях советского социализма), то вторым эшелоном обороны оказывается надежда.

Надежда на свой завтрашний день, лучший, чем сегодня — самый бросовый психоидеологический продукт, который не востребован ни традиционалистами (у них вечность), ни либералами (у них настоящее), ни радикалами (не верь, не бойся, не проси).

6.6. Банкротство будущего

Кризис содержания мировой цивилизации в том, что она становится «не по карману» всей совокупности ныне живущих людей: спекулятивная надстройка через инструмент кредитов «проела» достояние человечества на поколение вперед.

По мере того, как происходит многоканальное замыкание всех на всех в глобальном экономическом процессе, исчезает различие между внешним и внутренним в экзистенциальном плане и осуществляется девальвация человеческого материала.

Время менеджера стоит в тысячи раз больше, чем время древнего раба, потому что на менеджера замкнуты тысячи людей, обеспечивающих его функционирование, а раб поддерживал собственное существование в одиночку, да еще и трансформировал свое время в стоимость времени другого.

Но менеджер как экзистенциальная фигура по сравнению с этим рабом, все равно что мыльный пузырь рядом с чугунным ядром.

Внутри менеджера нет подлинного человеческого содержания.

А значит, он очень далек от любых возможных аналогий с архетипическим макрокосмом — Великим существом.

Цель же метаистории, с точки зрения клуба господ, — уподобление и отождествление с Великим существом, в котором, так или иначе, должны принимать участие все человеческие существа, включенные в этот мегапроект под названием человеческий феномен.

Но можно ли через интерактив мыльных пузырей, сколь много бы их ни было и сколь высокую виртуальную стоимость им бы ни приписали, сравнить с метафизической реальностью одного простого чугунного ядра, не говоря уже о целой пирамиде таких ядер?

Мыльные пузыри мобильнее и радужнее, но человечество как проект, вопреки повышению своей коллективной стоимости, становится не ближе, а дальше от своего архетипа.

А стало быть, при росте технологической защищенности общество становится намного слабее в целом.

Общество превращается в огромный трухлявый гриб или, если угодно, голем, у которого его создатель вот-вот вынет бумажку с магической надписью — его программой — изо рта, после чего этот монстр обрушится грудой бессмысленной глины.

Последним противоречием истории оказывается метафизическая инфляция человеческой субстанции: стоимость отчуждаемого времени в абсолютных цифрах может быть огромной, но она не покрывает стоимости сохранения человечества как организованного коллектива.

б.7. Чаяние конца и «тысячелетнее царство»

Коллективный кризис человечества в том, что его физическое существование не имеет смысла вне религиозного проекта выхода из истории в новую реальность с принципиально иными законами.

Исследователи масонства время от времени встречают упоминания о загадочных ста сорока четырех тысячах праведников в белых одеждах, которые, согласно масонскому (и не только!) преданию, уцелеют от краха человечества и войдут в следующий Золотой век. Об этой цифре ничего нельзя сказать, кроме того, что это сакраментальное число двенадцать, помноженное само на себя. А вот «праведники в белых одеждах» — идея более определенная. Под ними понимаются высшие религиозные элиты (духовные деятели всех конфессий на самом эзотерическом уровне), которые отряхнут прах ветхого человечества со сво-

их подошв, чтобы пройти через паузу затмения мира в следующий эон. Там они станут зерном нового человечества, новой реальности.

Такова версия циклических смертей и возрождений в языческом религиозном сознании. Когда проблемы, порожденные внутренним кризисом «человеческого, слишком человеческого», препятствуют дальнейшему существованию не просто какой-то цивилизации, но всего человеческого рода, опыты всех мировых традиций решают вопрос утопления проблемных «человеков» как ненужных щенят и открывают очередную главу с еще неизведанными кошмарами, ожидающими еще не родившиеся поколения.

Что далеко ходить в масонские архивы? Сегодняшние философы и социологи, вроде не грешащие склонностью к оккультному, рассуждают во всеуслышание о том, что девяносто процентов человечества изжили свою полезность и должны быть уничтожены. Конечно, десять процентов оставшихся — это не сто сорок четыре тысячи праведников. Судя по всему, Фукуяма и подобные ему философы-людоеды посвящены только в первый этап...

Есть два мифа конца, два концепта преобразования. Один — элитарный — мы только что привели. Это миф, который принадлежит сторонникам антихриста, которые рассчитывают на победу. Сто сорок четыре тысячи — таково число сподвижников сатаны, армии подземного оккультного царства Агарты, чей скрытый от глаз людей монарх выйдет наружу перед наступлением хаоса.

Есть иная версия: антихрист проиграет. Проиграет тем, кто верен Единому Богу, тем, для кого постоянный кризис человеческого есть не признак его несовершенства, а указание на действие Бога среди людей.

Не будет «праведников». Будет второе пришествие Мессии-Христа вместе с ожидаемым Махди, которые возглавят армию готовых к самопожертвованию верующих, уничтожат подземелье Агарты... Вселенная zalъется потоками света, воды Иордана потекут вспять и на тысячу лет до Страшного Суда физическая реальность станет прекраснейшим цветком бытия — в первый и последний раз, прежде чем исчезнуть и уступить место Вечности...

Теология отрицания как нелиберальный урок Октября

В данном названии уже содержится некая диалектика: привычно звучало бы «теология освобождения». Суть, однако, в том, что освобождение немислимо без отрицания.

Речь при этом идет не только о непосредственной несвободе, но о чем-то гораздо большем.

Современные люди в своей массе утратили ощущение сверхъестественности исторического процесса. Некоторые из них поднимаются до разговора о метафизике истории, о смыслах и т. п., но даже мыслители калибра Ясперса не порывают до конца с гуманистической виртуальностью всех своих прозрений. Для нынешнего либерального мыслителя «человек является мерой всех вещей» едва ли не в большей степени, чем для древних греков, сформулировавших эту максиму (правда, последние имели в виду совершенно другого «человека»).

Кстати, о греках... Что отделяет язычников от тех, кто следует за пророками монотеизма? Язычники в своем классическом выражении — это носители «высокой метафизики», те, кто еще каких-нибудь пару тысяч лет назад образовывал абсолютное и подавляющее большинство населения во всем «многообразии религиозного опыта».

Они принимают мир. Реальность для язычника не просто позитивна, она безальтернативна. В ней может быть изначальная гармония и полнота, которая неизбежно в конце исторического цикла исчерпывается и искажается. Однако это подобно свету: он может быть ярким или едва видимым, но его природа при этом одна и та же.

Благодаря тому, что данному нет альтернативы, мир для язычника не содержит этической драмы, которая всегда связана с долженствованием, с движением от того, что есть, к тому, что должно быть.

Языческая мораль вне этики. Она носит ритуальный характер. Сакральные практики, как и соблюдение определенных норм и табу, нужны для поддержания стабильности и консервации мирового порядка, для того, чтобы «свет не затухал». Иначе не может быть в мировоззренческой системе, где верховным благом является сам факт бытия. С наибольшей силой этот принцип выражен у Платона, в учении которого Благо и Бытие есть одно и то же.

Основываясь на фундаментальном «пантеизме», Платон сформулировал политическую апологию «гармоничной» и «прекрасной» тирании в своем труде «Республика». Великий эллинский мудрец из всех сил старался пристроиться в советники хоть к какому-нибудь тирану и, в конце концов, нашел такового в лице Дионисия из Сиракуз.

Именно поэтому Платон с его «Республикой» служит интеллектуальной точкой отсчета для американских неоконсерваторов, чьи духовные учителя Кристолл и Перл, не скрываясь, требуют восстановить иерархическое общество, в котором не исключается и рабство. А другие современные «неоплатоники» идут дальше и рассказывают студентам в престижных американских университетах, что 90 % сегодняшнего человечества — это биологический мусор, от которого следует избавиться. Если нужно, то и насильственным путем.

Язычество со всем своим культом красоты и гармонии, седобородой мудростью и приятием сущего во всех аспектах оборачивается, в конце концов, бичом рабовладельца, мечом легионера, канонеркой колонизатора... Короче, величественной социальной пирамидой, исходом из которой для тех, кто не на самой вершине, может быть лишь желанная смерть.

Монотеист мир не приемлет. В лучшем случае он может считать, что реальность, в которую он вброшен, дана ему как юдоль испытаний, как экзамен, который он должен выдержать... Для многих же этот вопрос стоит острее: бытие есть вызов, требующий ответа, который по своему смыслу, по своей силе должен бесконечно перекрывать энергию этого вызова.

И, как сказано в Коране, «нет победителя кроме Бога»...

Парадоксальным образом некоторые избитые штампы разделяют и клерикалы, и атеисты. В массовом сознании крепко засел тезис, что

религия учит покорности властям предрержащим. «Нет власти еще не от Бога». Это же охотно повторяет большинство официального духовенства каких угодно конфессий. Но тезис-то это языческий! Он решительно опровергается священными писаниями и деятельностью всех пророков монотеизма. И Моисей, и Христос, и Мухаммад одинаково солидарны в отрицании легитимности земной власти. Понадобилась невероятная по своей интенсивности тысячелетняя промывка мозгов, чтобы трансформировать Откровение в исторически установленные (в качестве «института») конфессии, сделав их духовным оружием правящих классов, каким на самом деле испокон веков была языческая метафизика, как раз отвергнутая пророками.

То, что принесено этими последними, со всей определенностью гласит прямо противоположное: «Нет власти еще не от сатаны». Моисей об этом прямо говорил фараону, а библейские пророки напоминали об этом иудейским царям; Христос недвусмысленно идентифицировал с сатаной не только кесаря, но и коллаборационистов-раввинов, начиная с Каиафы; что же касается Ислама, опирающегося на кораническое Откровение, то один из аятов по этому поводу гласит: «Мы (то есть Аллах) поставили во всех селениях правителей преступниками...»

История двух последних тысячелетий — это непрерывная борьба верующих низов (есеев, катаров, анабаптистов, шиитов, салафитов, ваххабитов, старообрядцев) против власти и социального миропорядка под знаменами религиозной справедливости. Для любого верующего монотеиста авраамическое Откровение (независимо от конкретной монотеистической конфессии) не является культурным фактом, существующим лишь в человеческом пространстве, но, скорее, подобно «трубному гласу», призванному «оживить мертвое». Именно поэтому его этическая установка всегда будет состоять в неприятии данной ему при рождении реальности, представляющей «ветхое бытие» — во имя преображенной будущей реальности, которая возникнет как результат революции, осуществляемой Самим Богом.

Специфика Октября как раз в том, что в 1917-м произошла первая и, по-видимому, последняя революция, осуществленная под антирелигиозными лозунгами. Декларативный атеизм большевистского проекта не был исключительно западным продуктом. Русская почва к

этому была готова самостоятельно. Еще декабристы не порывали вполне с религией, и некоторые из них без сомнения являлись глубокими мистиками. Но сразу после них в антиправительственную политику пришли подобные Добролюбову недоучившиеся семинаристы, бунтующие против отцов поповичи, для которых атеизм был практическим инструментом эмансипации в рамках собственного происхождения и собственных биографий. В то время было невозможно отрицать клерикальную корпорацию, не отрицая того, что считалось ее учением. Только в XX веке, через два-три поколения после Бакунина и Герцена, пришло понимание того, что «Бог — церковь — государство» не является неразделимым синонимическим рядом.

...Октябрь слишком хорошо изучен со стороны своей антирелигиозной «составляющей». Однако парадоксальный урок, который из него можно извлечь, заключается именно в том, что как антирелигиозное свершение он провалился; более того, атеизм большевиков являлся «надстройкой», не только не направлявшей ход революции, но во многом мешавшей ей.

Что бы ни думали про себя Ленин и Троцкий, массы, которые решили на полях Гражданской войны исход исторической битвы между старой Россией и новым «красным проектом» в пользу последнего, вдохновлялись чисто религиозными чаяниями. Основная масса бойцов Красной армии, которой командовал Троцкий, состояла из старообрядцев и религиозных сектантов, традиционно враждебных к правительствующей церкви и царскому режиму. Кроме того, именно в этой среде религиозное чувство было особенно живо, превратившись в выхолощенную привычку или откровенную профанацию там, где господствовала казенная «духовность».

Эту религиозность красных революционных масс отразили в своих текстах такие острые и наблюдательные мастера, как Платонов и А.Н. Толстой. Поражает сходство духовного пространства революционных низов у обоих авторов, несмотря на огромную разницу между ними (местами в «Голубых городах» А. Толстой почти буквально воспроизводит атмосферу «Чевенгура»).

Не только массы, но и творческая интеллигенция принимали революцию как религиозно чаемое событие. Общим местом было бы

упоминание Блока с его «Двенадцатью». Гораздо показательнее позиция Клюева, Есенина, Клычкова, типичная для религиозных интеллектуалов со старообрядческими корнями. Конечно, в глазах большинства исследователей ни Блок, ни Клюев не смогли бы перевесить томика «Материализма и эмпириокритицизма» (работы, впрочем, случайной и конъюнктурной, тем более написанной за 10 лет до революции). Правда, однако, в том, что в полную силу советский атеизм развернулся в 1924–1941 годах и оказался тесно связанным с трагедиями раскулачивания, коллективизации, индустриализации, пресловутой борьбы с басмачеством и т. д.

«Кулаки» советского времени были героями Гражданской войны, получившими свои наделы по ленинскому Декрету о земле. Иными словами, сталинская номенклатура повела борьбу с ветеранами, служившими под командованием Троцкого, в большинстве имевшими старообрядческие или сектантские корни. Без разгрома «сельского троцкизма», опиравшегося как минимум на пять миллионов крепких хозяйств, невозможно было провести в 30-е кампании зачисток против троцкистской интеллигенции в партии. Кроме того, расправа со старообрядчеством и иным религиозным инакомыслием расчищала площадку для сталинского проекта возрождения прокремлевской РПЦ. Так что клубы «Безбожник», деятельность Е. Ярославского и демонстративное срывание крестов с церковей фактически стали частью ползучей контрреволюции, которую под большевистскими лозунгами осуществляла новая, тоталитарная номенклатура.

К сожалению, сегодняшние левые, безнадежно буксующие в окопках скомпрометированного и несостоятельного марксизма, не способны вывести из Октября тот главный урок, который необходим революционерам нынешнего и завтрашнего дня. Проиграл не «красный проект», проиграло либеральное сознание, которое завладело этим проектом и завело его в тупик. Революции, конечно, будут потрясать мир и дальше. Каждая будет ставить вопрос о судьбе человечества шире и глубже, чем предыдущая. Одного больше не будет никогда — революции под антирелигиозным флагом, поскольку либеральное сознание в XX веке потерпело окончательное поражение как на крайне левом, так и на крайне правом фланге.

Очерки к «Геологическому манифесту»

I. Кризис сознания

1. Парадоксальная поляризация

В начале XXI столетия мыслящая публика практически во всех интеллектуально и культурно идентифицированных зонах мира (Северная Америка, Европа, Исламский мир, Китай, Южная Азия) обнаружила парадоксальную поляризацию глобального человеческого сознания, разделившегося на две жестко противостоящие друг другу духовные силы. Одна из них представляет собой установку на крайнюю степень релятивизма, если даже не фиктивности, всех возможных ценностей и истин.

Другой же полюс мирового сознания сосредоточен на безусловном утверждении того, что полагает истиной, и вполне серьезен, утверждая абсолютный характер своей веры и безусловную готовность идти до конца в противостоянии всем остальным подходам и перспективам.

Полюс релятивизма рассматривает все содержание человеческого духа как психический мираж, как нечто несущественное, возникшее в силу тех или иных внешних обстоятельств в ходе исторического времени. Все элементы этого миража примерно равнозначны с точки зрения своей содержательности, все они лишены этической нагрузки, иными словами, «загрузка» в свое собственное сознание тех или иных элементов из общечеловеческого наследия экзистенциально ни к чему не обязывает. Человек, способный отдать жизнь или убить за идею одновременно дурак в социальном смысле и сумасшедший в психическом плане. Синтез социальной глупости (неадекватности, в своих крайних проявлениях именуемой «социопатией») и клинического безумия называется «экстремизмом».

Экстремисты, согласно этой поляризованной оценочной позиции, суть те, кто имеет достаточно мощную этическую ангажированность,

способную подвигнуть их на поступок во имя «несущественного и абстрактного». Для тех, кто видит экстремизм таким образом, нет принципиальной разницы между убийством, произошедшим из-за спора о сравнительных преимуществах тех или иных культурных артефактов, и убийством, совершенным в качестве мести за религиозное и национальное оскорбление.

Для другой же стороны, наоборот, обыденная жизнь сама по себе лишена самостоятельного значения, это лишь фон для реализации действий, имеющих отношение к Безусловному. В глазах представителей этой альтернативной позиции человек сам по себе ничего не значит, он — «пыль на ветру» до тех пор, пока не примет на себя этические обязательства, превращающие его в инструмент высшей воли, Провидения.

Нетрудно заметить, что представители первой, релятивистской, позиции образуют наиболее громко звучащее и заполняющее почти все медийное пространство «моральное большинство», задающий тон в информационном поле истеблишмент. Эта позиция претендует на то, чтобы отражать реальные установки «властей предрежущих», то есть международного политического сообщества, ответственного за принятие исторических решений.

Такое отождествление между релятивистами, отрицающими духовные принципы как нравственный императив, и действующими властям проходит тем легче, что последним приходится по душе орудие постановки на место носителей альтернативной точки зрения, а именно, ярлык экстремизма, которым с одинаковой охотой пользуются и прокуроры и публицисты.

Даже если заподозрить, что между властью и теми этическими агностиками и культурными нигилистами, которые претендуют обслуживать эту власть, нет такого уж полного отождествления, то и в этом случае придется признать, что эти нигилисты и те, кто держат сегодня в руках бразды правления, нуждаются друг в друге и представляют собой род социального симбиоза. Это пространство релятивизма, эта позиция, которая постоянно вырабатывает разлагающий яд отрицания любой вертикали, любого «поползновения» к мужеству, вышла и за салонные, и за академические интеллектуаль-

ные рамки, став доминирующим общественным трендом под именем постмодернизма.

Еще раз повторимся: было бы преувеличением утверждать, что мировая власть сегодня является по существу постмодернистской, но совершенно понятно, что между ней и постмодернизмом существует брак по расчету.

Выводы, которые следуют из этой констатации, могут показаться неожиданными тем, чье сознание уже отравлено этим самым постмодернизмом: впервые за тысячелетия Великой истории всемирная власть рассматривает сам факт нравственного императива как вызов себе и как политический экстремизм, а отсутствие этической мотивации — как свидетельство благонадежности и гражданский долг. Нам могут возразить, что это похоже на преувеличение: разве американцы не вывешивают в дни национальных праздников из окон своих частных жилищ государственные флаги США? Разве они не слушают свой гимн, подняв залитые слезами глаза к небу и приложив кулак к сердцу? И разве, увидев что-то, выходящее из рамок привычного, не спешат за помощью к ближайшему полицейскому? Каких же еще этических добродетелей, каких таких иных нравственных императивов вам надо?

Законопослушный «бюргерский» патриотизм в качестве этического контента — это особая тема и не только повод для сарказма. На самом деле, то, что относится к «государственническим инстинктам» — от инфантильной потребности обывателя в патернализме бюрократической махины до мазохистского наслаждения, которое деятели культуры испытывают, получая жирные плевки от власти в лицо, — все это составляет, скорее, «историю болезни», материал для постановки клинического диагноза современному «человеческому фактору».

Бесспорно, что сегодня в той части мирового общества, которая называется «западной», стремительно происходит инфантилизация масс. Западные государства все больше напоминают детские сады со строгими воспитателями во главе. Малышам не приходит в голову оспаривать авторитет взрослых, они счастливы, когда их приглашают поучаствовать в «общем деле» и, конечно, дальше всего от них сама возможность подумать о противостоянии «педагогическому коллективу».

(Такое положение на Западе было немыслимо еще пару поколений назад! Вся великая литература, которая составляет основу академической художественной классики совокупной западной цивилизации, — от Достоевского до Бальзака и Диккенса — это свидетельство воли обычного человека быть вне Системы. И достаточно красноречиво то, что все, именуемое современной постмодернистской литературой, в конечном счете, сводится к потоку беспроблемного детского щебета!)

Однако, главное для нас — это констатация наличия не одного только постмодернизма, который, не имея противостоящей себе «экстремистской» альтернативы, знаменовал бы собой тихую смерть человечества, сходящего на нет в слюнявом маразме. «Экстремизм» есть, как есть и воля к безусловному, в движение которой включена достаточно значительная часть человечества, и это побуждает нас говорить не столько о маразматическом конце, сколько о кризисе человека.

Этот кризис находит выражение во многих существенных проявлениях человеческого фактора: таковы кризис Сознания, кризис Общества, кризис исторического Времени... Наконец, это кризис биологического человека в том, что затрагивает собственно «животную» сторону человеческого проявления в реальности.

2. Проблемы человеческого сознания

На самом деле квалификация сознания как «человеческого» в нашем случае есть фигура речи. Разумеется, сознание проявляется на человеческом уровне, но если бы оно было эпифеноменом человеческого фактора, неким побочным продуктом, возникающим в результате воздействия внешних обстоятельств на биологические существа из отряда приматов, — о таком сознании не стоило бы и говорить изначально.

Нас интересует сознание как некая «точка сборки», вокруг которой структурируется бытие; более того, «точка», которая противостоит этому бытию, выходя из сугубо бытийной сферы, вплоть до того, что не подлежит определению с помощью онтологических квалификативов; ограничивает собой бытие и является «кровоточащей травмой», нанесенной самой «плоти» сущего; иными словами, сознание для нас —

это содержательный смысл сущего, которым само сущее не владеет и не распоряжается, но к которому человек на особых условиях имеет определенный доступ.

Именно такое сознание является заложником «мирового времени». Употребляя это выражение, мы дистанцируемся от более или менее известных и ожидаемых понятий, связанных со временем, таких как «космическое время», «историческое время» или, например, «личное экзистенциальное время», относящееся к жизни смертного индивида.

«Мировое время» имеет в виду все это и нечто большее. Оно соединяет в общем пересечении длительность, относящуюся к циклу проявления пространственно-временного континуума, с мимолетным существованием физической личности, которая выглядит на фоне чудовищного костра Универсума как моментальная траектория случайной искры. Тем не менее, и искра, и костер очевидно совместимы как феномены хотя бы в плоскости созерцательного взгляда... В нашем же случае историческое время есть не что иное, как прямая адаптация нескончаемых волн скоротечных существований к небесно-земной клепсидре, где верхние воды капля за каплей перетекают от изначального «Да» к финальному «Нет».

Что же означает только что сказанное? Каким образом столь различные масштабы длительности с безграничными вариациями внутреннего темпа совмещаются в общем представлении, более конкретном, чем просто абстрактные указания на идею времени?

Только благодаря сюжету!

В отличие от «космического времени» как универсального проявления второго начала термодинамики, в отличие от «биологического времени», являющегося частным случаем того же второго начала, в отличие также от «времени исторического» как длинной череды событий и персонажей, находящихся в спорной и плохо доказуемой причинно-следственной зависимости, «мировое время» есть Сюжет. На это в какой-то степени намекают космогонические мифы древних, служащие современным физикам неисчерпаемым источником свежих мыслей.

Сознание есть главное действующее лицо этого Сюжета. Точнее, сознание как перспектива смысла, возможность смысла, проецируется в нескольких фундаментальных, противостоящих друг другу ас-

пектах, каждый из которых выступает в качестве самостоятельного игрока, претендуя на то, чтобы стать решающей и последней реализацией всего сознания.

Это очень напоминает театр. Ведь действующие лица пьесы представляют собой, на самом деле, противостоящие друг другу облики одного замысла, одной сверх-идеи, не могущей состояться без разделения на игроков. В конечном счете, в итоге успешного Сюжета, его подлинный смысл остается единственным действующим лицом, с которым остальные лишь в большей или меньшей степени могут ассоциироваться. Идея сюжета, дух драмы выходят за рамки любой конкретной роли, но все-таки Гамлет как действующее лицо почти совпадает с «Гамлетом» как центральной проблемой шекспировской пьесы.

Уровень сознания, который здесь нами рассматривается, настолько же высок, насколько и прост. Аспекты, на которые это сознание разлагается, суть фундаментальные первичные позиции или, если угодно, «движения духа». Принятие бытия как своего безальтернативного содержания, его «переутверждение» в субъективном отрефлектированном ключе и, соответственно, воля к тому, чтобы это утверждение пребывало всегда вне изменений и убытка, — вот одна фундаментальная позиция сознания, которую назовем здесь «традиционалистским», консервативно-созерцательным «модусом».

С другой стороны, восприятие того же самого бытия как скрытого заблуждения, которое нужно разоблачить и преодолеть в серии испытаний, — противоположная, но не менее фундаментальная позиция, которую можно назвать радикальным, или экстремистским модусом. Эти позиции не единственны, но они предельны в своей оппозиции друг другу.

Драма признания сущего или отвержения его — это осевой сюжет мировой длительности. Именно он зашифрован в крайне сложном многоподтекстовом описании на первый взгляд предельно простой коллизии между Богом и Адамом в начале Книги Бытия.

Были бы неуместными в нашем случае любые предположения, что такая концепция сознания в качестве внутреннего содержания драмы «мирового времени» представляет собой некие вариации на гегелевские темы. Более того, излагаемое здесь — это, скорее, своего рода

«Антигегель», причем не только в том плане, что германский философ находился в луче воздействия первой фундаментальной позиции из только что упомянутых нами, в то время как мы сами вдохновляемся, скорее, второй.

Более принципиально то, что для Гегеля бытие и сознание безусловно совпадали, как, впрочем, и для всей славной вереницы его предшественников, восходящей к Платону... Для нас же существует безусловное нетождество бытия и сознания, таким образом, что если одно есть жизнь, то другое — смерть, если одно есть свет, то другое — тьма. Причем на данном этапе принципиально неважно, что в этой паре является светом и жизнью (или, может быть, светом и смертью), а что — наоборот!

Добавим, прежде чем перейти к другому плану изложения, то, что сознание — телеологично, в то время как бытие — ни в коем случае; попросту говоря, в этом оппозиционном противостоянии бытие не имеет никакой цели, а сознание обладает способностью к целеполаганию. Сюжетность же и исход глобальной драмы определяются именно тем, какова будет «на выходе» цель Сознания.

3. Культ объекта

В Исламском Средневековье среди суфийских авторов была популярна символическая тема о самозарождении и последовательном развитии через все стадии биологической эволюции единственного человеческого существа, которое приходит за счет внутренних духовных ресурсов к высотам познания и финальному воссоединению с абсолютным. «Живой сын Единственного» — парадигма Адама, реализующего в себе всю полноту возможных состояний существа, подобно, в некотором смысле, барону Мюнхгаузену, вытаскивающему себя за волосы из болота. Цель этой притчи состояла, прежде всего, в том, чтобы продемонстрировать, что «религия тождества» безальтернативна и естественна и всё сущее фатальным образом приходит к ней, начав с личинки, «заведшейся от грязи», и кончая «Архангелом».

Проблема, однако, в том, что ближе к истине не суфийские мудрецы, а герой профана Хемингуэя, который, умирая, хрипит: «Человек, один... не может ни черта!»

История самостановящегося сверхсущества, прописанная тысячу лет назад, лучше чем все дарвины и энгельсы XIX столетия высвечивает несостоятельность эволюционного имманентизма, крах мифа о самодостаточном Мюнхгаузене.

Новорожденный — это беспомощная, бессмысленная личинка, которая с момента своего рождения попадает в тиски общества. Общество учит его узнавать и называть предметы, ориентироваться в пространстве, соотноситься со временем; общество прививает ему «инстинкт» целесообразности, набор побудительных стимулов, тот симулякр сознания, в котором растворены 999 из каждой тысячи. Биологическая индивидуальность, появляющаяся на свет, — это мягкий воск (в колыбели еще горячий), ждущий соприкосновения с твердой поверхностью печати, которая выдавит на нем неменяющийся до могилы знак.

Эта печать — Общество. Но кто ее сделал? Понятно, что не какой-то конкретный человек за счет собственных духовных и интеллектуальных ресурсов и не группа людей, и не все люди вместе в своей муравьиной непрерывной деятельности, будто бы что-то меняющей или что-то подтачивающей. Ведь все они рождаются беззащитными перед уже готовой формой, которая существует до них и вне них.

При этом мы не встаем на платформу того крайнего упрощения и банализации вопроса, которой является марксистский тезис: «Бытие определяет сознание». Дело обстоит совсем иначе. У новорожденного будущего человека нет никакого сознания, а Общество как раз представляет собой сознание в некоей объективированной, проявленной в виде определенной системы, форме. Все Общество в совокупности есть сознание, данное в своей неподлинности. Мы имеем в виду, что сознание, «материализованное» в виде Общества, не свидетельствует ничего, не подразумевает ничего, но является просто самодостаточным контентом, оттиском живой духовной реальности, которая на уровне Общества непосредственно не проявляется.

Человек, вброшенный в «нулевом состоянии» в конкретную цивилизацию, обнаруживает в ней застывшее сознание как объект. Это напо-

минает программу компьютера, по которой тот работает в определенном режиме, совершает определенные действия в ответ на определенные сигналы, — но при этом «не знает», что он включен. Человек может превратиться либо в очередной чип, поддерживающий работу всей системы, либо же на определенном этапе своей формации вдруг «зависнуть», перейти в оппозицию к системе. Наиболее интересным моментом здесь оказывается именно эта оппозиция: за счет чего?

Мы обнаруживаем неполное совпадение между печатью и оттиском. Сам по себе этот зазор не является активной творческой силой. Он всего лишь образует то рассогласование, ту «щель», куда может войти нечто, не составлявшее часть «программы».

Общество есть форма существования псевдосознания, иными словами, существования сознания как объекта. Человек же появляется на свет как некое конкретное единичное бытие, внутрь которого вставлен «кусочек» небытия. Это небытие дано в момент появления физического индивидуума как его уязвимость, преходящесть, неизбежная смерть. Все это различные аспекты общей ситуации, в которой находится единичное биологическое существование: финальность.

О финальности можно говорить в этих трех «ипостасях», которые представляют собой различные уровни интериоризации конца. Уязвимость обнаруживается в первой же ссадине или первой капле крови на эпидерме: ребенок встречается с тем фактом, что он телесно хрупок, а вещественный мир враждебно плотен. Это внешнее, периферийное переживание финальности: ограниченность тела средой, фронт, проходящий на стыке я и не-я по поверхности кожи.

Преходящесть обнаруживается ребенком в феномене исчезновения близких. Умирать старики, умирают родители, несчастные случаи происходят со сверстниками. Те, кто составляли узнаваемый элемент человеческого пейзажа, вдруг исчезают: были — и нет. Это финальность, случающаяся с другими.

Где-то тут же рядом брезжит обнаружение наиболее внутреннего аспекта финальности — «моей» собственной смерти. «Я тоже умру. Меня тоже не будет», — и после некоторого раздумья дополняется: «Как не было раньше». (Не будем забывать, что человек стихийно открывается, в первую очередь, на свое предстоящее несуществование,

но очень туго и поздно доходит до не теоретического, а экзистенциального опыта своей «смерти наоборот» — того, что его не было никогда до рождения. Человек склонен — как отмечали неокантианцы — «примысливать себя к прошлому». Самым ярким образом эта невозможность пережить «смерть, предшествующую жизни» выражается в теории предсуществования душ.)

В зрелом состоянии (а зрелость не зависит от биологического возраста!) человек владеет опытом всех аспектов финальности; он остро чувствует смерть внутри самого себя. Именно на этом этапе для него, может быть, начинается догадка, что его небытие — единственное, что в нем абсолютно его, то есть то, что он не разделяет ни с кем. «Каждый умирает в одиночку», как хорошо сказал Ганс Фаллада. Но этого мало: именно за счет не разделяемой ни с кем смерти «каждый» и является самим собой.

Таким образом, возвращаясь к теме рождения нежной и ранимой человеческой личинки в чудовищном, отчужденном как обратная сторона луны, пейзаже общества, мы приходим к своеобразному треугольнику: Общество (оно же — сознание в его объективированной форме) — индивидуальное бытие, становящееся мягкой субстанцией для восприятия оттиска, — внутреннее небытие, которое составляет уникальность и одновременно неповторимый привкус здесь-присутствия. В этом раскладе внутреннее небытие — «отложенная смерть» — берет на себя функции живого сознания, того, которым наделено свидетельствующее я. Свидетельствование есть результат оппозиции, которая создается фактом абсолютного нетождества между объектным миром и вот этой актуальной и одновременно уникальной финальностью смертного существа.

В конечном счете, через тонкую перегородку физической личности друг другу противостоят два этих полюса, ангажированных в дуэли насмерть: Сознание-объект, воплощенное в Обществе, и свидетельствующее сознание, личное внутреннее небытие, обнаруживающее себя в качестве единственно возможного подлинного субъекта.

II. Крах либерализма и кризис современной истории

1. Бремя истории

История есть сюжетный концепт, который навязывает ныне живущим людям некую общность. В частности, национальная история, апеллирующая к ключевому событию-травме, навязывает тем, кто это событие принимает как личную «точку сборки», национальную общность. Историю можно также рассматривать под классовым, конфессиональным, цивилизационным или идеологическим углом, и всякий раз мы будем иметь дело с некими существующими в данный момент общностями, которые возникли через референтную ссылку на имеющую к ним отношение историю.

Совершенно бессмысленным является вопрос, соответствует ли та или иная конкретная «история» так называемой объективной правде, действительно ли в событийном плане она имела место. Сама по себе событийность не существует иначе, чем в интерпретации, движение времени не существует иначе, как сюжет. Под этим углом зрения любая «история», будь то история Коммунистической партии Советского Союза, история евреев или история индийской цивилизации в масштабах соответствующего субконтинента — все это будут некие пьесы, написанные определенным драматургом и поставленные определенным режиссером. Общности, существующие на базе этих «историй», суть либо актеры, согласившиеся участвовать в данной пьесе, либо аудитория, эксклюзивно избравшая именно эту пьесу как объект своего зрительского участия (ибо несомненно, что любая «историческая пьеса» предполагает две четко различающиеся группы: актеров и зрителей, в роли последних, как правило, выступает молчаливое большинство населения, кооптированного в данную общность).

Есть, таким образом, разные уровни сюжетности и, соответственно, существует макросюжет: глобальная история человечества.

Если посмотреть на вопрос именно таким образом, то окажется, что история — это психологическое, экзистенциальное, экономическое и политическое бремя, потому что бременем во всех этих планах является принадлежность к общности. Включенность в любую общ-

ность предполагает ответственность перед нею, предполагает издержки, на которые член общности вынуждается. Люди платят своей жизненной энергией, своим экзистенциальным ресурсом даже за вхождение в состав обыкновеннейшей семьи, не говоря уже о «членских взносах» разного уровня и тяжести за вхождение в ряды политической партии, религиозной общины или нации.

В отличие от семьи или религиозной общины, специфика которых внеисторична (несмотря на то, что у «религии» как конфессии, безусловно, есть сюжетная «история»), общности, основанные на истории, подчиняют актуально живущих людей диктату прошлого. Этот диктат нельзя даже назвать традицией, ибо апелляция к событию-травме, вокруг которого собирается коллективное сознание, — это не апелляция к сакральному, к мифу. «Мифом» историческое событие можно назвать только в дурном смысле, а именно, в том, что во имя своей функциональности оно не имеет ничего общего с так называемой объективностью.

Таким образом, все, кто несут повинность во имя принадлежности к тому или иному соединению человеческих существ, являются заложниками драматурга и режиссера, отвечающих за конкретную пьесу.

Значительная часть исторического бремени, переживаемого практически каждым, включенным в социальную ткань человечества, состоит именно в аспекте фиктивности. Как бы ни были промыты мозги у социально и национально ангажированного индивидуума, подсознательно он все равно ощущает навязанное ему участие в «исторической пьесе» то ли в роли актера, то ли в роли зрителя как нечто внешнее себе. Самоидентификация через общее прошлое всегда имеет в себе привкус лжи и отчуждения, ибо актуальное существование смертной личности не может быть ни описано, ни идентифицировано, ни, тем более, «искуплено» через историческую сопричастность.

2. История и общественный интерес

Каждый человек обременен причастностью не к одной, а ко многим общностям. Во-первых, он является членом семьи. Во-вторых, суб-

культурной или идеологической группы. В-третьих, профессионального сообщества. В-четвертых (а для некоторых как раз «во-первых»), входит в конфессиональную группу... Далее, этот же человек принадлежит к некоторому этническому полю, является гражданином определенного государства, то есть еще и детерминирован административно определенным «сообществом»... Наконец, все тот же индивидуум в последнем счете оказывается членом просто Общества как некой макроорганизации человеческого фактора.

Нетрудно заметить, что все эти многочисленные «принадлежности» неизбежно должны противоречить друг другу с разной степенью интенсивности. Членство в семье вступает в конфликт с «ответственностью» гражданина, конфессиональная принадлежность вполне может конфликтовать с национальной, а также культурной или политической... Наконец, эти последние также не обязаны находиться в гармонии между собой.

И только Общество выступает универсальным знаменателем для всех этих противоречивых сообществ, к которым принадлежит несчастный индивидуум. Общество, в конечном счете, является бенефициаром всех тех отчуждений и отчислений из жизненного ресурса, которые индивидуум обязан делать семье, конфессии, клубу, цеху, нации, государству и т. д.

Более того, «фунт мяса», который общество получает с каждого, в конечном счете, и слагается из унций, отнимаемых порознь каждым «подсообществом».

Таким образом, можно сказать, что Общество кровно заинтересовано в исторических сюжетах, благодаря которым возникают различные фиктивные привязки и ангажированности, Общество заинтересовано в том, чтобы мобилизовывать своих членов через принадлежности к эшелонированной системе различных мелких общностей. Проще говоря, Общество заинтересовано в истории как горизонтально и вертикально дифференцированном «мифе» о прошлом.

Такое положение дел сохранялось практически всегда, вплоть до наступления Нового времени.

3. Эпоха либерализма

Новое время можно охарактеризовать как эпоху кризиса исторической драматургии. В так называемый традиционный период существования человечества предполагалось, что автор исторического (и тем более, метаисторического) сюжета — Сам Господь Бог, а режиссерами выступают «цари и герои». То есть, как организация событий, так и их интерпретация, с точки зрения обычных участников и простых зрителей, осуществлялась на трансцендентном уровне. У обывателя не было обратной связи с историей. Выражаясь «капиталистическим» языком, он не был ее акционером, хотя бы даже миноритарным. История для рядовых смертных выступала как судьба, а вхождение в те или иные «подобщества» носило характер роковой предопределенности.

Однако уже в XVIII веке ситуация начинает меняться. В Европе возникает Либеральный клуб — категория людей, которые воспринимают свою деклассированность не как социальный дефект, а как потенциальное преимущество. Эти деклассированные персонажи связаны с так называемыми «либеральными профессиями»: частнопрактикующие врачи, адвокаты, представители артистической и, шире, творческой богемы и т. д. В целом, это люди, которые получают средства к существованию не из своего отношения к средствам производства и производственному процессу, а из социальных нужд, возникающих благодаря интенсификации общественной динамики.

В XVIII веке идет социальная мобилизация снизу: крестьяне вытесняются в города, мелкая буржуазия расслаивается, растут возможности крупной буржуазии, особую роль играют финансовые спекулянты, дворянство начинает жить в кредит и т. п. Общество «перегревается», и избыток тепла порождает ширящуюся прослойку либералов, паразитирующих на этой динамике.

Либералы больше не воспринимают историю как судьбу, более того, они намерены свести генезис исторического процесса из «эмпирей» на уровень своих деловых кабинетов или артистических мастерских. Либералы генерируют начало «проектного мышления», нарратив, то, что становится основой для пробивающего себе дорогу «модерна».

Теперь уже Либеральный клуб проектирует общности, в которые должны входить рядовые обыватели. Следовательно, именно либералы должны писать для них драматургию прошлого, попросту говоря, историю.

Либерализм часто путают с буржуазией, а либеральный дискурс, особенно в его правой версии при этом отождествляют с буржуазной идеологией. В действительности, либерализм во всех версиях декласирован и способен лишь имитировать сословные дискурсы, в том числе и буржуазный, если это нужно по каким-то конъюнктурным соображениям. Однако, в глубине своей души либералы принципиально враждебно относятся к аристократии, к клерикалам, к буржуазии да, собственно, и к простому народу, хотя в каждом конкретном случае, причина либеральной враждебности к сословиям — разные.

За два с половиной века — от начала эпохи Просвещения до наших дней — либералы фактически узурпировали историю, приспособили ее для своих паразитических целей, сфабриковали национальные государства, в которых реальная «национальная» буржуазия стала таким же объектом эксплуатации, как и наемная рабочая сила... Короче, либералы почти преуспели в том, чтобы отождествить себя как некий социополитический клуб с Обществом в целом. Почти!

4. Проблема «модерна»

Либеральный клуб изначально являлся социальной эфемеридой. Именно поэтому он не мог, несмотря на аккумуляцию в своей среде большей части интеллектуальных ресурсов Общества, выдвинуть от своего имени единый дискурс. В итоге возникли несколько идеологических потоков либерализма — от крайне левого до крайне правого. Все эти потоки характеризовались неприятием, в первую очередь, буржуазии (аристократия и церковь подвергались вторичным атакам, интенсивность которых определялась левизной или правизной, в зависимости от конкретного случая), культом труда, идеалом бесклассовости, достижимым в некой перспективе. Проектное мышление требовало переноса акцента с прошлого на будущее, таким образом,

что новый подход к социальной мобилизации фактически не оставлял в «пьесах либерального авторства» зрителей. Все необходимо становились актерами во имя завтрашнего дня.

На крайне левом фланге встал марксизм и принявшая его на вооружение международная социал-демократия, на крайне правом — фашизм и национал-социализм. Последние точно также ориентировались на ликвидацию классов, но не на платформе постпролетарского коммунистического общества, а в рамках модернизированной нации, в которой участники и организаторы производственного процесса сверху донизу образуют «мегакорпорацию».

Культ труда вытекает из самой паразитической сути либерального клуба: ведь фактически либералы отождествляли общественный интерес со своим корыстным «клубным» интересом (характерно, что в эпоху, когда буржуазное сословное самосознание еще не было вытеснено и подменено либеральной популистской демагогией, буржуазия рассматривала трудолюбие как свою сословную добродетель практически религиозного свойства, отнюдь не предназначенную для использования в качестве мобилизационной технологии).

До 1945 года Либеральный клуб ощущал себя недостаточно сильным и самостоятельным, чтобы говорить от своего имени. Поэтому на левом его фланге марксизм говорил от имени пролетариата, а на крайне правом национал-социализм делал ставку в качестве субъекта политического действия на мифологизированную категорию «народа». («Пролетариат» же оказался мифом едва ли не в большей степени, чем «народ»: ни в одной марксистской революции, начиная собственно с Великого Октября рабочий класс не играл сколько-нибудь значительной роли, и ни в одном послереволюционном социалистическом обустройстве общества он не занимал сколько-нибудь заметных социальных позиций — если, конечно, не брать в расчет пропагандистские мифы!)

Либеральный клуб вынужден был апеллировать к сконструированным виртуальным субъектам проектируемой истории, потому что ощущал, во-первых, свою эфемерную паразитическую сущность, а во-вторых, нелиберальные или прямо антилиберальные силы в мире до 45-го года не уступили своих позиций и даже не были серьезно потеснены.

Главными же силами, противостоящими либерализму, были традиционная наследственная аристократия, связанная с монархическим истеблишментом, промышленная буржуазия, контролировавшая реальный сектор экономики, а также радикальные элементы в самом широком смысле слова.

Победа США и СССР в 1945 году привела к тому, что традиционная аристократия была оттеснена от непосредственной выработки политических решений, промышленная буржуазия разгромлена, лишена собственности или подчинена финансово-ростовщическому «фиктивному» капиталу, а радикальные элементы нейтрализованы благодаря сговору «красной» Москвы с «империалистическим Западом». В итоге либерализм, опиравшийся, прежде всего, на Соединенные Штаты как на свою геополитическую базу, счел возможным выступать напрямую уже от своего собственного имени.

Однако при этом оказалось, что крайне правое националистическое проявление Либерального клуба в лице европейского фашизма разгромлено, а поражение левого — марксистского — крыла либерализма наметилось — и реализовалось — в течение жизни одного поколения.

Именно в этих — крайне левом и крайне правом — флангах Либерального клуба максимально реализовался проектный потенциал либерализма как крупнейшего «игрока» новой истории. К концу XX века либерализм оказался оголенным, лишенным проектного потенциала, «сведенным к самому себе». Иными словами, к концепции чистого потребления, защищенного аппаратом полицейского государства.

Либерализм, потерпев поражение в облициях «мифологических субъектов», действующих от его имени, обнаружил свою подлинную природу социального паразита, пытающегося подменить собой механизмы действительного Общества. (Как нельзя лучше это проявилось в самих США, которые благодаря торжеству спекулятивного финансового капитала, сопровождающемуся исчезновением реальной экономики, превратились в крупнейший тормоз технологического и культурного развития для всего мира.)

5. Цивилизационный кризис

Административно-политический триумф Либерального клуба, сопровождающийся его внутренним духовно-интеллектуальным провалом, привел к тому, что финансово-ростовщический капитал окончательно восторжествовал над промышленным во всемирном масштабе, поляризовав глобальную экономику на две взаимодополняющие части: экономику производства и экономику потребления.

Поскольку через ростовщические кредиты все активы оказались в руках у спекулянтов, торговцев «воздухом» и прочих паразитов, мировая цивилизация лишилась свободных ресурсов, необходимых для дальнейшей социальной мобилизации огромных пластов человеческой «периферии».

Никто не собирается вкладывать средства, для того чтобы подтянуть три четверти человечества до уровня глобального мегаполиса, в котором живет пресловутый «золотой миллиард». (В действительности, «золотое» качество этого миллиарда весьма относительно: он крайне дифференцирован.)

Именно поэтому динамика социальной мобилизации глобального общества фактически стагнирует на протяжении последних пятидесяти лет.

Но Либеральный клуб — это паразит, снимающий ресурс именно с экспонентального роста социальной динамики. В условиях стагнации либерализм садится на голодный паек и начинает задыхаться. Именно тогда возникает «новая правая» идея: масштабный демонтаж социальной структуры, сбрасывание с «корабля современности» тех, на развитие кого нет «лишних» средств. (Именно этим объясняется появление на первый взгляд «фантастических» рассуждений о необходимости так или иначе, вплоть до физического уничтожения, избавиться от 90 % нынешнего населения Земли.)

Дело в том, что Общество выделяет избыточную энергию, не только вовлекая в свою орбиту доселе не социализированные архаичные пласты населения, чему в последние двести лет способствовал проектный либерализм, оно выделяет также энергию и при демонтаже уже достигнутого уровня социализации. Так, «советские» либералы,

пришедшие к власти в 1991 году, получили огромный приток ресурсов за счет демонтажа такой высоко социализированной структуры, какой было советское общество. Рейганизм и «рейганомика» относятся к тому же порядку явлений: закрытие социальных программ, сокращение образовательных возможностей, упразднение реального сектора экономики, расширение и интенсификация оборота спекулятивного капитала — все это есть социальный упадок, погружающий значительную часть городского населения в «новую архаику», отправляющий массы несостоявшихся горожан в околородское или сельское пространство, превращающий значительную часть мегаполиса в зону трупоб. При этом выделяется значительное количество энергии, совершенно так же, как при химических процессах распада. Либеральный клуб потребляет эту энергию распада, поскольку как исторический банкрот он не способен уже стимулировать более ничего конструктивного.

Кризис современного либерализма в мировом масштабе — это лицо общего цивилизационного кризиса, это та форма, в которой проявляется агония Общества как такового, его метаисторическая несостоятельность. Когда Фукуяма говорит о «конце истории», он говорит именно о конце либеральной истории, точнее, об утрате Либеральным клубом способности сочинять историю о прошлом и проектировать историю на будущее.

Таким образом, налицо провал амбиций адептов секуляризма, которые намеревались свести истоки исторической драматургии «с неба на землю». Конец истории в данном случае означает не что иное, как возврат коллективного исторического переживания к тем корням, из которых всегда распускался и расцветал глобальный сюжет. Иными словами, после краха либерального секуляризма история возвращается к укорененности в сверхъестественном, а значит, и к возвращению эсхатологического финализма в качестве постоянного привкуса исторического времени. Но это как раз тот самый аспект, который ни Фукуяма, ни иные либеральные мыслители не имели в виду.

III. Конец философии

1. Постмодернизм как светский апокалипсис

Сущность постмодернистского сознания как раз констатирует основное содержание кризиса Либерального клуба, его утрату способности генерировать проект. Постмодернизм и есть отказ от проекта, отказ от «больших нарративов», через постмодернизм либеральное мышление пытается реабилитировать себя, создать алиби для своей духовной импотенции, ошельмовав заранее любой контент, в связи с которым либеральному мышлению можно было бы предъявить претензии.

Однако постмодернизм представляет собой явление гораздо более объемное и серьезное, нежели просто триумф историко-политического абсурда. В нем реализуется фактический конец культуры, точнее, «Культуры», то есть того, что еще недавно казалось наиболее неуязвимой, наиболее нетленной частью человеческого фактора. (Если принять во внимание, что «Культура» представляет собой некий перенос сакральной жреческой традиции в плоскость профанической спекулятивной рефлексии, когда «деятель культуры» получает возможность превращаться в симулякр жреца и лелеять амбиции хранителя и генератора «общечеловеческой духовности», то крах такой «Культуры» становится воистину катастрофой всего того цивилизационного феномена, который определялся термином «современность».)

Сосредоточимся более конкретно на этом положении: конец культуры. Нельзя не признать, что истоки профанической «духовности» выходят за рамки собственно профанизма. (Т. е. современного светского состояния ума, при котором любой концепт релятивизируется в отношении эмпирического индивидуума как некая проекция его глубоко психического опыта. Здесь мы акцентируем, скорее, фрейд-юнгянский подход, нежели рационально-просветительское, которое устарело задолго до настоящего времени.)

Генезис культуры как «секулярной духовности» восходит к эллинизму, возникшему за три века до Р. Х. благодаря завоевательным походам Александра Великого. Эллинизм — это методика расшифровки

символов и мифов любой традиции с помощью понятийного аппарата философских систем Платона и Аристотеля.

При этом содержательная часть любой традиции подлежит переводу на греческий язык, ставший универсальным инструментом передачи информации, так что греческая философия на своем собственном языке превращается в отмычку к любым духовным тайнам. Интерпретированные через призму эллинизма практики индуизма, буддизма, зороастризма и т. д. превращаются в инварианты единого сакрального дискурса, с разных сторон и под разными углами зрения описывающего в целом одну и ту же духовную реальность.

Во времена Македонского, Птолемея, Иисуса и александрийских гностических школ эллинизм был зримым и эффективным выражением сверхчеловеческой Универсальной Традиции, которая становилась доступной не только для посвященных в закрытых центрах, но и для интеллектуалов, не принадлежащих к касте жрецов и не входящих в мистериальные ордена. Благодаря эллинизму Традиция из устной, ритуальной и, в последнем счете, невыразимой, становилась книжной и умпостигаемой, а значит, спекулятивной.

Именно последнее обстоятельство создавало предпосылки для рождения в будущем «светской духовности», то есть, культуры в современном секулярном значении слова. Для того чтобы такая трансформация совершилась, необходимо было две вещи: первое — чтобы «эллинизм» (или, точнее, его ослабленное многократным повторением эхо) стал доступным для артистической богемы; и второе — чтобы философский дискурс окончательно эмансипировался от чистой метафизики. (То и другое в истории европейской «духовности» приходится приблизительно на середину XVII-го столетия.)

Нетрудно заметить, что практика современной светской культуры нацелена в той или иной форме на воспроизведение «эллинистического» алгоритма: расшифровки всего и вся через сведение к некоему общему знаменателю, открытие всех «содержаний» с помощью универсальной отмычки. Только в случае культуры это уже не философия Платона или Аристотеля, а человеческий индивидуум как точка отсчета со всем его релятивизмом и обусловленностью. В культуре

пародийным образом как бы воспроизводится протагоровский тезис: «Человек — мера всех вещей».

В пародийном, поскольку перевернутом: древний грек имел в виду универсального человека как микрокосм, секулярный же интеллектуал на самом деле подразумевает, что нет ничего, кроме самой относительности, абсолютизирует «как меру вещей» именно эмпирического индивидуума, при этом еще и зависимого от внешних обстоятельств!

В таком контексте «смыслы», расшифрованные через призму обусловленности, которой является эмпирический человек, лишаются своего «абсолютного» характера, сами превращаются в некие обусловленные знаки.

На одной полке «большой культуры» стоят священные писания любых религий, труды метафизиков и мистиков, сочинения божественных «творцов слова» или никчемных графоманов — все в одинаковой позиции культурного острашения, все равные перед «законом» всеобщей относительности. В секулярной культурной перспективе Авеста, Ницше, Евангелие, «Майн кампф» или «Старшая Эдда» совершенно одинаковым образом являются продуктами человеческого творчества, в свою очередь отражающего определенные внешние обстоятельства.

Постмодернизм просто подводит итог этому методу восприятия, который изначально обесценивает и лишает всякого подлинного значения все, что ни попадает в сферу культурного «осмысления».

Таким образом, он представляет собой «обвал» всех претензий на смысл, которые поддерживали на плаву современную культуру, позволяя Либеральному клубу навязывать себя человечеству как наиболее значимого, наиболее успешного «хозяина дискурса». Постмодернизм — это смерть культуры, а значит, и конец Современности, которая характеризуется, в первую очередь, секулярным гуманизмом — последней стадией вырождения эллинистического духа, пропущенного через фильтры так называемого Возрождения, далее, Просвещения и, наконец, той специфической эпохи Маркса — Энгельса — Дарвина — Фрейда, — логическим выходом из которого может быть только коллапс любого артикулированного высказывания.

Собственно говоря, предвосхищением этого коллапса стало ницшевское «Бог умер». Сам философ имел в виду, что «бог» (и все, что

с этим понятием связано) перестал интересовать человека. В принципе, Ницше имел в виду достаточно банальную вещь: современный ему интеллеktуал бесповоротно стал религиозным индифферентом. Забавно то, что самому Ницше не приходило в голову понять собственное высказывание буквально, не в смысле его «Сумерков божков (идолов)», а в смысле Рагнарёк, действительной смерти «олимпийских» или «асгардовских» сущностей. А если все же прочесть фразу Ницше буквально, то речь в ней может идти, конечно, только о затмении Великого существа — сына Земли и Неба, который объемлет в своем макрокосмическом бытии все состояния проявленной экзистенции. Иными словами, «смерть бога» может означать конец цикла исторического человечества в традиционалистском смысле, оккультации человека как действующего космического фактора. И действительно, вскоре после того, как Ницше бросил свою знаменитую фразу и сошел с ума, стало ясно, что «умер»-то именно человек.

Вот в чем дух и пафос современного постмодернистского кризиса, выжидавшего больше ста лет, чтобы грянуть как гром из общечеловеческой тучи: человек умер, умер, прежде всего, как цель мироздания и как мера вещей, умер как узел проблем и генератор диалектической напряженности... Умер, наконец, как носитель конфликта между сущностью и существованием, который предполагалось разрешить в том или ином футурологическом проекте. Апокалипсис свершился для человекоцентричной секуляристской реальности.

Пророческая эсхатология и традиционная доктрина циклов

Преамбула

Современная наука, особенно в ее фундаментальной теоретической части, все чаще обращается к вненаучным источникам в поисках вдохновения. Наиболее распространенным вненаучным источником, с которым работают физики, оказывается сакральный фольклор, причем не обязательно в версиях магистральных цивилизаций. Космогонические сказки папуасов или догонов не менее инспиративны для исчерпавших творческое воображение современных эйнштейнов, чем индийская метафизика, которая, кстати, давно и устойчиво является жертвой плагиата со стороны естественнонаучных сообществ Запада.

Да и сама фундаментальная наука представляет собой айсберг, открытый обыденному сознанию видимой вершиной, описывающей себя как рационализм, экспериментальный метод, путь проб и ошибок, который ведет к познанию будто бы «объективной истины». Людей в школе приучают думать о науке, как о чем-то глубоко противолежащем всему субъективному, случайному, иррациональному, и, наконец, просто абстрактно философскому, что допускается только в сфере ни к чему не обязывающих гуманитарных дисциплин, искусства и общей культуры.

Но у науки есть и невидимая часть айсберга — если в соответствующем водолажном оборудовании нырнуть и посмотреть на науку снизу, нашим глазам откроется поразительное для неподготовленных глаз зрелище. Фундаментальная наука обернется мистическим учением о разумной вселенной, своеобразным продуктом длительного исторического разложения неоплатонизма, в итоге которого появилось своего рода контрметафизика или светско-языческая «теология», главным предметом культа в которой оказывается независимый от человека «материальный разум» или мыслящая материя.

Ученые относятся к материальному миру как к идолу, обладающему силой, красотой и мудростью; объекту поклонения, который сам по себе непогрешим, и милости которого следует добиваться настойчивым изучением. Ученый верит в самостоятельное бытие «объективного мира», и даже такие осторожные вторжения субъективного дискурса, как гейзенберговская теория неопределенности (о влиянии свидетеля на свидетельствуемый процесс) воспринимаются как экстравагантный вызов на грани фола, чуть ли не духовная революция.

О том, как важен для ученых самый принцип объективности и независимости ноуменального мира от человеческого сознания, говорит и то, что все ученые по своей философской позиции — монисты, т. е. исповедуют принцип тотального всеединства сущего, причем само это единство полагается ими, разумеется, не в свидетельствующем субъекте, а именно в самих основаниях бытия.

Обнаружив во второй половине XX века, что под общим брендом фундаментальной физики они имеют не одну, а две взаимоисключающих науки, которые описывают разные физические реальности, основанные на несовместимых принципах — физика микромира и астрофизика — ученые бросились немедленно искать точку сборки, через которую возможно было бы непротиворечиво восстановить единство физической действительности. Появилась теория «струн», на которые, якобы, нанизываются все элементы сущего: от кварков до черных дыр в восходящей последовательности.

Увы, сегодня «струны» поставлены под сомнение, и ученые снова вынуждены искать только что померещившееся им было единство.

Между тем, единственной «точкой сборки» и единственным гарантом совместимости разнообразных полей реальности является только наблюдатель, который выступает как единая связующая нить бесконечно разнообразной феноменологии внешнего. Проблема только в том, что этот наблюдатель смертен. Или, точнее говоря, не существует доступного и открытого нам бессмертного наблюдателя, который, как таковой, остается некой абстракцией. Есть бесчисленное множество эмпирических наблюдателей из плоти и крови, чье восприятие мира не тождественно друг другу, а само существование эфемерно.

Вероятно, именно поэтому субъективные идеалисты чаще сходят с ума, чем объективные, не говоря уже о материалистах, вообще не подверженных психическим расстройствам.

К чему мы изложили все эти соображения об ученом сообществе? Для того чтобы лишний раз напомнить, что его представители обладают таким особым сознанием, которое склонно умахлять, а то и вовсе исключать роль субъекта в организованной вселенной. Это с одной стороны.

А с другой — ученые создали под ярлыком «научного мировоззрения» психопереживание своеобразной имманентной вечности, которая для них является правдивым и всеохватывающим описанием «того, что есть». В этой имманентной вечности физические законы не меняются, а, стало быть, существуют вне времени, и неправомерно ставить вопрос, откуда эти законы вообще взялись. В этой имманентной вечности развитие происходит чудесным образом, ибо совершается по неким правилам игры, которые стоят вне развития и изменений. В этой странной псевдовечности измеряют время полураспадом углерода при том, что измерителям даже не приходит в голову такая простая мысль: может быть на самом деле они со всем, что их окружает, появились буквально в эту секунду вместе со своей памятью и результатами анализов карбонуклеидов! Короче, во «вселенной ученых» нет нас самих, в то время как многое говорит в пользу того, что наш мир, на самом деле, есть лишь некое производное от человеческой ситуации.

ГЛАВА 1

Аристотель и вера

в линейную неуничтожимость реальности

Вера ученых оказывается при ближайшем рассмотрении пронесенной через тысячелетия верой Аристотеля, который пришел к выводу, что у мира не может быть ни начала, ни конца, как во времени, так и в пространстве. Идея Аристотеля была, бесспорно, вызывающей для его времени, поскольку по своему статусу, как значительнейший ученик Платона, он должен был знать посвященные учения о времени и о происхождении мира, с которыми был прекрасно знаком его учитель.

Бросая вызов этим учениям, Аристотель несомненно занимал сознательную антижреческую позицию, о чем, кстати, свидетельствуют и результаты воспитания, которые он дал Александру Македонскому.

Но даже антижреческая позиция не объясняет все-таки генезис этой идеи, которая попахивает легитимизацией чересчур уж обыденного сознания. Ведь метафизик не может ставить знака равенства между потоком феноменов, пусть даже неопределенном в своих границах, и чистой бесконечностью, которая изначально пуста и неподвижна!

Первое, что обнаруживает человеческое создание, глядя на окружающий мир, это то, что его способность созерцать всегда больше, чем то, что попадает в поле этого созерцания. В конечном счете, начинающий созерцатель приходит к выводу, что его восприятие бесконечно, и ничто — даже вся вселенная — не может эту внутреннюю воспринимающую бездну заполнить. Человек приходит к выводу, что в той разнице, в том остатке, который в его восприятии не заполнен миром, находится сокровенная реальность, «невидимый мир». Человек понимает, что он — ровня этому невидимому миру или по крайней мере его зеркало, и что мир видимый — только незначительная часть того, что перед этим зеркалом находится. Это фундаментальное ощущение дано человеку даром, причем не факт, что он должен быть при этом как-то особо одарен или умен в обыденном смысле слова.

Хорошее описание этой изначальной интуиции дал Достоевский устами князя Мышкина, который излагает сестрам Епанчиным воспоминания о своем состоянии идиота, лечившегося в швейцарском горном пансионате. Главным ощущением Мышкина было именно это созерцание бесконечности, в котором без остатка тонули все видимые вещи. И вслед за этим князь обнаруживал свою личную неприкаянность, личную исключенность из этого сияющего простора.

Это действительно то, с чем человек сталкивается в следующий момент после того, как пик инфантильной эйфории от обнаружения безграничности себя как перцептора пройден. Человек обнаруживает, что он смертен, и тем самым для него возникает трагическая диалектика внутреннего личного предела и внешней беспредельности, которые совмещены во взаимоисключающем единении на кромке его вибрирую-

щего существа. Как сказал великий Николай Гумилев, с необычайной силой передавая драматизм именно этой диалектики: «Я, носитель мысли великой, не могу, не могу умереть». О том же писал Тютчев в проникновенных строках: «... Не жизни жаль, а жаль того огня, что просиял над целым мирозданием, и в ночь идет и плачет, уходя».

По сути, этот просиявший над мирозданием огонь есть именно простой дар безграничного свидетельствования. Не более того. Но и не менее.

Аристотель одним ударом решает проблему для той половины человечества, которая избирает не поэзию, а рациональное знание: он объявляет носителя свидетельствования — субъекта — как бы снятым. Вечность же мира превращается у Аристотеля в некий компенсирующий квазисмысл. Нет трагедии ухода в ночь, ибо вселенная бесконечна, а значит и ты, живший в ней, неким странным образом тоже причастен к этой бесконечности мира. Да, ты в нем мелькнул и угас, но ведь ты был его частью, а часть (это уже инициатическое!) равна целому.

Именно отсюда берет исток то странное мировоззрение, признаки которого с фонарем искали во всех философских школах последователи марксизма-ленинизма. Они называли эти признаки «элементами материалистической диалектики» и находили их чуть ли не у Кузанского. Главным признаком такой опережающей свою темную невежественную эпоху прогрессивности была вера в неуничтожимость материи и безначальность мира. Вообще говоря, этот подход коренится в фундаментальной парменидовской интуиции «Бытие есть, небытия нет». Отсутствие мира приходится мыслить парадоксальным образом как наличествующее небытие, существующую пустоту. Индуистские и буддийские практики прилагали для реализации такого визиона огромные духовные усилия. Созерцание пустоты в методиках Востока — одно из вершинных достижений на пути посвятительной реализации. Естественно, философу, не практикующему изощренные интеллектуальные техники, проще прибегнуть к экономии мысли и вычеркнуть большую часть реальности из сферы утверждения. Мы говорим «большую», потому что очевидно, что возможность непроявления универсальнее и, поэтому, шире, чем возможность проявления. Пар-

менид и эллинизированное мыслящее человечество вслед за ним легко отмахиваются: «Нет, мол, небытия!» А как быть с молчанием — небытием слова? Молчание есть реализация возможности непроявления речи. Оно есть, или его нет? Понятно, что Парменид просто не располагал аппаратом, позволившим бы ему визуализировать дифференцированное небытие. В этом случае он никогда не сказал бы своей знаменитой глупости.

Секрет в том, что небытие может даже на стихийном дооперативном уровне уже быть предметом утверждения. Выше мы говорили о том, что разница, образованная вычитанием ограниченного воспринимаемого из безграничности самого восприятия образует предполагаемый невидимый мир, область субтильного или тонкого, которое созерцатель полагает в качестве духовного неба. Эта операция известна любому народному мистика, любому деревенскому визионеру, и с нее, собственно, начинается свой путь к сомнительному выздоровлению кн. Мышкин.

Впрочем, само это переживание — не иллюзия. Действительно, нам дан знак об инобытии в виде явной несоразмерности того, что нас окружает, уровню нашей открытости в качестве перцепторов. Если сравнить нас в этом плане с зеркалами, то мы обнаружим одно шокирующее своей очевидностью различие: зеркала воспринимают абсолютно все, любой предмет, который только им не предъявишь; все, кроме темноты. Отсутствие потока фотонов отражающая поверхность зеркала не регистрирует. А мы воспринимаем темноту, абсолютную тьму, мы ее переживаем как фундаментальный зрительный опыт!

Парменид решил свести людей до статуса механических зеркал, а Аристотель это институционализировал, превратив невидимый мир в абстрактные категории, прилагаемые опять-таки к миру видимому. Именно эти абстракции стали на долгие века гарантом имманентной вечности мира. Для профанов.

Потому что у «непрофанов» совсем другие отношения с вечностью и временем.

ГЛАВА 2

Законы циклов в традиционной метафизике

Задолго до того, как гениальный Лобачевский отменил пятый постулат Эвклида, мыслители и визионеры знали, что в пространственно-временном континууме луч света летит по кривой и параллельные линии пересекаются в неопределенной дали. Эвклидовская геометрия с ее ледяной строгостью и красотой — это «философия неба», которая может быть только созерцаема духовными очами и постижима интеллигибельно, т. е. без привязки к чувственному опыту, из одних только законов чистого разума. В таком небе, естественно, ничего нет — оно пустое, хотя это уже и не первопространство, ибо в первичной протяженности невозможна и сама геометрия в силу совершенного тождества всех элементов этого начального состояния пространства между собой.

Метафизика, в отличие от того, что о ней думают многие, крайне конкретна и учитывает реальное положение дел. Мы живем не в эмпиреях, а в хтонических низинах, где Эвклид «не работает».

То, что древние знали о кривизне луча, прекрасно подтверждается традиционной мифологией о змее, медленно, но неотвратимо сжимающем вселенную. Эта кривизна не только существует как данность, она еще и прогрессивно возрастает. Впрочем, если луч не идет по прямой, то это уже сразу означает, что его кривизна не может быть постоянной величиной. Кривизна — неустойчивое состояние, и постоянные величины в мире относительных форм — это абсурд.

Мир движется по спирали, которая сжимается к центру, и когда змей давит вселенную до конца, она исчезнет вместе с ним; но как только исчезнет сам змей, вселенная освободится, вернувшись в состояние первопространства, того самого, упомянутого выше, в котором еще не существуют тела и формы, а время представляет собой четвертое измерение протяженности.

Вот в этот момент, технически говоря, наступает некое подобие имманентной вечности, потому что в течение какого-то изначального недлящегося мига времени нет, оно есть четвертое измерение пространства. Ничего не происходит, ничто не нарушает простой и чистой гомогенности белого листа бумаги, с которого начинается возро-

дившаяся вселенная. Но этот «недлежащий» миг все равно кончается. Следующий шаг, и маятник закачался, время пошло, родился змей, и новая удавка спирали исказила и сморщила — пусть сначала совершенно незначительно — идеальное пространство.

Рене Генон в своей фундаментальной работе «Знаки времени и космические законы» подробно описал проблематику космических циклов, согласно которым существует, исчезает и возрождается вселенная, точнее, «пакет» миров, образующих одну великую Вселенную. (Согласно традиционным данным, наш пространственно-временной континуум, представляющийся нам таким грандиозным, необъятным и единственным, со всеми его галактиками и туманностями — это тоненький листик бумаги в громадной стопе, которая уходит вверх от нашего «неба» и вниз от нашей «земли». Миры суть веер или гармоника неограниченных в числе модальностей проявления, развернутых между большим небом и большой землей. Но мы для удобства изложения выносим это понимание за скобки и будем говорить о мире как о некоей единственной и всецелой данности, совпадающей с нашим опытом.)

Наиболее разработанной теория циклов оказывается в индийской метафизике. Хотя, разумеется, мудрость Египта, Вавилона, ацтеков, китайцев содержит идентичную информацию, совпадающую до нюансов. Просто с индийской философией западное общество познакомилось поподробнее, чем с ацтеками или Вавилоном, благодаря британским востоковедам, по большей части пасторского сословия, которые после колониальной оккупации субконтинента с жадностью накинудись на санскритские тексты. Кстати, это же послужило основанием новых научных представлений, явившихся именно в это период покорения Индии, о том, что мир существует какие-то чудовищные миллиарды лет! Это было крайне убедительно после того, как на протяжении веков всем объясняли, что мир сотворен всего только семь тысяч лет назад. Христианский человек Европы был в интеллектуальном плане несчастнейшим из созданий. С одной стороны, он должен был верить, что все существующее вспыхнуло посреди «буддийской» пустоты всего лишь каких-нибудь несколько тысячелетий до него (т. е. время жизни пары-тройки поколений хороших секвой или баобабов!), с другой, в подкорке у него плотно сидел Аристотель

и оптимистичные греки, которые нашептывали ему, что мир никогда не начинался, а существовал всегда. И на подсознательном уровне Аристотель вышел все-таки сильнее церкви, потому что когда английские пасторы-масоны привезли из Индии сногсшибательную весть о том, что не семь тысяч, а семь миллиардов лет существует Земля и Солнечная система, западный человек ухватился за ту под сказку, как за якорь спасения. Тут мир вроде бы и возник (т. е. нет голого материализма), но при этом так давно, что он как бы почти вечен (по Аристотелю).

С тех пор — с конца XVIII века — убеждение в миллиардах лет стало основной догмой западного научного сознания, ничем не вышибаемой. Все остальное, как то: радионуклеиды, красное свечение разбегающихся галактик и прочие «доказательства», — подстраивалось под эти цифры, приобретшие практически статус интеллектуальных идолов. Самое удивительное, что при этом типовой ученый, кажется, сохраняет веру в единственность этого мира, т. е. все равно вынужден признать, что он-таки возник в момент «икс» из буддийской пустоты (или из сверхатома по теории большого взрыва, но откуда взялся сверхатом?)

В действительности эти цифры были сознательной дезинформацией ученых брахманов, которые шифровали реальные цифры длительности циклов, чтобы те не стали известны профанам. Подлинные же данные выглядят следующим образом.

Главной единицей измерения циклического времени является так называемый «большой год», который в западной традиции еще имеет название «халдейского». Это время оборота Большой медведицы вокруг Полярной звезды, когда она описывает на небе полную свастику. Срок этого движения — 25 960 лет. В течение этого года Солнце последовательно пребывает в 12 зодиакальных знаках — созвездиях — по 2 160 лет в каждом.

Время проявленного человечества (человеческого цикла) — 2,5 халдейских года или 64 800 лет. Этот срок состоит из четырех эпох, которые греки и индусы называли по разному, имея в виду одно и то же: Золотой век, или Сатъя-юга, длящийся в течение $4/10$ общей длительности цикла, т. е. один халдейский год, или 25 960 наших лет;

Серебряный век, или Двипа-юга — 19 440 лет ($3/10$ срока); далее Бронзовый век, или Трета-юга — 12 980 лет, или $2/10$ срока; и, наконец, последний, Железный век, или Кали-юга, который длится всего $1/10$ срока, или 6 480 лет.

Мы сегодня живем в самом конце Кали-юги — Железного века, однако как близко к концу, вычислить невозможно, потому что неизвестна точка отсчета и невозможно рассчитать, с какого зодиакального знака начинает Солнце движение внутри цикла. Это одна из наиболее охраняемых тайн жреческого сословия, ибо кто знает сроки, тот способен влиять на события.

В индийской традиции человеческий цикл, состоящий из четырех юг, называется «Манвантара». 14 манвантар образуют Кальпу — большой цикл. Движение манвантар начинается сверху с «северного полюса» на круге кальп и идет против часовой стрелки: семь манвантар вниз, семь восходящих вверх. Мы находимся в «южном полюсе» колеса кальп, в конце седьмой манвантары. Поэтому, считают брахманы, Большая медведица, описывающая свастику вокруг мировой оси, состоит из семи звезд и называется Септариши. В следующем человеческом цикле она будет уже состоять из восьми звезд.

Представления о бесконечной цепи циклов, каждым звеном которой является новое человечество, нашло чеканную формулу в индийской метафизике: «дни и ночи Брамы (Брахмана)». Тот же самый ритм возрождений-исчезновений уподобляют вдоху и выдоху, который, якобы, производит бесконечная и бездонная основа, благодаря которой возникают проявления сущего. Эта же доктрина породила в зороастризме видение, столь впечатлившее Ницше — вращение Великого неба как «колеса рока», которое приводит и убирает в одну и ту же пространственно-временную точку существования одну и ту же реальность, подобно тому, как в ярмарочной карусели каждая фигура, на которой сидят посетители, проходит через одну и ту же точку и уносится прочь. «Вечное возвращение равного» — так назвал этот визион Фридрих Ницше и сошел с ума от ужаса. Классическая индуистская версия все же не столь безысходна: она предполагает спираль, а не колесо, и раскручивание ничем не ограниченного числа манифестаций проходит через точки, лежащие рядом, но не совпадающие идеально.

«Возможность безгранична, — утверждал Р. Генон, самый фундаментальный на Западе экспозитор традиционалистских доктрин, — поэтому реализация этой возможности не может знать повторений одного и того же, как не может одно и то же число возникнуть дважды в числовом ряду, ибо это тут же означало бы конечность манифестации, что невозможно».

Как видим, Рене Генон тоже настаивает на безграничности субстанционального аспекта реальности, но, по крайней мере, в отличие от Аристотеля, речь не идет об одном и том же мире.

Доктрина циклов разрешает многие интеллектуальные проблемы и недоумения. Пустота или ничто, предшествовавшие проявлению, сводятся лишь к паузе между мирами. Проявленное бытие оказывается перманентным свойством реальности, оно есть всегда, что избавляет нас от недоумения, почему ему нужно возникать из вечности вдруг, разовым образом. В этой доктрине оно воспроизводится и исчезает, потому что расходуется первоначальный потенциал Золотого века. Такая картина понятна нам, поскольку соответствует нашему опыту энтропии.

Согласно доктрине циклов, в каждой очередной манвантаре зреет зерно следующей, как бы конфигурация или парадигма того, что должно быть манифестировано в будущем. Всегда есть носители этого зерна, группа избранных («сто сорок четыре тысячи праведников в белых одеждах»), которые способны перейти из предыдущего в последующий цикл через зону затмения или диссолюции. Кстати, пустота между вдохом и выдохом реальности — это «пралаяя» (санскр.), растворение сущего. А кальпы отделяет друг от друга «махапралаяя», когда уровень диссолюции захватывает не только большой космос, но и Логос, который этот космос мыслит.

Для центральных обитателей цикла (в традиционалистской оптике отнюдь не людей-адамитов) «пралаяя» означает конец их божественного существования, «рагнарёк» (др. норвежск.), сумерки богов.

Так описывает часовой механизм бытия, лишённого истинного субъекта, сознание, которое для последователей пророков монотеизма является однозначно языческим.

ГЛАВА 3

Явление пророков: начало глобальной драмы

Исследователями религий было давно отмечено, что в монотеистических доктринах время идет не по кругу, а как бы по прямой. В этом смысле, возможно, к несчастью для исторических проявлений монотеизма, между таким пониманием времени у иудеев, христиан и мусульман оказалось слишком много общего с аристотелевской линейностью, в результате чего возникло контрабандное проникновение аристотелизма в доктрины, вдохновленные Откровением.

Действительно, ни иудаизм, ни христианство, ни Ислам ничего не говорят нам о цепи манифестаций, циклах, исчезнувших до нашего человечества. Имеются глухие толки о преадамитах, об Идумее, о Лилит, которая была прежде Евы, но все эти разговоры восходят к гностикам, которые «повязаны» с каббалистами, манихеями и еще черт-те с кем! В силу этого рассматривать подобные смутные слухи мы не будем.

Однако, из этого совсем не следует, что монотеистическая доктрина ничего не знает о циклах, имеет унитарное видение разового бытия, которое возникло из неизвестно сколько имевшего «быть» до этого ничто (хотя, поскольку в ничто нет времени, можно было бы утверждать, что наш единственный мир не имел предисловия; но тогда получится, что вся длительность, которая в реальности возможна, — это длительность нашего мира, которая до сих пор имела место. Такая картина уж слишком напоминала бы современную научную мысль, чтобы являться правдой).

Сначала остановимся на том, что выглядит общим в традиционной (языческой) метафизике и в теологии, основанной на Откровении. Общим является утверждение о том, что тот конкретный мир, в котором мы сейчас находимся, конечен. Исходя из этого общего пункта, традиционалисты настаивают, что все сакральное знание имеет своим единым источником изначальную Традицию и говорит об одном и том же. Они пытаются доказать, что конечность по языческой модели (возобновляющиеся циклы) и конечность по монотеистической модели (эсхатология, воскресение мертвых, Страшный суд и упразднение

времени) — это две версии или два разных угла зрения, проявляющие одну и ту же истину.

Генон, принявший Ислам, но посвятивший 99 % своих текстов анализу индуизма, даосизма и отчасти западного масонства, вообще утверждал, что авраамическая цепь пророков с ее посланием о Едином непостижимом Субъекте, свободном от тождества и подобия с чем бы то ни было, кроме Себя Самого, — это просто экзотическая версия той же самой глобальной Традиции универсального тождества, просто проявившаяся в стороне от мейнстрима и адаптированная к менталитету людей конца кали-юги, которые уже не способны смотреть на слепящий свет первоначальной истины.

Мы придерживаемся на этот счет радикально иного мнения.

Разумеется, циклическая пульсация космических проявлений вполне совместима с интеллектуальным аппаратом монотеистической традиции. Дело не в том, что трансцендентный монотеизм Откровения игнорирует появления и исчезания человечеств в бесконечно тянущейся спирали циклов. Монотеизм как раз знает об этом очень хорошо. Просто Откровение адресуется к конкретному человечеству нашего цикла с призывом решить фундаментальную проблему, которая касается именно нынешних людей, смысла их существования, проблему их времени.

Откровение обращается к людям так, как будто бы они были единственными — уникальным и унитарным, совершенно эксклюзивным созданием Божьим (чем они, кстати, и являются, пока актуально существуют).

Тем не менее, в Откровении — и, что самое важное, в кораническом тексте — есть намеки и упоминания, касающиеся альтернативности, которая может быть предъявлена данному человечеству в виде наказания, если те, к кому адресуется Послание, окажутся его не достойны.

«Мы можем увести это творение и привести другое», «До вас были поколения...», «Мы можем заменить вас другим народом, лучшим, чем вы», — эти и подобные намеки, встречающиеся в Святом Коране, не оставляют сомнения, что духовной перспективе Ислама отнюдь не чуждо представление о возможной множественности человечеств.

Более того, если взять в сумме все упоминания и намеки, рассеянные по всему корпусу монотеистических писаний — от Корана до Торы, Евангелия и откровения Иоанна Богослова, — то окажется, что монотеизм как деятельная миссия обращается к людям с призывом сделать усилие и стать не одним из бесчисленно многих, а действительно уникальным человечеством. Единственным, которое значит. Тем, на котором все завершилось, в котором все реализовалось.

Монотеизм есть доктрина, формулирующая перед избранной частью человечества задачу покончить с «дурной бесконечностью» циклов, сделать наш цикл последним!

«И клялся ангел, что времени больше не будет», — речь идет о том, что не будет больше повторений проявления, в которых существует длительность. Будет новая земля и новое небо — альтернативная реальность; реальность, альтернативная всей, которая до тех пор была...

Традиционалисты говорят, что «новая земля» и «новое небо», это просто земля и небо следующего цикла, а Рай праведников — следующий Золотой век... (Правда они не объясняют, что в следующем цикле соответствует Аду). Но достаточно даже не слишком углубленного анализа, чтобы понять несовместимость подразумевания вечности, которая открывается за последним временем и Страшным судом, с тем, что понимается под следующим циклом — вполне имманентным, аналогичным предыдущему. В контексте циклов нет смысла говорить об эсхатологии, учении о последнем, ибо в традиционалистском видении наш цикл — не последний. Кроме того, совсем уже не ложится в контекст циклической интерпретации обещание буквального воскресения в собственном теле и Страшного суда.

Вероятно, одна из причин, почему Генон так мало писал об Исламе, была необходимость обойти все эти проблемы, которые лежат на поверхности и бросают тень серьезного сомнения на внутреннюю самоидентичность всеобъемлющей традиции. Слишком очевидно, что монотеизм пророков является бескомпромиссной борьбой с циклическим мировоззрением, причем не в плане доказательства его фальши, а в плане революции против самой циклической реальности!

Выше мы упоминали выражение «дни и ночи Брамь», применяющееся к чередованию проявлений реальности и пауз между ними.

Дело в том, что в Коране мы находим словосочетание «день Аллаха», удивительно резонирующее с вышеприведенным индуистским образом. Традиционалисты не преминули бы (что они наверняка и делают) накинуться на это совпадение, как на очередное доказательство единства подразумеваемых в видимо взаимоисключающих друг друга доктринах. Однако мы намерены показать, что именно в этом кажущемся сходстве скрыто корневое противостояние смыслов, и что целая пропасть лежит между двумя концепциями. Коран говорит: «День Аллаха — пятьдесят тысяч лет». На первый взгляд речь действительно идет о длительности цикла, тем более, что указанный срок напоминает данные, которые приводятся в индуистских источниках о длительности манвантары (64 800 лет). Однако, зная, что кораническая информация — как не раз уже было продемонстрировано позднейшими исследователями — носит точный и буквальный характер, кроме случаев, специально оговоренных как притчи и метафоры, мы воспринимаем расхождение между коранической и ведической информацией не как выражение приблизительности метафизического сознания, а наоборот, как доказательство того, что речь в данном случае идет о разных вещах.

Что такое «день Браммы»? Тут вопросов нет: консенсус огромного числа комментаторов сходится на том, что это возникновение и существование вселенной.

А что такое «день Аллаха»? Без сомнения, есть авторы комментариев-тафсиров, которые также поддерживают идею, что это реализованное творение. Другие же — и их больше — считают, что это метафора, относящаяся к тому, как Всевышний «переживает» длительность: то, что для нас, тварных существ, пятьдесят тысяч лет, то для Создателя — один день.

При всем уважении к корпорации коранических комментаторов, мы не можем согласиться с обеими интерпретациями по следующим причинам. В первом случае очевидно, что для языческого пантеизма, который утверждает окончательное тождество всего со всем, естественно рассматривать существование вселенной как манифестированное состояние безличной основы, т. е. относить факт манифестации как бы непосредственно к Абсолюту (Браме). Но совершенно непри-

емлемо устанавливать связь между относительной реальностью существующего творения («день») и непостижимой безусловностью свободного от этого творения Создателя. Иными словами, наличие творения или его отсутствие не может выражаться для Аллаха в дифференцированном противопоставлении его собственных состояний. Что касается второго случая, то его решение комментаторами еще менее удовлетворительно, чем первое. Аллах не переживает длительность внутри Себя, и что бы то ни было, присущее Ему, не может быть соотнесено в количественных терминах с опытом твари, даже если пропорция так велика, как один день к пятидесяти тысячам лет. Проще было бы сказать, что между истинным Субъектом и созданными им существами нет общей меры. Такое соображение кладет конец всякой сомнительной сравнительности, которая всегда побуждается и мотивируется клерикальным инстинктом антропоморфизма.

Мы полагаем, что выражение «день Аллаха» имеет отношение к некоторому аспекту Его провиденциальной мысли, именно в той части, в какой она может быть доступна сознанию человечества. Иными словами, «день», т. е. состояние просветления касается непосредственно того периода существования мира, в течение которого активным образом проявляется Откровение.

Если понимать пятьдесят тысяч лет таким образом, то это срок, протекающий между началом миссии первого пророка — Адама и завершением миссии последнего пророка — Мухаммада (МЕИБ). Очевидно, что этот срок будет короче длительности циклического проявления человечества хотя бы потому, что мы живем уже 14-ю столетиями позже появления Ислама.

Мы также полагаем, что все данные, которые мы можем получить из коранического Откровения, указывают на то, что Адам был не первочеловеком вообще, праотцом рода людского, как это принято полагать в расхожем окологлерикальном мнении, а родоначальником пророческой цепи, предком всех пророков Единобожия, которые действовали в истории данного человечества с миссией формирования избранного народа или общины для коренного изменения глобальной духовной ситуации, по отношению ко всей реальности в целом. (Именно это является смысловым содержанием проекта, исходящего

от трансцендентного Субъекта, который ни в коем случае не причастен к метафизической программе верховного тождества).

И у иудеев, и у мусульман повествуется фабула, в которой Бог, создав Адама как глиняную куклу и еще не вдохнув в него «от Своего духа», показал ему в состоянии этой метафизической комы всех потомков, которые изойдут из его чресел. Таковыми были только пророки!

В Коране Бог обращается к потомкам Адама, опять-таки «из его чресел», и спрашивает их: «Не я ли ваш Господь?» — с тем, чтобы на Страшном суде они не оправдывались незнанием. В данном случае речь тоже идет о пророках, потому что этот вопрос Всевышнего и ответ «адамитов» в исламской традиции рассматривается как установление завета. Попытка интерпретировать «потомков Адама» как вообще все человеческие души, появившиеся в нашей реальности, противоречит тому, что Аллах заключает завет только с избранными, и что далеко не всех Он допускает идти по Своему пути. (Вполне возможно, что коранический текст об обращении к потомкам Адама некоторым образом связан с историей о демонстрации этих же потомков еще не оживленному Адаму.)

ГЛАВА 4

Длительность цикла и коранический запрет на «вопрошание о Часе»

Если Адам является первым пророком — а с арабского «расул» (пророк) переводится как «посланный» — то к кому он послан? Очевидно, к исходному человечеству, людям Золотого века, чье состояние предполагает совершенное неведение о Субъекте и полное отсутствие того трагического знания, которое обрел Адам в результате непослушания, «споткнувшись о древо». Именно это особое знание о неповиновении и раскаянии в отношении Того, частица духа Которого воистину оживляет глиняную куклу человека, должно быть передано людям, которые пока этой трагической рефлексией не обладают.

Согласно метафизическим представлениям, люди Золотого века живут в абсолютной гармонии со средой обитания, не зная болезни и

усталости, созерцая всю полноту того, что им предстояло как реальность вне сомнений и конфликтов. Иными словами, они пребывали вне истории — в чистом наличествовании, о котором позднее мечтали как о высшем состоянии духа мыслители самых разных толков. Отголоски именно этого представления, по-видимому, находят выражение в ницшеанском визионе «белокурой бестии». Собственно говоря, философия Ницше стала кульминацией всех духовных попыток излечиться от травмы пророчества, которая привносится извне и взрывает совершенный баланс, присущий людям Золотого века.

Итак, Адам, изгнанный из Рая (который, согласно указаниям Корана, совершенно точно не мог быть расположен на земле) спускается к некоему проточеловечеству, находящемуся в «бестиальной» стадии блаженства и равновесия. Те, кого еще волнуют созданные наукой мифические образы, могли бы сказать, что небесный Адам приходит к кроманьонцам — совершенным телесным оболочкам, наделенным слухом, зрением, воображением и даже способностью прекрасно рисовать при свете факелов на стенах пещер, но — увы! — лишенным духовной боли и чаяния «иного»...

С момента прихода Адама к людям Золотого века кончается их имманентно-райское состояние неисчерпаемой и немеренной длительности и начинается история. Вопрос в том, когда первый пророк приходит к этим прототипам будущего страждущего человечества? Может быть, в самом начале манвантары?

Мы, следуя логике, которую определили для себя в данном исследовании и которая основывается на доверии к метафизическим данным, находимым в Традиции, вынуждены отвергнуть такое предположение. Если бы Адам пришел к людям в начале цикла, длящегося 64800 лет, а при этом расстояние по времени между ним и нашим пророком (МЕИБ) предполагается в 50000 лет, это означало бы, что мы живем еще в предыдущей юге! А все метафизические системы большой Традиции настаивают на том, что мы живем в самом конце Кали-юги, которая, напомним, продолжается всего 6480 лет.

Проблема, очевидно, была бы неразрешима, если бы мы не позволили себе прибегнуть к методу ассоциативной аналогии, отправляясь от неких данных, более или менее постулированных в Традиции.

Существуют, с точки зрения ряда исследователей, серьезные основания полагать, что пророк Ной (МЕ) действовал на континенте Атлантида, великолепие и гибель которого так красноречиво описаны Платоном, получившим это знание от египетских жрецов. По многим аспектам описание языческой цивилизации, погрязшей в высокомерии и самодостаточности, к которой безуспешно обращался Ной (МЕ), напоминает или совпадает с тем образом, который об Атлантиде сохранили традиционные жреческие предания. Кстати, именно в них подчеркивается атлантический генезис пророческой монотеистической линии, которая противостоит «пантеистической» Традиции, идущей из полярных регионов Гипербореи.

Дело в том, что Ноев потоп, произошедший приблизительно около 13 тысяч лет назад, являлся именно потопом, уничтожившим Атлантиду. Согласно же сакрально-астрономическим данным вавилонян и египтян, этот потоп, как фундаментальное событие-катастрофа, делит пополам Трета-югу — предпоследний век человеческого цикла.

По аналогии мы берем смелость предположить, что миссия Адама к людям была такой же катастрофой для Золотого века, какой стала миссия Ноя к цивилизации атлантов, по-видимому, являвшейся центральным метафизическим феноменом Бронзового века (Трета-юги). Иными словами, пророк Адам (МЕ) пришел к предкам современного человечества как раз посередине длительности Золотого века, т. е. через 12980 лет после начала цикла. Мы должны сразу оговориться, что такого рода расчеты могут обладать лишь относительным характером, пребывая где-то между информированным домыслом и творчески интерпретированной логикой сравнения. В любом случае, ограниченный интерес, который представляет такого рода анализ, все же достаточен для того, чтобы оправдать наши исследования.

Итак, если предыдущее предположение можно взять за основу, то в этом случае миссия последнего пророка человечества Мухаммада (МЕИБ) завершается за 1820 лет до конца цикла ($64800 - 50000 - 12980 = 1820$). Из этого числа лет мы сегодня уже прожили по солнечному календарю немногим более 1380. Простейший подсчет показывает, что в этом случае до конца Кали-юги остается около 440 лет. (Здесь нужно отметить, что, по крайней мере, 10 лет представляют

собой предмет дискуссии, поскольку мусульманское летоисчисление начинается в 622 году новой эры с момента Хиджры, в то время как пророк Мухаммад, незадолго до смерти объявивший о «завершении Ислама», умер 10-ю годами позднее — в 632. Кроме того, исчисление лет в мусульманском мире ведется как по лунному календарю, так и по солнечному (напр. в Иране). А это дает на сегодняшний день разницу в 40 лет!

Все эти подсчеты, тем не менее, не служат нарушением коранического предписания о скрытости «Часа», т. е. того момента, когда реально завершится человеческое время. Во-первых, для нас сегодня отнюдь не определено, что именно наш цикл становится тем, на котором завершается бесчисленная вереница предыдущих. Ведь перед каждым человечеством, канувшим в бездну, ставилась та же самая задача, что и перед нами: стать последними! Сам факт существования нас в данный момент свидетельствует о том, что эти бесчисленные человечества со своей задачей не справились, о чем, собственно, недвусмысленно говорится в Святом Коране: «До вас были поколения, которые были мощнее, чем вы и взрыли землю глубже, но разве ты (о Мухаммад) слышишь от них хотя бы шорох». Не будем уподобляться буквоедам, считающим, что речь идет о предыдущих этапах нашей единственной истории: те поколения были не мощнее нас и «шорох» от них мы слышим хотя бы археологический. А во-вторых, в Сунне пророка (МЕИБ) есть хадисы, которые говорят, что Всевышний обещал сделать последний час и последний день нашего времени неопределенно долгим, если это понадобится для исполнения обетования о приходе Махди — ожидаемого вождя верных единобожников. Таким образом, вопрос о сроках не сводится к часовому механизму, запущенному как машина космического проявления. Внутри него есть фактор трансцендентной воли, который таинственным образом входит во взаимодействие с реализацией нашей человеческой миссии на земле. Собственно говоря, это и называется промысел Божий!

ГЛАВА 5

Следующие за Аллахом и следующие за сатаной

Итак, перед сегодняшним человечеством открываются, возможно, считанные столетия, в течение которых ему предстоит решить собственную метафизическую судьбу: присоединиться ли к тем предшественникам из неведомой бездны других времен и других онтологических проявлений, которые уже необратимо исчезли, или стать последним человечеством, для которого откроется перспектива Суда?

Ибо, очевидно, сама возможность такой альтернативы и зависимость исхода от наших усилий и от нашего духовного качества и составляет суть того испытания или экзамена, о котором нам постоянно напоминают: «дескать, ваша жизнь здесь — это лишь испытание, которое вы должны пройти!» Но испытание можно и провалить, и, судя по всему, шанс на успешную сдачу исчезающее мал — так мал, что совпадение именно нас с теми последними, на которых «дурная бесконечность» завершается, станет, поистине, чудом.

В этом исключительном случае Страшный суд как раз и будет той заключительной фазой экзамена, на котором подводится итог каждому индивидуальному усилию внутри этого цикла, которое служило победе, работало на реализацию миссии, объявленной человечеству Адамом. Представ на Суд, мы уже становимся победителями, даже те из нас, кто осужден как грешник, потому что мы в этом случае — правые и неправые — становимся из виртуального реальным адамическим человечеством.

На Суде такое в целом победившее человечество будет судиться и оцениваться согласно образцу — общине избранных, которая реализовывала через свою теолого-политическую волю миссию преодоления глины ради торжества той крошечной частицы Духа Божьего, которая была вложена в Адама. Сама же община будет оцениваться с точки зрения своего приближения к тому образцу, которым явился завершитель «дня Аллаха» последний Пророк человечества (МЕИБ). И те из общины, чьей волей и самопожертвованием были созданы предпосылки для того, чтобы Аллах проявил милость именно к этому человечеству и признал цель, ради которой Он сотворил все сущее,

достигнутой, — те суть воистину из партии Аллаха, его мюриды, ибо это арабское слово имеет своим корнем «желание» и обозначает тех, кто «хочет». (В данном случае желающих только Аллаха.)

Но что будет, если это человечество не пройдет испытания и окажется среди преданных забвению?

В этой связи есть ряд определенных соображений.

В данных, касающихся описания царства справедливости, которое перед концом времени устанавливает Махди, и перехода к Суду, говорится о том, что все человечество, которое будет существовать в этот момент, умрет по первому звуку трубы архангела, а по второму звуку — воскреснет вместе с предыдущими представителями нашего же цикла. Тотальная смерть всех означает полное затмение свидетельствуемой вселенной — во всяком случае той, которая создана для человека. Исламская традиция подчеркивает, что смерть коснется всех людей, включая Махди, и что ее не избежит и сам Мессия Иса ибн Марьям (МЕ), который, тем не менее, до сих пор сохраняется живым на «высоком месте», куда его вознес Аллах.

Итак, умрут все. Потом все воскреснут. Не предполагается, что какая-то «группа праведников», 144 000 или иное число, сохранят сознание в момент паузы между прежней реальностью и новой.

Таким образом, завершение цикла в монотеистическом проекте как остановка всех циклов раз и навсегда, предполагает некий эквивалент «Махапралайи» — растворения вплоть до самого Логоса. Иначе говоря, в момент смерти человечества (а по аналогии, вероятно, всех обитателей всех миров, поскольку в монотеистической перспективе наш мир является ключевым в силу единственности посланного к нам Адама) стираются самые основы онтологии. Реальность, к которой воскресают после второго трубного гласа, уже совершенно иная, и она определяется словом «Махшар», что приблизительно можно передать как «собрание множеств в одном месте». (Кстати, возможно именно в связи с этим понятием средневековые схоласты в христианской Европе спорили о том, сколько ангелов может уместиться на кончике иглы! Ведь в «Махшаре» воскресшие будут собраны в своих реальных телах, но, очевидно, без тех проблем, которые сегодня существуют в ветхом сжимающемся пространстве).

Фундаментальным критерием монотеистической эсхатологии является полный разрыв преемственности, отсечение ветхой реальности таким образом, что она становится как бы «никогда не бывшей». (Если только память о ней не сохраняется в виде вечного ада, но это уже настолько особая форма бытия, что о ней невозможно говорить без специального исследования.)

Совершенно иное мы обнаруживаем в традиционном учении о смене циклов, где как раз особое значение придается переходу некоего формативного ядра из цикла в цикл. В момент паузы между проявлениями, в момент диссолюции и затмения существует некая группа выделенных из предыдущего человечества, которые сохраняют сознание сквозь эту паузу, становясь тем центром, вокруг которых организуется вновь возникшая протяженность. Эти существа, выпестованные предыдущим циклом, как раз и являются гарантами того, что «новое» будет совершенным подобием старого. Не в смысле буквального повторения одного и того же, что невозможно из-за неисчерпаемости «числового ряда», а в смысле метафизического тождества. Мир, лежащий вокруг нас, есть нечто организованное и «сданное под ключ» нашего сознания. Человек, к которому через своих посланников обращается непостижимый и невоспринимаемый нами Субъект — это «критическая точка», благодаря которой окружающий хаос организуется в смысловую структуру. У этой «критической точки» — человека — есть два глобальных состояния: одно — до того, как к нему пришло послание от Субъекта, другое — после того, как он это послание получил.

Два эти состояния различаются так же, как два состояния моллюска, в одном из которых в его ткани еще не попала песчинка, вызывающая образование жемчужины, в другом же эта песчинка терзает его нежную субстанцию, заставляя выделять ту драгоценную секрецию, которая должна превратиться в перл. В первом состоянии человек есть просто калька с первого творения или того существа, которым открывается великая иерархия вселенной. Это существо-архетип, которое в разных религиозных культурах носит имена Денница, Люцифер, Ормузд, Аполлон, единогобожникам известно как Иблис, или Сатана. В теологической среде нет вполне окончательного

мнения относительно того, принадлежал ли Иблис к сонму ангелов, или же — что скорее — был джинном. Тем не менее, все указывает на то, что это великое существо создавалось как архетипический прообраз всех остальных существ, населяющих миры, в том числе и нас самих. Язычники всегда и по сей день поклоняются ему, считая его богом, по образу и подобию которого они созданы, и называют его «Господом» («Ваал», евр., «Ишвара», санскр.)

Та группа существ, которая перейдет пропасть, разделяющую циклы в новый Золотой век, явно сформирована по образу и подобию своего господина, Князя мира сего, а стало быть, небо и земля, которые они увидят, будут сданы им «под ключ» их сознания.

Они станут хранителями космического закона и именно, чтобы отменить этот космический закон, в их Золотой век явится новый Адам с тем, чтобы начать новую попытку вырвать частицу света из объятий тьмы крошечной. Мохъиздин ибн аль-Араби приводит на этот счет хадис, впрочем, оспариваемый, в своей книге «Мекканские откровения»: «Вы думаете, был один Адам? Было сто тысяч Адамов!»

Аллах меняет Свое творение собственной волей, и когда хочет, чтобы какая-то вещь была, говорит ей «будь!», и она бывает.

Сатана же для того, чтобы повлиять на творение, влияет на природу человеческого сознания. Он делает это, устраняя одни элементы в человечестве, добавляя другие путем вмешательства, путем войн и геноцидов. Однако самое удивительное — что подмечено еще гетевским Мефистофелем — любые ухищрения сатаны оказываются инструментальными в провиденциальном замысле Всевышнего.

Наследие Кириллова

1. «Сверхчеловек» как главный миф модернизма

В XX веке человечество наглядно доказало, что оно является по преимуществу мифологически ориентированным коллективным субъектом. Парадоксальным образом восточные народы, обитатели архаичных задворков больших колониальных империй, которых западные традиционалисты умиленно превозносили как хранителей сакральной мудрости, вдруг оказались гораздо рациональнее и позитивнее, чем их «белые» наставники по части модернизма. Менталитет национальных буржуазий от Египта до Индии, от Бирмы до Вьетнама удивительно совпадал со столбовыми линиями доктрин Просвещения, рационалистов, веривших в торжество разума и счастье всех человеческих существ, «подписавших» между собой общественный договор.

А вот западный человек, демонстрировавший с конца XVIII века укорененность в воинствующем «банале», развивающий позитивистские и механистические объяснения вселенной, уверенный, что буржуазный комфорт является основным целеполаганием истории, вдруг этот самый западный филистер и обыватель срывает лохмотья осточертевшего разума и поднимает знамя кровавого романтизма, идущего за горизонты всякого рассудочного объяснения.

Мы имеем в виду, разумеется, истребительную Великую войну, столкнувшую в августе 14-го народы Европы в чудовищном жертвоприношении Року. Из огненных смерчей и стальных метелей, в которые трансформировалась цивилизация железных дорог и телеграфов, вышли такие поэты брутального экзистенциализма как Эрнст Юнгер и Селин справа, Камю и Сартр — слева.

Какие бы объяснения экономисты, историки, политологи ни давали причинам внезапно разразившейся мировой войны, ясно, что это всегда останется лишь скольжением по поверхности. В метафизическом смысле всеевропейская бойня являлась восстанием против собствен-

ной цивилизации, попыткой выйти за пределы возможного, в конечном счете — коллективным путешествием западного человечества «на край ночи». В этом смысле Великая война радикально отличается от предшествующей ей столетием по-своему не менее грандиозной наполеоновской эпопеи и от последующей через поколение Второй Мировой войны (хотя последняя во многом представляла собой рационализированное продолжение Первой). И наполеоновская «битва народов», и битва Европы с американо-советским (тоталитарно-демократическим) блоком слишком очевидны в своих целях и побудительных мотивах; тогда как — не забудем! — в 1914–1918 гг. спокойно жившие бок о бок народы столкнули между собой их венценосные вожди, которые приходились друг другу кузенами, дядями и племянниками. Феерию этой ярости можно сравнить лишь с братоубийственной рубкой между собой кочевых племен Великой степи, происходящих от общего корня, либо же с враждой горных родов, говорящих на одном языке, поклоняющихся одним и тем же камням и деревьям, но от того лишь более жестоких во взаимоистреблении. Однако же тут речь идет не о племенах и родах, а о народах метрополий, осознавших свой исторический статус едва ли не как последнее слово человеческого развития.

По нашему убеждению, сущность этого взрыва, наложившего неизгладимую печать на все последующее время вплоть до наших дней, открывается не в сфере политэкономических или социальных учений; Великая война была спровоцирована кризисом западного духа, точнее, «духовности» как женской ипостаси последнего. Эта «духовность» забеременела Сверхчеловеком, которого вынашивала в своем лоне четыреста лет, но в последний момент оказалась неспособна родить, протолкнуть через родовые пути этого сияющего монстра. Первая Мировая как раз и стала «кесаревым сечением», извлечшим наружу младенца, отцом которого был отнюдь не Фридрих Ницше... Сверхчеловек был зачат в лоне Европы на заре Возрождения, и у него с самого начала имелось много претендентов на отцовство: Агриппа фон Неттесгейм и Парацельс, Джордано Бруно и Кардано. Но конечно, главными в этом ряду должны быть упомянуты Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола. Вся эта плеяда «магических

гуманистов» оплодотворила европейскую «духовность» железным семенем воли к могуществу, а уже Шопенгауэр, Достоевский и Ницше были только беспомощными интеллигентами, роняющими пенсне и причитающими вокруг вздутого живота согрешившей девушки. На роль повивальных бабок эти мудрецы не сгодились; таковыми стали сербские террористы в замечательном сочетании с династической пуганицей начала XX века.

И тем не менее, мы многим, если не почти всем, в себе (в определенном смысле, конечно!) обязаны именно Достоевскому и Ницше. Без этих двух людей нельзя было бы понять, в том числе, и грозные пророчества титанов Возрождения об Адаме, стяжавшем знание магических возможностей, чтобы встать над видимой вселенной вровень с «Великим существом».

2. «Человеческое достоинство» падшего ангела

XV век в истории Европы как раз и характеризуется утверждением собственно европеизма. «Возрождением» его называют не совсем точно. Якобы после более чем тысячелетнего исповедания иранской солнечной религии, изложенной на языке семитских преданий, Европа принялась оживлять свои греко-римские корни. Но, прежде всего, в эпоху античного Рима и эллинизма Европа не была «Европой». Никому в здравом уме не придет в голову назвать Рим кесарей, даже подмявший под себя всех, от даков до пиктов, Европой. Потому что, хотя Европа — это имя из греческой мифологии, культурное право на него континент приобретает только после великого синтеза всех обитающих на нем племен в метаисторической рефлексии. Именно в XV веке эта рефлексия и обретает свою настоящую форму.

Сущность европейского духа в том, что он от традиционной мудрости авгуров, от интроспективной антропологии греков, от «готической» теологии раннегерманских мистиков переходит к синтетическому мифу о человеке. Не мифы о богах и героях, не великая и чувственная космогония спонтанных прозрений в бесконечность, но строгое и рациональное выстраивание проекта, который основан на

воле, на интенции, на категорическом утверждении того, что в лучшем случае заслуживало бы статус гипотезы. Фичино, а затем и Пико делла Мирандола переформатируют ближневосточное учение об Адаме-Гильгамеше в странный синтез информатики и экзистенциализма. И это в ту эпоху, когда, как считается, сами эти понятия были невозможны и ничем не обеспечены.

С другой стороны, как еще можно назвать концепцию, согласно которой можно выстроить знаки в некий порядок, придать им актом воли смысл, и манипулируя возникшим информационным пространством подчинить себе невидимую реальность? В центре всех возможностей — от самых subtilных, ускользающих от восприятия физическими органами чувств, до столь грубых и низменных, что они уже недостойны восприниматься этими органами, — стоит Душа, возгоняющая тяжелое вверх, а летучее, наоборот конденсирующая вниз. Эта Душа изображается обычно как человек в позе еврейской буквы «алеф»: правая рука воздета к небу, левая указывает на землю, ноги слегка расставлены, чтобы обозначить двойную змею кадуцея. В таком виде Адам (постоянно именуемый в текстах флорентийцев «Душой») является просто копией «Великого существа», которая была известна древним как «сын Земли и Неба», Логос, первое творение... Короче говоря, «Великое существо» — это Люцифер, являвшийся главным и наиболее приближенным ангелом Бога. Собственно говоря, никто и не спорит, что европейский миф о человеке есть миф необходимо люциферианский. Это всеобъемлющий проект, согласно которому, подключаясь к архетипу Адама (микрокосму), каждый из нас (при условии, что мы избранные) может стать зеркалом тотального «всё»! Каббала? Вавилон? Без сомнения; но в первую очередь — новая Европа. Эзотерическая прокламация Пико делла Мирандолы так и называется: «О человеческом достоинстве». Из этого герметического текста вышли «Декларация прав человека» Французской революции и «Коммунистический манифест» Маркса.

Именно в этом мифе-матрице оформляются окончательно зерна последующих моделей восстания против ветхого и немощного смертного человека, которые в дальнейшем мучили европейские души вплоть до сегодняшнего дня.

3. Воля к смерти

Что и говорить, люциферианское богоборчество, живущее в душе магического Адама, заложено туда ветхозаветным Богом уже в первых стихах «Бытия». «И сказал Господь Бог: Вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло; и теперь, как бы не простёр он руки своей и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Быт. 3:22). Поразительность этого текста, шокирующая бесчисленных комментаторов, в том, что Бог моисеева Пятикнижия говорит здесь в стилистике олимпийского пантеона: ревность к смертным, да и само допущение того, что тварь, созданная из праха, может по собственной воле трансформировать свою природу, нарушив запрет — это то, что по определению исключено в представлении о Боге, переданном нам авраамическими пророками.

Однако в данном случае нас интересует не вавилонское искажение Моисеева откровения, а культурное следствие фактического библейского текста. В приведенной цитате заложена вся программа последующего западного богоборчества вплоть до ницшевского «Бог умер». И сформулированный флорентийскими платониками миф о человеке есть не что иное, как самореабилитация согрешившего Адама, который не только не собирается просить прощения у Бога, но и планирует пойти дальше — «простереть свою руку к дереву жизни и вкусить...» Глубочайшая целостность всей европейской культуры, сосредоточенной в фокусе этой драмы неповиновения, открывается в личности Кириллова, одного из героев «Бесов» Достоевского. Этот роман построен таким образом, что любой из персонажей, населяющих его страницы, может стать в свою очередь центральным в зависимости от угла критического зрения. Не только якобы главный персонаж Ставрогин, но и Петр Верховенский, и даже Шатов... А уж Кириллов с его феноменальным посланием в форме сакрального посвятельного самоубийства (посланием, которое до последнего нюанса было изучено и понято именно Ницше и его великим интерпретатором Хайдеггером) — этот-то персонаж возможно даже по мысли самого Достоевского стоял особо.

Программа Кириллова есть некое парадоксальное развитие содержания вышеприведенного стиха из Бытия. Парадоксальное потому,

что вместо дерева жизни кирилловский «сверхчеловек» должен простереть руку к плодам дерева смерти (согласно некоторым апокрифическим преданиям, сохранившимся в традициях оперативного масонства, в Эдеме росло не два, а три главных дерева: различения добра и зла, жизни и смерти).

«Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен... Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. Будет новый человек, счастливый и гордый... Будет богом человек и переменится физически», — таково послание Кириллова, в котором намечен современный европейский синтез люцифериянства и необуддизма, да при том еще с немалой толикой фрейдистского психоанализа между ними. В самом деле, знакомясь с доктриной этого сумрачного «русского мальчика» трудно не вспомнить о царевиче Гаутаме, который после тридцати лет безоблачного пребывания в своем дворцовом «эдеме» вдруг обнаружил реальность боли и страха и, что самое главное, неизбывную трагедию привязанности человека к своему негативному опыту. Фактически призыв Кириллова решиться на смерть (в его случае физическую) и таким образом проснуться есть перевод на прямолинейный русский язык буддийской доктрины освобождения. Но такой перевод и такой Кириллов со всеми нищенскими последствиями опять-таки возможны лишь благодаря вавилонскому прочтению Ветхого Завета.

4. «Сверхчеловек» и революция

Выше мы упоминали о «зернах» тех моделей преодоления человеческого, которые вызрели в матрице авраамического мифа. Обзор этих моделей открывает со всей очевидностью, что все пути преодоления смертной тленной природы человека одновременно являются и путями освобождения от общества, того всеохватывающего социального пространства, которое еще Аристотель полагал гарантом подлинной человеческой природы. Еще точнее следует сказать, что все пути реализации сверхчеловеческого представляют собой способы бегства из общества, которое европейский дух («духовность»?) вдруг осознал как тюрьму.

Это переживание общества как «места заключения» распространяется и на человеческую природу, на само человечество. Человечество является тюрьмой, потому что оно привязано к юдоли. «Юдоль человеческая», *la condition humaine* (т. е. человеческое состояние) — это библейское выражение, обозначающее долину страданий и тщеты, в которую изгнан Адам после грехопадения. Но эта «долина» представляет собой не столько внешнее место, в которое переселился праотец рода человеческого (вроде как из дворца в трущобы), сколько новую сущность человека, от которой невозможно спастись элементарными средствами. Поэтому для организаторов проекта «Сверхчеловека» социум как видимая организация скрытой человеческой природы и сама эта природа суть ненавистное рабство.

Уже одновременно с разработкой мифа о человеке параллельно и вопреки ему начинает разрабатываться «миф об обществе». Причем это происходит практически на той же самой интеллектуальной площадке, среди тех же самых неоплатоников. «Миф об обществе» еще более выпукло заявляет себя как миф, нежели «миф о человеке», который как бы намекает, что он есть на самом деле настоящее знание. «Миф об обществе» сразу позиционирует себя как утопию. Кампанелла — ярчайший представитель этого направления мысли, и совершенно очевидно, что с первых же шагов социальный утопизм является абсолютно столь же богоборческим и люциферианским, сколь и «миф о человеке». Ведь «Город Солнца» очевидно представляет собой ответ на «Град Божий» Блаженного Августина.

Утопический характер социомифа скоро утрачивается в пользу позитивистских и рационалистических представлений. Солнечный пафос неоплатонического социализма быстро приобретает антииндивидуалистический и, конечно, «антисверхчеловеческий» характер, который грозит перерасти в динамике своего дальнейшего развития просто в откровенный антигуманизм. У французских социалистов XVIII века и их русского ученика Чернышевского это и происходит: фаланстерский социализм особо не скрывает, что является тюрьмой для личности. Пафос этой предельной социализации в том, что общество видится идеальной машиной, оптимизированной для извлечения максимума пользы из всех сфер человеческой реализации. К концу

XVIII века на одном полюсе стоят иллюминаты-просветители, которые мечтают делать из людей аккуратно отформованные «бруски», годящиеся в какое-нибудь дело; на другом же полюсе поднимаются провозвестники грядущего романтизма, которые вскоре утвердят моду на люциферизм и культ мужского начала. Байрон и Лермонтов стали фактически апостолами этого популярного в образованных классах демонизма, в котором парадоксальным образом фигура тирана и узурпатора Бонапарта сливалась с образом странствующего борца за свободу и искателя смерти. Практическим воплощением этой линии в собственном лице явился Бакунин — «сверхчеловек» европейских баррикад, системно дезавуировавший общество вопреки своему якобы социализму; Бакунин, зарядивший своей энергетикой Достоевского и Герцена, разваливший марксов I Интернационал... Его жизнь гораздо больше, чем жизнь Ницше, соответствовала учению и духу «Заратустры».

Тут мы подходим к очень важному и глубокому пункту, не вполне продуманному большинством исследователей вопроса: «сверхчеловек» может быть в правой версии — мизантроп, аристократ, люциферианец; ну а может выступать вполне и, так сказать, «в левом издании». Бонапарт вышел из революционной стихии и воспринимался народами как вождь радикального обновления. Хорошо, его трудно назвать особенно уж «левым», тем более, после коронации... Но стоящие за его фигурой сплоченной группой беспощадных радикалов Робеспьер, Сен-Жюст и другие — в них-то уже явно чувствуется позиционирование в качестве «сверхчеловеков». Огюст Бланки, две трети жизни просидевший во французских рavelинах без света и воздуха и вполне способный служить прототипом аббата Фариа, учителя будущего «графа Монте-Кристо» в знаменитом романе Дюма, — он черпал энергию своей неумолимой ненависти и веру в заговор круга избранных тоже в непосредственно данном ему опыте собственной «сверхчеловеческой природы». Вот она, брезжущая разгадка трудноопределимого феномена «сверхчеловека»! Это сочетание антиобщественного и жертвенного, в первую очередь; но не только это, конечно. Третий компонент — это внутренняя изолированность, отказ разделить с братьями общую судьбу. Такова ситуация и слева, и справа.

Якобинский конвент состоял из одиночек, что бы они там ни говорили об обществе и гражданине. Бакунин, упомянутый нами, был одиночкой. В этом смысле он — да и, кстати, спорный Нечаев — мало чем уступят демоническому Байрону, который выступает для культурной интуиции потомков «сверхчеловеком» справа (при всем своем эпатаже высшего общества и участии в войне за независимость Греции!)

5. «Звезда надежды»

Антиобщественность, жертвенность (пассионарная избыточность) и одиночество — вот парадигма сверхчеловека, который существует в ткани европейского исторического бытия реально! — а не как некая неоплатоническая гипотеза флорентийских герметиков.

Тут мы добираемся до еще одного различия в парадигме «сверхчеловеческого»: он может быть религиозно-метафизическим или боготорческим, т. е. опять-таки религиозно-метафизическим, но в негативной версии. Понятно, что и то, и другое коренится в общем для всех вариантов люциферизме...

Герметический анализ человека сразу исходит из его квазибожественной «единственности», предьявленности в качестве микрокосма — макрокосму, той бескрайней реальности, в центре которой он находится. Неоплатонический мыслитель не уточняет особо, что этот архетип раздроблен на бесчисленное множество частиц, поделенных в качестве общего достояния между смертными существами, населяющими землю. Речь такого мыслителя об Адаме крайне абстрактна и пафосна, и мы никак не можем привязать заветы и грандиозные перспективы, относящиеся в прозрении Пико делла Мирандолы к человеку, к тем реальным тленным и суетным существам, которых мы знаем и которыми мы сами являемся. Заратустра Ницше гораздо ближе к физическому человечеству, от которого он с брезгливостью уходит и преодолеть которое он призывает; при всем том, однако, у исполненного космического достоинства «человека» возрожденческих метафизиков и у ницшеанского «сверхчеловека» есть общая метафизическая база — это их экспансия по ту сторону, выход за некие пределы.

Возьмем пятиконечную звезду как каббалистический образ архетипического Адама. Мы обнаружим, что все возможные версии бегства от человеческой юдоли — понимаемые при желании как преодоление «слишком человеческого» или освобождение от рабства рока — располагаются по ее пяти лучам и представляют собой пять главных путей эскапизма, которые под определенным углом зрения можно считать антисоциальными стратегиями с метафизической мотивировкой.

Первым и наиболее коренным, древнейшим вариантом представляется путь традиционного «освобождения» через посвятельные ритуалы и тайное знание. В предельной перспективе этот путь ведет к отождествлению с Универсальным принципом и известен всем жреческим метафизическим системам — от индуизма до оперативного масонства, основанного на вавилонских и древнеегипетских доктринах.

Для нас в данном случае важно, что реализуя этот путь, человек последовательно преодолевает все уровни ограничений, определяющих его смертную и конечную природу; несмотря на то, что духовная реализация в данном случае немислима без поддержки традиционных знаний и методик, существующих вполне конкретно как некий институт, несмотря на необходимость духовного учителя, без которого прохождение этого пути также невозможно, путь инициатического освобождения осуществляется, в конечном счете, в глубочайшем одиночестве, что подчеркивается широко распространенными в разных традициях практиками отшельничества, физической самоизоляции, абсолютного молчания и иными контргрупповыми техниками.

В этом религиозно-метафизическом ракурсе термин «сверхчеловек» не употребляется, да и не имеет логической базы, поскольку целью посвятельного пути является отождествление с «Великим всё», а не преодоление рамок банального человечества. Тем не менее, у адептов изначальной традиции, по крайней мере, доступных наблюдению со стороны профанов, проявляются все характерные черты «сверхчеловеческого» синдрома, обнаруживаемые нами в модернистских версиях духовной реализации. Отшельники, старцы, гуру и шейхи, реализующие эзотерические аспекты своих религий, соединяют в себе аспекты асоциальности и даже антисоциальности с выраженной изолированностью даже от собратьев по пути (одиночество),

что в глазах тянущихся к ним людей с лихвой компенсируется их повышенной «экзистенциальной температурой» — пассионарной жертвенностью, которую в традиции называют «любовью» (агапэ).

Второй путь, представляющий собой модернистскую версию метафизической реализации, связан с тем пространством люциферрианского адамизма, который выделяется скобками, с одной стороны, магического гуманизма Возрождения, с другой — романтического и радикального экзистенциализма, примеры которого мы достаточно приводили выше. Трудно вполне разделить два этих пути, поскольку в новейшее время существуют эзотерики-традиционалисты, для которых ницшеанский дискурс вполне интегрирован в «магико-герметическое» видение. Таким, в частности, оказывается крупный представитель традиционалистской школы мысли барон Юлиус Эвола: при всей включенности в «ортодоксальный» эзотеризм он считает вполне легитимным и рабочим понятие «сверхчеловека».

Две упомянутых версии представляют собой как бы два родственных друг другу, но расходящихся вектора, или луча, в перевернутой пентаграмме. Другими двумя также связанными, но, в определенном смысле, антитезами, являются пути святого и героя.

Очевидно, что путь святости, и вообще образ святого, далеко не тождественен той практике духовной реализации, которая находит свое воплощение в уже упоминавшихся отшельниках, старцах и шейхах. В святости акцентирована сторона спонтанной жертвенной пассионарности, которая как бы фактом своей избыточности порождает антисоциальность и одиночество. Святость поражает как молния; она может осенить ребенка или простодушное существо, далекое от интеллектуальной метафизики. Жанна д'Арк принадлежала к этому типу святых и ее приход в стан короля совершенно не противоречит аспектам антисоциальности и одиночества, которые, напротив, были поводом для шока или почтительного восторга у французов, и, наоборот, преследования в качестве одержимой бесом ведьмы со стороны англичан.

Сверхчеловеческий аспект святости часто дает густую темную тень или негатив, подчеркивающий амбивалентность солнечного начала (люциферизм): ближайшим спутником в военных условиях

Жанны д'Арк был маршал и коннетабль Франции Жиль де Рэ, известный своей неукротимой жаждой преодоления человеческого, которая привела его к сатанизму, изуверствам и, в конечном счете, поставила этого сложного человека перед судом французской церковной инквизиции. Удивительная симметрия с Жанной д'Арк — обожаемой им носительницей чистейшего света, с которой расправилась британская церковная инквизиция! Неизвестно, пользовался ли Жиль де Рэ в своей личной рефлексии категорией сверхчеловеческого, но для модернистов, которым этот термин стал близок, «проклятый маршал» являл собой очень притягательную фигуру!

Святому противостоит герой, но не потому, что он менее одинок или менее пассионарен. Святой лишен драмы, его сверхчеловеческая природа как бы изначально и непротиворечиво задана в самом уровне его бытия; герой же представляет собой выход на поверхность фундаментального кризиса, который неотъемлем от самих истоков реальности. Скажем так: герой — это тот, кто осознал иллюзию посвящения и тщету святости, но от этого не стал обычным сломленным человеком, а наоборот, только углубил свое противостояние человеческой юдоли и принципу «неизбежного».

6. Происхождение трагедии не из «духа музыки»

Бесспорно, архетип героя не менее древен, чем метафизическая модель посвященного жреца. Герои существовали в фольклорах всех древних цивилизаций, но почти повсюду, кроме Кавказа и Эллады, они были интегрированы (говоря современным языком) «в систему». Другими словами, в Индии, в Иране, у кельтов и т. д. над героем стоял мудрец; поэтому во всех этих сакрально-жреческих цивилизациях те, кто соответствует более или менее европейскому концепту героя, в действительности оказываются не «сверхлюдьми», а всего лишь воителями со сверхъестественными проявлениями. В этом фундаментальная разница даже на эпическом уровне между гомеровским Одиссеем и, скажем, Кухулином ирландского эпоса. (Не следует путать сверхъестественные возможности персонажа со «сверхчеловече-

скими». Такое смешение часто проявляется на уровне обыденного сознания. «Сверхчеловек» есть состояние экзистенциальное, и такие вполне земные существа как Байрон и Бонапарт никак не могли бы конкурировать с кельтским Кухулином или киргизским Манасом по части экстраординарных телесных проявлений!)

Именно в кавказско-балканском ареале формируется образ личности, которая меряет себя не критериями соответствия всеобщей гармонии, но, напротив, способностью несгибаемого противостояния беспредельному, т. е. Року. Над эпическими нартами Кавказа и над эллинскими героями не стоят мудрецы. Эти герои бросают вызов Небу, ставят под вопрос позитивный смысл бытия. Можно сказать, что в них уже в те далекие времена был нащупан экзистенциальный нерв «сверхчеловеческого» и доведен до апогея, до полного разрыва с «нормой». Это, собственно, и получило название «трагедия». Но вот что составляет особость героя по отношению к трем предыдущим версиям «сверхчеловеческого» мифа: в герое нет ничего люциферического. Герой — не солнечное существо. Солнечными существами являются олимпийцы, власть и онтологическую легитимность которых он оспаривает. Герой — единственная модальность «сверхчеловека», которая не реализует Люцифера на земле, а, наоборот, бросает ему вызов, оказываясь тем самым на стороне пока еще неведомого ему Бога.

Расставим окончательно акценты: именно герой в первую очередь является потенциальной аудиторией Пророка. Поэтому возможно существование сообщества героев, героических братств, о чем нам свидетельствует не только Гомер, но, местами, и сегодняшняя политическая практика, которая иногда не уступает величием древнему эпосу.

Да, конечно же, изначально герой одинок. Разрушение воинской касты в современном мире привело к появлению особой категории современного социального аутсайдерства: «одинокие герои». Однако эти аутсайдеры связаны друг с другом той взаимной жертвенностью, которая подразумевается в евангельских словах Христа: «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13).

Кстати говоря, после известного эллинистам союза ахейцев именно Кавказ дает образец «братства одиноких» в парадоксальном феномене воинских союзов абреков. «Абречество» — это чуть ли не воз-

веденный в ранг особого института сверхчеловеческий синдром, у которого есть почти все атрибуты, приписанные Фридрихом Ницше своему Заратустре. Абрек рвет с основополагающей этикой «обычного» человеческого существования. Он отвергает авторитет отца, отбрасывает ценность рода, он признает бытие фундаментально несправедливым и уходит в горы, чтобы из своего вооруженного одиночества создать новую этику вызова Року, этику противостояния. Но абрек, в значительной мере неправильно понятый, начиная с Лермонтова, в русской культурной традиции, — это не демоническая фигура. Он не нигилист! Абрек отрицает бытие как ошибку во имя должноствования и справедливости, которых нет нигде, кроме как в его сердце. Кавказское абречество — в прямом смысле наследник гомеровского эпоса — доводит до сегодняшнего дня героический элемент, через который человеческое, беспредельно возвышаясь, наконец-то освобождает себя от дразнящего миража «сверх...»

7. Риск «недочеловеческого»

И, наконец, последний, пятый луч, который в нашей пентаграмме направлен вниз. Речь идет об очень сложном и противоречивом явлении, которое можно условно назвать бегством к природе. Этот луч принадлежит «сверхчеловеческой» пентаграмме эскапизма, потому что, за исключением героического вектора, дружба с природой присутствует в остальных трех лучах. Заратустра призывает быть верным земле (а магический Адам флорентийцев работает с грубыми и тонкими субстанциями и перестраивает природу под себя). Метафизические учителя реализуют свое отшельническое уединение на лоне природы — в пустыне, где они питаются акридами, или в пещерах Гималаев, куда послушники приносят к ним зачерствелые корки козьего сыра. Ну, а святые — те получают мед непосредственно от медведей и вкладывают вывалившихся червячков обратно в свои язвы. То есть, природа, пусть по-разному, но в любом варианте важна для «сверхчеловека»: если он рвет с юдолью как с неким проклятьем, то в этом разрыве должна проявиться память об эдемском саде до

грехопадения. (Герой природу либо отрицает, либо игнорирует. Для Одиссея Средиземноморье есть картезианская протяженность, в центре которой преодолевает препятствия его мыслящее «Я».)

«Бегство к природе», таким образом, берет некий фон, некий сценический задник, которым является природа при «сверхчеловеке» и делает это центральной частью своей стратегии. Понятно, что при таком повороте уже не до пассионарной жертвенности — она уходит. Тем не менее, те, которых можно назвать «экзистенциальными экологами», — Торо, Лонгфелло, из литературных героев — лейтенант Глан, — каким-то образом продолжают претендовать на долю в «сверхчеловеческом». Они сохраняют, по крайней мере, два других козыря — асоциальность и одиночество, — которые в их случае начинают играть заметно более важную роль.

Однако лейтенантом Гланом «экологическая версия» Заратустры далеко не исчерпывается. Есть ведь и «счастливый дикарь» Руссо, которого на практике попытался воплотить Гоген. Есть, кроме того, и миф о туземце, обладающем сверхъестественными способностями за счет своей непостижимой для «цивилизованных» людей космической «подлинности» (предельным развитием этого мифа следует признать продукцию Кастанеды).

И, наконец, помимо литературной харизмы Лонгфелло и Кнута Гамсуна, помимо чапарально-мескалинового гламура кастанедовских яки существуют совершенно реально племена, живущие в условиях каменного века в сельве Амазонки, в джунглях Филиппин или в австралийском буше. Кому-то может показаться, что уж последние-то выпадают из дискурса о «сверхчеловеке». Действительно, на первый взгляд, скорбная, отнюдь не руссоистская действительность туземных племен питает расовый снобизм некоторых горе-антропологов, думающих, что уж тут-то они нашли весомую антитезу своему идеалу: дескать, если «сверхчеловека» и нельзя напрямую пощупать, то, тем не менее, каким-то образом он становится менее виртуальным от неоспоримой очевидности «недочеловека». Проблема в том (для этих расистов), что так совершенно не думали великие структуралисты и исследователи фольклорных архетипов Фрэнклин, Леви-Стросс, А. Дэвид-Ниил, Мирча Элиаде, которые изучали мышление «дикарей»,

чтобы выйти на ту трансцендентальную азбуку, с помощью которой пишется ментальная жизнь всего человечества.

И все-таки, все-таки... этот «пятый путь», по большому счету, является коллапсом «сверхчеловеческой» идеи, что в варианте лейтенанта Глана, что в версии Дона Хуана, не говоря уже о тех бедолагах, на которых охотятся с вертолетов мафиозные вырубщики лесов. Ведь, по версии некоторых традиционалистов, туземные племена есть осколки тех, кто когда-то противопоставил себя древним цивилизациям, но потерпел поражение в своем антисоциальном проекте, в результате чего героические братства изгоев выродились в объединения тех, кто поддерживает свое существование из зеленой чаши натурального обмена веществ.

8. Все-таки, «герой»!

Пять путей бегства из социума, образующие пентаграмму возможных модальностей «сверхчеловека», не оставляют сомнения в том, что, по крайней мере, для европейского духа общество на инстинктивном уровне оценивается как зло (строго говоря, само явление пророческой традиции монотеизма изначально предполагает то же самое, ибо лишь в этом контексте понятен конфликт Пророка и традиционной цивилизации, вопреки которой он приходит со своим посланием).

Общество есть зло не только потому, что оно в самом естественном и первичном контакте с личностью представляет собой «каторгу», систему отчуждения, в которой человек исходит драгоценными соками своего единственного и неповторимого существования. Маркс многое сделал, чтобы свести проблему именно к этому, поддерживая иллюзию, что в принципе существуют «неправильные» и «правильные» варианты общества; дескать, в «правильном» отчуждение преодолимо...

Во-первых, не «преодолимо», потому что любое общество не может не состоять из набора двух шприцов, один из которых воткнут человеку в сердце и вытягивает из него самую качественную часть его субстанции — «духовную кровь»; другой же шприц воткнут несчастному в мозги и, наоборот, закачивает в них эссенцию лжи и

подмены, которые всегда и во все времена составляют умственное содержание рядового человечества. Без этой системы двух шприцов, или, если угодно, насосов (грубо напоминающих космического медиатора, который одно возгоняет кверху, а другое опускает вниз) общество не работает, социум невозможен!

Поэтому «сверхчеловек» всегда и во все времена был элитным проектом, ибо главная специфика «избранной» части человечества — в ее успешной стратегии эмансипации от убожества коллективной судьбы. Возьмем первый разобранный нами путь посвященного мудреца-эзотерика. Да, он, конечно, сидит в пещере или келье, но ведь он является аргументом экзотерической традиции, которая предъявляет его презренному и недостойному миру как доказательство своей подлинности. Именно скрытое присутствие мудреца составляет всю силу миропорядка, который не снимает жестокой стопы с выи поверженных человечков. Помните разговор Смердякова, прислуживавшего за столом Федора Павловича в «Братьях Карамазовых»? Спасаются-де где-то в пустыне парочка последних настоящих святых, молитвами которых мир стоит! Проницательного циника Федора Павловича это «народное убеждение» тогда еще поразило больше всего...

Есть в Вавилоне (ныне разбомбленный городок в сотне километров от Багдада) потрясающая древняя скульптура, установленная недалеко от главного пути к храму богини Иштар. На огромном шаре, явно символизирующем наш глобус, лежит на спине, раскинув руки человек, над ним, прижимая его грудью в откровенно эротической позе, возвышается лев, ревущий в иступлении, бугрящийся мускулами чудовищной мощи. У зрителя нет никаких сомнений, что перед ним изображен акт сексуального насилия льва над человеком. Но на спине льва во весь рост в невозмутимом трансе, раскинув руки и подняв лицо к небу, стоит сама Иштар! Три тысячи лет назад была выточена из камня эта скульптурная группа, и в ней нагляднее и точнее, чем в «Капитале», дана вся метафизика социального бытия. Лев, если кто не понял, — это государство.

У Ницше Заратустра, конечно, уходит от людей в горы. Но ведь только для того, чтобы научить избранных — «своих братьев» — воле к власти. Эффективное бегство от общества является, на самом де-

ле, стратегией господства над всеми, кто не убежал. Сегодня «сверхчеловеческий» проект реален как никогда и очень близок к своему окончательному воплощению... Возможно, в форме информационного общества! Информация есть та последняя тюрьма духа, из которой обычный человек практически не имеет шанса ускользнуть. Это самая совершенная эссенция лжи, которую будет загонять «шприц», воткнутый в мозги человечества. Она вне всякого сравнения превосходит фальшь предыдущих эпох, которая оставляла возможность для индивидуальной интерпретации, переваривания и усвоения на личностном уровне. Информация не подлежит индивидуальному взаимодействию, ускользает от обратной связи. Это ложь, не допускающая зазора между собой и человеческим «я». Но именно в этом информационном обществе происходит полномасштабное освобождение элит от механизмов социального рока. Сегодняшний обыватель знает об особах королевской крови, во-первых, то, что они «царствуют, но не правят», во-вторых, то, что они появляются в Каннах под руку с топ-моделями. При этом реально он чтит их несравнимо более рабским и фанатичным образом, чем его прадеды, умиравшие за монархов на полях Вердена и под Перемышлем. Для тех монарх был символом божественного присутствия. Для нынешних правнуков «высшее общество», чью гламурную благодать они пьют со страниц таблоидов, есть само благо в чистом виде, прекрасная жизнь, сам факт которой оправдывает существование цивилизации. Это ли не торжество того, ради чего сошел с ума профессор классической филологии?

Сегодняшнее высшее общество — это не пэры, которых эпатировал Байрон. Они «сняли» Байрона в гегелевском смысле, решили его как проблему. Клуб знати, образующий сегодня полюс господства — это коллективный «необайрон», прошедший постмодернистскую реструктуризацию. В ней цитатно отражены — кроме, разумеется, героического — все пути реализации «сверхчеловека», представленные в пентаграмме.

Путь мудреца? Вне всякого сомнения! Учителями и собеседниками «Клуба» являются мудрецы. Суфийские шейхи учат наследника британского престола тайному знанию Ибн аль-Араби, а афонские старцы на своей скале держат для него собственную келью. Целое движение

неосуфиев, объединяющее титулованную элиту Европы, было организовано Фритьофом Шуоном под названием «Орден Марьямийа»...

Путь «Заратустры», магического романтика? Это путь младшего, новейшего поколения титулованной знати, формирующей в себе сознание постдемократических лидеров мира, новых реальных господ, возвращающихся к традиционным корням власти и подчинения. У многих из них — континентального европейского происхождения — дедушки носили черные мундиры с погонами не ниже штандартенфюрерских, но не одному из них после Нюрнберга даже линейкой по пальцам не хлопнули. Отвечали за всё дети лавочников и фермеров.

Ну, а что о святых? Святость очень востребована в сверхэлитном клубе. В современном мире она представлена двумя конфессиональными парадигмами: духовное подвижничество тибетского ламаизма и бережно сохраняемые чудесно-мистические аспекты традиционного католицизма. И то, и другое сегодня находится в теснейшем интеллектуально-кастовом симбиозе с аристократами, впрочем, нельзя назвать это положение дел новым. Со времен контрреформации католицизм и политически жесткий аристократизм идут рука об руку. Буддизм добавился к этому союзу в канун Первой Мировой войны благодаря духовным исканиям титулованных ариософов.

Ну, и наконец, «бегство к природе». Современная знать плотно оседлала экологическую тему. Вымирающими тиграми и исчезающими попугаями занимаются только потомки крестоносцев, не ниже. Вообще природа как предмет дискурса стала, с одной стороны, очень элитной, рафинированной и экзотической темой, на которую могут позволить себе тратить деньги только те особы, по первому слову которых уважаемые фонды считают за честь раскошелиться; с другой же, экология — излюбленная площадка глобальной мафии, безупречный канал отмыwania денег, оружие шантажа строптивых стран и корпораций... Но во главе мафии, опосредованно через транснациональные компании, стоят представители все тех же громких фамилий Старого Запада.

На первый взгляд, кастовая соборность «Клуба» противоречит трем положениям о «сверхчеловечестве», упомянутым выше: антисоциальности, жертвенности и одиночеству. Но это только если не учи-

тывать постмодернистский фактор, переводящий всё в иной плоскостной формат, лишенный глубины и перспективы. Антиобщественность трансформируется в пребывание поверх общества как такового (наконец-то удавшееся бегство от коллективной судьбы), жертвенная пассионарность становится широко разрекламированной папарацци заботой о детях, ставших инвалидами от мин, или о страусах, чье мясо закатывается в сэндвичи, а шкурка идет на мокасины для наркоторговцев. Что же касается одиночества, лучше всего оно проявляется через свою наглядную антитезу — в якобы «невозможности» остаться наедине с собой, вне поля зрения желтой прессы. Ничто так не послужило продвижению социально-политических задач Клуба как судьба принцессы Дианы. Постмодернизм, трансформируя пройденные прошлыми титанами европейского «сверхчеловечества» маршруты бегства от юдоли в политические механизмы управления человеческим стадом, освобождает адептов нового аристократизма от неизбежной в прошлом феодальной разобщенности.

Героев, однако, постмодернизм не осилил, что уже является великим знаком того, что в пространстве симулякров есть не имеющая измерений точка подлинности. Поэтому Клуб объявляет пятому, не интегрированному в себя лучу пентаграммы беспощадную войну. В современном мире герой поставлен вне закона. Он лишен своего традиционного статуса и «переквалифицирован» в радикала и экстремиста. Экологи-представители всемирной партии «зеленых», меньшинства и иной парapolитический мусор, позирующий в роли репрезентативной части демократии, но в действительности преданно обслуживающий криптотиранию Клуба (пока что крипто...), призывают к окончательному уничтожению героя, иногда в форме довольно экзотических сексистских нападков на «мужское начало», вплоть до предложений медицинскими средствами понизить уровень тестостерона в «сильной половине» человечества. Главная мысль в том, что если эта половина будет послабее, меньше будет проблем. Вопрос: для кого? Да понятно же, для начальника тюрьмы и его ребят с ключами и дубинками у пояса. «Демократия» сегодня говорит не менее причудливым языком, чем когда-то просветители-утописты, мечтавшие бороздить океаны верхом на дельфинах. Но результат ин-

теллектуальной экзотики и тогда, и сегодня один: крепнут каменные стены и алюминиевые купола «фаланстеров», обнесенных колючей проволокой, а красного ли цвета над воротами лозунги или зеленого — это тем, которые с тачкой, извините, всё равно.

В «Интернационале» поется: «Никто не даст нам избавленья — ни Бог, ни царь и ни герой». С царями понятно, но относительно двух других мы бы не были столь категоричны. Конечно, трудно сказать, кого автор и бесчисленные исполнители этого старого пролетарского гимна называют «Богом», скорее всего, «Христа» в его официальной церковной версии. В этом случае, с ними также придется согласиться. Но вот герой... У человечества нет иного шанса, кроме как полагаться на героев. Никто кроме них не способен бросить вызов социальной тюрьме, не сбегая из нее в одиночку. Никто кроме них не способен обезоружить надзирателей и войти в кабинет директора. Для этого, однако, необходима самая малость: уверенность в том, что с Роком нельзя договориться, его можно только уничтожить.

Чертовы куклы

Женщина как объект бесстрастного анализа

* * *

«Женщина естественна и потому омерзительна».

Ш. Бодлер

Во многих отношениях христианство стоит особняком в цепи монотеистических религий, в том числе и в своем взгляде на женщину. Нигилизм, присущий христианству в интерпретации женской сущности, уникален в духовной истории человечества. Ни язычники, ни иудеи, ни Ислам не создали такой концентрации женоненавистничества, которая пронизывает всю христианскую теологию от ранних отцов церкви до, практически, Нового времени. Причем, это касается без исключения всех главных направлений в христианстве — католицизма, православия, протестантизма... Само название «Чертовы куклы» — *ripae diabololum* — связано с реакцией ранних христиан на античные скульптуры, изображавшие как богов, так и богинь. Однако, в бессознательном импульсе тех, кто впервые употребил это выражение, четко присутствовала ассоциация между статуей как идолом и живой женщиной. Недаром еще до опыта переосмысления античного наследия христиане ассоциировали женщину с «повапленным (т. е. разукрашенным) гробом»: снаружи красива, а внутри полна всяческой мерзости.

На самом деле, женоненавистническая позиция исторического христианства есть лишь крайняя форма оппозиции естественному космосу, который присущ всему монотеизму в целом, но в иудаизме и Исламе носит скрытый характер. Христианство просто проговаривает вслух многие позиции, которые для предшествующих и последующих монотеистов подлежат, скорее, преодолению, нейтрализации, нежели озвучиванию. Тем более, что ни для иудеев, ни для мусульман безбрачие неприемлемо...

«Язычники» же, в свою очередь, прямо ассоциировали половую дифференциацию человека со структурой большого космоса. «Мужское» и «женское» в традиционной метафизике — это не столько психобиологические характеристики физического человека, сколько фундаментальные аспекты бытия, проявленной реальности космоса. В этом смысле мудрецы традиционных цивилизаций проявили богатое творческое воображение. Простейшие ассоциации, которые вызывает противостояние мужского и женского, носят пространственный характер: «верх» и «низ», причем «верх», как правило, — это мужское начало. «Уранос» (буквально, «покрывающий») — Небо, супруг Геи, Земли... Но это различие между верхом и низом не абсолютно. И у того, и у другого есть как мужской, так и женский аспект. И наверху мы также обнаруживаем женские божества, а внизу, в космическом подземелье — мужские. В частности, в этом плане интересно соотношение неба и солнца: «небо» как принимающая, объемлющая пустота, ассоциируется с первозданной женственностью, «солнце» — энергетический центр посередине этой пустоты — «мужчина», порожденный этой женской бездной. (Именно в этом контексте и следует рассматривать образ Амаэрасу, японской богини солнца, праматери императорской династии.)

Образы неба и солнца подводят нас к наиболее близкой современному сознанию символике — протяженность и точка. Эта модель противостояния является наиболее оперативной в понимании всей сложности отношений между полами, ибо представляет собой своего рода интеллектуальный мост между религиозной метафизикой и конкретной социальной антропологией.

* * *

«Ты же женщина и этим ты права».

В. БРЮСОВ

Культура в широком смысле слова построена на констатации того, что в человечестве с первых шагов его существования идет война полов. «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее...» (Быт. 3:15).

Эта вражда питает драму человеческих судеб как в ее частном измерении — сюжет физического происхождения и воспитания, так и в общественном — проблематика власти в фокусе гендерного противостояния. Ярчайшим образчиком такой драмы стал шекспировский «Гамлет», где на противостоянии между мужчиной и женщиной завязаны практически все тайны бытия, причем не только здешнего, но и потустороннего.

Наиболее простым и классическим пониманием гендерной оппозиции является видение ее в терминах физической поляризации. «Плюс» и «минус», анод и катод несут запас энергетического потенциала, который преобразуется во всю многоцветную, суетливую и неизбежную жизнь: работа, политика, войны, социальное угнетение и революции... Короче говоря, вся история человечества, для того чтобы осуществляться, нуждается в этом горючем, которое образовано вечным Мужчиной и вечной Женщиной, смотрящими друг другу в глаза сквозь бездну времен...

Однако во все времена предметом культурного конфликта является определение того, кто в данном случае анод, а кто катод, на чьем полюсе избыток электронов, и в чью сторону энергетический поток движется. Нет особой нужды подчеркивать (но, тем не менее, подчеркнем!), что мужчина считает отдающим энергетическим плюсом себя, в то время как женщина убеждена, что это она превращает свою жизненную субстанцию в предмет потребления и эксплуатации мужчин.

Возможно ли в этой центральной проблеме человеческой юдоли приблизиться к пресловутой «объективности», взглянуть на дело, так сказать, со сверхгендерной — а может, сверхчеловеческой — позиции?

Определенным шагом в таком направлении может стать понимание того, что у «протяженности» и у «точки» совершенно разные виды энергии, причем настолько, что они даже не «работают», не проявляются в общем пространстве!

* * *

«Радикал — ...атом или молекула с неспаренным электроном, который в химической формуле обозначается жирной точкой над

символом соответствующего атома; образование короткоживущих радикалов и присоединение ими недостающего электрона лежит в основе многих химических и биохимических процессов...»

СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

Голое и беззащитное человеческое дитя появляется на свет в обществе, будь это Древний Египет фараонов или Франция президента Саркози. И появляется это дитя, независимо от своих половых признаков, из утробы матери. Оказавшись в колыбельке, дитя мгновенно попадает под воздействие другого охватывающего бытийного контура — общества. Ребенок с первых недель существования начинает усваивать систему коммуникативных сигналов, учится различать между своим телом и средой, между яркими цветными пятнами предъявляемых ему феноменов внешнего мира. Прямым проводником этого формирующего воздействия является мать. Но то, что через нее проходит, то, что превращает кусочек беззащитной мяукающей плоти в организованное человеческое существо, — это Общество как таковое.

Ребенка можно сравнить с чистым листом бумаги. Общество как традиционно организованную и передаваемую через язык систему смыслов — с печатью. Но печать-рисунок находится на поверхности материального носителя, штампа, оставляющего отпечаток. Роль физического тела «печати» очевидно играет женщина.

Здесь мы подходим к одной из серьезнейших тем гендерной антропологии: женщина и общество, их фундаментальная связь между собой. Война полов носит не только метафизический или биологический смысл, это еще и социальная война, точнее, война мужчины с обществом как предъявленной ему формой неизбежности.

Общество есть судьба, общество есть космос, но не в абстрактном мифологическом виде, который открывался древним. Это не вращение «небесного колеса», не силы первозданных стихий, но эквивалент фатума, переведенный в человеческую плоскость и предъявленный на очень конкретном уровне, начиная с неизбежности завязывания шнурков и кончая неизбежностью соприкосновения с уголовным кодексом.

Первое, что испытывает мужчина при появлении на свет, это несвобода в образе матери. А когда он взрослеет, то сталкивается с несвободой в виде окружающего его общества. Эта несвобода есть не только внешнее принуждение, но и формирование его внутреннего существа, того, что фрейдисты называют «Я» и «Сверх-Я». Почти любой взрослый человек находится в ситуации латентной социальной шизофрении: он несет в себе образ «Блага», то, что должно его мотивировать как социально вменяемую единицу, его «Сверх-Я»...

Однако, с другой стороны, он на подсознательном уровне ощущает этот идеал как нечто навязанное извне, чувствует себя «зомбированным». В подавляющем большинстве случаев ощущение, что привитое ему смысловое содержание чуждо его подлинной сущности, порождает всего лишь глухое недовольство, которое превращается в столь типичный для современного мужчины жизненный фон. Однако, удивительным образом во все века мужчина решал свой конфликт с враждебным по определению социальным «космосом», создавая семью!

«Семья», «дом» для мужчины выступает как антитеза противостоящей ему враждебной среды, как тихая гавань, как то, где он, якобы, оказывается «у себя» в надежде обрести передышку от неумолимого фатума, мечтая реализовать свои глубочайшие подлинные побуждения. Мифологический концепт «дома» нагружен чаяниями идеальных свойств, которые должны помочь ему выйти из шизофренического тупика повседневной реальности. (Может быть, именно поэтому американские — в частности — мужчины тупо женятся раз за разом после очередных разводов, несмотря на накопленный ими самими и их мужским окружением негативный опыт законного брака.)

Социальная шизофрения обывателя выражается в том, что семья для него превращается во второе теневое «Супер-эго», некое подлинное и понятное на подкожном уровне благо, которое противостоит и во многих случаях отменяет благо официальное, провозглашенное бесчеловечным механистичным социумом. («Кого ты больше любишь: маму или дедушку Ленина?»)

Церковь всегда прекрасно понимала этот дуализм и именно поэтому на правах некой сверхобщественной и, разумеется, внечеловеческой силы держала руку на пульсе теневого интимного «Супер-эго»,

конвертируя его в гармоническое примирение с внешним законом.

Мифологизирование «семьи» в сознании обывателя заходит довольно далеко. Культура нового времени активно эксплуатирует фетиш «частной жизни», того, во что общество не должно совать нос, того, что является сферой полномочий и компетенций исключительно хозяина дома и его домочадцев. Этот культ частного тесно связан с концепцией таинства супружеской жизни. Однако, как раз культура в своем пристальном внимании к недрам «дома-крепости» в значительной степени подорвала однозначность и целостность этого мифа. «Анна Каренина» и «Госпожа Бовари», Мопассан и Золя осуществили серьезную демифологизацию «семейной гавани», показав ее как гнездо аморализма и лицемерия, как каждодневный ад, вынуждающий несчастного отца семейства спасаться в работе, пьянстве или адюльтере...

Но именно «дом» связывает и обезоруживает мужчину, не позволяя ему идти на конфликт с системой. «Дом» становится алиби для всех проявлений трусости и конформизма, тем рычагом, через который социум управляет своими данниками. Женщина в роли теневого «Супер-эго» внизу и общество как официальное «Супер-эго» в виртуальных «небесах» современного человечества действуют в заговоре против мужчины. Таким образом, мужчина поработен дважды: обществом через женщину, женщиной через общество!

Сознанию индивидуально обреченного смертного предъявлены образы женщины-родительницы и общества как двух взаимодополняющих форм посюстороннего материального «бессмертия». Женщина — гарант биологической преемственности через смену поколений, общество — коллективная память, в которой смертный «живет» за пределами своего земного срока.

Женщина, тем не менее, никогда не смогла бы занять такую особую позицию «светского божества» в тандеме с общечеловеческой «юдолюю скорби», если бы ее реальная онтология не выходила бы на самом деле за рамки «просто человеческого». В себе самой она выступает как носительница фундаментального раскола. Двойственность, проходящая через женское существо, в каком-то смысле если не радикальнее, то оперативнее, чем разделение человека на два пола. Мы говорим о двойственности «Девы» и «Матери».

«Девушка была прекрасна видом, дева, которой не познал муж. Она вышла к источнику, наполнила кувшин свой, и пошла вверх».

Быт. 24:16

В традиционном обществе девственность невесты — едва ли не главнейшая ценность, имеющая явно религиозный подтекст. Девственница — само воплощение чистоты, а чистота, как сказал пророк Ислама, — это половина религии.

В современном либеральном и феминизированном мировосприятии существует расхожее убеждение, что идеализацию этого физиологического состояния женскому полу навязали мужчины из извращенно-собственнических побуждений. Действительность может оказаться совершенно противоположной. Именно девушка сама находится в совершенно особом контакте со своим девственным состоянием. До того, как она познает мужчину, ею владеет некая иррациональная стихия, в которой ее сознанию открываются многие вещи, исчезающие после того, как она становится женщиной. Девство — это состояние особой энергетики, причем энергетики деструктивной: девушку можно сравнить в некотором смысле с взведенной и готовой взорваться бомбой. Конечно, многим рационально мыслящим людям Нового времени, привыкшим представлять юных созданий женского пола в образе беззащитных и хрупких существ, нуждающихся в опеке, в это трудно поверить. Тем не менее, одной из ярчайших фигур языческой мифологии является Дева-воительница. Более того, именно Дева с мечом представляет самую душу воинской доблести, воплощает в себе энергию гнева и возмездия.

Этот образ выходит далеко за пределы тевтонских мифов с их закованной в латы Брунгильдой и эллинских видений, среди которых поражает своей мощью Афина-Паллада, выходящая с разящим клинком из головы Зевса... Добавим, что и в христианстве (с его отрицанием женского начала) Дева — это не только Богородица. Святая Анна Арморейская — покровительница рыцарства; и в бессознательном переживании нордического мужчины есть, несомненно, что-то общее между чистотой нетронутой женственности и холодом смертельной стали.

Но ведь это не только религиозная символика, которую можно сплести на фантастическое отображение реальности в головах несчастных людей, еще не понявших законы рынка. Вся история Франции вращается вокруг совершенно реальной исторической личности — Жанны д'Арк, классической девы-воительницы, которая вела за собой не только рыцарей, коннетаблей и маршалов, но и самого короля! Рене Генон, главный авторитет XX века в вопросах традиционализма, утверждает, что Жанна д'Арк была последним адептом западной традиции женского посвящения, уходящей корнями в седую древность.

Энергетику девства можно сравнить с энергетической заряженностью первозданной протяженности, в которой время дано пока как четвертое измерение пространства (т. е. отсутствует). Изначальное пространство, существующее еще до возникновения проявленного мира, пространство как возможность, — это чистая энергия, пылающая пустота. Потом, когда в недрах этого однородного гомогенного пространства отразится точка, время дрогнет, и маятник мировых часов будет запущен. Пространство начинает искривляться, энергия переходит в вещество, исчезает однородность, появляются тела... Возникший мир идет ко все большему сгущению, в нем все меньше энергии и все больше вещества.

Превращение девушки в женщину подобно обезвреживанию бомбы или снятию энергетического потенциала. Девственность, символически выраженная в этой анатомической детали — девственной плеве, — конвертируется в ребенка, который, по сути дела, является трансформированной и отчужденной первоначальной энергетикой. Насколько девушка фетишизировала свою огненную чистоту, настолько же, став женщиной, она фетишизирует ребенка, в котором видит свое превращенное девство. Ребенок становится воплощением того комплекса потери и всех связанных с этим комплексом страхов, который возникает в момент утраты девственности. Присущая девушке тайная агрессия трансформируется у женщины в явную заботу о безопасности. Но самое главное, что происходит с этим физиологическим превращением: подобно тому, как это совершается при рождении космоса, для матери возникает время.

Девушка не знает времени, она живет в безвремяе. Именно это позволяет ей потенциально представлять собой эпицентр возможного

взрыва, свободное и яростное разрушение, которое в некоторых особях угадывается даже без специального усилия воображения. Однако, с того момента, когда юная красавица десакрализована мужской плотью, и особенно с того момента, когда она дает рождение своему чаду, время для нее пошло. Таким образом, она приобщается к юдоли мужчины, для которого время идет всегда, практически с колыбели.

Здесь мы подходим к главной дифференциации между полами, точнее, между присущими им энергиями, о чем упоминали выше. Время мужчины и время женщины — разные.

В экзистенциальном смысле время человека есть ограниченный запас его жизненной энергии, который конвертируется в нечто иное. Например, в деньги. А может быть, в написанные книги, в размышления о смысле жизни, в подготовку революции и т. д. Женское время конвертируется в пространство человеческих отношений, которые образуют гарантию безопасности для нее и ее детей. Все остальное либо поддерживает эту безопасность, либо угрожает ей. Поэтому реализация мужского времени, согласно врожденным импульсам, противоречит тому, как осуществляет свое время женщина. Мужчина действует как смертный, который хочет придать своей смерти смысл. Эта философия является опаснейшим вызовом для того, что женщина ждет от жизни.

* * *

*«Личная жизнь Бодлера сложилась ужасно.
Его любовь — мулатка Дюваль — была бес-
совестной пьяницей, измучившей поэта».*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Изначальная дихотомия «Дева — Мать» лежит в основе всех возможных женских типов и их позиционирования внутри различных цивилизаций. Однако мы воздержимся от анализа маргинальных, хотя, возможно, любопытных моделей, присущих африканскому, дальневосточному или америндейскому антропологическим пространствам. Сосредоточимся на двух моделях, которые присутствуют в мейнстриме большой истории. Это так называемый нордический тип женщины,

с одной стороны, и так называемый левантийский. Сразу надо отметить, что нордический тип в чистом виде практически не существует, если не считать таких эксклюзивных проявлений, как упомянутая Жанна д'Арк. Это, скорее, соль, в той или иной мере добавляемая к гораздо более реальным и земным типам. Однако ни одна из моделей, в том числе и нордическая, не дается в одном измерении. Бесспорно, нордический тип сосредоточен на культе девственности. Но если на одном своем полюсе он выражается в образе Брунгильды или Афины, то на другом — это жрицы-менады, которые во время сатурналий разрывают на части приносимого в жертву мужчину. И то, и другое — яростное пламя первозданного пространства, воплощенного на человеческом уровне в телесной конкретности закрытой женской утробы...

Левантийский тип также проявлен двояко. С одной стороны, это многодетная мать, хорошо известная нам по классике итальянского (грузинского, армянского) неореализма. С другой — гетера, вавилонская блудница, или, иначе говоря, «лжедева» в ее разных проявлениях. Ведь сущность гетеры в том, что она, подобно воде, не сохраняет памяти о мужчинах, не создает того самого пространства человеческих отношений, которое образуется вокруг материнства. Гетера существует вне времени, и ее практика есть тоже практика деструкции, отрицания мужчины через фригидный секс. Она конвертирует, подобно приходящим к ней неудачникам, свое время в деньги, только эти деньги она забирает у мужчин.

Нетрудно понять, что из всех четырех моделей только дева-воительница соответствует глубочайшим чаяниям мужской натуры, и именно поэтому такой образ стал актуальным с XIX столетия в практической жизни революционного подполья. От ячеек народовольцев и эсеров до «Красных бригад» девы-воительницы (не обязательно девственницы в биологическом смысле) стали экзистенциальным нервом добровольно принимаемой опасной жизни.

Пожалуй, это единственная форма, в которой вечная война полов может преобразиться в гендерную солидарность на почве общей борьбы против «свинцовых мерзостей жизни».

«Се человек»

25 декабря западное человечество отмечает Рождество Христово — день, когда по убеждению христиан на свет появился тот, кого они считают Сыном Божиим (и кто для мусульман является величайшим пророком в авраамической цепи, непосредственно предшествующим завершающей Печати пророков — Мухаммаду (САС.)) Подавляющее большинство из тех, кто отмечает этот праздник, не подозревает, что это также день рождения Митры, отмечавшийся тем же самым западным человечеством задолго до того, как Иешуа ха-Ноцри появился на свет в Святой земле.

Действительно, этот день связан с концом зимнего солнцестояния (22–23 декабря, когда солнечный цикл переходит в фазу возрастания дня и убывания ночи). День рождения Митры был определен его жрецами именно в этот момент, поскольку эта иранская традиция связана с культом «непобедимого солнца» — фундаментальной доктриной древних ариев, которую освежил в европейском сознании Александр Великий, объединивший Элладу и Иран и положивший начало современному религиозному синкретизму.

Главная проблема этого синкретизма в том, что личность Христа как еврейского мессии и авраамического пророка не отличима для европейцев от Митры-Ормузда иранской традиции, которая к началу нового времени была вездесущей в Римской империи, а также, в менее явной форме, от фигуры Аполлона — эллинского аналога персидского Ормузда. Несмотря на гневные возражения христианских богословов и простых верующих, метафизическая идентичность Ормузда и Аполлона личности Христа в европейском религиозном сознании слишком очевидна.

Исторический Иисус действительно был пророком Единобожия, открыто декларировавшим, что пришел восстановить во всей полноте

Закон Моисея (Мусы (АС)) и его доктрину. Он исповедовал Бога, о Котором свидетельствовали до него все пророки, вышедшие из лона авраамова. Совершенно понятно, что учение о единстве Бога в трех лицах к свидетельствованию авраамических пророков и доктрине Моисея никакого отношения не имеет. Это точное воспроизведение зороастрийской концепции трехипостасного божества, в котором есть бог-отец Зерван, его сын — бог добра и света Ормузд и, наконец, бог-святой дух, он же Спаситель, исходящий, согласно зороастрийской доктрине, от отца. Есть в этой теологии также и мать бога — Анахита.

Ормузд спускается вниз в мир мрака, чтобы вернуть миру похищенный Ариманом свет, попадает к силам тьмы в плен, переживает распятие, освобождается святым духом, которого в виде голубя посылает за ним Зерван, и вместе они возносятся, окутанные светом, возвращенным из ловушки тьмы. (Некоторое количество света еще остается в нашем царстве тьмы, рассеянное в людях и деревьях, и задача праведников — окончательно вернуть эти последние плененные частицы наверх).

Понятно, что к приходу Мессии этот иранский сюжет может иметь лишь крайне опосредованное отношение.

Именно этот синкретизм, осуществленный западным «религиозным проектом», соткал вокруг имени Христа крайне противоречивый образ, породивший массу конфликтов и споров. В действительности речь идет о величайшей духовной узурпации, когда-либо осуществлявшейся в религиозной истории мира. Подлинный Иисус, по его собственным словам, явился для того, чтобы «собрать рассеянных овец дома израилева». Он возглавлял общину учеников (апостолов), которые ходили по оккупированному Римом Святому городу вооруженными — как это очевидно из самих евангельских текстов (часть из них была вооружена мечами, а часть — пращами и дубинками). Это были люди, находящиеся в абсолютном антагонизме к «языческому империализму» Кесаря, в отличие от иудейской элиты, которая давно договорилась и с Кесарем, и с «язычеством», и при поддержке империи давила религиозный радикализм совершенно так же, как это сегодня делают постсоветские князьки на Северном Кавказе или «лидеры» мусульманских стран, находящихся в орбите американского влияния.

Парадокс в том, что имя Мессии, вокруг которого объединялись, говоря современным языком, наиболее пассионарные антиимпериалистические силы, было взято Римом и превращено в религиозное знамя именно Запада и именно в его наиболее империалистическом выражении. Образ Христа стал сакральным символом «бремени белого человека»; с этим образом строилась всемирная колониальная империя, парадигмой которой был все тот же первоначальный Рим; с этим образом во все стороны света отправлялись бесчисленные миссионеры, призванные обеспечить на уровне сакрального авторитета лояльность «мирового варвара» Хозяину — наследнику римского порядка.

Наиболее интересным вопросом в историческом плане является следующий: почему Запад пошел на узурпацию религиозного символа, связанного с отрицанием всего, что составляет самую сущность Запада? Эта самая сущность есть не что иное, как человекобожие в предельно конкретном имманентном смысле, которое, с одной стороны, нашло свое выражение в древнегреческой эстетике, с другой — в отнюдь не символическом, а вполне буквальном обожествлении римских императоров. Политической формой этого человекобожия стала империя, в которой каста жрецов, независимо от того, какие традиции они представляли, была отодвинута от центра принятия решений. Жрецы в Риме были маргиналами на фоне воинского сословия. Именно в этом и таится секрет религиозной революции, произошедшей в имперском пространстве около III века Новой эры. Имя «иудейского пророка» (врага языческого жречества и всех видов его влияния на собственно еврейскую среду) потребовалось жрецам Митры и — шире — всем клерикалам Рима, чтобы перестроить европейское общество в духе традиционной пирамиды с церковью в качестве вершины. Приход на место римских императоров германских вождей, ставших «христианскими» королями, собственно говоря, и явился цивилизационным торжеством священства.

Однако, церкви так никогда и не удалось полностью перестроить под себя Запад в классическом традиционалистском смысле. Генетически европейское человечество слишком связано с литургическими практиками тотальной деструкции и священной ярости — специфическими чертами, которые характеризуют сословие воинов, освобож-

денное от авторитета жрецов и шаманов. Поэтому, несмотря на все усилия понтификов, монашеских орденов и белого священства, Европа вернулась к человекобожию ранних цезарей, проливая при этом потоки своей и чужой крови.

(Общее количество насилия, осуществленное европейцами за 2000 лет христианства, примерно во столько же (2000) раз превышает насилие, реализованное во всем остальном мире, не исключая и Чингизхана! Только в течение Тридцатилетней войны в Центральной Европе были истреблены буквально все жители, и очевидцы рассказывают, что можно было неделями ехать по Южной Германии, не встретив ни одной живой души.)

Сегодня общим местом стала констатация того, что Запад живет в похристианскую эпоху. Ницшеанское «Бог умер» относится именно к «смерти» синкретического образа Христа-Митры в сердце западного человека. Это отнюдь не означает, что западная цивилизация погрузилась в материализм; нет, сегодня она вернулась к положению дел при поздней античности с ее чересполосицей сосуществующих одновременно конфессий и культов.

Кораническая теология Исы (АС) покоится на двух фундаментальных столпах, соединение которых может показаться стороннему наблюдателю парадоксальным: с одной стороны, признание существующего в христианстве тезиса о «непорочном зачатии», с другой — безусловное отрицание какой бы то ни было «сыновности» Иисуса по отношению к Богу. Эти позиции объединены в кораническом аяте: «и был Христос подобен Адаму...» — что лишь внешне напоминает христианское учение о «новом Адаме», Альфе и Омеге.

Для христианских богословов творение Адама не отделено непременной чертой от метафизики «родства» с Богом, что выражается в возможности «обожения твари». Фактически это сводит к нулю авраамическое учение о творении и восстанавливает в своих правах древний пантеизм с его представлением об эманации сущего из Первоединого...

Для Ислама центр теологии — это утверждение абсолютной трансцендентности Бога. Его творческий акт неотделим от того, что Он не подобен ничему и не равен ничему. Непосредственное созда-

ние Исы из «тураба» — земли или субстанции, которой уподобляется Марьям, означает, что по отношению к Мессии стерто все человеческое предшествование, все причинно-следственное бремя, которое лежит на каждом обычном человеке в виде генетической предыстории. Иса есть завершение человеческого цикла, точка, в которой собственно человеческое («глиняное») кончается. Именно этот сверхъестественный разрыв с обычным человечеством необходим для особого проявления последнего пророка Мухаммада (САС), потому что Ислам действует уже в постисторический период, когда границы между архаическими туземными сознаниями стерты и наступает эра глобализма, которая не считается с причинно-следственной логикой, в которой возможно все, в том числе и победа «малого отряда» Ожидаемого Махди над «большим шайтаном» вселенского Рима.

«Цветы зла»

Лекция в Московской Международной Киношколе

Тема сегодняшней лекции — это проблема зла во всех аспектах. В том числе, и в эстетических. Понятно, что до того, как стать эстетической, проблема зла должна быть религиозной проблемой, поскольку зло и добро — этические категории. Мы живем в такой культурной среде, где понятия «зло» и «добро» давно стали банальностями, очень расхожими и мало что означающими словами, которые характеризуют часто эмоциональное и субъективное отношение говорящего к ситуации.

Но если люди поднимаются чуть повыше, они начинают говорить об общечеловеческих ценностях, о борьбе за все хорошее и против всего плохого. К сожалению, эта банализация зла, так же, как и банализация добра, фактически, обезоружила современного человека духовно. Он представляет собой довольно беспомощное существо, которое находится в плену своих импульсов и пожеланий, плохо отдает себе отчет в фундаментальных векторах, какими является, прежде всего, Зло, а затем, в какой-то степени, может быть, и Добро.

Зло не является характеристикой любой культуры и любой цивилизации, не является чем-то автоматически присущим любому духовному цивилизационному полю. Более того, появление идеи зла в человеческой истории, в человеческом сознании было революцией. Это была революционная идея. Это был колоссальный взрыв — тот факт, что кто-то внезапно осознал в некий момент существования, что есть зло, — это было как вспышка сверхновой. Во всех древних традициях, во всех древних цивилизациях люди не имели этой идеи, не считали, что есть зло. Не считали, что есть зло в том смысле, в котором мы сегодня с пафосом, основанном на столетиях, тысячелетиях христианской, исламской традиции, произносим это слово «зло», — с вибрацией, с пафосом. А, например, в Древнем Египте, в Индии с ее

наследием брахманической традиции, да и в Китае, отношение ко злу было совершенно другим. В Европе друидов, в Древнем Риме, в эллинской античности восприятие зла было совершенно другим. Языческий мир очень функционально смотрел на то, что идут взаимопротивостоящие процессы в мире. Что-то разрушается, что-то возникает. Это некая данность это проявление судьбы, проявление рока. Это декрет неба. Есть какие-то процессы, которые обусловлены, скажем, кармически: действие равно противодействию. Ты что-то сделал, кого-то ударил, раздавил, — потом раздавят тебя. В принципе, это некая механика, причиняющая боль, причиняющая неприятности. Но нужно стремиться сократить уровень этой боли, уровень этих неприятностей определенными духовными, психологическими техниками, процедурами. Это вопрос технологий. Максимально сосредоточился на проблеме негатива буддизм. И то он это сделал в пику брахманизму, который негатив рассматривал как непремennую составную часть процесса становления.

Когда явилась идея зла в ее этической сущности, это было мощным движением *против* основного потока общечеловеческой сакрально ориентированной ментальности. Но и в этом случае человек стремился всячески ограничить, сузить сферу рассуждения о зле; банализировать его, при этом, попадал, конечно, в глубокие логические противоречия. Тема зла была сформулирована с того момента, когда началась письменная отрефлектированная история. Не мифическая, легендарная, которая распадается на изолированные хронотопы. То есть, какие-то ахейцы или протокитайцы, или какая-то совсем глубинная протоарийская древность Европы, о которой мы можем говорить только предположительно.

Общечеловеческая история. В этой общечеловеческой истории начинает действовать новый фактор — пророки. Пророки, которые приходят в пространство, занятое до этого жрецами, царями... Великими царями, которые были культовыми фигурами теофании, воплощением божества на земле, окруженными иерархиями жрецов... Где верх — небесный верх — находил прочное соответствие в земном низе. Вот в это пространство являются пророки. И они начинают говорить с самого начала о *зле*. Это произвело шокирующее впечат-

ление, это потрясло человечество, потрясло историю. Это потрясло основу человеческой души. Потому что для языческого мира тот, кого позднее христианство назвало дьяволом, — был просто некий природный агент. Что такое дьявол для язычника дохристианской Европы? Это некий космический, природный агент, с помощью которого можно осуществлять определенные операции, магический контроль над материей.

И вот внезапно этот разговор о зле, который вдруг пробудил в человеке некий дремлющий до сих пор этический инстинкт, этические чаяния... Оказалось, что зло в какой-то степени понятно, что зло в какой-то степени человеку открыто, и люди сразу отождествили то, что они инстинктивно понимают о зле, прежде всего, с тем фактом, что они конечны, смертны, уязвимы. Они отождествили зло с опытом того, что все, включая их самих, разрушается. Так оказалось, что человеку дано понять зло через опыт деструкции, через опыт того, что все вокруг разрушается и сам он смертен. И это очень внятно. Это не значит, кстати говоря, что это есть зло в конечной инстанции, если проанализировать до конца, что же такое зло. Это не значит, что само по себе разрушение, есть человек — нет человека, существует предмет — исчез предмет, именно это и есть зло. Это не совсем так прямо. Скорее, понимание зла приходит через пример того, что это есть, а потом этого не стало, преходящее. Вот как человек воспринимает первый вкус зла. И тогда он начинает задумываться. Мы начинаем задумываться. Если некая вещь есть, а потом ее не стало, что же ее уничтожило? Оказывается, что любая вещь конечна, потому что она определена и фиксирована. А уничтожило ее то, что она погружена в некую безкачественную, безграничную основу. Каждая конечная вещь укоренена в бесконечном, которое, с одной стороны, ее держит, а с другой, ей противостоит. Это бесконечное уничтожает конечные вещи. Иными словами, все преходящее ничтожится в вечном. Таким образом получается, что Абсолют (слово «абсолют» происходит от корня «растворять», *сольво*) и есть то самое зло, с которым человек сталкивается непосредственно; то, что все ничтожит. Тогда выходит, что зло абсолютно. Это именно та основа, в которую погружена вся реальность. Она и есть зло, раз мы сталкиваемся с тем, что воспри-

нимаем вкус зла через деструкцию, а деструкцию несет в себе именно бесконечный, бесосновный Абсолют.

Мысль эта для нормального человека столь чудовищна и невыносима, что он начинает проводить ряд ментальных операций чтобы отойти от этого логического вывода, банализировать все это, сократить, поместить зло в некие относительные рамки. И тут на помощь приходит масса как бы ошибок, смешений, подстав, культурных наложений. То же самое учение пророков о зле ведь приходит не на пустое место, но в интеллектуальное пространство, уже до этого занятое совсем другими доктринами. Например, брахманизмом, адвайто-ведантой, зороастризмом, и так далее, где либо не существует идея зла, либо зло функционально, ограничено и так далее. Таким образом, происходит смешение между революционно новым учением пророков и этими старыми доктринами жрецов. Поэтому, когда мы говорим об учении пророков, нужно конкретизировать. Мы говорим не о каких-то пророках вообще, не о некоей феноменологии пророчества (у Пушкина, например, есть стихотворение «Пророк»). Не о таком расхожем понятии, — этим словом пользовались и друиды, впадавшие в исступление и вещавшие от имени, скажем, некоего духа. Или коллегия жрецов Пифии выступала в подобной роли. Но мы имеем в виду пророков совершенно конкретных. Мы имеем в виду пророков библейских, которые идут от Ноя, цепь которых восстановлена Авраамом и заканчивается в пророке Ислама Мухаммаде, да будет мир над всеми ними. Эта цепь пророков, которая стоит в центре, в оси человеческой истории, вокруг которой вращается все, которая всему противостоит.

И все эти пророки являются в мир по одной схеме. Они приходят как глашатаи несправедности того, что есть *статус кво*, провозвестники того, что должно придти на смену всему сущему, эсхатологически прийти и отменить все сущее. С ними появляется альтернативное новое и они политически всегда находятся в конфликте с существующим мировым режимом. Либо это правитель, который существует во время конкретного пророка и которому конкретный пророк противостоит, а тот, в свою очередь, ищет убить его в колыбели и в последующий период. Либо это уже как в случае с пророком Мухам-

мадом (САС) речь идет о геополитическом истеблишменте его времени. В момент прихода Ислама в мир это была Византия, это был зороастрийский Иран — две гигантские сверхдержавы, находившиеся между собой в конфликте. Ислам сразу же выступил как оппонент и того, и другого, то есть оппонент геополитического *статус кво* на тот момент. Но дело в том, что и христианство при своем появлении выступало оппонентом того, что было *статус кво* на тот момент, — Римской империи. Послание Моисея также явилось вызовом фараону Древнего Египта, который был духовной моделью архаического мира и архаического человечества (настолько четкой духовной моделью, что до сих пор в сознании определенных инициатических организаций заложены информация и ритуалы, связанные с древнеегипетской традицией). Всему эзотеризму Египта был брошен вызов именно Моисеем. Авраам, который пришел в мир во времена Нимврода, правящего Вавилоном, тоже противостоял царю своего времени.

Пророки — это революционеры, которые выступают таким образом: на одном полюсе у них находится конкретный правитель сегодняшнего дня, которого они обвиняют в нелегитимности, несправедности и тирании. На другом полюсе находится все существующее, вся онтология, которой они бросают вызов, указывая на то, что посланы в этот мир Богом, кроме Которого нет победителя и Который является альтернативой всему. Чему всему? Да вот этому абсолютному року. Вот этой бесконечной силе негатива, которая стирает всякую определенность. Иными словами, пророки не колеблются в том, чтобы назвать зло, которому они противостоят, абсолютным. Это потом их последователи, исторические продолжатели их традиции, назначающие себя в толкователи, знатоки, священство, якобы продолжающее импульс от пророка, редуцируют тему зла, это они уже говорят, что зло — маленький, преходящий, допущенный в виде эксперимента экзамен, испытание, технический элемент, а на самом деле все замечательно, так как это — Божий мир, а в Божьем мире — какое зло? Божий мир сотворен Богом, это уже последующая порча...

Посыл, который содержится непосредственно в самом послании пророков, это определение того, — **первое**, — **что зло безгранично и оно абсолютно. Второе** — **что оно будет побеждено. То есть без-**

граничность и абсолютность зла имеет себе альтернативу. Зло будет побеждено, и его кажущаяся всеобъемлющность будет сменена. И вместо абсолютного зла настанет столь же абсолютный позитив. Условно говоря, добро, потому что то, что настанет вместо зла, конечно же, неизмеримо более ослепительно, более справедливо, чем добро, существующее, не будем это забывать, в языческой целостной традиции. Тема имманентного блага развивалась ведь и в рамках языческой метафизики. Платон говорил о бытии, о неограниченном всеобъемлющем бытии как благе.

Мы упоминали о том, что приходящее революционное послание накладывалось на уже существующее мировоззрение, и возникает смешение. Последние две тысячи лет послание, принесенное в мир Иисусом Христом, послание, принесенное в мир пророком Мухаммадом, да будет мир над ними обоими, накладываются на греческую философию, которую увенчивает концепция имманентного блага, совпадающего с идеей полного и неограниченного бытия. Эта концепция существует в своем пространстве, в пространстве онтологически ориентированной имманентистской метафизики. То, что говорят пророки, не имеет к этому никакого отношения. Усвоение платонизма и аристотелизма в традициях христианства и Ислама было одной из наиболее тяжелых методологических ошибок, которая увела эти традиции с подлинного пути и, возможно, стала причиной дискредитации теологии как таковой. Ислам принял радикальное решение: с определенного момента философская традиция там была просто исключена из религиозного контекста. Была традиция *калама*, опирающаяся на Платона и Аристотеля, до прихода монголов. Впоследствии было решено, что философия вообще не соответствует Исламу, не только Платон и Аристотель, но вообще весь метод. К сожалеению, с водой выплеснули и ребенка из ванночки. Исламская цивилизация осталась без целого раздела духовной деятельности. Но это было радикальное решение.

В христианстве этого не произошло. В христианстве брак между эллинизмом и христианской церковной традицией оказался более тесным, и это привело, в конечном счете, к тому, что мы живем сегодня в *постхристианском* мире.

На этом я хотел бы закончить и предложить вам задать вопросы.

ВОПРОС. Скажите, что вы имеете в виду под этим соединением — христианства и эллинизма?

Гейдар ДЖЕМАЛЬ. Отцы церкви были платониками... Платонизм и аристотелизм как методология стали базой для христианского богословия. Причем, Платон стал в большей степени базой для византийского богословия, а Аристотель — основой для богословия западного, католического. Фома Аквинский — это мыслитель, который в основу схоластической философии, до сих пор являющейся официально философией католической церкви, Ватикана, положил систему Аристотеля. То есть платонизм и неоплатонизм, несмотря на усилия отдельных теологов, считавших все это не соответствующим христианству интеллектуальным опытом, несмотря на их протесты и предупреждения, не были извергнуты как нечто чуждое пророческим традициям. И в результате мы живем сегодня в неоязыческом мире, где в своих правах восстановлены интеллектуальные и моральные ориентиры, характерные для дохристианского Рима.

ВОПРОС. Вот, Вы говорите о зле, — что есть какая-то сила, перед которой все брэнно и все разрушается. Просто не очень понятно, что ее тогда может победить?

Г.Д. Это центральный вопрос. Парадокс именно в том, что, пророки говорят: «Да, это тотальная сила, которая является злом, и как будто не имеет ограничений, — будет побеждена», — она будет побеждена в такой эсхатологической перспективе, когда одна реальность, в которой мы находимся, не социальная, не политическая, вообще, не человеческая, но реальность тотальная, реальность неба и земли будет сметена, заменена на другую; придет нечто совершенно другое, другая реальность. И более того, пророки говорят, что царство Бога грядет, оно придет, оно сменит то царство, в котором до поры злу попущено властвовать. Такая формулировка о сатане: «попущено искушать».

Это некая преамбула, которая вносит философский, культурологический аспект. Мне бы хотелось сконцентрироваться на философ-

ском понимании того, что такое зло. Вернемся к описанию зла как той бесконечной основы, которая стирает все конкретные определенности: людей, идеи, формы, существа, вещи, явления, феномены, — все стирает, и человек воспринимает зло именно как факт деструкции... Но ведь это только соприкосновение ограниченной вещи с неограниченностью. То есть, деструкция есть следствие. Следствие того, что нечто существующее как бы попадает в этот огонь. Негорение полена есть зло... а проявление зла, сгорание полена, которое происходит от того, что полено, кусок дерева, попало в огонь, который его уничтожит. Что же зло — сгорание полена или огонь? На самом деле, конечно, злом является огонь, потому, что тот вкус зла, который мы получаем от уничтожения полена, — это только следствие того, что огонь имеет силу это полено уничтожить. Огонь, то есть, в данном случае, то бесконечное, что выступает как альтернатива любой конкретной данности, оно то и есть зло. И в этом плане мы обнаруживаем, что мы погружены в мир, который имеет некий аналог вот этой деструктивной бесконечности. Этим аналогом является материя.

Древние философы, гностики, неоплатоники, зороастрийцы уже имели интуицию того, что материя некоторым образом является своеобразным «делегатом» негативной бесконечности, которая стирает и уничтожает. Конечно, когда мы говорим «материя», мы должны уточнить, что имеем ввиду не вещественный аспект мира (у марксистских философов, кстати говоря, квалификация была так низка, что, как правило, они путали две совершенно разные вещи — материю в ее философском аристотелевском первоначальном значении и корпоральный, то есть, вещественный аспект мира, который является только частным проявлением материи). Материя, вообще-то говоря, в философской традиции есть субстанция, лишённая свойств и обладающая потенцией производить из себя форму при воздействии на нее. То есть материя не может быть почувствована, воспринята, пережита, — это есть чистая субстанция. Как чистая субстанция она не определена сама в себе никакими формами, она не ограничена, однородна и непрерывна. То есть она несет в себе характеристики той бесконечности, которая является ночью, поглощающей все данное.

Традиция, в том числе традиция жреческая, говорит о ночи вверху и ночи внизу. Есть как бы две ночи. Ночь вверху — это ночь Абсолюта, которая поглощает все. Ночь внизу — это ночь материи, из которой выходят все проявленные вещи. Но эти две ночи находятся в четком соотношении, они корреспондируют друг другу. Так вот, мы погружены в ночь внизу. Мы погружены в ночь материи, которая уже не просто абстракция (бесконечное, которое ничтожит). У материи есть конкретный враг — дух внутри нас. Мы ведь чувствуем, что внутри нас есть некий огонь, капля света, которая как некий маяк выброшена в эту тьму, и эта тьма грозит затопить ее.

Более того, почему есть путаница у наивного человека между идеей материи и корпоральным, вещественным миром? Да потому, что вещественный мир более очевидным образом выступает «делегатом» этой ночи. Он эту ночь субстанции, «ночь внизу», — представляет нам чувственным образом. Материя — это субстанция, которая не имеет ни вида, ни образа, ничего. Но из нее возникает вещественный мир, который есть плод смешения материи и, скажем, формы и идеи, которые, попадая в материю, производят предметы. А чувственный аспект предметов доводит до нас концепцию непрерывного пространства, которое нас окружает враждебным образом.

Таково было прозрение Декарта, который сказал, что реальность состоит из двух моментов: протяженность и точка. Протяженность — это материя, это то, что «простирается». А точка — это мысль, а мысль — это моя позиция как субъекта посреди этой протяженности. «Я емь», потому что «я мыслю», осуществляю акт свидетельствования. «Я» есть некое нарушение этой гомогенности. «Я» — это некий шест, просто вбитый в чистом поле, которое простирается вокруг меня...

Естественно, между протяженностью и точкой существует драматическое противостояние; протяженность всегда стремится восстановить свою гомогенность, она всегда стремится стереть и поглотить эту точку. Вот поэтому эта точка — момент «присутствия» внутри нас, момент духовного наличия внутри простирающейся вокруг нас ночи — он-то и заставляет нас переживать как угрозу наступление этой ночи на все сущее, в том числе и на нас. Точка, нарушающая внутри нас гомогенность «мира», заставляет переживать деструкцию

как зло, потому что это конкретное противостояние, нарушение гомогенности каждым чувствующим существом того, что простирается вокруг него. Материя в своем измерении протяженности есть представитель ночи негатива, который стирает все. Поэтому материя является антидуховной, абсолютно злой, страшной силой. Внутри нее горит светлячок нашего эфемерного присутствия. Этот огонь — залог того, что, возможно, будет, придет на смену как альтернатива, но сейчас это только эфемерное присутствие в наших сердцах. С точки зрения традиции пророков, с точки зрения религии Единобожия, благом или добром является не кусок бытия, не просто некая сфера света сама по себе, не гармония рационализированная... Есть благо, относительное, только вектор сопротивления материи. Благо есть только в той степени в данную минуту, в какой центр внутри тебя — точка света — сопротивляется непрерывности и бесконечности этой ночи, стремящейся поглотить тебя.

Естественно, с этой ночью связана тема инерции, холода, энтропии, угасания, гибели. С темой точки связана линия сопротивления, вертикали, воли, потому что вера есть не что иное, как интеллектуальная воля. Что такое вера? Это концентрированное интеллектуальное постулирование того, что мы отрицаем, и того, что мы утверждаем, того, *что* должно стать, вместо того, что есть. Это есть *обычно* не что иное, как волевой акт. Но, в сущности, между интеллектуальным волевым актом и борьбой с энтропией, то есть актом религиозной веры, нет никакой разницы. Цепь пророческих откровений революционно бросала саму идею зла в мир, в сознание, которое воспринимает *статус кво* как неотменимое долженствование. И даже сейчас обычному человеку, который привык, инстинктивно вернувшись в языческие модели, мыслить в нерелигиозных терминах, если ему сказать, что *сущее* есть зло, *сущее* надо уничтожить, *сущее* должно быть сменено на свою альтернативу (абсолютно нормальная вещь, с точки зрения Евангелия и Корана, но просто сформулированная предельно жестко)... Если сказать это обычному человеку, он ответит: «Да Вы экстремист! Какой ужас Вы говорите! Неужели все сущее есть зло? Этого быть не может. А как же дети, цветы жизни», — и что-нибудь в этом роде... Мысль о том, что зло радикально, зло тотально, — она

неприемлема. Но ведь как было в начале? Если у человека вообще нет понятия о зле, как ему объяснить, что такое зло? Как ему объяснить, что зло тотально? ...У него нет понятия о зле. А «тотально» — это все, а «все» — это норма, это разумно, это существует безальтернативно, это синтез всех векторов, которые успокаиваются в великом ноле, и надо просто принять эту данность. Так мыслит любой языческий метафизик.

Раз есть одно всемогущее «это», — оно же ВСЁ, — значит тот, в котором теплится капля духа, должен прийти и сказать: «Этого не должно быть». Это тайна. Это мистическая тайна. Пророки мотивируются мистической тайной воли, парадоксальной, которая идет против всего сущего. Почему? Они не могут погруженным в ступор людям объяснить, почему. Но некоторые чувствуют, поднимаются и идут за ними. Потому что есть только те, которые идут за пророками, и есть те, которые не идут за пророками, — это действие providения.

Невозможно человеку, мыслящему в терминах адвайта-веданты, то есть «высшей недвойственности», объяснить пафос монотеистической эсхатологии, невозможно ведантисту объяснить эсхатологическую идею. Он скажет «да», в нашей традиции тоже существует концепция циклов, манвантары, которые соединяются в кальпы. Манвантара — это человеческий цикл, он кончается, исчерпываются возможности данного человечества, наступает «ночь Брахмы», возникает новое проявление сущего и так далее. Но ведь эсхатология — это не циклы, это не новое проявление, это не новый Золотой век после Кали-юги. Эсхатология — это уничтожение всего сущего и явление на его место новой земли и нового неба, это царство Божие, которое приходит на смену царству сатаны, или, если хотите, в более общих терминах, царство Божие, которое приходит на смену року, абсолютному року, вечному декрету неизменного, всегда вращающегося одинаковым образом неба... На смену ему приходит царство Божие, царство абсолютной свободы, царство абсолютного света. Значит, это победа над материей, победа духа, брошенного в темницу материи, над ней. И то, что придет царство Божие, — есть абсолютное добро, которого сейчас нет, но вместо него есть пока что виртуальный вектор добра, заключающийся в сопротивлении, противо-

стоянии материи, противостоянии тьме. Отсюда все техники, отсюда аскеза, отсюда путь революционных анабаптистских сект Мюнцера и Гуса, отсюда все социальные движения с волей к абсолютной справедливости, которые всегда поднимались как религиозные движения, движения в фарватере света пророков в этом мире.

Когда мы оцениваем проблему в метафизических категориях, очень сложно перейти от этой перспективы к тому, что зло вместе с тем является внутри нашего человеческого общества еще и культурным фактором, уже опосредованным. То есть, было время, когда люди вообще не понимали, что есть зло... Что, кстати, отражено в Библии, что неким образом корреспондируется с темой некой невинности Адама в раю, которая необязательно является благим состоянием. Непросвещенность Адама, который не знал, что есть зло, что есть грех; он был, так сказать, в состоянии райского сна наяву, и мы приучены воспринимать это как блаженство, которое заведомо позитивно. Он не знал, что есть грех, значит, он был без греха. Но так в Библии не сказано, вообще такого вывода там нет. Он не знал. Но потом он узнал только то, что реально существует. Он же не изобрел грех в момент узнавания о нем, — он встретился с ним. А человек, который находится в состоянии дебилизма, человек, который является просто идиотом или наивным, человек, который просто не знает, как устроена вселенная, он же тем самым не делает вселенную вокруг себя, которую он не знает, благой, гармоничной совершенно. Но вдруг его что-то выводит из этого состояния, на него обрушивается водопадом правда реальности. И вот — потеря невинности. Но невинности-то не было вокруг, потому что существовала та сила негатива, которая персонифицирована в образе Змея. Ведь в традиции Змий — это ауроборос, окружающий реальность, сжимает ее и пожирает.

От того момента, когда о нем вообще ничего не знали и не хотели знать, зло приходит к тому моменту, когда оно превращается в развлечение, в эстетику, становится стержнем культуры, тем, что формирует всю цивилизацию — от досуга до жизненных идеалов. Это очень странно. Казалось бы, зло, которое пришло как инструмент разъяснения того, что есть сущее, не может быть банализировано до такой степени, чтобы превратиться в источник эстетики, любования, игры.

На самом деле, здесь есть любопытный процесс смешения. Во-первых — что такое эстетика? Сама эстетика нуждается в очень специальном и глубоком рассмотрении через увеличительное стекло теологического анализа. В конечном счете, эстетика невозможна без формы. А форма невозможна без проявления количества в материальном вещественном мире. Ибо что есть форма, если это не геометрия, не симметрия, если это не соразмерность, если это не ритм. Первичное эстетическое чувство связано с инстинктивным удовлетворением от обретенной гармонии. Самая первичная и самая сырая эстетика проявилась в античном мире, где она носила явно геометрический, ритмический характер. В мире рисовали всюду. В мире изображали людей, животных, богов, все что угодно. Но изображали их с функциональными целями, — чтобы им поклоняться, чтобы их заклинать, чтобы воздействовать на причинно-следственные цепи событий. Например, идолы на острове Пасхи или изображения, иллюстрирующие «Книгу мертвых» на стенах пирамид — это функциональные изображения, информационные изображения или магические изображения.

Изображения, которые созданы исключительно для эстетического удовлетворения от соразмерности и гармонии, появляются в определенном месте — Средиземноморская Ойкумена. Оттуда эта эстетическая концепция распространилась по всему миру. Эстетика проникла и на Восток, поскольку Восток через Средиземноморье был очень тесно связан с эллинской традицией. Как известно, Платона и Аристотеля вернули Европе арабы, но прежде, чем вернули, глубоко познакомились с ними. И мощные последствия античного послания действовали в арабо-исламской цивилизации, практически, вплоть до монголов. Монголы разрушили феерическое великолепие Халифата. Постмонгольская исламская цивилизация выглядит крайне одномерной и монохромной по сравнению с аббасидами. Но Ислам был спасен этим, потому что цветение ведет к гибели.

Эстетика, таким образом, распространилась очень широко. Что такое эстетика? На самом деле, это самая ранняя форма восприятия информации. Вот мы, когда входим в комнату, зажигаем свет, и в первую же долю секунды мы оцениваем эту комнату с точки зрения соответствия привычному, то есть тому, какой мы эту комнату оста-

вили, уходя. Комната выглядит определенным образом. Слева этажерка, справа — вазочка, прямо — картина и так далее. И когда человек возвращается в комнату, которую он сам расположил, убрал, с которой у него связаны определенные воспоминания, он ее узнает, у него возникает чувство удовлетворения от того, что он оказался в привычном, знакомом мире. Между этим ощущением и эстетическим переживанием гармонии, ритма, симметрии, соразмерности есть прямая связь. Представьте себе, что кто-то побывал в этой комнате и произвел какие-то перестановки, все поменял местами. Вы зажигаете свет и оказываетесь в совершенно незнакомом пространстве. Это шок, который вас выбивает из нормального состояния. Предельный шок — оказаться вообще в космическом пространстве, где все непонятно — утрачивается ощущение присутствия «у себя». Но разве не то же самое испытывает человек, когда он сталкивается со звуковым диссонансом, с явной асимметрией, с неправильностью расположения поверхностей, углов, с тем, что не соответствует в нем ожидаемому, некой априорно присутствующей в человеке воле к пропорции, представлению о пропорции (я говорю о пропорции в очень широком смысле). Человек — это корпоральная система, погруженная в корпоральный мир, мир корпоральных ориентиров. Хождение человека по потолку вниз головой шокирует не только взрослого, но и маленького ребенка. Малыш, у которого еще нет устойчивого опыта, увидев нечто, не соответствующее общечеловеческим стандартам, начнет реагировать негативно, плакать и протестовать. Это значит, что ощущение того, как *должно быть* в корпоральном мире, встроено в человека априорно. Паттерны, шаблоны, мыслеформы, которые существуют в человеке, — это некие количественные программы, в соответствии с которыми человек оценивает приходящую к нему сенсорную информацию. Раздается за углом лязг скрежещущего металла — «ага, столкнулись автомобили, или что-то в этом роде». Информация не есть долетевший до него звук рвущегося металла; информацией этот звук становится тогда, когда он ложится в некую модель, некое клише. Если человек сталкивается с хаосом впечатлений, пятен и никак не может этот пазл собрать в узнаваемую картину, то это для него не информация, но хаос. Так вот, эстетика есть самая коренная

базовая форма организации впечатлений, превращения их в информацию.

Чем информация отличается от знания? Знание — это сознательное проникновение в тайну нового, постижение того, чем поистине, в глазах Бога является данный предмет. А информация есть получение некого соответствия с априорной идеей, существующей внутри тебя, о должном, когда звуки, пятна, ритмы — все это ложится в некую картину, которая чему-то соответствует в твоей корпоральной данности. Кстати говоря, мы вступаем в информационное общество. Вокруг нас стремительный диктат информации вытесняет сферу знаний, сферу исследования, постижения, проникновения. На место всего этого приходит информация. То есть, потоки впечатлений, которые ложатся в заранее заготовленные клише. Мы становимся своего рода носителями искусственного интеллекта — какие-то шпенечки, клинышки, зубчики встают на место в заготовленные для них щели.

Первый шаг к информационному обществу был сделан в Элладу, как ни странно. Элладу рисуют детством человечества. Маркс говорил о том, что это смеющееся, ликующее детство человечества, имея в виду, что это все спонтанно, это все замечательно: статуи, песок, вода, венки, танцы. А, оказывается, это первый шаг к информационному обществу, первый шаг к тому, чтобы человек перестал быть человеком. Вот почему, кстати говоря, эллинизм воспринимался в раннем христианстве, да и в Исламе, как вызов духу, как угроза, как духовная язва. На самом деле, именно поэтому церковь боролась с эллинизмом. К сожалению, эллинизм оказался живучей и соответствующей естественному «глиняному» человеку традицией, которую не удалось вытеснить. Она осталась, действует, и, в какой-то степени, она сегодня победила. В христианскую эпоху эллинизм неоднократно возвращался, через Возрождение, через неоклассицизм, в самых разных формах.

Информационное общество — это общество, которое постулирует право материи быть непрерывной, гомогенной и не иметь ни малейшего зазора посреди себя. Это такая организация человека, при которой в нем уничтожается точка противостояния, капля света, — она выбрасывается из его сердца. Общество, которое было в Древнем

Египте, не посягало на это. Тогда было общество тирании, общество рабов, из которых выжимали все соки, превращали их в едкий пот, в оливковое масло, но там не посягали на эту точку. Информационное общество говорит нам о том, что материя является потоком чистого количества, в котором разрыв иллюзорен, а континуум — окончательная правда о мире. Мир — континуум.

Таким образом, информационное общество — результат колоссального пути, который прошла эстетика от Эллады до нас, для того чтобы снова похоронить морально-этическое представление о зле и вернуть как бы аморальное, контрморальное переживание *statu quo* как единственно данного и должного, поток восприятия которого должен соответствовать системе заранее заданных клише...

Отсюда оказывается, что пространство, в котором мы живем, политическое пространство, безразлично к теме добра и зла, и вот каким образом. Мы живем в царстве тирании бесконечной протяженности, которая нас гнетет как бессмысленный космос одинокую душу. Это обстоятельство должно транслироваться на человеческом уровне как политические технологии, социальный контроль, государственная организация, вся та система структур, в которых наши судьба, воля, внутреннее достояние отчуждаются от нас в пользу нелегитимных, безличных, античеловеческих образований, которые путем информационного насилия, эстетизации превращены в идолы. Мы служим этим идолам, отчуждаем от себя самую тонкую субстанцию, которая делает нас духовными существами. Мы превращаемся в марионеток, в пешек. Контроль, который мы привыкли называть властью, не есть власть, потому что власть в действительности — теологическое понятие, которое указывает на могущество Бога творить. А контроль есть редукция возможности. Что такое контроль? Контроль — это запрет на проход налево, направо, контроль — это запрет на провоз тех или иных вещей, это цензура. Это же все редукция, это же все ограничение возможностей... мы называем это властью. Власть нам не дает то, се, пятое, десятое, однако мы не видим, чтобы эта власть породила нечто небывалое. Она только отнимает у нас возможность сделать то, другое, третье, она сводит все к однообразным монохромным колебаниям молекулы в четко заданной частоте. Контроль

есть информационный процесс. Контроль над деятельностью и возможностями каждого из нас, ограничение этих возможностей, есть возрастание информации в социальном объеме, подобно тому, как при охлаждении горячей взвеси, где много беспорядочных колебаний, энтропия убывает, а информация возрастает.

Контроль — это, опять-таки, информационная методология. Поразительно, что она связана с эстетикой, потому что эстетика играет огромную роль в формировании матрицы, которая штампует обитателей этого мира. Эстетика — это не просто те или иные клише или демагогия, подъем флага, распевание гимнов и так далее. Эстетика — это также и воля буржуа к соразмерности, гармонии и предсказуемости его обыденной жизни. Эстетика — это чистые улицы, вовремя приходящие трамваи, по-машинному четко работающие социальные структуры. В двадцатые годы это было очень красиво изложено. Мы, марширующие легионы, квадраты, карэ, посмотрите на запись физкультурных парадов тридцатых годов, какая колоссальная эстетика! Она могла быть построена только при доведении до виртуозности форм спортивного корпорального психологического контроля над человеческими массами.

Материя, которая вокруг нас протяженна и однородна, будучи «депутатом» негатива по уничтожению нас, может быть грубой и хаотичной, а может быть тонкой, высоко организованной. И когда материя тонка и высоко организована, она гораздо более опасна! Потому что она, эта субтильная высокоорганизованная материя, которую большинство принимают за «дух», уничтожает нас, гнетет нас, вытирает о нас ноги. Взрыв таких структур, встречное уничтожение и разгром «духоподобной» материи является просто долгом каждого истинно свободного человека.

Вот тут-то мы и подходим к важнейшему вопросу! Религия и революция. Религия и есть истинная революция! Первая революция, с которой вообще начинается революция. Как выше сказано, тема зла, принесенная пророками, и объявление всего сущего злом и было духовной революцией. Эсхатологическая перспектива — это перспектива революционная, потому что в ней то, что есть, сменяется на то, что является безусловной альтернативой. Ночь сменяется на день. Однако, пока революция еще не свершилась внутри его зла, противо-

стояние этой протяженности, противостояние этому вампирическому, высасывающему вакууму вселенной — наш долг, это и есть революционный путь, который нам заповедовали пророки, который нам заповедовал Авраам, Моисей, Христос, Мухаммад, мир им всем! Разве царство небесное не силою берется? Но что такое царство небесное? Это то Божье царство, которое грядет после конца истории, оно берется силой. Всякой силой, внутренней, внешней.

Есть такой хадис в Исламе: «Каждый верующий должен противостоять злу рукой, если не может — словом, если не сможет и словом — хотя бы в своем сердце. Хотя это самая слабая степень веры». Самая сильная, значит, — это противостояние рукой. Иными словами, человек должен выйти и сказать: «Вот, там, где я стою — это зло не пройдет». Если его сметут, ну что ж, Господь оставит его живым, потому что Коран говорит: «Те, кто пали на пути Господа, — живые, но вы не знаете».

Поэтому цветы зла, они растут вокруг нас, они растут в форме привычных, ожидаемых клише. То, что каждому из нас кажется привычным, не вызывающим вопросов, предсказуемым, — это и есть цветы зла. Все это цветы зла. Потому что в них цветет наша будущая гибель, наше духовное затмение, абсолютное торжество искусственного интеллекта и абсолютное торжество информационно-количественного потока, в котором не будет ни плюса, ни минуса, ни ноля, а только выскакивающие из окошка цифры, в которых будет кодироваться наше прошлое и будущее.

На этом я хотел бы закончить и предложить вам задать вопросы.

ВОПРОС. Вы сказали, что зло это все. А добра, получается, сейчас нет, вообще?

Г.Д. Я же сказал — «добро» является противостоянием «злу», как завет с тем, что придет, в том случае, если мы окажемся его достойны, если критическая масса нашего сопротивления достигнет того, что будет принято Богом.

ВОПРОС. Вы говорили, что зло будет повержено таким образом, что одна реальность, реальность добра и истины, сменит существующую реальность. Это что, как конец света?

Г.Д. Разумеется. Но и конец света является не сразу, как включение электрической лампочки, он является поэтапно, через конвульсии и агонию того старого света, который должен быть сменен.

ВОПРОС. *Что такое эсхатология?*

Г.Д. Эсхатология — это учение о последних вещах, от *эсхатос*, с греческого — последний. Это учение о конце мира, о конце этой реальности, о последних днях, о том, как будут протекать последние этапы этой реальности. Центральным документом эсхатологии в христианской традиции является Апокалипсис. Что же касается Корана, то он весь является эсхатологическим документом, потому что он весь ориентирован на конец ныне сущего, после чего будет воскресение из мертвых и Судный день. Это центральная сквозная тема коранического Откровения. После того, как совершится Второе пришествие мессии — Иисуса Христа — и Махди, вedomого, который является руководителем и вождем исламской общины, они вместе побеждают антихриста, и воцаряется великое царство справедливости, в котором останавливаются все физические законы, останавливается энтропия. Жизнь и цветение полностью торжествуют над смертью, и это все еще в нашем, ветхом мире прежде конца времени. После этого звучит труба ангела, и все умирают, а после этого звучит другая труба, и все воскресают, и после этого — Судный день. Все человечество должно умереть, должен быть безусловный конец, разрыв со всяким опытом.

ВОПРОС. *Единственное основание выбрать путь добра — это свет сердца. Но вот на словах об этом очень легко говорить, но когда приходишь домой — очень хочется спать, когда стоишь у холодильника — хочется есть. Я не понимаю, как можно идти к этому свету, выбрать правильную позицию и сопротивляется материи.*

Г.Д. Сначала надо прийти к интеллектуальному убеждению в необходимости следовать свету сердца, создать внутреннюю интеллектуальную предпосылку для проявления воли, которая и будет стержнем веры. Вера ведь основывается не на том, что есть, а на том, что должно быть. И очень много теплохладных, которые знают, что

должно быть, но, тем не менее, у них нет того пассионарного запаса, или, иначе говоря, их внутренняя энергетика стоит на слишком низком потенциале, и они это долженствование не могут перевести в выход на реальность, все остается виртуальным пожеланием. Эта проблема уже психологическая, субъективная. Но если есть достаточно мощный потенциал, то есть технология противодействия давлению материи на себя, оптимальным образом разработанная в Исламе. Это целая система ориентаций, идущая от социальных экономических и политических убеждений, где на каждом шагу человек противостоит энтропии. Есть даже такая доктрина исламская — семьдесят две формы или уровня применения веры. Самый первичный начинается с того, что человек идет и видит камень на дороге. Он перекладывает его на обочину, чтобы тот не валялся. Это миссия, которую он должен сделать, уж проще пройти мимо. Камень лежит, ты его убираешь — это самое примитивное усилие. Усилие, вообще говоря, лежит в основе веры, и это является центральным теологическим понятием. В традиции пророков, естественно, в Исламе, это усилие называется *джахд*, всем известное слово джихад — производное от этого корня. Джихад — это система продолжительных организованных усилий по преодолению энтропии, всеобщего оледенения, всеобщего торжества материи. Есть конкретные инструкции, которые даны в форме Божественного закона и детально разработаны. Они даны, но есть сотни тысяч этнических мусульман, которые, зная о них или слышав краем уха, живут обычной жизнью мелких буржуа или светской жизнью, являются лавочниками и попивают алкоголь в укромные минуты, что категорически запрещено. Потому что Ислам — это религия, в которой постулированы права разума. Разум имеет свои права, а верующий не имеет права воздействовать на свое состояние, изменяя его психотропными веществами. Если он это делает, то совершает преступление. Единственное состояние, которое подлежит изменению — это состояние профаническое, которое он должен менять молитвой. Любые химические воздействия являются впадением в тьму материи. Одновременно идет психологическое изменение, то есть психическая ночь каждого отдельного тела — это одно из сумеречных состояний материи. Одно из направлений —

воздержание от алкоголя. Но не имеется в виду аскеза, в том смысле как Симеон-столпник простоял 30 лет на столбе на одной ноге. Имеется в виду совершенствование своего организма и тела для служения Богу как военачальнику, Который ведет тебя и твоих братьев как армию на завоевание царства Божьего. Не фигуративное метафорическое, а именно на то царство, которое сменяет этот мир, которого ты являешься частью. И если ты в какой-то степени сросся с этим миром, то иди против себя, против родных, против близких, во имя того призыва, который имеет в тебе всего лишь одну точку, на которой стоит Бог. Нога Бога опирается и дает свет внутри как бы на землю твоего сердца. Все остальное должно быть заблокировано.

Единственная форма проявления добра в этом мире — это противодействие злу.

Политическая публицистика 2000-е

Говорить языком прошлой эпохи уже нельзя

Осознаем мы это или нет, мы живем в другом мире. Он стал более неустойчивым. Социалистического лагеря нет, «холодная война» завершена. После создания всемирных коммуникационных сетей появилось новое измерение — информационное: информация качественно усложняется и саморазвивается. Возник глобальный рынок капиталов... Есть в этой изменившейся картине реальности и еще один существенный и, тоже развивающийся, фактор — исламский. Это уже не только религиозный феномен: Ислам позиционирует себя как великий Проект противостояния Системе, он становится идеологической опорой тех, кто не забыл о бедных, угнетенных, обездоленных. Одна из самых значительных и известных фигур политического Ислама — Гейдар Джемаль, председатель Исламского комитета, теолог, создающий методологию современной мысли.

Литературная газета. Гейдар Джахидович, в настоящее время в мире предпринимаются отдельные попытки создать универсальную концепцию подхода к новой реальности. Выражаясь модным сейчас языком, нам брошены вызовы, на которые пока нет ответа. К каким выводам пришли Вы, находясь на пути поиска этих ответов?

Гейдар ДЖЕМАЛЬ. Сейчас, как известно, рухнула такая универсальная система описания реальности как марксизм. При всем, что можно сказать о марксизме самого плохого, он обладает одним положительным свойством: он унаследовал от религиозного проектного ви́зiona методологию, которая описывала историю как универсальный провиденциалистский процесс. Этот язык, благодаря которому оппозиционер, к примеру, с Новой Земли мог объясниться с оппозиционером из Норвегии, теперь исчез. Точнее, он скомпрометирован как политически достоверный и выживает «на задворках» социально-политической, философской и интеллектуальной жизни, как некие обломки ушедшей эпохи. Говорить этим языком больше нельзя, потому что в него «встроены» такие реалии, которым ничего не соответствует. Сегодня нет больше ни буржуазии, ни пролетариата. Крайние полюсы социальной пирамиды — суперэлита, стоящая над человечеством, и мировой гарлем с его неизбежной нищетой. Все остальное представляет собой броуновское движение деклассированного элемента. В условиях глобальной люмпенизации Березовский и Ходорковский — явные люмпены. Они прорвались к деньгам, но буржуазией ни в коем случае не являются. Буржуазия — это устойчивое сословие со своим кодексом поведения. Его представителей можно встретить сегодня в странах Третьего мира. (В Иране, в Малайзии, например.) Даже встретив этих людей случайно на улице, сразу видишь: они родились в устойчивой системе работы с материальным миром, в атмосфере обмена материальными ценностями между социумом и внешней средой. Но, скажем, в России ситуация выглядит иначе. Если сегодня человек богат, то вчера он был технократом, позавчера — комсомольским секретарем, а завтра он станет диссидентом, который будет жить на пособие спецслужб где-нибудь в Лондоне... Это люмпены, то есть деклассированные элементы. Мы не можем описывать общество, состоящее на 90 процентов из деклассированных элементов, как буржуазию и пролетариат.

Итак, универсальный язык марксизма дискредитирован и неприменим в сегодняшней ситуации. Вместо него явился другой язык или, точнее, модный подход — как раньше было принято говорить, буржуазная лженаука. Я имею в виду методологию Шпенглера, Тойнби, их пресловутый «диалог цивилизаций». К сожалению, многие му-

сультманские интеллектуалы, клерикалы, которые курируют публичный интеллектуальный процесс со стороны мировой мусульманской общины, попались на удочку этого подхода. Они очень любят говорить о конфликте цивилизаций, необходимости диалога, понимая Ислам соответствующим образом. Это радикально неправильно. Ислам, конечно же, имеет цивилизационное измерение. Но в той мере, в какой оно есть в Исламе, это отклонение от Ислама. Ислам есть универсальная доктрина, универсальный язык и проект, обращенный ко всем людям без различия их цвета кожи, расы, географического места жительства. Факт существования исламской цивилизации означает, что Умма (община мусульман) не состоялась как политический субъект.

Приведем пример из ближайших исторических аналогий. Что значит «советская цивилизация»? Это значит, что левая идея не состоялась как политический субъект. Вместо политической субъектности большевизма возникла советско-сталинская империя. Факт цивилизационности есть провал ленинско-троцкистской мировой революции. То же — в Исламе. По мере того, как ослабляется фактор исламской революции (он заменяется бюрократически-государственными региональными интересами), выпирает цивилизационный момент. И вот мы уже видим президента Ирана Хатами, который «вбрасывает» против Хантаингтона тему «диалога цивилизаций».

Главная проблема сегодняшних мусульман в том, что они мыслят о себе в терминах цивилизации. Они думают, что живут по своим правилам. Те, кто сегодня задает тон в исламском дискурсе, находятся на соглашательских цивилизационно-диалоговых позициях. Они выражают идею: мы такие же люди, не надо нас бомбить, мы просто хотим жить. Мы хотим жить по установленным Богом правилам.

Л.Г. Если доктрина Маркса и Энгельса соответствует уже исчезнувшей эпохе, а модель столкновения и диалога цивилизаций можно считать маргинальной, то тогда на что можно опереться, создавая новый универсальный язык?

Г.Д. Серьезная методология заключается в том, что мы должны установить: есть субъект тирании и субъект подавления. Ничего не изменилось оттого, что в современном мире нет фараона, который выез-

жает на колеснице... и давит коленопреклоненных рабов. Вместо фараона Ветхого Завета есть коллективный фараон, властвующий над Системой. Нужно только определить, кто в этой Системе является субъектом тирании, а кто, наоборот, берет на себя волю и право защищать угнетенных и оскорбленных. Это та политическая субъектность, которая носит партийный характер. Я настаиваю на том, что после конца марксизма это измерение снова становится теологическим — каким оно и должно быть. Еще Маркс говорил, что все революционные перевороты в истории носили религиозную окраску. Было совершенно нормально, что социальная борьба имеет религиозный характер, и сущность социальных отношений всегда описывалась теологически. Она объяснялась так Моисеем и Христом, да и во время Уота Тайлера (лидер крестьянского восстания в Англии в 1381 году) люди пели: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?»

Тот, кто стоит наверху социальной пирамиды, выражает своей позицией некий фундаментальный знак — так же, как и тот, кто раздавлен. Поэтому Божественное провидение объективно использует в своей реализации истории и того, и другого. Каждому отводится некая роль, и за каждым закреплена своя историческая энергетика, которые некоторые называют «своей правдой». Если тот, кто раздавлен, встанет с колен и сможет удержаться, встав с колен, значит, капля Божественного света, которая в него вложена, добилась победы над энтропией, над колоссальной инерцией материи.

Л.Г. Вопрос в том, кто больше всего подходит на роль авангарда субъекта подавления, на роль мессии, каким был в своем роде пролетариат в марксистском учении?

Г.Д. Сегодня в роли пролетариата выступает исламская община. Авангардом угнетенного человечества, который действует не только во имя себя, но и тех, кто находится в Бразилии, в Китае, в России, оказываются мусульмане.

Л.Г. Почему именно мусульмане?

Г.Д. Потому что все они стоят на одной религиозно-теологической позиции монотеизма, которая по своей внутренней логике лишает

всякой легитимности естественную социальную пирамиду. Только авраамический универсализм бросает вызов Системе, потому что он обесмысливает этот закрытый космос, где человек является самодостаточной целью в себе.

Ислам категорически антиклерикален и не является индивидуальным кодексом поведения. Это стратегия внутреннего человека, который должен каким-то образом обыграть тюремщиков и захватить тюрьму. Бежать из тюрьмы — бесполезно, нужно победить в ней с тем, чтобы ее уничтожить. Это можно сделать только силами всех заключенных. Именно в этом и состоит главная социально-политическая разница между Исламом и другими религиозными традициями: другие предлагают бежать, а бежать, как известно, лучше в одиночку. Увы, поймают!

Л.Г. Можно ли говорить о тенденции исламского глобализма — в противовес глобализму Запада?

Г.Д. Да. Дело в том, что Ислам — тоже глобализм, только снизу. И только два глобализма могут вести между собой спор.

Л.Г. Как правило, употребляя термин «глобализм», мы автоматически подразумеваем его связь с экспансией западных ценностей.

Г.Д. Марксизм претендовал на глобализм, имея в виду мировую победу коммунизма. Уверяю вас: люди, которые управляют миром, мыслят оккультно. Шаман, Папа Римский, принц Чарльз — представители одного и того же варианта самодовлеющего человечества, которое построено на принципе угнетения. Для них человек и есть цель. Это обязательно пирамида, наверху которой стоят «истинные» люди — реальные власть имущие, которые, естественно, не являются ни банкирами, ни соросами. Последние — просто служебно-функциональная мелкота — пыль, поднимаемая ветром. Но есть мощная верхушка пирамиды, которая не меняется при любой «погоде», что бы ни грянуло — мировая война, революция. Все делается по сценарию интеллектуальных клубов, которые работают под председательством «истинных» людей, под их попечительством.

Сегодня создана очень мощная глобалистская инфраструктура, которая представляет собой систему транснациональных корпораций.

ТНК — не экономическая, а управленческая модель, которая курирует гигантские финансовые потоки, освобожденные от любой социальной, институциональной, территориальной ответственности, брошенные на освоение политического и человеческого пространства. Реальные хозяева — те, кто сидит в попечительских советах ТНК; прежде всего представители традиционной знати — династий, аристократических домов, старая европейская знать. В это сообщество включены также представители традиционной знати Третьего мира и международные финансовые дома — в качестве «приправы».

Реальные хозяева мира — ядро элиты и сверхэлиты, которое начало формироваться приблизительно 400 лет назад — в период крушения традиционных феодальных каст. Существовала система сословной иерархии: был Папа Римский, ему подчинялись императоры, на следующей ступеньке стояли рыцари, еще ниже — скромные купцы и т. д. Когда система стала крушиться, и на место ее пришел абсолютизм, началась Реформация, а потом Контрреформация, и в этот момент произошла очень мощная реорганизация мира. Всемирная Церковь вынуждена была перейти к стратегии не прямых действий, на смену открытой иерократии пришла криптоиерократия, действующая через закрытый клуб «светской» знати. Это, прежде всего, Система правящих кланов, которые характеризует наследственность и преемственность. В основном формирование клановой корпорации завершилось к 1860 году. На последнем этапе в нее вошли верхушки российской и азиатских элит, чему способствовали: упразднение крепостничества в России, революция Мейдзи в Японии и восстание сипаев в Индии. Тогда же началась финансовая экспансия мировой элиты на российское пространство. Уже к 1900 году 80 процентов российской экономики было в руках международных финансовых ростовщических групп.

Л.Г. Вы ничего не сказали о сверхэлите Соединенных Штатов.

Г.Д. Дело в том, что США имеют свою котрэлилу, которая не является частью элиты Старого Света. С этим обстоятельством вначале не очень считались, поскольку до 1914 года США были маргинальной страной-должником. К 1914 году США должны были Европе 5 миллиардов долларов, по тем временам — огромные деньги. А к 1919 году

Америка стала вырастать в серьезный фактор на мировой арене, но появилась и Советская Россия, которая отвлекла внимание элит Старого Света на себя. Возник тандем США и Советской России, и оказалось, что он не по зубам европейской Антанте. Она боролась с большевиками, а тех подпитывала Америка. Вся советская индустриализация поднялась на американской технологии, с американскими кадрами, на американские деньги. И тем временем США тоже набирали силу. А потом разразилась Вторая Мировая война, в ходе которой Европа была разгромлена и превратилась просто в экономическое пространство. Сегодня, после падения коммунистического партийного режима, основанного на шестой статье бывшей советской Конституции, возникла ситуация конфликта между элитой Старого Света, которая еще в организационно-военном отношении слишком слаба для противостояния, и соответствующей сверхэлитой американской, то есть протестантской. Он основан на том, что американская элита ни в каком случае не может быть частью элиты Старого Света, ее невозможно интегрировать.

Л.Г. Между тем, все выглядит так, как будто между теми же США и Великобританией существует некое глубинное родство в их политических и геополитических интересах.

Г.Д. Конфликт, маскирующийся этим внешним родством, реальный. Англия после 1945 года ведет очень жестокую «подковерную» борьбу с США — но как младший, «кусающий сзади» партнер. Приведу только один пример. В 1956 году разразился кризис: Израиль, Франция и Великобритания атаковали Египет — с тем, чтобы захватить Суэцкий канал. Для США Суэцкий канал был важен тем, что позволял их шестому флоту переходить в соединенные воды из Индийского океана. Если бы этот морской путь находился под контролем Великобритании как великой мировой колониальной державы, то именно от нее зависела бы Америка в своих геополитических военных движениях, и переговорный процесс велся бы иначе. Но что происходит? США осуждают конфликт (агрессию Израиля, Франции и Великобритании) и предлагают Советскому Союзу вмешаться. Советский Союз говорит при поддержке США (которые молчат, «показывая кулак» исподтишка): если вы не бросите Суэцкий канал и не

уйдете из Египта, то мы вмешаемся полномасштабно. Между прочим, тогда в СССР все, действительно, готовились к войне.

Л.Г. Как Вы видите роль и место России с точки зрения сверхзадачи всемирного протестного движения?

Г.Д. Главная политическая характеристика России в глазах мировых протестных сил — непредсказуемость ее нынешней исторической ситуации. После того как ушла в прошлое «партийная» эра, политическое пространство оказалось расчищенным для новой инициативы всемирного протеста, который будет свободен от лояльности какому бы то ни было номенклатурно-державному центру, объявляющему себя «отечеством пролетариата всех стран». Не секрет, что сталинско-брежневский бюрократический СССР предавал дело революции, обрекал на поражение и распыление силы мирового левого движения. Чего стоит только запрет коммунистам Германии противостоять Гитлеру в союзе с социал-демократами, блокирование с де Голлем и НАТО против студенчества в 1968 году или «связывание рук» Фиделю Кастро. С падением КПСС ушел главный тормоз, сдерживавший мировой социальный протест. Сегодняшний олигархический режим — по сути эрзац политического класса, невлиятельного и ограниченного по своим возможностям на международной арене. Отсюда и непредсказуемость. Она позволяет рассматривать Россию — подобно тому, как это уже было в 1917 году — как слабое звено в системе глобального угнетения, которое может быть разбито усилиями революционного интернационала. Именно это является политическим наследием Октябрьской революции, дошедшим до нас через все перипетии и поражения левой идеи в нашей стране.

Л.Г. Есть ли в России достаточно сплоченные исламские силы?

Г.Д. В советский период была создана снизу партия Исламского Возрождения, которая перестала существовать к началу первой чеченской войны. Я был одним из ее соучредителей, а впоследствии и заместителем председателя. Это была первая партия, которая возникла после КПСС. В нее входило 30 тысяч мусульман. К сожалению, тогда, в горбачевские времена, она была задумана не как большевист-

ская, а как легальная парламентская партия. Впоследствии возникали инспирированные сверху структуры — Союз мусульман и другие, оказавшиеся недолговечными. После 2000 года власть потеряла интерес к институционализированной мусульманской политической силе на арене российской внутренней политики.

Л.Г. Когда противопоставляются Запад и Исламский мир, то автоматически подразумевается, что каждая из сторон обладает, пусть относительной, но все-таки целостностью. На самом деле (и Вы говорили об этом на примере Запада), ни одна из сторон не является субъектом единой политической воли. Вы полагаете, интеграция исламских сил неизбежна?

Г.Д. У советских людей есть один особый дефект. Они отождествляют цивилизационный фактор с бюрократическим истеблишментом. То есть когда они говорят об Исламском мире, то имеют в виду президента Пакистана Первеза Мушарафа, президента Египта Хосни Мубарака, президента Ирана Хатами... Так мыслят не только русские люди. Так же мыслят и чеченцы, которые возмущаются тем, что Исламский мир им не помогает. Спрашиваешь: какой Исламский мир? Выясняется, что это король Саудовской Аравии Фахд, президент Пакистана Первез Мушараф... Говоришь им: но ведь мусульмане в мечетях собирают помощь для чеченцев, есть организации, которые помогают беженцам, — все на вашей стороне; исламская «улица» не оставляет вас. Да, это так, — кивают мои собеседники. ...Но кому нужна эта исламская «улица», когда речь идет о том, чтобы противостоять Путину и получить поддержку Фахда? Это мышление — советское.

...Те 64 государства, главы которых являются членами Исламского саммита, по сути, незаконны. Их бюрократия и короли — ставленники мирового правительства. Нельзя отождествлять их с Исламом. Наоборот, это фактор — антиисламский.

Исламский фактор существует как движение и дыхание самой истории, как присутствие Бога. Я не говорю о священниках, которые самодостаточны в своей уверенности, что они есть соль земли. Почти каждый «служитель Бога» считает себя в некотором смысле теофанией, ведь он — хозяин Корана, Священного Писания, а у мусульмани-

на на улице нет Корана. Но означает ли это, что тот мусульманин с улицы ничему не учился? Да он, может быть, всю жизнь учился. Просто он не вошел в соответствующую касту, не является носителем чалмы, не принят коллегиально в теологическую систему. И хотя в Исламе нет хиротонисии, передачи через руки благодати, и формально нет выделенности церкви от мирян, по подразумеванию все это есть — «с черного хода» проведено. Тем самым люди оплевывают, топчут, отравляют Ислам, приводят его к тупику.

Л.Г. Ислам все чаще обвиняют в том, что он прямо или косвенно связан с терроризмом. Как Вы относитесь к этой критике?

Г.Д. Легко доказать, что фактологически эти обвинения легковесны. «Агрессивность» Ислама становится дурной шуткой на фоне того, что демонстрировал в течение многих столетий Запад: Столетняя, Тридцатилетняя, Семилетняя и прочие войны и т. д. Однако западные идеологи, обвиняя Ислам в агрессии, имеют в виду не то, что он организовал больше кровопролития, чем европейцы (это было бы явной ерундой), а вполне реальную вещь: Ислам есть стратегически безупречная организация внутреннего сопротивления господству объекта над человеческим фактором. Поскольку современная западная цивилизация солидаризуется с объектным полюсом бытия, успешное противостояние ему должно восприниматься как агрессия.

Л.Г. Сейчас страны Западной Европы сталкиваются с ситуацией, когда значительная часть их населения становится арабской. Так обстоит дело во Франции, в Германии. Что означает эта тенденция для будущего данных стран в демографическом, культурном, политическом аспектах?

Г.Д. Диаспора есть будущее мусульманской общины. Диаспора — это люди, освобожденные от «туземности», то есть с нарушенными почвенными, этническими, клановыми и даже семейными связями. Корневая система человека, его зависимость от клана, рода, традиции часто воспринимается как сакральная. Но на самом деле именно с «почвы» начинается профанность. Землячество — это арьергард и застой, замыкающий людей в «гетто». Диаспора, наоборот, — это авангард.

Сегодня идет борьба у мусульман в Европе между землячествами и диаспорами. Я лично во Франции общался с носителями второго подхода. Об этих людях можно сказать следующее. Во-первых, как правило, они имеют высшее образование; во-вторых, блестяще владеют своей профессией. В их лице я увидел арабов нового поколения, которые не отказались от Ислама. Для них быть мусульманином — значит быть участником провиденциального делания. Для них политический Ислам — это самоидентификация себя как избранного народа — не в противостоянии, а, наоборот, в служении человечеству. Это люди с совершенно открытым сознанием, искренне преданным исламской идее. Они, конечно, читают Коран и чувствуют себя людьми, которым дана эта Священная Книга. В ней сказано: «Мы ниспослали вам Коран на чистом арабском языке». Вам — то есть людям. А в мусульманском мире часто можно услышать: а ты кто такой, чтобы высказываться по поводу Корана, откуда у тебя авторитет? Ты какие комментарии читал? Ты где учился?..

Я вижу свою аудиторию среди мусульман Франции, Германии, Англии, с которыми общаюсь на едином языке и в едином понятийном поле. Когда же приезжаешь в арабскую страну, приходится преодолевать методологические проблемы. Либо твой собеседник находится под интеллектуальным контролем у профессионального класса толкователей, и в этом случае ты «бьешься головой» о некую жесткую догматику. Либо он стоит в формальной оппозиции к этой догматике, то есть находится в плену столь же спорных контрдогматов. А если он — либеральный антиклерикал, то, как правило, утрачивает связь с Исламом, он просто хочет нормально жить и зарабатывать деньги. Что же касается европейской диаспоры, она практически вся — зерна без плевел. Это поколение, которое там родилось. Конечно, есть люди, которые пытаются «раствориться», превратиться в обычных немцев или французов. Но Всевышний так сделал, что у них это не выходит, потому что их прессируют, так или иначе они противопоставлены среде, и чтобы выжить, должны стать лучшими. «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

Л.Г. Возможна ли гармонизация отношений или хотя бы стремление к такой гармонии, которая исключает как исламизацию всего мира, так и его атеизацию?

Г.Д. Речь не идет об исламизации мира. Речь идет о том, что мусульмане являются авангардом освобождения человечества. Истинные мусульмане — это люди, которые обладают пассионарной «волей к власти» во имя Божественной справедливости. Их задача — свергнуть сверхэлиту, которая опирается на инструменты ростовщического капитала и глобалистскую инфраструктуру ТНК.

Л.Г. Проблема в том, что никакие земные социальные формы никогда не воплощают в полной мере огненность истинной веры. В тот момент, когда будет сломлено могущество транснациональных корпораций, образуются другие институты, неизбежно бюрократические. Или Вы хотите сказать: после победы наступает что-то подобное христианскому Апокалипсису?

Г.Д. Мы боремся не для того, чтобы жить, а для того, чтобы кончить Историю, подготовить приход ожидаемого Махди и Иисуса Христа. Если бы мы действовали только из задачи перераспределить материальные блага в пользу тех, кто зависит от собеса, это была бы чудовищная пошлость. Миллионы людей, пассионариев тела, умерли напрасно, потому что в основе основ была неправильная и вульгарная материалистическая посылка. Когда в 1961 году Никита Сергеевич Хрущев объявил, что коммунизм — это бесплатная колбаса, и мы построим такой строй через 20 лет, он тем самым просто подписал смертный приговор исторической миссии советского народа.

...Существуют пассионарии тела и пассионарии ума. К сожалению, эти качества редко соединяются в одном человеке. Допустим, революционные кронштадские матросы — пассионарии тела, а Ленин и Троцкий — пассионарии ума. Но к этому надо добавить включенность в теологический проект истинного великого противостояния с князем мира сего. Когда пассионарии тела, пассионарии ума и великое теологическое послание об оппозиции естественному ходу вещей находятся на одной оси, вот тут-то и происходит критическая масса — «ядерный» взрыв. Останавливается промывка мозгов, заканчивается информационная война, приходит конец всему информационному обществу с его электронной диктатурой над внутренним и интимным сердцем человека. А там, где это останавливается, начинается крушение естественного хода вещей.

Пришествие Махди и Иисуса Христа — венец Истории. Эту задачу должны решить «Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Они стремятся вовсе не к созданию Халифата. Всеобщая исламизация — бредовые домыслы, изобретенные в каких-то политических лабораториях Запада.

Правда, некоторые мусульмане говорят: мы — не политические субъекты, мы раздавлены, вот был бы Халифат, возвращающий нас в историю на равных с другими цивилизациями. Я спрашиваю: а как вы собираетесь его создать в условиях бомбардировок США? Тут Саддама поймали, а вы Халифат хотите создать. Они не знают ответа. Объясняешь: Халифат возможен при условии санкций от мирового правительства. Так же в свое время Сталин смог создать социалистическое государство в капиталистическом окружении — потому что окружение это допустило для собственной стимуляции. Подобным же образом Халифат может появиться в истории как часть мировой системы контроля. Мусульмане как огня должны бояться такой перспективы, которая возвращает нас во времена Высокой Порты XIX века — нам не нужен новый «больной человек Европы», как называли османского халифа западные журналисты. ...Махди и Иисус Христос не придут к рабам — к тому, кто их не ждет, кто их недостоин. В Коране сказано: «Не слабейте и не призывайте к миру, ибо вы выше». Человек — это инструмент Божественного провидения, который поставлен перед сверхзадачей: бесконечно малое должно победить бесконечно большое. То есть исчезающе малая искра Святого Духа должна преодолеть бесконечную массу энтропии. Пока это Чудо не свершится, нужно снова и снова идти на пулемет.

Л.Г. У вас репутация тонкого знатока Корана. Чем дается такое знание? Упорным трудом?

Г.Д. Нет. Любовью. Хотя любовь — абсолютно неисламское слово. Но что такое, в сущности, любовь? Это жертва. Любовь — это готовность умереть, когда внутренний огонь «выхлестывает» за твои пределы и сжигает тебя. Для меня Ислам — не то, что может быть воплощено в бюрократической организации. Он не может быть установкой сверху, «охмурением» простых и угнетенных. Ислам — горение сердца.

*Беседовала ОЛЬГА ВЕЛЬДИНА
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА». 06.07.2003*

Религиозная сущность гражданской войны

Одна из наиболее острых мыслей Маркса, которую не оценили по достоинству, состояла в том, что в каждой национальной культуре на самом деле содержатся две культуры: буржуазная и пролетарская. Если это справедливо по отношению к культуре, то в еще большей степени это положение применимо к религии. Действительно, внутри любой конфессии, традиции, внутри любой теологии противостоят друг другу две тенденции, которые можно с полным основанием назвать «религия (или теология) господ» и «религия (или вера) угнетенных». Нет такой духовной практики, которая была бы свободна от этого дуализма. Противостояние господ и рабов выходит далеко за рамки чисто социальной проблематики. Речь идет не об относительной общественной несправедливости, объясняющейся недостаточным развитием производительных сил; противостояние «верха» и «низа» относится к числу наиболее фундаментальных характеристик реальности.

Современные полуинтеллигенты-«образованцы» в постсоветской России жадно накинулись на постмодернизм как на право ни во что не верить и ничего не принимать всерьез. Особенную радость вызывает у них отказ от так называемых «идеологических мифов», к числу которых они, в первую очередь, относят любое упоминание о гнете, несправедливости, несправедности богатств и т. п. Видимо, они надеются на теплые лакейские места при выскочках-олигархах. Тем не менее, все, что отвергла партноменклатура во время приватизации, — это не марксистский миф, а глубинная метафизическая правда о человечестве и его истории, которую марксизм, подвергнув сильной редукции, просто использовал.

Такие понятия как «свобода» и «рабство», «тирания» и «справедливость» — это основы теологического понимания человеческого существования, религиозные категории, в которых описывается под-

линное устройство мира. Дело в том, что как «религия господ», так и «религия рабов» всегда содержит в себе политическое измерение, которое раскрывается в теологии власти. Власть есть важнейшая категория общественно-политической реальности, потому что в ней подразумевается вся сфера возможного и вся мера доступной в данный момент человеку свободы.

Для любого трезвого историка, политического философа бесспорным является то, что вся история человечества есть история рабства и угнетения и борьбы против него. Человечество поработщено дважды: силами природы и собственными «элитами». Смысл истории как раз и заключается в том, чтобы преодолеть это двойное угнетение. Поэтому религия как духовно-экзистенциальное раскрытие и проживание этого смысла всегда будет площадкой, на которой происходит противоборство между «верхом» и «низом» за конечную интерпретацию, за контроль над этим смыслом. В конечном счете господа и рабы противостоят друг другу в определении того, что такое Добро и Зло в их фундаментальном последнем значении. Об этом как нельзя лучше свидетельствует аят Св. Корана: «И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло — поистине, Аллах знает, а вы не знаете» (2:216). Именно исход борьбы за интерпретацию добра и зла окончательно предопределяет расстановку сил в последнем смысле истории: кто будет истинным низом и кто будет истинным верхом. Именно об этом говорит в своей нагорной проповеди Христос, и именно это подразумевается также в политическом и метафизическом одновременно обещании, общем для Евангелия и Корана: «Последние будут первыми».

В течение последних двух столетий правящим классам удалось эффективно использовать новую политтехнологию — представительную демократию с ее характерными институтами: партиями, парламентами, выборами и т. п. Одновременно с этим произошла дерегилизация протестного мировоззрения, в значительной мере ослепленного этой же политтехнологией. Возникло иллюзорное ощущение некой общественной солидарности, преодоленности той непримиримой вражды, которая разделяла касты и их ценности якобы в прошлом. Однако сегодня обанкротился марксистский проект и господствующий

щие элиты одним ударом вернули себе — да еще и с лихвой! — то экономическое положение, которое у них было непосредственно после Первой Мировой войны и которым они вынуждены были поступиться под влиянием СССР и давлением международного коммунистического движения. Однако, хозяева жизни не собираются останавливаться на этом. Уже повсеместно на Западе демонтируются системы социальной защиты, разрываются общественные договоры, еще недавно казавшиеся вечным завоеванием западной цивилизации. Новый социальный порядок, рождающийся сегодня, выпестованный праворадикальными буржуазными интеллектуалами типа Кристола и Вулфовица будет «нищеванским» в кубе! Он выбросит тех, кого сочтет слабым, бесполезным или вредным на границу существования, вон из истории, остальных придавит железной пятой олигархии. По мысли господ, освобождение Человека (под которым они имеют в виду коллективный бренд своего закрытого клуба) возможно лишь за счет полного порабощения всего человечества.

Именно этому всегда противостоял и будет противостоять Ислам — до сих пор до конца не понятая, но невероятно действенная идеология трансцендентного смысла истории, идеология абсолютной свободы, достижимой только через священную верность Субъекту, идеология, которая, в конечном счете, позволяет реализовать украденный «основоположниками» из христианской традиции призыв «шагнуть из царства необходимости в царство свободы». Но прежде человечеству предстоит пройти через опыт предельной социальной поляризации, сравнимой лишь с временами фараонов и Древнего Вавилона. Придется пройти через мировую гражданскую войну между транснациональным Гетто и не менее транснациональным Сити. Другого пути нет для того, чтобы обрести окончательный смысл бытия, исторического времени и, в конечном счете, самих себя.

«С Исламом хотят дружить почти все»

На днях российская делегация вернулась с международной конференции «Глобальная борьба против пыток». Авторитетное и громкое мероприятие было организовано Amnesty International и было в основном посвящено преступлениям США, совершенным в ходе т. н. «борьбы с терроризмом».

Своими впечатлениями и мыслями о поездке делится член российской делегации Гейдар Джемаль, председатель Исламского комитета России.

Ислам.Ру. *Гейдар-хаджи, поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями от конференции Amnesty International «Глобальная борьба против пыток». Как Вы оцениваете результаты конференции?*

Гейдар ДЖЕМАЛЬ. Конференция стала своего рода лакмусовой бумажкой, выявившей огромную тревогу западного мира перед разгулом американского беспредела. Причем речь идет не о какой-то маргинальной группе либералов, озабоченных разного рода устаревшими клише вроде «прав человека».

На самом деле здесь подразумеваются правящие круги Европы, в частности, Великобритании, которые рассматривают защиту прав человека как некую политическую площадку, на базе которой можно сдерживать американское наступление. Это подчеркивалось хотя бы тем, что на конференции, особенно в первые ее дни, присутствовало множество телекорреспондентов и других журналистов.

Сегодня Amnesty International имеют собственный дом в Лондоне в одном из близких к центру районов. В дни конференции он был набит представителями прессы, что называется, «под завязку». Были представлены все мыслимые телеканалы — от польского и испанско-

го до британских, а также присутствовали три российских телеканала: ОРТ, РТР и НТВ.

Одним словом, конференция вызвала огромный интерес, и темы на ней поднимались очень острые. В частности, затрагивался вопрос о тайных тюрьмах США.

Ряд стран Восточной Европы (в частности, Польша) сегодня используют Штатами в качестве площадки для похищения, изоляции и издевательств. Бывшие сателлиты СССР, а сегодня «тройянский конь» Америки в Европе, активно участвуют в разработке американских планов, в расправах над людьми. Но зверские пытки, как это ни прискорбно и страшно, осуществляются под контролем инспекторов из США также и в некоторых мусульманских странах — например, в Марокко и Египте.

Нам удалось завладеть закрытым докладом, составленным спецкомиссией ООН по тайным тюрьмам, существование большей части которых США не признают. По нашим данным, сегодня 15 000 людей, чьи имена скрывают, подвергаются там психологическому воздействию, различным экспериментам, медицинским опытам и издевательствам.

15 000 — это приблизительная, довольно скромная цифра. Возможно, людей в американских застенках сегодня больше, поскольку похищения происходят по всему миру.

В основном объектами похищений становятся мусульмане, но не только. Соотношение исламских и неисламских узников в американских тюрьмах — примерно 90:10. Помимо мусульман, арестованные — это люди, тем или иным образом попадающие в разработку американских спецслужб, в основном граждане стран Латинской Америки.

И. Какие задачи ставила перед собой российская делегация?

Г.Д. Наша российская делегация поставила вопрос о необходимости резко расширять правозащитную деятельность, искать новые подходы, менять стратегию. Недостаточно просто реагировать на те или иные факты и события, поднимать волну протеста против похищений и пыток. Надо вести глубокие превентивные исследования с применением дедуктивных, логических методов, чтобы раскрыть заговор Соединенных Штатов против Ислама.

В принципе, американский заговор распространяется на весь Старый Свет — этим объясняется озабоченность, проявленная Лондоном. Безусловно, в британских правящих кругах есть проамериканское лобби, проамериканские группировки в спецслужбах, которые, я думаю, участвовали в организации июльских взрывов в метро.

Однако элита — палата лордов, королевский двор — настроена антиамерикански. Она понимает, что Соединенные Штаты намерены уничтожить британский традиционный порядок, то, что они считают традиционной британской цивилизацией.

Ведь, как ни странно может показаться российским обывателям, оболваненным местной пропагандой, угроза британской самоидентификации идет не от волны приезжих, не от иммигрантов, которых сейчас очень много на лондонских улицах (метро в столице Британии на 2/3 «цветное»). Самоидентификации британского общества угрожает политический контроль со стороны США, который осуществляется через часть лейбористов, определенную группу политического истеблишмента, возглавляемую Тони Блэром.

Данные лица совершенно отчетливо используют свои связи с американскими неоконсерваторами, чтобы вести личную социальную борьбу против британской аристократии, классической британской имперской структуры. Это выражается хотя бы в том, что Блэр провел целый ряд мероприятий, ущемляющих права и возможности Палаты лордов, пролоббировав продвижение в нее своих друзей-люмпенов.

Можно было бы, конечно, исходя из левых установок, приветствовать антиаристократический пафос Блэра, если бы он не стоял на крайне антинародных, консервативных, монетаристских позициях. Ведь, несмотря на то, что в политической сфере он против истеблишмента, в вопросах социально-экономических Блэр следует наиболее правым и антинародным установкам американского капитализма. Это специфика сегодняшнего британского лейбористского режима.

Таким образом, получается, что двор королевы Великобритании смыкается в качестве ближайшего союзника с исламской диаспорой, оказавшейся на острие прессинга американского похода против «международного терроризма». Это может показаться парадоксом, но это так.

И видя это, во время пребывания на конференции мы пришли к выводу, что Amnesty International является рупором высшего класса Британии. Немногие способны оценить присутствие этого upper class в реальной жизни, в реальной политике. Большинство полагает, что политикой занимаются профессионалы вроде Блэра, вроде Кеннеди, а то, что мы называем истеблишментом, — это объект описания в желтых изданиях.

Такая точка зрения активно внедряется в сознание масс, для того чтобы представить общество Великобритании, европейское общество самоуправляющимся, автономным, имеющим в себе все ресурсы для принятия решений. Но это мнение весьма уязвимо и легко поддается критике.

И. Но почему этот upper class заинтересован в отстаивании интересов мусульманских узников американских концлагерей?

Г.Д. В 1945 году Европа была разгромлена, и ее восстановление шло под американским контролем. Потом она превратилась в экономическую площадку США. В XVIII веке была великая цивилизация, но в 1945 году от нее остались только руины, всюду ездили джипы с американскими солдатами.

И, к сожалению, Европа еще отнюдь не прошла путь назад к 1939 году, к моменту начала разгрома. Она бы мечтала об этом, но, к сожалению, слишком много факторов и институтов продолжают выполнять роль американской оккупационной машины. В конце концов, войска США из Европы до сих пор не ушли.

Мы в ужасе говорим об оккупации Узбекистана американскими военными базами, а, между тем, игнорируем тот факт, что и Европа является одной сплошной базой военного присутствия США. Хорошо еще, что она хоть как-то попискивает. Взаимоотношения Европы и США напоминают отношения шаймиевского Татарстана с Москвой.

Но дело в том, что у Татарстана сегодня есть надежда, что на Москву у него есть управа «за океаном», а Европе не на кого положиться. Раньше был СССР, а сегодня его нет.

Поэтому единственный ее партнер — это совсем не Китай, как некоторые думают, а Исламская Умма. Последняя же, к сожалению, по-

ка очень далека от структурированности, т. е. от того, чтобы представлять собой единый социально-политический субъект.

И. Какова, согласно Вашему прогнозу, будет реакция США на это мероприятие?

Г.Д. Американцы тоже проявили интерес к этому беспрецедентному собранию, поскольку здесь впервые был поставлен вопрос о военных преступлениях США, об ответственности американского режима и американских политиков. Впервые промелькнула тема того, что США и их новый порядок — это гитлеризм сегодня. Это не было озвучено, но это подразумевалось.

На конференции присутствовали сами узники американских тюрем, но гораздо шире были представлены эксперты, юристы, аналитики, представители комиссий ООН, которые давали свою оценку происходящему. Основное внимание обращалось на тайные военные тюрьмы, это была главная тема, в то время как пытки являются фоном.

Пытки в этих тюрьмах практикуются самые brutальные, носят зверский характер. Причем, если у американцев не хватает нервов наносить наиболее страшные физиологические увечья самим, они это поручают марокканцам или полякам.

Очень показательна в этом плане история одного эфиопа, похищенного американцами в Пакистане. Он был переброшен в Марокко, там его пытали, увезли в Афганистан, оттуда отправили в Гуантанамо. Пытали его зверски.

При этом он отметил очень примечательный момент: однажды этот эфиоп спросил у стражей, какой смысл его дальше пытать, если он уже и так все сказал, что знал. На это охранник-марокканец ответил: «Не в этом дело. Просто ты должен понять, что ты — ничто, ты должен упасть на колени, сломаться, а когда ты выйдешь отсюда, ублюдок, если ты отсюда выползешь, — дядя Сэм щелкнет пальцами, и ты будешь плясать, как песик, как шестерка, и выполнять все, что тебе скажут. Мы хотим, чтобы ты превратился в раздавленную лягушку, которая рада сделать все, что прикажут американцы». Эту фразу бывший узник на конференции воспроизвел дословно.

Говоря в общем о реакции США, важно понять, что Вашингтон сейчас реализует глобальный проект запугивания всего мира. Думаю, в какой-то степени они даже не против, чтобы слухи об этих ужасах распространялись, чтобы говорили о тюрьмах и пытках. Ведь, в конце концов, не самим же им это пропагандировать.

Исходя из этого, американцы, вероятно, считают, что Amnesty International и Human Rights Watch делают в чем-то полезное для них дело, делая достоянием мировой общественности конкретные примеры того, чем чревато противостояние с США.

Иными словами, такого рода конференции носят двойственный характер: с одной стороны, они обращают внимание мира на преступления Соединенных Штатов и окрашивают бушевский режим в глазах мирового общественного мнения в тона преступного сообщества. С другой стороны, это пропаганда ужаса и психологический террор — американцы ведут системное запугивание.

Однако, несмотря на последнее, невозможно обойтись без этого, мы должны рассказать миру о том, что происходит.

Американцы тратят сегодня гигантские деньги на бесконечное этапирование заключенных из одной страны в другую, на каждого узника официально расходуется 100 000 \$. Конечно, эти средства разворовываются, но по бюджету проходит именно эта сумма. Причем прицельно занимаются людьми, которые не обладают особой информацией, не являются знаменитыми террористами. Зачем?

Тот факт, что казус этого простого человека стал известен и описан как некая «страшилка», — это, по моему мнению, в значительной степени является одной из тех задач, которая в глазах американцев окупает вложенные средства.

Так возникает интересная диалектика: запугают ли американцы планету до такой степени, что она рухнет перед ними на колени, или все-таки концентрация негатива, возмущения и праведного негодования объединит людей мира, людей доброй воли до такой степени, что они встанут на пути Соединенных Штатов, и совместной энергии этих людей хватит для политического блокирования США.

Америка идет ва-банк. Уровень разрыва с ее прежним имиджем «новой Атлантиды», «американской мечты» необратим. Никогда

больше США не смогут стать центром человеческой мечты, страной, куда бегут все униженные и обездоленные, — так же, как советская идея более не сможет представить СССР как отечество всех пролетариев. Два раза в одну реку не входят.

Но в случае с Советским Союзом это был проигрыш, а тут Америка пошла на развенчание собственного мифа самостоятельно. Не было никаких реальных внешних причин, чтобы Америка отказалась от гуманистического представления о самой себе, которое живет в подкорках огромного числа людей, живущих за пределами США. Более того, сегодня разочарование в американском принципе существования и американском образе жизни захватило большую часть самих американцев — это показывают все исследования Gallup и других социологических служб.

Для американского истеблишмента сегодня необходимо победить раз и навсегда — или они пойдут путем Советского Союза и прекратят свое существование.

II. Как бы Вы оценили работу *Amnesty International*?

Г.Д. У меня есть подозрение, что *Amnesty International* — это не свободный форум, а жесткое структурное учреждение, управляемое сверху. Формально это негосударственная организация, тем не менее, я рассматриваю ее как инструмент в руках истеблишмента с четко прописанными задачами.

Скажем, они приглашают человека, он выступает, рассказывает о своих проблемах, о том, куда его возили, как пытали. При этом *Amnesty International* не интересуется методологией, видение будущего, политический вклад узников, которые могли бы активно соучаствовать в поддержке, расширении площадки антиамериканской борьбы.

Их функция — просто выступать свидетелями на процессе, а свидетель — это не следователь или прокурор. Этот подход прослеживается абсолютно четко.

Руководство же *Amnesty International*, с которыми я общался, — это люди, получающие четкие сигналы сверху. Кстати, генеральным директором организации недавно стала женщина-мусульманка Айрин Хан.

Я не знаю, насколько она соблюдает нормы Шариата и вовлечена в жизнь исламского сообщества Британии, но тот факт, что она мусульманка, всячески подчеркивается в рекламных документах Amnesty International, более того, акцент делается на то, что впервые в руководство пришла женщина, исповедующая Ислам. Из разговора с ней я понял, что она простой чиновник, который получает четкие программные указания.

Но все сказанное отнюдь не отменяет достоинств Amnesty International. И последняя конференция, поддержанная титулованным истеблишментом, — только начало прямой конфронтации между США и Великобританией.

И. Что Вы считаете важным достижением конференции и, в частности, российской делегации?

Г.Д. Я считаю большим успехом то, что наши российские мусульмане — узники Гуантанамо — там побывали, что они обозначили себя как самостоятельную группу, участвующую в борьбе и имеющую личную судьбу. К ним в Лондоне относятся с огромным вниманием, и, я подчеркиваю, судьба каждого из них находится под контролем очень серьезных инстанций. Так что сегодня расправиться с ними безнаказанно невозможно.

И. Конференция прошла в Лондоне, где не так давно состоялся крупный теракт. Изменилось ли положение исламских политических и общественных организаций после летних взрывов?

Г.Д. В принципе все осталось как прежде. Возможно, некоторые изменения претерпела атмосфера. Может, мусульмане стали несколько осторожнее: стараются меньше говорить на «неудобные» темы, уходят в тень. Понятно, что американская агентура присутствует везде, поэтому мне кажется, что спецслужбы Британии сами четко отдают себе отчет, откуда шел заказ на теракт, кто является ставленником ЦРУ, кто работает на американской площадке.

В Британии существуют группы, члены которых могут свободно уехать воевать в Ирак или Афганистан, а потом спокойно вернуться в Лондон. Зачем им было что-то взрывать? Понятно, что взрывы — это ответ американцев на такую политику Лондона.

Но на коротком поводке у ЦРУ есть люди, из числа «этнических мусульман», которые будут проводить различные мероприятия по дестабилизации положения. В этой связи интересно, что после 11 сентября приезжих мусульман британские спецслужбы проверяли не на предмет связи с «исламским экстремизмом», а по поводу сотрудничества с американской разведкой.

В этом плане мало что изменилось, просто в чисто общественной сфере появилась некая истерическая нотка.

И. На Ваш взгляд, даст ли конференция отклик в России? Как отреагируют верхи?

Г.Д. Власти России не едины. И есть группа, которая, возможно, будет использовать тему преступлений США. Некоторые чиновники в Администрации президента при желании могут увидеть в этом антиамериканский ресурс даже на уровне хотя бы риторики и маневров.

Конфронтация между Россией и США будет увеличиваться — это математический факт. Она не может не расти, т. к. есть много проблем. Скажем, некоторые противоречия, существующие между Россией и Украиной и связанные с поставкой газа, уже дают Соединенным Штатам возможность вести игру, нацеленную на энергетическую изоляцию Европы.

Это только одно из звеньев общей цепи. В этом контексте российскому руководству могут понадобиться все ресурсы, на которые можно опереться.

С другой стороны, нельзя забывать, что в России проамериканские силы невероятно мощны, очень традиционно укорены. И нет никакой уверенности в том, что политики, занимающиеся антиамериканской риторикой, искренни. Эти люди вполне могут ставить своей целью игру на негодовании населения.

Мы не видим реально антиамериканских политиков — тех, кто не ездил в США, не пожимал руку президенту и вице-президенту, не читал лекций в американских университетах, не получал гонорары за свои книжки, изданные в США. Даже В. Жириновский несколько лет назад получил разрешение ездить в США, сдал Саддама, несмотря на все свои предыдущие встречи с ним, заверив, что беспредельно лоя-

лен Штатам, — но при этом его регулярно выпускают как москью, лающую на Америку и кричащую о своей дружбе с Саддамом.

И. Насколько сильна интеграция мусульман Британии и представителей левых сил? С другой стороны, что происходит на правой фланге европейского политического пространства? Известно ведь, что интерес к Исламу в правой среде особый. Сохранился ли он на сегодняшний день?

Г.Д. Будучи в Британии, я встречался с руководителем левой партии «Respect» Джоном Рисом. Конечно, они полны доброй воли и готовы всячески крепить отношения с Исламом, но, к сожалению, их собственная интеллектуальная ценность и готовность понимать и реагировать на вызовы агрессивного внешнего мира пока вызывает сомнения. Анализ левых показывает, что это отнюдь не протестные силы, у них нет ресурса, для того чтобы изменить сегодняшнюю социальную ситуацию.

В этой связи мне кажутся симптоматичными те похвалы, которые левые расточают в адрес Тарика Рамадана, известного и очень спорного мусульманского политического философа, который участвует в конференциях, является автором многих книг и известен сотрудничеством с левыми. Он стоит на позициях модернизации исламской мысли, считая, что мусульмане должны по-новому понять многое из базовых источников, чтобы осуществить прорыв. Но куда?

К сожалению, анализ его работ выявляет, что под прорывом Рамадан понимает интеграцию мусульман в западное Общество (с большой буквы). Он говорит о необходимости интегрироваться, рвать связи с этнокультурными корнями стран происхождения, что, с его точки зрения, является балластом. Коран и Сунна понимаются им как фундамент, позволяющий человеку быть одним и тем же мусульманином дома и в офисе, и при этом не привносится элемент некой шизофрении.

Для левых, как ни парадоксально, это вполне нормальная идея. Они хотели бы иметь дело с мусульманами, которые уже являются неким элементом этой машины, в которой они чувствуют себя как рыбы в воде и хотят что-то делать, исправлять нечто.

С другой стороны, Тарику Рамадану возражают тоже неадекватно. С ним полемизируют интеллектуалы Уммы, утверждающие, что мы не имеем права жертвовать культурной самоидентификацией, выбрасывать за борт вековое наследие. Но эти люди не понимают другую вещь: когда они говорят о культурной самоидентификации, они не ставят на место Тарика Рамадана с его идеей интеграции, они опять же попадают в ловушку инвариантного отчуждения от Ислама.

Решение же, по моему мнению, состоит в том, что современному мусульманину нужно быть абсолютно внутренне специфичным в качестве избранного, чувствовать себя наделенным особой миссией, поставленным Всевышним в качестве представителя Уммы в абсолютный центр, для того чтобы свидетельствовать. Поэтому культурная самоидентификация тем и отличает мусульманина, что она лишает его избранности, уравнивает его с представителями ацтекской, китайской, буддийской культуры, а это противоречит задачам и принципам Ислама.

В сегодняшней ситуации мусульманин должен быть борцом с очень сложной политической стратегией и тактикой, а не становиться материалом в руках левых. Наоборот, левые им должны использоваться при необходимости.

Что касается правых, то, они, кстати, тоже заинтересованы в союзе с Исламом. В Лондоне я встречался с Энтони Хенкоком, известным крайне правым издателем. Он обеими руками за союз с мусульманами в борьбе против современной Системы.

Это кажется парадоксальным, потому что правые возражают против безлимитного въезда гастарбайтеров, в основном мусульман. Но тут уже начинается политиканство, поскольку иммигранты нужны Великобритании. Стоит приостановить их поток — и в буквальном смысле некому будет работать...

Крайне правые более низового уровня — европейские скинхеды — также нацелены на диалог с Исламом. В общем, Ислам сегодня крайне интересен для всех борцов с нынешним международным порядком, с мусульманами хотят дружить почти все.

Правда реального Ислама

Председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль знает об отношениях Америки, Европы и Исламского мира гораздо больше, чем нужно простому человеку. Занимаясь всю жизнь политическим Исламом, Джемаль общается с представителями Ислама настоящего, не бюрократического — с подлинными духовными лидерами. О противостоянии Исламского мира и США, о выборе России и о власти мировых разведок Гейдар Джемаль рассказал «Буржуазному Журналу».

Буржуазный журнал. *Какова Ваша версия карикатурного скандала? Почему он произошел именно сейчас?*

Гейдар ДЖЕМАЛЬ. Здесь для меня очевидно выстраивается такая схема. Инициатива в этой истории принадлежала американцам, которые рассчитывали на очень простые вещи. В основе лежит грязная идея, на которую сначала никто вообще не обратил внимание. Ну кому нужна эта желтая датская газета, которую никто толком не читает? Уверяю вас, что даже мусульмане, которые живут в Дании, и то читают по-английски. Но в газету, тем не менее, заложили мину — в сентябре там опубликовали карикатуру.

Потом, через некоторое время, в час X, некий мулла в Дании получает по почте конверт с карикатурами, как опубликованными в газете, так и гораздо худшими, по сравнению с которыми то, что было напечатано, — всего лишь цветочки. Мулла, конечно, в шоке, он начинает всюду показывать эту карикатуру. Его спрашивают: откуда получил? Он отвечает — по почте. Когда с лупой изучили конверт, то оказалось, что там вообще нет обратного адреса и каких-либо идентифицирующих признаков. Никаких отпечатков пальцев.

На что был сделан расчет в этой истории? Допустим, кто-то нарисует на Вас дружеский шарж. Потом я этот дружеский шарж совмещаю, допустим, с Вашим портретом в безобразнейшем облике, оскорбляющем Вашу честь и достоинство, и присылаю Вашему брату или сыну. Он идет и убивает того, кто нарисовал на Вас дружеский шарж. Хотя тот вовсе не рисовал того, что Вас на самом деле оскорбило.

Б.Ж. *Так в чем же состоял расчет?*

Г.Д. Расчет состоял в том, что мусульмане ответят конкретной расправой по образцу убийства голландского режиссера Тео ван Гога. Модель уже наработана, Голландия рядом, люди примерно одни и те же. Но не получилось. Вместо этого начались социальные митинговые выступления. Получилась пиаровская драма, которая ушла из-под контроля инициаторов. Они хотели, чтобы это было камерно и жестко, и затем широко показать кровь на экранах. Вот, мол, какое происходит варварство! Все просто: чтобы дальше разобраться с Ираном, нужно вбить клин между европейцами и мусульманами.

Б.Ж. *Почему это произошло именно в Дании?*

Г.Д. Скандинавия — наиболее благоприятное место для политэмигрантов, жители этих стран очень лояльны. Именно в этом месте нужно вбивать клин... Потому и была выбрана Дания. Кроме того, скандинавские страны легко принимают тех политэмигрантов, по которым давно плачет ЦРУ.

Но вместо крови несчастного редактора или карикатуриста-художника организаторы получили всеобщие митинги, которые демонстрируют то, что американцам видеть совсем не хотелось бы, — единство, сплоченность, политическую общность Исламского мира от Индонезии до Египта. Самое главное, что в целом европейцы оказались на стороне мусульман. Крови не было, а карикатурами были все в основном возмущены. Более того, оказалось, что в Европе на самом деле нет свободы слова, потому что тут же газеты отказались обсуждать тему Холокоста.

Б.Ж. *Как Вы считаете, кем была вброшена тема Холокоста?*

Г.Д. Эта тема была вброшена тут же ревизионистами и теми же мусульманами, которые сказали в ответ на заявления о свободе слова: ребята, у вас был случай с французским профессором Робертом Форисоном, который еще в 1986 году не карикатуры рисовал, а подписал аналитическую статью о том, что Холокоста не было. Его выгнали с работы из университета и посадили на три года. И приняли закон: во Франции обсуждать Холокост — это сразу же пойти под суд.

Недавно британский профессор Дэвид Ирвинг приехал в Австрию. Его задержали в аэропорту и посадили в тюрьму на три года за те же высказывания. Какая уж тут свобода слова? Самое смешное, что редактор датской газеты, выпустивший эти злосчастные карикатуры, заявил: вы знаете, чтобы продемонстрировать паритетность, я рассматриваю иранское предложение опубликовать карикатуры на тему Холокоста. На следующий день издатель объявляет, что редактор сошел с ума и отправлен в отпуск.

Б.Ж. *Может ли вся эта ситуация быть на руку Ирану или другим мусульманским странам?*

Г.Д. Фигурировала тема саудовцев как возможной силы, которая стоит за карикатурами. Саудовцы рассматривались как американская креатура, как постановщики этой ситуации в интересах США. Никто не рассматривает саудовцев как самостоятельных игроков, ведь они являются составной частью американского геополитического проекта. За пределами американской поддержки у них нет политического будущего.

Иран в этом плане ни разу не был назван. Кроме того, Иран не владеет ни такой мощной лоббистской системой, ни агентурой, ни влиянием для того, чтобы создать эффект давления по всему Исламскому миру. Есть зоны, где Иран может что-то организовать, то есть Ливан, Сирия, Пакистан. Это те страны, где есть шиитские анклавы. Но где-то еще? Вряд ли. Кстати, основные волнения происходили именно в зонах распространения суннитов, а не шиитов.

Советский Союз в 70–80-е годы мог устроить беспорядки практически где угодно. Но современная Россия не сможет затеять беспорядки и забастовки в Австралии! Уже нет той системы, нет тех людей, нет тех ресурсов, нет партии, нет студенческих организаций,

профсоюзы больше не ориентируются на Москву. Затеять провокацию, с тем чтобы всколыхнуть весь мир, Москва себе уже не может позволить.

И Иран тоже не может этого сделать. Нельзя затевать провокацию, когда не уверен, что сможешь на должном уровне ее подготовить. Я уверен, что Тегеран не рискнул бы устраивать такую акцию — слишком велик риск опростоволоситься. У них уже есть неприятный опыт с Салманом Рушди, который вынужден всю жизнь прятаться по подвалам, но, тем не менее, до сих пор жив.

Б.Ж. *Мог ли этот скандал все же быть Ирану на пользу?*

Г.Д. Если честно, то зачем это им нужно? В преддверии американских планов войны весь Исламский мир и так на стороне Ирана. И Россия на стороне Ирана. Американцам нужно вбить клин между мусульманами и Европой для того, чтобы расколоть Старый Свет.

Б.Ж. *Если у Америки нет других вариантов, кроме силового решения проблемы, то что делать остальным?*

Г.Д. Прежде всего, нужно понять очень простую вещь. Соединенные Штаты являются последней почвенной националистической империей. Америку обычно отождествляют с глобализмом, однако центры принятия решений в транснациональных корпорациях чаще всего находятся в Европе. Более того, в руководстве многих транснациональных корпораций практически нет американцев. А если они есть, то отнюдь не правят бал. И даже американские ТНК связаны, прежде всего, с Демократической партией. А американское государство, устроенное по имперскому принципу, сегодня связало свою судьбу с неоконсерваторами. Неоконсерваторы — это на самом деле антиглобалисты, это почвенники с очень серьезной позицией, причем жесткой, фанатичной и гораздо менее рациональной.

С их точки зрения, Старый Свет — это источник глобализма и основной противник. Это территория, которая рискует быть снова объединенной под эгидой единой Европы. Европа является передовым технологическим отрядом мира. Здесь, то есть в Лондоне, Париже, Брюсселе и Швейцарии находятся штабы мировых ТНК. И для Соеди-

ненных Штатов вопрос стоит просто: нельзя позволить, чтобы Европа вышла из тени Второй Мировой войны. Чтобы она встала с колен и начала снова претендовать на звание центра цивилизации. Иначе две мировых войны, в которых Америка участвовала против Европы, весь XX век, названный американским, будут прожиты напрасно.

Надо сказать, что до начала XX века Америка была маргинальным государством, которое не оказывало влияния на мировую историю. Там не было основных ресурсов, а сама Америка была страной-должником, которая развивалась только за счет того, что постоянно осуществлялись такие истории как с Панамой. Напомню: американцы в 70–80 годы XIX века создавали консорциум железных дорог «Запад-Восток», доводили его до готовности в 85 %, потом банкротили и перепродавали собственному теневому акционерному клубу. А эти 85 % строились на деньги европейских вкладчиков — домохозяек, помещиков. Все с удовольствием вкладывались в громадный романтический проект — железные дороги Америки. Таким образом было высосано — я могу вам привести точную цифру — порядка 10 млрд. долларов в ценах 70–90 годов XIX века. Это астрономическая сумма по меркам того времени, она соответствует сегодняшнему триллиону. Это, кстати, очень сильно подействовало на темпы европейского развития. Но даже это не помешало Америке иметь в 1914 году пять миллиардов долларов госдолга по отношению к Европе. Сегодня Соединенные Штаты не могут себе позволить вернуться к политическому ничтожеству.

Б.Ж. *Хотя долг, тем не менее, растет по-прежнему.*

Г.Д. Да, но они заставляют расплачиваться за это весь остальной мир через печатание наличных долларов, которые по-прежнему принимаются к оплате за реальные ценности. То есть вы даете реальные ценности, а вам в обмен дают американскую бумагу. Это заполняет брешь, ведь ежегодный торговый дефицит Соединенных Штатов превышает 600 млрд. долларов. То есть на 600 млрд. долларов ценностей ввозится в страну больше, чем вывозится!

Чтобы иметь возможность делать это и дальше, нужно сидеть на вершине горы. Нужно командовать. Но Старый Свет больше не хочет

терпеть, тем более, что Ялтинские и Потсдамские соглашения выглядят уже нелепо, потому что Советского Союза больше нет. Исчез один из основных игроков. И Европа начинает спрашивать: а в чем смысл НАТО, в чем смысл американской оккупации Европы? Это была, на самом деле, мысль Горбачева — он хотел объединением Германии выбить почву из-под ног у США. И американцы просто вовремя поняли, что могут пропустить сильнейший удар. Горбачев просто хотел замкнуть Европу на Советский Союз, отказаться от Варшавского пакта, но одновременно сделать и НАТО бессмысленным. Увы, Горбачев — очень хитрый, но при этом неумелый политик. Который хитро задумывает, но сделать ничего не может.

Б.Ж. *Может ли произойти идеологическое объединение России и Исламского мира?*

Г.Д. Дело в том, что все мы в одной лодке. Нравится нам Европа или не нравится, нравится России или Европе Исламский мир или не нравится — но мы все часть Старого Света и мы все оказались перед лицом Соединенных Штатов, которым нечего терять, потому что они пошли играть ва-банк. А стало быть, нам всем необходимо объединиться. И, в принципе, для мусульманского мира объединение с Европой традиционно, потому что та же Османская империя еще с XVIII века ориентировалась на европейские страны.

Дело в том, что османская геополитика — это политика интернационалистской империи. Османская империя унаследовала очень много от византизма в плане политтехнологий. Это наследие не исчезло и сейчас, оно находится в политическом капитале неправительственных организаций, экспертов, составляет то, что называется «византийское политическое наследие». Это наследие особенно важно как некая мысль, как некий духовный багаж, который может быть реализован. Особенно сегодня, когда улица начинает становиться частью истеблишмента.

Б.Ж. *Что Вы имеете в виду под «улицей»?*

Г.Д. Ну, например, ХАМАС. Безусловно, это часть сегодняшнего истеблишмента. И на это прореагировал и президент Путин, когда

приглашал ХАМАС в Россию, при том, что это было сделано во время визита в Испанию, во время приема при испанском дворе. А Путин не может делать необдуманные акции. Из этого следует только один вывод — европейские сообщества в эшелоне суперэлит, на уровне принимающей стороны, то есть королевского дома Испании, делегировали России миссию привлечения ХАМАС в истеблишмент. Это означает начало диалога с радикальным Исламом.

Это очень сложное послание, которое носит для Старого Света и для всех нас оптимистический характер. В том числе, как это ни странно, я думаю, что и для Израиля. Одна из задач — чтобы все-таки Израиль был государством для всех. Чтобы он стал реальным демократическим государством не только для евреев, но и для всех, кто родился на этой земле.

Б.Ж. *То есть Вы считаете, что заявление Путина было сделано с ведома королевской семьи?*

Г.Д. Такие вещи не делаются в таком пространстве, при таких свидетелях без такого глубокого смысла. Поскольку это был государственный визит, а принимающей стороной выступил королевский дом, здесь нужно понять следующее.

В Европе есть очень мощное проамериканское лобби из выборных политиков. Политиков избирает население, сложившееся в выборные округа по итогам Второй Мировой войны. Это означает, что оккупация и победа Соединенных Штатов — это составная часть тех условий, благодаря которым эти политики вообще могут существовать. Поэтому значительная часть так называемых традиционных национальных политиков в Европе стихийно составляют пятую колонну США. Они возможны как политики, потому что есть НАТО. Такой политик прекрасно понимает, что если не будет Америки, то он, как политик, будет бомжом.

Другое дело бюрократия. Бюрократии как раз необходим Евросоюз, потому что класс бюрократии растет как аппарат только на теле мощной организации. Таким образом, бюрократия и политики имеют разные цели. Но есть еще один супер-класс — класс традиционной клубной знати, которая на самом деле всем и управляет. Несмотря на

то, что номинально они от власти дистанцировались, однако их родственники, дети и племянники сидят в советах директоров тех самых транснациональных корпораций, которые оказывают колоссальное влияние на саму Америку. Они как раз стоят на отчетливо жесткой антиамериканской позиции, и не могут думать иначе, потому что Америка возникла по принципу контрэлита по отношению к ним. И, естественно, Америка всегда боролась за ограничение их влияния по всему миру.

Таким образом, получается, что бюрократия Евросоюза и высшая знать Европы находятся в одной лодке.

Б.Ж. *Говоря «Исламский мир», кого нужно иметь в виду в первую очередь?*

Г.Д. Нужно понимать, что существует политическая воля со стороны независимого Ислама, Ислама как политической реальности, которая существует вне контекста национального истеблишмента и бюрократии. Ведь президенты и короли, как правило, беспомощны и не представляют Ислам. Более того, они борются с Исламом у себя очень активно, возьмите, к примеру, Египет Мубарака или Пакистан Мушаррафа.

Поэтому, когда мы говорим о Исламе, мы имеем в виду тот слой пассионарной интеллигенции, который является неформальными вождями. Они определяют настроение, вырабатывают линию, вырабатывают вектор. Вот именно этот аутентичный, независимый и неформальный Ислам востребован и Европой, и Россией как реальная сила. Европейцы и российское руководство понимают, что полагаться на официальные мусульманские страны бессмысленно. Потому что это слабое руководство, в значительной мере завязанное на Соединенные Штаты.

И Европа, и Россия сегодня заинтересованы в том, чтобы реальный Исламский мир стал бы их союзником. И этого реальный Исламский мир тоже хочет. Потому что он не противостоит Европе, он не отрицает Европу, он сегодня занят решением вопроса о том, каким образом предотвратить цивилизационный разгром и уничтожение инфраструктуры на манер того, что произошло в Ираке или Афганистане. Тем не менее, войну можно только отсрочить. Удар по Ирану будет —

это стопроцентно. Другого варианта нет, потому что на Буше уже висит слишком много грехов.

Б.Ж. *А будут ли использоваться какие-то провокации?*

Г.Д. Да, конечно. Опять будут взорваны какие-нибудь башни, потом будут найдены иранские записки или письма в Иран. Это все будет найдено и послужит поводом для начала крупных боевых действий. Речь идет о свержении режима тегеранской теократии, поэтому предпосылкой должна стать акция типа 11 сентября, вслед за которой в Америке будет введено чрезвычайное положение. Для этого все законы подготовлены, Буш имеет право выводить армию на улицы американских городов, имеет право объявлять чрезвычайное положение без поддержки Конгресса.

Я думаю, что речь идет об антиконституционном перевороте. Это включает в себя после террористических актов выдвижение альтернативного руководства, которое подготовлено на случай чрезвычайного положения, приостановка действия Конституции. Она, кстати, уже частично приостановлена — проводить обыски в отсутствие человека можно без его ведома, как и прослушивать его разговоры. Однако действие Patriot Act продлено лишь до 10 марта. И для того чтобы получить дальнейшее продление, должны случиться какие-нибудь события.

Еще раз обобщу: в Америке идет семимильными шагами антиконституционный переворот, который делает всех нас заложниками. И мы должны рассматривать все варианты взаимодействия с другими странами.

Б.Ж. *Что делать России в этой ситуации?*

Г.Д. Ну, прежде всего, поддерживать Иран. Потому что падение Ирана будет означать катастрофу. Во-первых, это будут потоки неконтролируемых беженцев и гуманитарная катастрофа. Удары же будут наноситься по электростанциям, по центрам жизнеобеспечения, по центрам связи, по транспортным узлам. А это беженцы, смерть, эпидемии. Иран — огромная страна, под 90 млн. человек. Ее развал приведет к мощнейшей дестабилизации региона. И американцы на дестабилизацию могут ответить усилением своего военного присутствия. Причем не считаясь с позицией руководства любых стран. Потому что

у Соединенных Штатов есть такая неприятная особенность — они игнорируют мнение других. И в этом случае война практически придвинется к российским границам. А если это произойдет, то можно считать, что вплотную встал вопрос о конфронтации России и США.

Чтобы это отодвинуть, нужно всемерно помогать Ирану. Если же Соединенные Штаты откажутся от удара, то утратят геополитическую инициативу в мире, что послужит сигналом для возврата значения и веса России. А для этого нужно бороться. Тогда возникнут внутренние противоречия в Европе, тогда возникнет пророссийская партия, тогда возникнут люди, которые будут делать ставку на Россию. А для этого должны возникнуть предпосылки — то есть сокращение влияния США. Значение США может сократиться мирным путем только в том случае, если они сегодня откажутся от агрессии.

Б.Ж. *Это звучит как утопия.*

Г.Д. Да, но надо делать все так, как если бы это было возможно. Для этого нужно поддерживать Иран, нужно не отдавать их на закляние в Совете Безопасности, нужно противодействовать всеми силами началу военных действий и нужно поддерживать Иран в военном отношении, то есть, прежде всего, укреплять его систему ПВО. Это главное.

Плюс сегодня на повестке дня стоит согласование действий с Китаем. Хотя антиамериканская роль Китая сильно преувеличена. Сегодня Китай мог бы легко обвалить американскую экономику, потому что у него триллион долларов ценных американских бумаг. Началась бы страшная паника... Это можно сделать аккуратно, дипломатически, чтобы не возникало никаких претензий. Но китайцы этого не делают, потому что геополитически они привязаны к Америке, они верят в Америку как в некий организационный центр.

Б.Ж. *А каковы перспективы с сотрудничества с Францией как членом Совета Безопасности по Ирану?*

Г.Д. Во Франции сильно антиамериканское лобби, но также сильна и проамериканская фракция. Довольно непонятна французская игра. В разоблачении событий 11 сентября французская разведка сыграла ключевую роль, доказав, что это была американская постановка. Кро-

ме того, у французов давние связи с радикальным Исламом, большой опыт работы с Алжирским фронтом спасения.

Б.Ж. *На Ваш взгляд, роль разведки и контрразведки в современном мире уменьшилась или увеличилась по сравнению со временами Советского Союза?*

Г.Д. Роль разведки увеличилась совершенно непропорционально, потому что раньше разведки были лишь служебным институтом политического руководства. Они выполняли то, что приказано. Сегодня разведки ведут собственную игру. Появилось слишком много неизвестных. Эти структуры стали вступать в такие союзы и поддерживать такие отношения, плести такие опасные интриги, которые политическое руководство два поколения назад ни за что бы не позволило. А сегодня происходит некая постановка, которая всегда прикрывается общими интересами страны, а на самом деле отражает чисто ведомственные интересы. Это касается не только нас, но и Соединенных Штатов. И вот что интересно, здесь на фоне событий надо отметить, что чем больше происходит концентрация спецслужб, тем хуже становится.

Б.Ж. *А какой бы город Вы назвали столицей мировой разведки?*

Г.Д. Лондон. Есть места периферийные, где много разведчиков — Сингапур, Каир. Но они там ничего не решают. А Лондон это место, где принимаются решения, влияющие на судьбы мира. Во-первых, в Лондоне сидит оппозиция всего мира. А для России — это вообще традиционное место для оппозиции. Там жили Герцен, Бакунин, Нечаев, Ленин.

Б.Ж. *Какое-то место в Европе будет, по-Вашему, оставаться спокойным с точки зрения терроризма?*

Г.Д. Дело в том, что в любое место, которое грозит быть слишком спокойным, ЦРУ-шникам ничего не стоит послать террористов, чтобы жизнь медом не казалась. Вот, казалось бы, Дания была для мусульман благополучнейшим местом. Теперь нет. Нет больше таких мест.

*Беседовал АЛЕКСЕЙ ГОРЕСЛАВСКИЙ
«БУРЖУАЗНЫЙ ЖУРНАЛ». Март 2006*

Смерть Милошевича и будущее глобального исламского проекта

На несколько дней смерть бывшего президента Югославии Слободана Милошевича стала темой № 1 в мире. Определенный резонанс это событие вызвало и в Исламском мире, с озабоченностью следящем за событиями на Балканах.

Своим мыслями по поводу смерти Милошевича и его политической судьбы, а также видением ситуации и перспектив Исламского мира в контексте последних поворотов истории мы попросили поделиться председателя Исламского комитета России известного аналитика Гейдара-хаджи Джемаля.

ИСЛАМ.Ру. *Гейдар-хаджи, как Вы можете прокомментировать смерть Милошевича?*

Гейдар ДЖЕМАЛЬ. Судьба Милошевича стала уроком для целого класса тех международных политиков, которые, подобно ему, поднялись при поддержке Соединенных Штатов и начали свою карьеру как американские агенты, выполняющие свою задачу каждый на своем месте. Помимо Милошевича, к этому числу относятся также Саддам Хусейн, Наръега, президент Филиппин Маркес, Самоса и многие другие деятели, которые прошли одним и тем же путем: они взяли власть при поддержке и участии американцев, были в какой-то период друзьями США, а потом Соединенные Штаты шельмовали их как преступников, коррупционеров, людей, совершивших преступления против человечности. И все они впоследствии были свергнуты и отданы под суд, окончив свои дни в безвестности и позоре.

Единственное отличие Милошевича в том, что под конец, когда он уже был арестован и отдан под суд, бывший югославский лидер обра-

тился против вскормившей его руки. Он стал ее кусать, выдавая на суде одного за другим тех агентов, которые содействовали американскому бесчинству на Балканах, устраивали постановки межнациональной резни, которая и привела к абсолютной взаимной ненависти между народами бывшей Югославии.

Милошевич, конечно, несет за это ответственность. Он, бесспорно, был преступником. Но нельзя забывать и о том, что этот человек был всего лишь марионеткой тех, кто оркестровал страшную братоубийственную бойню на Балканах.

Его открытый и прямой язык на гаагском процессе, разоблачения конкретных людей и организаций, занимавшихся фальсификациями и черным пиаром, распространением дезинформации и подготовкой террористических акций по поручению натовских и американских спецслужб привел к тому, что Милошевича сначала отключили от американского эфира через несколько дней после начала суда и постарались замолчать столь разрекламированный ранее в США процесс, как будто его и нет. В конце концов же, Милошевича просто ликвидировали в камере после нескольких лет унижительного и опасного для американцев судебного процесса.

Но напрасно сегодня некоторые в России пытаются сделать из Милошевича героя. Этот человек воплощал в своей деятельности абсолютно антититовский, антиюгославский проект. Он отстаивал не интернациональное видение, которое реализовывалось в жизнь Тито, а альтернативный этому проект Великой Сербии, совершенно губительный и приведший к взрыву этих земель и распаду их на составные части.

Поэтому возносить Милошевича как национального героя Сербии совершенно нелогично, тем более, что в нем, как в капле воды, отражается весь тот путь предательства идеалов и перехода в результате проигранной холодной войны на сторону противника, который прошла постсталинская, постхрущевская брежневская номенклатура. Это типичный продукт эпохи конвергенции, эпохи сдачи позиций огромным социалистическим лагерем, голова которого прогнила и потеряла всякую веру в успех красного проекта. Милошевич является типичным номенклатурным порождением этой эпохи застоя, безверия и цинизма.

И. С чем связана такая закономерность, что американцы сначала возвращают своих ставленников, а потом те впадают у них в немилость, и Вашингтон стремится к свержению своих бывших марионеток?

Г.Д. Этот путь проходит любой, кто встает на службу к американцам. И те в России, кто пошел на сотрудничество с США, должны помнить о печальном конце практически любого, кто коллаборирует с Вашингтоном, сотрудничает с его спецслужбами и ставит себя в зависимость от политики США. Я повторяю: помните — это участь всех ставленников Вашингтона.

Например, у Маркеса, которого судили американцы, отобрали 28 млрд. награбленных у народа денег. Но вместо того, чтобы вернуть их филиппинцам, американцы их заморозили как некий продукт криминального хищения. Иными словами, американцы просто присвоили эти деньги себе. Так же они поступили с капиталами иранского шаха — если бы они хотя бы отдали их иранской эмигрантской оппозиции, которая находится во вражде с Исламской республикой, но нет, все эти деньги, принадлежащие иранскому народу, были присвоены Соединенными Штатами.

Американцы превратили процесс привода к власти и свержения своих агентов в некий часовой механизм. Видимо, в их коллективном политическом сознании работает установка на эксплуатацию, подготовку из своего агента тирана и выроodka, ненавидимого местным населением, которого они потом широковещательно объявляют преступником и употребляют максимум усилий, для того чтобы его устранить, как бы присваивая себе лавры «освободителей» от тирана, которого сами же ставили.

Судя по всему, это специфическая парадигма, присущая политике США. Они плодят мерзавцев, долго их поддерживают, говоря, что это «наш сукин сын», а потом набрасываются на них как на аутсайдеров, изгоев, врагов, извергов человеческого рода, топча их ногами. Специфика и собственный ритм присущ внешней политике и других империй, и французской, и британской: они, конечно, отличаются от американской по содержанию, но тоже для себя типичны.

И. При Саддаме против исламских активистов, ученых велись репрессии, многие из них были убиты и брошены в тюрьмы. В результате некоторые мусульмане, в частности, иракские шииты, сделали ставку на американцев. Но как должны себя вести здоровые силы в обществе, чтобы не попасть в такую ловушку?

Г.Д. В любом случае нельзя всерьез делать себя функцией от американской и какой-либо еще политики. Мы знаем, что были революционные силы, которые не стеснялись брать средства, если их предлагали из политической выгоды международные инстанции. Например, большевики брали деньги у германского генерального штаба, но это не означало, что Ленин собирался превратиться в марионетку Берлина. Дело в том, что Германия была обречена, а Ленин вел беспрюгишную игру.

Беда в том, что есть сегодня такие политики, которые полагают, что Америка является конечным результатом истории, что она никогда не развалится, поскольку выиграла холодную войну, и что более могущественной страны в политическом и финансовом плане сегодня нет. Это огромное заблуждение, потому что даже в относительном выражении Соединенные Штаты сегодня далеко не самая могущественная страна в истории.

Если оценить их валовой продукт, то он составляет менее четверти мирового ресурса. Но вспомним великие империи прошлого — Римскую, Халифат и т. д. — их валовой продукт явно зашкаливал за половину мирового в то время. И все равно они рухнули, им ничего не помогло. Так же точно падут Соединенные Штаты.

Сегодня поднимаются совершенно другие инстанции, другие блоки, которые уже готовы сменить США. Те, кто этого не видят, будут жестоко посрамлены и наказаны за свою слепоту.

Здоровые же силы должны вести себя, исходя из революционной целесообразности по отношению к тем задачам, которые они перед собой ставят. Иными словами, они не должны быть лояльными никому и ничему, кроме собственной линии, кроме собственной идентичности.

Если речь идет о мусульманах, они должны быть лояльны своей исламской идентичности и тем задачам, которые они перед собой ставят. А они не могут заниматься демагогией, исходя из того, что

«народу нужно то, это и т. д.», что «народ устал», что «необходима стабилизация». Вся эта демагогия не должна быть присуща исламским силам, потому что она часто оправдывает желание установить контроль над обществом и выкачивать из него соки, пользуясь дружбой с сильнейшим, с агрессором.

В частности, у тех же иракских шиитов заметно желание зафиксировать статус-кво и сделаться посредником в переправке нефтегазовых ресурсов на Запад, поскольку большая часть их сосредоточена на юге Ирака. Это ошибочный путь. Он прямо ведет к политическому разгрому тех, кто сделал ставку на США, и к тому, что неизбежно будут осуждены те политики, которые повели себя столь недалёковидно.

Поэтому задача должна состоять в том, чтобы бескомпромиссно была организована борьба за тотальное изгнание агрессора, и все ресурсы должны быть брошены на то, чтобы под США горела земля и они покинули этот регион.

И. Но тогда какова должна быть расстановка приоритетов Исламского мира?

Г.Д. Приоритет номер один — это поражение Соединенных Штатов. Если мы говорим о том, что необходимо добиваться поражения Вашингтона, это не значит, что нужно любить Европу или заключить какой-то долгосрочный союз с европейскими элитами. В данном случае они могут быть попутчиками и тактическими соратниками в этой борьбе, поскольку Соединенные Штаты угрожают и им. Для мусульман сегодня актуально взаимодействие с Европой именно в тактических целях.

Почему США приоритетны как противник? Потому что они обладают превосходством, бесспорно, над всякой оппозицией, включая Европу, потому что они ведут вооруженную борьбу против Ислама и потому что успех США означает инфраструктурный разгром и полное уничтожение цивилизации и способности встать с колен Старого Света. Мы не можем этого допустить, это опасность первоочередная, это красный свет, который вспыхнул у нас на пути.

Поэтому, когда перед тобой внезапно падает камень, первая задача — устранить его с дороги. Америка стала именно таким камнем, поэто-

му все мусульмане мира сегодня должны работать на то, чтобы США ушли из Средней Азии, со Среднего Востока, из стран Персидского залива. Тем самым будет уничтожен контроль Соединенных Штатов над нефтегазовыми ресурсами региона.

Это, правда, не значит, что вместо них нужно запускать другого хозяина, но взаимодействие со всеми заинтересованными силами является необходимым, потому что ни у Европы, ни у России в одиночку сегодня нет достаточных сил, чтобы противостоять США. Вместе же Старый Свет вдвое превосходит США по своему валовому продукту, по своим возможностям, человеческим ресурсам, экономическим показателям. Вместе можно отказаться и от доллара как от расчетной единицы и от американского рынка.

Иными словами, США сегодня в одиночку не могут организовать заговор против кого бы то ни было. В этом случае они будут прибегать только к силе — и пусть. Чем больше они терзают человечество откровенным насилием, тем более они консолидируют силы, противостоящие их агрессии против Ислама как того авангарда, который оказался на переднем плане защиты Старого Света от американцев.

И. Иными словами, мусульмане ни при каких обстоятельствах не могут опираться на США, пусть даже из тактических соображений? Иначе сценарий Милошевича?

Г.Д. Нападение СССР на Афганистан в 1979 году создало весьма неприятный момент, в результате которого социально обеспокоенная часть исламских политиков, мыслящая в терминах справедливости, равенства, поверглась шельмованию и была отброшена в сторону, то есть перестала быть мейнстримом. Ислам всегда стоял на позициях социальной справедливости, антиколониальной борьбы, поддержки всех тех инноваций и начинаний, которые давали шанс обездоленным.

И вдруг в 1979 году, когда ограниченный контингент на стороне как бы «левых» афганских сил стал участвовать в борьбе с Исламом, получил развитие некий «правый» мусульманский проект, который был связан с консервативными кругами Саудовской Аравии, с идеологией, основанной на принципах господства и подчинения, принятием на вооружение всех тех социальных бидaatов (недозволенных

нововведений), которые, к сожалению, были объявлены подлинно исламскими (салафитскими). На самом деле ничего в них от первоначального Ислама не было, а парадигма господства и подчинения была заимствована из языческих социальных образцов прошлого.

Вот эти правоконсервативные клерикальные тенденции стали доминировать в Умме, культивироваться Америкой, которая стала вкладывать деньги в саудовские инициативы, в патриотическую борьбу афганцев. В итоге это привело к тому, что к 1991 году к моменту демонтажа СССР мусульмане пришли с воинствующе антикоммунистическим настроением, поддерживали демократов, были проельцински и чуть ли не прогайдаровски настроены. Либерал-рыночники для них воплощали альтернативу советской номенклатуре, тирании, голоду, ГУЛАГу, то есть всему набору солженицынско-шаламовских образов, которые в советский период истории превращали в бренд всего левого движения, как будто сталинский ГУЛАГ и левый проект — это одно и то же.

Поэтому типичным стало сознание какого-нибудь богослова, который по сути исходит из проамериканских просаудовских установок. Печать сотрудничества с американцами сегодня лежит даже на очень многих радикальных джамаатах, которые должны были бы быть авангардом социальной борьбы за справедливость против господствующих классов, а они именно из-за этого дефекта политически отброшены от мейнстрима в сторону.

Таким образом, перед нами стоит задача оздоровить ситуацию, демонтировать проамериканский перекосяк, возникший с 1979 года в исламском поле, вернуть стержневой пафос борьбы за социальную справедливость и добиться того, чтобы исламская политическая мысль стала общепротестной идеологией всего страждущего человечества, пришедшей на смену дискредитировавшему себя марксизму.

И. Но сейчас, как видится, среди большой части политически активных мусульман порой преобладает антиинтеллектуализм и мещечковость, отсутствие глобального видения...

Г.Д. Я совершенно согласен — это такая специфическая «усамобенладенщина», которая как раз является продуктом сотрудничества арабов с ЦРУ по части отражения советской агрессии. И вот эта пе-

чать антисоветизма и американизма даже у тех, кто потом повернулся против США, до сих пор сохраняется.

А Умме сегодня надо преодолевать местечковость, возрождать интеллектуализм, пробуждать серьезную исламскую мысль. Пассионарность тела должна сочетаться с пассионарностью ума.

Но при всех проблемах, следует понимать: такой огромный феномен как Ислам не может быть удержан в одном регистре даже при колоссальном вложении против него средств сверхдержавы, например Америки. Ислам — это великое море, в котором всегда будут разные тенденции. Многие сегодня ориентируются на Ислам — например, Уго Чавес остро заинтересован в Исламе как в пространстве, дающем ему опору в борьбе против тирании, а он не вспомнил бы о нем, если бы Умма вся погрязла в местечковости.

Поэтому я очень оптимистично смотрю на общую ситуацию и считаю, что через 10–15 лет никто не узнает интеллектуальное лицо мусульманского мира. К 2020 году мы будем иметь дело с исламскими интеллектуалами, которые возглавляют ведущие направления науки, медицины и при этом они будут активными практикующими мусульманами.

Методологически понимание вселенной перейдет к мусульманам так же, как это было в X–XI веках, когда именно университеты Исламского мира задавали ведущие подходы в науке, мир описывался мусульманами. Через 10 лет Умма вновь будет доминировать. Мир станут описывать уже не с помощью Аристотеля и Платона, а на базе нового реального понимания коранического Откровения.

Но для этого исламские интеллектуалы в разных частях должны работать, эффект же даст взрывной результат. Это соответствует хадису Пророка (мир ему): «Если ты направишь к Аллаху один шаг, Он сделает к тебе — десять, а если ты совершишь к Нему десять шагов, Он приблизится к тебе на тысячу».

Это значит, что если мы сделаем один шаг в интеллектуальном плане, Всевышний, по Своей милости, дарует нам огромный успех. Нет оснований впадать в уныние — милость Аллаха простирается уже на ближайшее поколение.

Есть политические нации,
но нет этнических государств

Основное внимание политиков всего мира на данный момент приковано к Ближнему Востоку. Иран с каждым днем все резче и резче отвечает на претензии США, а лидеры Палестинской автономии никак не могут договориться с Израилем. Мусульманский мир заявляет о себе громче и громче с каждым днем. Какие перспективы переговоров по «иранской проблеме» и что лежит в основе палестино-израильского конфликта? Почему мусульманский мир не однозначен к проблеме Холокоста? Как живут мусульмане в России и мешают ли им кресты на гербе? На эти и другие вопросы в эксклюзивном интервью Накануне.Ру ответил председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль.

***НАКАНУНЕ.Ру.** Гейдар Джахидович, намечается очередной виток напряженности в отношениях между Палестинской автономией и Израилем. Как Вы считаете, что лежит в основе конфликта?*

Гейдар ДЖЕМАЛЬ. В основе конфликта лежит сионистское эксклюзивное националистическое самосознание, которое сохраняет до сих пор государство апартеида, государство, носящее название «еврейского», что является анахронизмом в XXI веке, тем более после ликвидации апартеида в Южной Африке, когда каждое государство является центром для любого человека, родившегося на его территории, независимо от этноса. Есть политические нации, но нет этнических государств. В «большом мире» есть государства, которые представляют политические нации. Но евреи и арабы в данном случае не этнические нации, а Израиль — этнократическое образование.

Говорят, что израильские арабы признаны гражданами Израиля. Но, во-первых, они представляют собой лишь одну четверть палестинцев, которые живут на территории Израиля, а во-вторых, и их положение не очень-то равноправно. А есть и палестинцы, в том числе и изгнанные, которые хотят жить в государстве, где нет разграничений между нациями, так же, как живут евреи во Франции или России — где они пользуются всеми правами людей, родившихся в этой стране. Так же и палестинцы должны жить в Израиле. Они должны иметь право жить у себя дома, пользуясь теми же правами, что и все. Лишь жесткие позиции «израильских ястребов» создают этот конфликт.

Н. В последнее время появилось много разных мнений по поводу Холокоста, вплоть до его отрицания или предложения создать израильское государство там, где был устроен Холокост. И доносятся эти голоса именно из мусульманского мира. Какой позиции придерживаетесь Вы?

Г.Д. Я считаю, что необходимо свободное непредвзятое исследование, поскольку слишком много фактов ставит этот вопрос.

Естественно, антисемитизм германского руководства в 1933–1945 годах никто не ставит под вопрос. Также никто не ставит под вопрос и мероприятия, которые были направлены против евреев. Но отсюда до специфического обвинения в геноциде, который подразумевает планомерное уничтожение всех мужчин, женщин и детей как евреев, — дистанция огромного размера. Ни у Черчилля, ни у Шарля де Голля, ни у Рузвельта, ни у Трумэна в их военных мемуарах не существует упоминания ни о Холокосте, ни о еврейской проблеме. Хотя, казалось бы, такого масштабного значения факт не может быть обойден молчанием в воспоминаниях и мемуарах ведущих деятелей Второй Мировой войны.

Есть, например, данные о системном уничтожении немецких военнопленных и Соединенными Штатами в лагерях, которые располагались на их территориях — в Бельгии, Голландии. По известным данным, было уничтожено не менее 1,5 млн. германских военнопленных, причем сознательно — с помощью эпидемий, голода и тому подобных вещей. Официальная германская статистика показывает, что из воен-

нопленных, отправленных в СССР, вернулось лишь 5 %, остальные погибли или пропали. Этот масштабный геноцид германского народа почему-то никто не обсуждает. Поэтому я считаю, что сегодня нужно поднять вопрос об объективном исследовании реальных событий Второй Мировой войны и реальной вины руководителей Третьего рейха.

Н. Возвращаясь к Ближнему Востоку: как Вы оцениваете перспективы переговоров по «иранскому вопросу» на ближайшее время?

Г.Д. В переговорах нет ничего нового. Переговоры велись и раньше, просто это некий фон, который всегда сопровождает необратимые жесткие решения. Давайте вспомним, что переговоры постоянно шли и с Саддамом Хусейном, и с Милошевичем, но, тем не менее, они не мешали началу военных действий. С моей точки зрения Соединенные Штаты не могут отвертеться от развязывания войны, как бы это ни пугало определенных политиков в Вашингтоне, и справедливо, причем, пугало. Дело в том, что выбора у Буша нет. Если он сейчас даст задний ход, то это будет тяжелейшим ударом по его группировке неоконсерваторов, республиканской партии. Я не исключаю, что в результате потери времени, поскольку пропущен давно благоприятный момент для начала военных действий, Соединенные Штаты окажутся в такой ситуации, когда начинать войну против Ирана практически бессмысленно, и в этом случае она, возможно, и не начнется. Но в таком случае мы увидим крах нынешнего руководства Соединенных Штатов.

И мы увидим радикальные изменения во внешней и внутренней политике США. Возможно, вплоть до 180 градусов. Если все же Буш из чувства самосохранения развяжет эту войну, то она будет проигрышной для США, но в более длительном сроке и с непредсказуемыми последствиями как на Ближнем Востоке, так и для России.

Н. Если все же Америка прибегнет к силовому решению конфликта, на кого стоит рассчитывать Ирану?

Г.Д. Сегодня весь Исламский мир, естественно, поддерживает Иран и стоит на антиамериканских позициях, но имеется в виду реальный Исламский мир, а не правительства и верхушки — не президенты и не монархи, которые находятся в особом политическом про-

странстве — они являются ставленниками мирового порядка в своих странах и их позиция выражает очень личные интересы этих узких бюрократических кланов. А то, что касается «широкой улицы», — в Исламском мире улицы могут игнорировать установки и убеждения тех центральных государств, потому что исламское мировоззрение, исламская религия позволяют быть в постоянной оппозиции к существующей власти и действовать независимо.

Я думаю, что на уровне гражданского общества, неправительственных организаций, энтузиастов «снизу» Иран получит неограниченную поддержку. А вот что касается правителей, то, думаю, будет резкое разделение на тех, кто с Ираном, — таких будет большинство, и тех, кто с Америкой, — это будет небольшая кучка полуамериканских режимов, которые обречены сидеть на американских штыках, на американской поддержке, без которой не проживут и года. Это, например, относится к Саудовской монархии, возможно — к Тунису.

Н. Недавно появилась версия, что в рамках переговоров по Ирану в качестве определенной уступки со стороны США в ответ на ядерный компромисс от Ирана может быть раздел Ирака между странами-соседями. Насколько это реально и к чему может привести?

Г.Д. Я думаю, что такой раздел приведет к дальнейшей дестабилизации в регионе, потому что он никого не устроит, а страны, которые получают себе эти куски, окажутся в чреватом положении, в таком же положении, в котором когда-то оказался Ирак, потребовав принадлежавший ему некогда Кувейт. Это зоны нестабильные, это зоны, которые будут постоянно требовать независимость. Курды постоянно требуют независимости, а представьте себе, что Курдистан отдадут Турции? Это означает, что Турция приобретает себе вместо, скажем, 20 единиц головной боли, 40 или 60. И так постоянно идет война с курдами, а тут им еще присоединят новую курдскую территорию, усиливая тем самым противника. То же самое касается и шиитов юга Ирака. Их можно присоединить к Ирану, но стоит учесть, что там много иные социально-политические процессы. Шииты привыкли к другим отношениям с властями, другим отношениям со своими лидерами, нежели население Ирана.

Из-за конфликтов, которые обязательно привлекут внимание соседей и ООН, легитимность тех, кто поглотит эти части Ирака, в итоге понизится. Кроме того, учтите, что в данном случае части арабской страны достаются двум не арабским странам. Сирия — арабская страна, но Турция и Иран — не арабские страны. В итоге это приведет к усилению конфликта между арабским и не арабским пространством на Среднем Востоке.

Н. Возможно ли на данный момент вообще приобретение Ираном статуса главного игрока на ближневосточной политической арене?

Г.Д. А Иран уже получил статус главного игрока на Ближнем Востоке, потому что Иран сегодня ставит главнейший вопрос ребром — это вопрос о глупости и лишенности смысла договора о нераспространении ядерного оружия. Этот договор давно превратился в кандалы, которые сковывают свободное развитие и научное продвижение во всем мире, кроме пяти держав, которые составили «ядерный клуб».

При этом мы знаем, что не менее 20 других держав имеют возможность производить и уже произвели такое оружие — в их числе Южная Африка, Бразилия, Северная Корея, Чили, Аргентина, Пакистан, Индия и, естественно, Израиль. Можно к этому кругу, наверное, прибавить еще несколько стран. В итоге договор превратился в очень лицемерную дубинку, для того чтобы ею мог пользоваться этот элитный клуб.

Кстати говоря, этот клуб создан на принципах, мягко говоря, уязвимых с юридической точки зрения. Например, Китай получил доступ к ядерному оружию ценой собственных усилий — ему было отказано в помощи со стороны Советского Союза, но он признан в качестве страны-участника клуба, потому что он входит в Совет безопасности в качестве страны-победителя 1945 года. Но давайте вспомним, что Китай представлял как страну-победителя Чан Кай Ши и Гоминьдановский режим на Тайване. Чан Кай Ши в течение 20 лет, до 1974 года — до визита Никсона в Пекин, играл роль официального Китая, а коммунистический Китай считался незаконным. Чанкайшистский режим сидел в ООН, а Китай был как бы непризнанным государством. После того, как Никсон поменял ситуацию из прагматиче-

ских соображений и признал Китай, все изменилось. Но по логике именно Тайбэй должен был бы быть сейчас членом ядерного клуба.

На неувязках основан доступ к ядерному оружию Франции, которое является лишь волевым решением де Голля. Все это образовывалось явочным порядком, путем создания прецедентов, и сегодня размахивать этим договором — это создавать для этого клуба право управлять жизнью народов по собственному усмотрению, в том числе и путем ядерного шантажа, к которому прибегают США.

Сегодня Иран взял на себя миссию поставить этот вопрос под сомнение. И когда говорят: «Мы не понимаем, зачем Ирану ядерная энергетика, когда там столько нефти», — это не что иное, как пещерный дискурс, который практически что подразумевает? Мы лишаем эту страну права на высшую школу, на высокие технологии, на развитую инфраструктуру, которые всегда связаны с развитием ядерной энергетике. То есть, эта страна имеет право сжигать бензин и газ, продавать его, тратить деньги на дымящие грузовики, но не имеет права превращаться в страну типа современной Франции с инженерией, с технологиями, лабораториями и так далее.

Иными словами, заявления Чейни или Вулфовица, делающиеся по поводу Ирана, говорят именно о таком отношении — «Только мы имеем право развиваться, а остальных надо притормаживать». Это технологический империализм, который приведет к тому, что образуются технические сверхдержавы, тормозящие процесс развития в других странах.

Н. Как Вы оцениваете перспективы сотрудничества Ирана с Россией?

Г.Д. Для России очень важно удержать позиции страны, которая экспортирует ядерные технологии и те элементы высшей школы, которые еще не развееаны, не атрофированы, не бежали на Запад, а связаны именно с российским заделом в этой области. Для России тоже стоит вопрос о развитии ядерной энергетике. Сегодня лидером по экспорту ядерной технологии является Франция. Ядерные реакторы на французских подводных лодках, например, на 15 лет опережают английские и американские аналоги. Для России такая возможность как сотрудниче-

ство с Ираном — это подарок. Если мы оттуда уйдем, то это место займут Франция и Китай. США пытаются наложить вето на развитие стран Третьего мира, но Франция и Китай активно там работают, гораздо успешнее, чем Россия, и они меньше внимания обращают на демагогию американцев. Поэтому для России это крайне важно.

Н. В России есть различные объединения мусульман. Почему их так много и в чем между ними разница?

Г.Д. Мусульманские объединения в России, если иметь в виду муфтияты, являются структурами федеральной власти, которая, внедряясь в мусульманское сообщество, переодевает определенных бюрократов в чалму и халат, заставляя их таким образом позировать в качестве «своих» для мусульман. В действительности эти муфтии являются собой шупальца федерального бюрократического аппарата, не имея никакого отношения к реальному мусульманскому сообществу. Они ни за что не отвечают, не могут решить никакие вопросы. Они являются лишь функционерами, которые «держат руку на пульсе», должны отчитываться за векторы, действующие в мусульманском сообществе, но оно живет своей жизнью. Будущее мусульманского общества в России связано с интересами и устремлениями молодых людей, которые сегодня выступают за модернизацию своих обществ, своих республик, за уход с постов коррумпированных чиновников, за освежение атмосферы культурной и общественной, за создание гражданского общества, которое могло бы критиковать эксцессы полицейского произвола и бюрократии в таких республиках как Кабардино-Балкария, Ингушетия, Дагестан... Это язва современности, язва нашей жизни и с ней необходимо бороться.

Н. Не так давно возникла дискуссия по поводу наличия в гербе России крестов. Одним из авторов предложения их оттуда изъять называли и Вас. А зачем?

Г.Д. Я не начинал этого вопроса и не предлагал этого. Мне навязали эту тему. Неожиданно сказали, что кресты в лапах двуглавого орла оскорбляют мусульман и их надо убрать. Ко мне обратились с вопросом, считаю ли я, что их надо убрать. Но эти кресты, если уж на то

пошло, как и сам орел, никакого отношения к христианской символике не имеют. Кресты, фигурирующие в российском гербе, имеют зороастрийский, иранский генезис. Это солярные символы, не имеющие ничего общего с орудием мук и страданий, на котором, согласно христианской традиции, был распят Иисус. Эти кресты — солярные. И принцип императорской власти, когда на одном из символов (скипетр, держава или что-то еще) фигурирует крест, — это принцип иранской императорской «солнечной» власти. Иранская императорская традиция повлияла и на римских императоров, на римскую традицию — отсюда и кресты.

То же и с орлом. Двуглавый орел — это зверь «о семи концах» (два крыла, две лапы, две головы и хвост — *прим. ред.*), а христианские символы, как лягушка или птица, они шестиконечны — они отражают знак христиан $|+$ — Иисус Христос. Это шестиконечная фигура. Так что символика здесь завязана гораздо более древняя, нежели христианская. К проблемам приводит невежество. Вопрос о крестах, полумесяцах и двуглавых орлах — продукт традиционалистской невежественности интеллигенции и бюрократии.

*Беседовал АЛЕКСЕЙ ОСТАПОВ
«НАКАНУНЕ.РУ». 27.03.2006*

Сколько стоит удар пульса?

Проблема глобального кризиса встала перед человечеством, как это ни покажется кому-то парадоксальным, сразу после 1945 года, после того, как Германия, а точнее, вся Европа в целом, превратилась в усыпанное руинами поле, по которому в разных направлениях текли потоки беженцев.

Казалось бы, кризисом должна была являться сама война; она закончилась, и открылись на какой-то исторический период перспективы новой стабильности... Но это лишь кажущееся положение дел. В действительности война содействовала устранению последних резервов того, что придавало европейской цивилизации органичность, самодостаточность и смысл. С окончанием войны человечество вступило в постпроектную фазу: кончилась эпоха модерна, «бури и натиска», кончилась эпоха больших нарративов.

В огне небывалых битв сгорел не только национал-социализм. Интернационал-социализм также получил ожоги первой степени, несовместимые с жизнью. Победитель Сталин на банкете Победы пьет за русский народ и ни словом не упоминает о коммунистической партии и социализме. Его текст можно было бы перекинуть в уста какого-нибудь Гучкова на тридцать лет раньше, и никто бы не заметил несоответствия. Сталин пишет незадолго до смерти идеологическую записку на нескольких страницах, которая так и не нашла путь на страницы официального собрания сочинений: что-то о коммунистическом проекте в свете державно-патриотической идеологии. С этой до сих пор секретной запиской был ознакомлен предельно узкий круг лиц. Сталин писал о том, что коммунизм как тема проиграл, и будущее — за имперской государственнической идеологией, за национализмом. Он как бы подхватывает эстафету, выпавшую из мертвых рук недавнего заклятого врага, но это уже очевидно последние конвуль-

сии квазипроектного мышления. К пятидесятым годам на повестке дня беспредельный цинизм «сражающихся» друг с другом шулеров, выкладывающих игральные карты поверх карты географической: ставка — судьбы народов, которых пока удерживают в плену формализованного идеологического дискурса: социализм — либерализм — индивидуализм... Последнее, от чего еще пахнет жизнью, — это борьба против старых колониальных империй, но и той, похоже, дает «зеленый свет» само сообщество мировых господ, которые придумали, как грабить человечество получше, нежели во времена Киплинга.

Наступление кризиса остро пережили и прочувствовали столпы интеллектуального авангарда — французские экзистенциалисты, прежде всего... Камю, Сартр, Бланшо — их внимание устремляется к последнему движению духа, поднимающемуся как струйка дыма над картофельным полем бывшей европейской цивилизации. «Восставший человек», боец современной городской герильи, бросающий вооруженный вызов абсолютно глухому пространству фальшивой бюрократической легитимности. Вызов почти столь же безнадежный, сколь во времена греческих героев, поднимавших угрожающий боевой топор к безразличному небу; вот эти одинокие герои, духовные наследники и физические потомки Гегеля и Гёльдерлина, становятся источником вдохновения для интеллектуалов, вдруг обнаруживших, что все историческое время, прожитое Европой, оказалось «утраченным».

Не удивительно ли, что левый Сартр — общественный защитник радикалов и террористов эсеровской закваски — вышел из академической шинели Хайдеггера, почвенника, вступившего в НСДАП, расплевавшись со своим еврейским учителем Гуссерлем? Нет, совершенно логично, ибо для Хайдеггера революцией и неконформизмом было примкнуть к политическим маргиналам, отрицающим актуальный мировой порядок, а для Сартра таким же вызовом было поддержать левых и объявить о своей моральной солидарности с евреями. Контенты разные, адаптированные к противоположным по сути эпохам, довоенной и послевоенной. Но принцип — один!

Правда, Хайдеггер не интуирует разражающийся кризис, он сам старается его организовать, вытянуть на поверхность из гниющего тела умершей европейской философии. Две с половиной тысячи лет

от Платона до Ницше — насмарку! Хайдеггеровская мысль вопрошает о подлинно сущем, которое так и не обнаружено ни в идеальном реализме Платона, ни в трансценденталиях Канта. Хайдеггер дошел до рубежа, за которым следует ослепительная вспышка понимания, он задал правильные вопросы (в частности, «почему есть нечто, а не Ничто» — удивительный по своей точности вопрос), но все-таки он не шагнул в самую эту вспышку. Хайдеггерианство — пролегомены ко всякому будущему пониманию (перефразируя название одной кантовской работы).

Сартр на порядок поверхностнее германского мэтра, но при этом гораздо ближе к тайне. Сущим оказывается на самом деле «Ничто», которое живет внутри человека как основание его подлинной свободы. Тут вам не только Хайдеггер и Ницше, тут весь Иван Карамазов с Кирилловым и Свидригайловым вместе. Как жаль, что Петенька Верховенский не читал «Бытие и Ничто» — гораздо лучше бы получилось у него создать организацию в далеком и вместе с тем «нашенском» Скотопрогоньевске!

Однако, назад, к кризису... Сегодня он бесспорен для наблюдателей весьма расхожего уровня и качества. Но только это не весь кризис (как бы из тех, что бывали раньше), а только некоторая моментально схваченная фаза в глобальной динамике, в тектонической подвижке пластов.

С чем бы сравнить масштаб нынешнего кризиса? Пожалуй, с концом Средневековья. То, что сегодня происходит, — это аналог (разумеется, только в масштабе, а не в содержании) ранних проблесков Возрождения.

Что же завершается, спросим еще мы, в качестве нашего аналога Средневековья? Исчерпана эпоха, начавшаяся казнью Карла I, — эпоха поднявшихся до самосознания и самоопределения народов.

Это была новая эпоха в самосознании западного человечества, в которой проявилась интуиция огромной и вместе с тем тесно сплоченной семьи, отчасти напоминающая духовное состояние народа Рима после убийства Тарквиния Гордого.

Новое время открыло английскому, а впоследствии и другим народам Европы, что пролитие крови тиранов создает мистическую общ-

ность, новое самосознание коллективного субъекта. Казнь монарха прекращает безвременье традиционного общества, в котором каждый играет роль в некоей метафизической пьесе, обозначает собой платоновскую идею, настоящая жизнь которой — в небесном мире. Удар топора, катится голова помазанника божьего, и — останавливается гипноз, люди начинают двигаться, охваченные общим порывом, вниманием друг к другу, пониманием себя как конечных существ, смысл и, может быть, даже вечность которым придает только совместная историческая цель, разделяемая всеми история.

Философия общего дела — вот как называется это новое самосознание народов. У греческих полисов было ощущение семейной общности, но не было сюжета, в котором эти полисы могли бы жить. У римлян при республике была и общность, и сюжет, но они все еще были слишком на котурнах, слишком сценичны, слишком проникнуты сакральным символизмом самих себя и всего, что они делали.

Философия общего дела — это когда мясник и лудильщик горят тем же пафосом, той же исторической эмоцией, что и купец, торгующий тонким сукном, и дворянин, все достояние которого — в его шпаге. В какой-то момент они все становятся народом — не в смысле современного политологического определения «нации», и не демагогическим симулякром, неотъемлемым от электоральных кампаний, — народом в мистическом значении этого слова как ожившим коллективным бессознательным, вдруг получившим множественное тело и способность к артикуляции того, что было невыраженно и бесформенно в прошлом.

Именно тогда Европа становится сама собой — тем, что делало ее до самого последнего времени чуть ли не нарицательным именем для обозначения действительно преуспевшей цивилизации в политическом фольклоре большинства людей земли. Когда говорят «Европа», «европейский», подразумевают эпоху, в которой этот континент жил не чужими импульсами, как в Средние века или в Возрождение, а генерировал и излучал на остальное человечество свой собственный смысл, собственное послание.

(Добавим, кстати, что появление «наций» в конце этого плодотворного для Европы периода явилось приметой растущей стагнации в

недрах феномена «народа». Нация есть подмена народа, она представляет собой головное культурное явление; принадлежности к нации обучают в школах. Философия общего дела актуально объединяет людей в народ, нация же апеллирует к событиям и героям прошлого, и тем самым пытается виртуально объединить утративших реальные взаимосвязи людей в настоящем.)

Все народы Европы вдруг получили этот дар — философию общего дела — в указанный период, длившийся с 1642 года, когда в Англии началась гражданская война между королем и парламентом, до 1945-го, когда самостоятельное существование Европы было прекращено двумя внеевропейскими силами — США и СССР.

Понятно, что наступившая после этого эпоха представляет собой господство духовного вакуума в душах и умах европейского человечества. Советский Союз — как мы говорили выше — к этому моменту стал тоталитарно-бюрократической империей, откровенно выбросившей на свалку тот принцип, во имя которого осуществлялась большевистская революция, — одна из наиболее ярких разновидностей философии общего дела; но она перестала работать также к началу послевоенного времени — через тридцать лет после казни Романовых, на крови которых обрела жизнь. США, со своей стороны, вообще никогда не имели этого мистического чувства иррационального сознания разделенной между членами семьи истории, поскольку базой их возникновения были религиозные общины, эмигрировавшие во имя конфессиональной свободы, — а это совсем другое! Когда же у этих общин отобрали самостоятельность нью-йоркские спекулянты-янки, организовавшие жесткий федеральный порядок, у «народа» Соединенных Штатов исчез последний шанс пережить этот особый европейский опыт. Таким образом, ни один из двух главных победителей не имел в себе того огня, который горел в сердцах якобинцев и старой гвардии на Бородинском поле, польских инсургентов и гарибальдийцев в красных рубашках, не говоря уже о восторженных студентах германских университетов и других, менее замечательных образчиках семейно-исторической солидарности.

Но раз философия общего дела потерпела крах и была внутренне дезавуирована европейским самосознанием во второй половине соро-

ковых, то что пришло на ее место? Пришла большая ложь («общество спектакля», «симулякр»), которая воплотилась в форме электоральной демократии американского образца. Ложь, потому что за фасадом этой иррациональной машины голосования за бессмысленных, ничего не определяющих политиков вновь встало то самое традиционное общество, которое история немного подвинула в сторону на эшафоте в 1649 году. Только за эти триста лет силы безвременья подверглись глубокой модернизации, реорганизации и явились во всеоружии новейших политтехнологий, о которых старик Макиавелли не слыхивал, а если бы ему о них рассказали — покраснел бы и возмутился.

Бодрийяр остро интуирует суть того, что воцарилось в качестве современности. Ничего не происходит, ничто не по-настоящему, все оказывается постановкой и фальшью. Система, — говорит он, — достигает своего предсмертного совершенства в тавтологии: ее содержание становится $2x2=4$!

Тут Бодрийяр, однако, допускает существенную ошибку. Тавтологична не Система, а все общество в целом. И речь здесь идет не о современном обществе, а об обществе как таковом, обществе *par excellence*, в конечном счете, архетипическом традиционном обществе.

Тавтология есть последняя и предельная форма, в которую отливается мудрость; тавтология сакральна. Высшее сознание, достигнутое посвященными, сознание верховного жречества — тавтологично. Общество — всего лишь инструмент для передачи неизменной мудрости (которая, кстати, называется *perennial philosophy*, вечная философия), оно (общество) подобно запечатанной бутылке с вложенным в нее посланием, брошенной в океанические воды большого Космоса. А в послании начертано предвечными иероглифами $2x2=4$, хе-хе-..!

Звучит ли с какой-либо стороны вызов этому совершенству (тут с Бодрийяром не поспоришь: тавтология, действительно, эстетически неуязвима)? Разумеется. В большом Космосе работает универсальное Второе начало термодинамики. Оно ежесекундно бросает вызов идеальной формуле, предлагая с каждым отсчитанным мигот стать на бесконечно малую долю меньше: не $2x2=4$, а $2x2=4-x$, и Мудрость, борясь за то, чтобы и в материальном воплощении удержать свою вечную эстетику, должна постоянно компенсировать истирающее,

уменьшающее воздействие волн времени. А вот для этого нужна уже Система.

Система есть инструмент общества, как само общество есть орудие Мудрости. Общество приобретает, в конечном счете, путем проб и ошибок характер Системы, формируется в качестве Системы, и это уже почти финальный, уже пахнувший эсхатологией этап человеческой истории.

Система — это зеркальное отражение уменьшающего действия универсальной энтропии. Но поскольку ноосферный уровень нынешнего человечества не настолько высок, чтобы переподчинять себе фундаментальные законы реальности, Система может являться только виртуальной оппозицией подлинному действию Второго начала; она осуществляет свою компенсаторную работу в суммарном коллективном общественном воображении.

Один из первых шагов в этом направлении — происходящее на наших глазах растворение государства в обществе. Суверенитет государства стремительно релятивизируется, становится легче и условнее. Это особенно заметно в дипломатическом плане на внешнем направлении; но и внутри, по отношению к своим гражданам, государство стремится, что называется, «сблизиться» с людьми. В итоге оно влезает в каждый дом, в каждую семью. То, что раньше считалось атрибутикой тоталитарности, становится сегодня повседневными приметами «зрелой развитой демократии». Государство как бы напяливает на себя содранную с общества шкуру — волк притворяется агнцем. Особо яркое выражение на Западе это находит в юридикации простых человеческих отношений, влезание закона, процедуры во все щели, в том числе, и интимные! Раньше закон был посредником между государством и гражданином в случае преступления; гражданское право было посредником между частными лицами в случае конфликта. Теперь любые человеческие связи координируются с помощью адвокатов, предпосылка конфликта закладывается в них изначально. В современном обществе рядовой гражданин, конечно, не лишен так называемого выбора, однако, он практически полностью лишен инициативы, ибо выбор, обеспеченный процедурой и по сути лишенный содержания, убивает инициативу эффективнее, чем тоталитарное принуждение.

Коллективное общественное воображение все же обретает плоть; правда, не в так называемом материальном мире, а непосредственно в преобразовании самого общества. Система пожирает общество, становится одно с ним. Это происходит поэтапно, через постоянную трансформацию общественного сознания.

Прямым выражением этой трансформации является постоянно идущая переоценка мерила всех ценностей — человеческого жизненного времени. Человеческое время — это главный ресурс, источник принципиальной энергии, благодаря которой работает социальная машина. Каждый из вовлеченных в общественный механизм индивидуумов отдает обществу свое жизненное время, которое у любого из смертных безусловно конечно и достаточно жестко определимо в своей финальности. Время современного среднестатистического гражданина на земле исчисляется двумя с половиной миллионами ударов сердца, посчитанных при нормальном пульсе. В процессе отчуждения этого уникального и драгоценного для каждого его обладателя ресурса общество претендует на все возрастающую часть. Сначала отчуждаемым временем является та часть, которая посвящена труду как товарному производству; но этого мало, общество начинает претендовать на время досуга, затем на время, проводимое с семьей. У современного человека похищается практически все его сознательное время за вычетом, может быть, только сна. Но есть и другой путь повышения капитализации каждого социального данника: возрастание стоимости отчуждаемой секунды (удара пульса). Этот процесс идет непрерывно. К тому же он очевиден: достаточно сравнить, сколько стоило среднестатистическое время европейского участника экономического процесса 20–30 лет назад (не говоря уже о периоде между двумя великими войнами), чтобы убедиться в справедливости этого убеждения. К тому же, и в современной ситуации человеческое время стоит неодинаково: сравним стоимость единицы времени в существовании индонезийского или тайваньского гражданина со стоимостью аналогичной единицы в существовании персоны, принадлежащей к пресловутому «золотому миллиарду». Разница в стоимости живого времени между отдельными регионами Земли достигает отношения 1:100.

В этом состоит особый парадокс социального процесса: общество тавтологично в каждый данный момент, но ценность этого момента должна увеличиваться по сравнению с предыдущим; в противном случае общество ждет коллапс. (Легко понять, почему в прошлом пики благоденствия при особо мудрых государях завершались, как правило, стремительным и ужасающим обвалом — в спокойные времена обычно стабилизировался стоимостный критерий времени, прекращалась его постоянная переоценка!) Итак, суть системы в том, чтобы избавить общество от кризиса, а точнее, структуру политического контроля — от коллапса. Единственный способ, которым можно осуществить совместимость тавтологии с перманентным ростом — это развести их по разным плоскостям. Например, в высших эшелонах социальной иерархии господствует тавтология, а в массовом пространстве происходит непрерывный рост. Такова модель информационного общества. Оно производит потоки информации, в которую превращается время тех, кто ее создает (скажем, время интерактивных пользователей Интернета), при этом нет никаких ограничений для роста стоимости этой информации: это должно определяться непосредственно экономическими модераторами «интеллектуального производства».

Повторим еще раз: кризис, в который вовлечено человечество — тектонического масштаба, смена антропологических парадигм. Наиболее очевидный аспект, еще охватываемый глазом, это несоответствие психофизиологических возможностей нормального индивидуума, принадлежащего к западному постиндустриальному обществу, тем обязательствам, которые на него будут наложены завтра. Внутренние возможности роста за счет экстенсивной перестройки человека — образование, расширение социальных контактов, обретение мегаполисной психологии, изменение ритма жизни — полностью исчерпаны. Однако этому не способному развиваться дальше человеку уже сейчас начинают предъявляться новые вызовы. Система требует от него, чтобы он «стоил» (т. е. производил отчужденную стоимость в единицу времени) по меньшей мере в десять, а то и больше раз, чем он реально способен при нынешней политэкономической организации. Для этого было бы нужно, чтобы каждый из участников эконо-

мического процесса стал бы неким Ван Гогом или, по меньшей мере, Пикассо — при сохранении сегодняшней рыночной оценки творческих продуктов этих художников. Такое возможно, если большинство из принадлежащих к «золотому миллиарду» станет — не настоящими, конечно, — но виртуальными, условными Ван Гогами. Иными словами, они должны обменять все, чем владеют сегодня, — и это буквально, — на билет за право войти в качестве участника в «интеллектуальную экономику». Естественно, что для обитателей мировой провинции, не обладающих изначально степенью социализированности, необходимой для этого перехода, в такой перспективе не остается никакого шанса: они должны быть выброшены из общества и из истории, чтобы не превращаться в балласт.

Однако, такое политэкономическое устройство — пока еще перспектива. Сегодня функцию виртуального роста по отношению к мировому обществу почти полностью осуществляют Соединенные Штаты. Это беспрецедентная ситуация, которая сама по себе является демонстративным элементом кризиса. Фактически страна расплачивается со всем миром векселями, выписанными под залог ее особого политического статуса. С одной стороны — все производство человечества, весь объективированный капитал, в который превращается время миллиардов европейцев, китайцев, индийцев и т. п., с другой — производство чистого количества, исчисляемого в долларах.

В действительности, такая схема, при которой один эксклюзивный субъект мирового процесса производит оценку всего, что создано остальным человечеством (да, кстати, и им самим!), не может не создавать серьезных проблем. Вопреки расхожему мнению, США превратились в камень преткновения на пути у подлинного глобализма, ибо суть последнего как раз в информационном обществе, в том, чтобы время превращалось непосредственно в информацию, а информация — в ценность, и таким образом весь пассивный (т. е. ранее созданный) капитал мог бы быть переоценен заново. На пути у такой интеллектуальной экономики стоит почвенный империализм страны, которая в силу чисто эмпирических обстоятельств истории сделала свой великодержавный суверенитет главным предметом экспорта.

Политэкономическая сторона мирового кризиса в его нынешней фазе в том, что существование США бросает вызов глобальному обществу. До тех пор, пока современный порядок будет обустроен вокруг единственной политической «точки сборки» — госдепа США, транснациональные корпорации и сверхэлитные клубы, стоящие за ними, не могут реализовать свою золотую мечту об интеллектуальной экономике ноосферы. Они принуждены работать с чужим расчетным инструментом, отражающим совершенно другой брэнд, суверенитет альтернативного глобализму американского правящего класса.

Идеологически эта ситуация выражается как непримиримый конфликт между двумя мифами. Глобалистский миф манит народы земли (стремительно лишаящиеся корней и превращающиеся в сборища не связанных друг с другом люмпенов), обещанием повысить капитализацию единственного ресурса, которым они владеют: их жизненного времени. Это обещание, разумеется, никогда не будет выполнено, потому что виртуальная экономика не способна превратить несколько миллиардов мировой провинции в сверхсоциализированных жителей мирового мегаполиса. Но большинство жителей земли этого пока еще не знают.

Второй миф — американский — это «сияющий город на холме», «Новая Атлантида», где каждый приставший к ее берегам (легально) может реализовать американскую мечту: конвертировать свое жизненное время в домик с газоном, стоимость которого будет неуклонно повышаться (пока его не снесут). Этот миф эффективно привлекал совсем уж отчаявшихся в XIX в., он получил второе дыхание благодаря военному триумфу США в океанах и на суше в XX в., но сейчас он практически перестал работать. Во-первых, народы мира не могут переехать в США, да и отдельным людям туда все труднее добраться. Во-вторых, экспорт американской мечты за пределы своей национальной территории начинается не с «раздачи домиков», а с уничтожения тех, которые у людей уже есть. И поскольку идеологическую войну с глобализмом США — пока еще не признаваясь в этом — уже проиграли, они неизбежно должны обратиться к главному аргументу в пользу своей исключительности — силовому.

Тайна беззакония

Криминальная экономика как столп мирового порядка

Люди привыкли думать о том, что в мире существуют Закон и Порядок, присутствующие как своеобразная «зона света». Все, что туда попадает, прозрачно, правильно и соответствует неким критериям общечеловеческой нормы. Последняя же (норма) есть артикулированная юридическим языком, подспудно присутствующая в душе почти каждого идея высшего Блага.

За пределами этой постоянно расширяющейся зоны света еще остаются анклавы тени, ведущие отступательные бои, а кое-где и участки настоящей тьмы. В тени сидят изменившие своему высокому долгу госчиновники-коррупционеры; там же, где тьма, прячутся преступники, мафиози, вплоть до нелегальных торговцев оружием и прекупщиков краденного...

Увы, эта благополучная схема не имеет ничего общего с действительностью! Прежде всего, сам закон давно потерял какую бы то ни было связь с принципами «света» и «блага». Он, принимаемый послушными истеблишменту парламентами, готовится группами юристов и политтехнологов, точно просчитывающих последствия в многоходовых «шахматных» партиях, которые власть имущие разыгрывают против общества. Закон одновременно может быть кнутом для аутсайдеров, для профанов, не допущенных к «скрытым кормушкам», — но при этом поднимать рентабельность теневого бизнеса именно тем, что последний находится под запретом.

Замечательным примером этого может быть «сухой закон» в США, принятый при президенте Вудро Вильсоне после Первой Мировой войны. С 28 декабря 1918 по 5 декабря 1933 мафия в частности и криминальный мир США в целом сделали на этом законе чудовищные деньги, львиная доля которых была присвоена официальными

элитами. Кстати, за некоторое время до принятия этого закона алкогольный бизнес стал выводить предприятия с американской территории в Канаду, Мексику и на Кубу и создавать в расширенных масштабах предприятия по пивоварению внутри США, поскольку пиво имело ограниченный допуск на рынок. Именно социально-политическое перерождение американского государства, связанное с перекачкой наличных ресурсов «самогонного» происхождения в карманы федеральной бюрократии через криминальные каналы, привело к созданию полицейского монстра ФБР под управлением мегаломана и гомосексуалиста Эдгара Гувера. Внутри этой организации американская империя централизовала и упорядочила всю структуру тайных отношений властей с преступным миром.

После 1945 года крупная буржуазия в Старом Свете подверглась разгрому одновременно с двух сторон: США и СССР, поделивших между собой сначала Европу, а затем и остальной мир. В Великобритании при этом к власти пришли радикально настроенные лейбористы, которые подвергли экономику старейшей капиталистической страны последовательной национализации, тем самым расчистив площадку для экономического постмодерна, окончательно утвердившегося к сегодняшнему дню.

Постмодернизм в экономике означает беспредельное царство транснациональных корпораций, которое стало возможным благодаря разрушению семейных домов крупной промышленной буржуазии, окончательному торжеству финансово-спекулятивного капитала над товарным производством и закату государственных суверенитетов. Сегодняшние крупнейшие компании, в том числе и носящие славные исторические имена (типа «Крупп» или «Тиссен»), состоят из трех главных компонентов: множество, как правило, анонимных акционеров, наемный менеджмент и совет директоров, который и является площадкой присутствия реальных обладателей политической воли и носителей исторического проекта, традиционно связанных со старым аристократическим истреблением Европы и — частично — остального мира.

В США, где крупная буржуазия осталась стеновым хребтом американской цивилизации, политико-экономическая ситуация иная, что и приводит к серьезному конфликту между американским государственным

ным суверенитетом и стремящимися к полному освобождению от любых ограничений глобальными ТНК со штаб-квартирами в Европе.

Но и в США, как и в остальном мире, финансово-спекулятивный капитал, который представляет собой, говоря российским экономическим новоязом, «воздух», полностью господствует над производительной частью экономики. Это означает, что акции компаний, являющиеся предметом биржевых спекуляций, во-первых, оторваны от реального положения дел в этих компаниях, в частности, от их материальной базы; во-вторых, под эти акции выпускаются дополнительные финансовые документы (как бы «акции второго поколения»), которые являются уже, с точки зрения реальной экономики, совершенно фиктивным продуктом, но, тем не менее, обладают денежной стоимостью, иногда многократно превосходящей фактически уровень капитализации компании, которая их выпускает.

Сама эта «воздушная» экономика, прокручивающая в многомерных спекуляциях бесчисленные триллионы долларов, совершенно легальна с точки зрения действующих законодательств, но при этом абсолютно преступна, например, согласно шариатскому праву, регулирующему экономическую жизнь.

Эта экономика преступна и с точки зрения интересов физического человечества, его будущих поколений, ибо в спекуляциях «воздухом» проедается их достояние, и люди завтрашнего дня обречены родиться в мире, где им вообще ничего не принадлежит.

Однако есть и другой аспект: поскольку «воздушная» экономика не может существовать без паразитирования на реальной базе, она порождает необходимость ненормально ускоренного прокручивания финансовых средств, находящихся в распоряжении как можно большей совокупности физических и юридических лиц. Иными словами, денежная масса должна крутиться во много раз быстрее, чем это диктуется нормальным уровнем товарооборота и народного потребления. Без этого спекуляции «воздухом» очень быстро обнажат свою природу «пирамид», и за этим может последовать общий коллапс мировой экономики.

Это означает, что биржевые спекуляции не могут протекать безопасно без поддержки разветвленного экономического криминала. В нелегальных видах бизнеса прокручиваются с огромной скоростью чудо-

вищные массы наличных денег, которые потом легализуются через ТНК, имеющие «добропорядочные» фасады (нефть, газ, автомобилестроение и т. п.), а, кроме того, недоступные в силу своей надгосударственной позиции для национальных фискальных органов.

Обыватель считает, что мафиозный бизнес — это наркотрафик, незаконная торговля оружием, азартные игры и проституция. Конечно, истеблишмент давно интегрировал в себя криминальные структуры, которые получают доходы с человеческих пороков. Но это только видимая часть айсберга. Ее пиар-функция еще и в том, что сосредоточенность прессы и массовой культуры на ней оставляет за кадром гигантский размах преступного бизнеса в совершенно неожиданных для широкой публики сферах.

Прежде всего, не нужно питать иллюзий, будто связи легальной экономики и официального истеблишмента с криминалом начались после Первой Мировой войны. Пресловутое происхождение так называемых «старых денег» (гигантских наследственных состояний Морганов, Рокфеллеров и т. д.) из пиратской активности основоположников этих семей — это лишь романтический отголосок того факта, что ведущие морские державы (Англия, Франция, Голландия) давали лицензию на каперство (пиратство) наиболее удачливым «рыцарям разбоя» на больших океанских дорогах.

Отдельной статьей следует упомянуть и работоторговлю, которая официально шла столетиями, но настоящий золотой век торговли живым товаром начался после того, как в 1840 году Англия запретила работоторговлю и британские военные корабли стали топить попавшиеся им суда работоторговцев вместе со всем живым «товаром». Цены на «черное мясо» взлетели до небес. В это прекрасное время доходы, которые приносило неиссякающее «человеческое стадо» черного континента, едва ли не перебили по значимости то, что можно было легально получить с хлопковых плантаций, для работы на которых эти рабы будто бы и ввозились...

Внимательный анализ показывает, что в течение последних столетий главные европейские державы контролировали и поощряли мировой криминал, одновременно вытесняя его в колонии, в первую очередь — в США. В итоге именно эта на сегодняшний день круп-

нейшая страна стала тем бизнес-пространством, где легальное и криминальное сплелись неразлично при полном релятивизме применения «буквы закона». (Это обеспечивается деятельностью особого юридического бизнеса, благодаря которому формальный закон в США становится даже не то что «дышлом», а настоящим лассо, за движениями которого нельзя уследить невооруженным глазом.)

Есть, по меньшей мере, полсотни направлений, в которых мировой порядок зарабатывает на свое содержание деньги вопреки установленным им же самим законам. Нелегальный вылов рыбы в мировом океане, нелегальная вырубка лесов, мировая фармацевтика... Поскольку все человечество в той или иной форме «посажено» на таблетки, особенно в экономически развитых странах «первого» мира, это делает необходимым непрозрачность фармакологической и медицинской сфер для контроля со стороны общества. В итоге все национальные системы здравоохранения оказываются в той или иной степени связанными с транснациональной фармакологической мафией, которая в свою очередь интегрирована в несколько «грандов» — сверхбольших ТНК, производящих основную массу лекарств для человечества. Доходы в этой сфере многократно превышают поступления от пресловутого наркотрафика. Люди в «цивилизованных» странах потребляют лекарства, испытанные «втемную» на безответных и незащищенных жителях «нецивилизованных» стран...

Действительно, во всем этом разветвленном и многомерном криминале существуют «серые» и «черные» зоны. «Серые» зоны — это те территории, где мафиозная деятельность опирается на содействие коррумпированной местной бюрократии. К числу таковых относится российский Дальний Восток (вылов рыбы, вырубка лесов), Бразилия (вырубка лесов Амазонки, сопровождающаяся геноцидом индейских племен) и т. д. «Черные» зоны — это территории, полностью оккупированные криминалом, где не надо подкупать никаких чиновников, и куда не приближается ни один представитель международных организаций из-за риска получить пулю в голову (например, алмазопроизводящие территории, оккупированные частями УНИТА в Анголе, и т. п. Кстати, именно Ангола и Сьерра-Леоне могут служить прекрасными иллюстрациями того, как финансовый истеблишмент, принад-

лежащий к Традиционалистскому клубу — Оппенгеймеры, Ротшильды — решают свои вопросы через посредство мафии).

Мировая экономика наиболее ярко отражает социально-политическую сущность современного мирового порядка, который, согласно теологическому определению, представляет собой преступное правление «коллективного фараона», основанное на несправедливости и воинствующем паразитизме.

«Двойной охват»

Так назывался стратегический проект, разработанный Мартином Индиком еще в 1999 году, когда он был заместителем госсекретаря США. Под этим названием понималось одновременно окружение, изоляция и военный разгром Ирака и Ирана. Причем схема одной из версий плана была реализована несколькими годами позднее — при вторжении в Ирак и Афганистан.

Действительно, за время, истекшее с момента судьбоносного хеппинга на Манхэттене, подготовленного для того, чтобы достойно отметить начало нового тысячелетия (11.09.2001), США добились удивительно многого на пути приближения к своей заветной цели — удару по Исламской Республике Иран. Если сравнить стратегию американцев с подготовительной деятельностью других знатных агрессоров, первые на голову выше. Тот же Гитлер, скажем, так и не смог обеспечить вовлечение в свой замысел нападения на СССР ни Японии, ни Турции. В свою очередь, Сталин, готовивший удар по Европе, мог рассчитывать перед началом войны лишь на Великобританию, которую и без того осыпал бомбами Люфтваффе.

По сравнению с этим американцы — титаны стратегического планирования. За шесть лет они взяли Иранское нагорье «в скобки»: с запада — оккупированный Ирак, с востока — карзаевский марионеточный режим в Афганистане, за которым в Кабуле приглядывает морская пехота и который худо-бедно имеет какую-то наемную армию, способную обеспечить плацдарм для развертывания сил против Ирана на «восточном фронте».

Далее, вопреки крайнему нежеланию президента Пакистана Первеза Мушаррафа вовлекаться в вашингтонские авантюры даже на уровне обязательной борьбы с талибами, ЦРУ удалось создать антииранскую террористическую группировку в Белуджистане — «Джунд

Аллах», — активно совершающую рейды вглубь иранской территории с засадами на пограничные и жандармские патрули, убийствами должностных лиц и т. п. (все акции документируются на видеокассетах). С западной же стороны, опираясь на Северный Ирак, фактически отторгнутый от Багдада под незаконное политическое образование «автономного Курдистана», американцам удалось развязать подпольную партизанскую войну курдских «пешмарга» (боевиков) на иранской территории. Наличие курдского президента в Багдаде должно по замыслу американцев гарантировать их от оспаривания иракской стороной юридической состоятельности такого административного подхода к территории формально суверенной страны.

Наконец, главное достижение американцев в окружении Ирана — это проникновение на постсоветскую территорию. Базы в Киргизии и Таджикистане, прогрессирующая дестабилизация Южного Кавказа, где Грузия уже превращена в бесправного сателлита США, а из Азербайджана вырывают уступку за уступкой, — все вместе это создает почти безнадежную геостратегическую обстановку для режима в Тегеране. Добавим к этому жесткое подталкивание Саудовской Аравии и связанных с ней арабских правительств к участию в конфронтации с иранцами, концентрацию ракетно-подводных и надводных сил в Индийском океане, базу на Диего-Гарсиа — и мы получим картину, не оставляющую сомнений в том, что вся политика Соединенных Штатов в Передней Азии на протяжении последних лет имела целью в первую очередь разгром Исламской революции и сокрушение государства аятолл.

Сегодня главным поводом для конфронтации между США и Ираном кажутся, прежде всего, «ядерные» претензии Вашингтона и его — будто бы — опасения относительно возможного появления у иранцев атомной бомбы. Но когда Мартин Индик разрабатывал свою концепцию «двойного охвата», вопрос о ядерной программе Ирана вообще не стоял (тогда муссировалась тема ОМП у Саддама Хусейна). Если же брать еще более ранние времена, то мы не найдем там ни следа ядерной озабоченности США, зато обнаружим, что уровень враждебности всегда стоял «на красной черте».

Иными словами, ненависть США к Ирану носит глубинный цивилизационный и геополитический характер, не зависит от конъюнкту-

ры, а все остальное, приводимое для оправдания этой ненависти, — часть дезинформационных мероприятий, которые в рабочем порядке готовят мировое общественное мнение к войне.

США и Иран оказались полярно противостоящими друг другу непримиримыми центрами с того момента, когда на территории одной из древнейших монархий мира победил исламский республиканский проект под тираноборческими лозунгами.

Здесь начинается самое интересное. Сами по себе ни республиканизм, ни религиозная подоплека не являются достаточными объяснениями как враждебности США к Ирану, так и — что особенно важно и требует отдельного освещения — враждебности нового иранского политического класса к США. Напомним, во времена правления Реза Пехлеви в США жило, работало и преподавало большое число антишахских политических эмигрантов. Среди них было немало лиц духовного звания, исламских теологов и политических исламистов, которые сразу после революции или же спустя какое-то время вернулись в Иран (совершив своего рода рокировку с новой, еще более мощной волной теперь уже монархической эмиграции на Запад).

Причины американо-иранского противостояния, которому скоро будет 30 лет, не лежат на поверхности. К сожалению, современная политология в России испытывает острые комплексы по поводу глубинных мотивов тех или иных решений или поворотов истории, инспирированных западным истеблишментом. Такое верхоглядство происходит из квазирелигиозного преклонения перед тем, что российские политологи именуют «мировым сообществом»: им кажется, что любой серьезный анализ подобен профаническому вторжению в священное таинство, творимое «князьями» этого мира. Очевидно, что подобный подход со стороны тех, кто призван к ясному и системному геостратегическому видению, наносит удар, прежде всего, по интеллектуальному потенциалу российской субъектности, маргинализирует политический класс России.

История противостояния США и Ирана за неполных три десятилетия насыщена провалами — как военными, так и политическими — американских попыток обуздать Тегеран. Важнейшими из этих провалов являются фактическое поражение Саддама Хусейна в войне,

которую он по наущению и при поддержке США развязал против своего восточного соседа сразу же после Исламской революции, а также эпизод несравнимо меньшей значимости, тем не менее, остро запомнившийся мировой общественности — фиаско американского спецназа в его попытке освободить заложников, взятых революционным студенчеством в американском посольстве в Тегеране. Можно тут вспомнить и уничтожение ракетой, пущенной с крейсера «Тикондерога», иранского пассажирского авиалайнера, на котором погибло более 250 гражданских лиц разных национальностей (в отличие от «дела Локкерби» этот акт вандализма вообще не стал предметом международного осуждения, США не принесли Ирану извинений, а командир крейсера не подвергся судебному преследованию). Эта акция американцев также может быть отнесена к числу их поражений — хотя бы только морального характера.

Однако за всей этой серией стычек и конфронтаций — ирано-иракская война в данном плане наиболее знаковая — стоит, на наш взгляд, несколько фундаментальных причин как постоянного свойства, так и ставших актуальными только в последнее время.

Из постоянных причин главной следует считать подковерное соперничество Соединенных Штатов с Великобританией. США, как известно, были главным геополитическим оператором, способствующим развалу британской колониальной империи. По завершению Второй Мировой войны все действия американцев были направлены на то, чтобы вытеснить британцев из традиционных регионов присутствия, обвалить аристократические традиционные (как правило, монархические) режимы, принадлежавшие к мировой «англофильской» партии, и заменить их проамериканскими, в которых главными действующими лицами становились молодые офицеры, националистическая буржуазия и т. п.

В принципе, режим Пехлеви, хотя и установился задолго до Второй Мировой войны и являлся по видимости монархическим, относился к проамериканскому, а не англофильскому лагерю. Это был классический путчистский режим выскочки-офицера (отца свергнутого шаха) с реформистскими национал-буржуазными амбициями, который прервал почти двухсотлетнюю традицию особых отношений

Каджаров и возглавляемой ими феодальной знати с британской аристократической верхушкой. Иран при Пехлеви прямо содействовал американскому закреплению в Передней Азии; был ближайшим партнером Израиля, который, напомним, возник вопреки противодействию британских имперских стратегов; занимал враждебную позицию в отношении арабских государств Залива, еще придерживавшихся ориентации на Лондон.

Исламская революция не могла бы состояться технически без поддержки Великобритании и следовавшей за ней в этом вопросе Франции. Два крупнейших деятеля антишахской борьбы — аятолла Хомейни и политический идеолог радикальной исламской молодежи Али Шариати — нашли убежище и условия для работы соответственно во Франции и в Великобритании. (Роль Али Шариати в подготовке революции меньше высвечена для международного общественного сознания, поскольку агентам шахской разведки удалось убить философа в Лондоне за несколько месяцев до начала решающих событий.)

Установление теократического режима в Иране стало крупным геополитическим реваншем Форин-офис в борьбе за влияние с заокеанской империей. В обыденном сознании принято не проводить различий между США и Великобританией как якобы ближайшими союзниками, «гнущими» общую линию. Вопрос о соперничестве, однако, упирается в цивилизационную и генетическую несовместимость элит обеих стран или, точнее, того элитного ядра, которое обеспечивает долгосрочную преемственность имперской стратегии и культурную идентичность правящего слоя. В этом плане традиционное противостояние США и Великобритании едва ли не глубже, чем у Америки с континентальной Европой. С того момента, как теократия в Тегеране негласно восстановила межэлитные контакты с британским истеблишментом, Соединенные Штаты взяли курс на предельно жесткую конфронтацию с этой крупнейшей страной Ближнего Востока.

Лондон был той стороной, которая не позволила Бушу-старшему отыграть на смягчение конфликт, возникший в связи с саддамовским захватом Кувейта. Маргарет Тэтчер настояла на том, чтобы Саддаму не было позволено выполнить резолюции ООН и тем самым избе-

жать вторжения сил коалиции. Саддам, однако, был союзником США, последовательно проводившим вашингтонскую линию. Когда в 2003 году британцы совместно с американскими силами вторглись в Ирак, они оккупировали традиционно шиитский район, где в дальнейшем у них практически не было проблем с освободительным движением, наносившим чувствительные удары по американцам. Фактически британский союзник организовал легитимную протекцию шиитскому анклаву в Ираке, позволив радикальным шиитам политически встать на ноги и превратиться в потенциально ведущую силу иракской государственной идентичности. Такое поведение англичан особенно интересно в свете прошлого, когда во время «Бури в пустыне» американцы беспощадно подавили антисаддамовское шиитское восстание, пойдя даже на возврат Саддаму военнопленных.

Сегодня США остро нуждаются в мировом военном кризисе и готовы идти вплоть до воспроизводства масштабов предыдущих мировых войн, не исключая и контролируемого применения тактического ядерного оружия — разумеется, со своей стороны! Знакомство с военно-политическими традициями американской империи позволяет предположить, что Пентагон будет стремиться минимизировать прямую вовлеченность в конфликт. Цель Соединенных Штатов — вызвать максимальный хаос на территориях Старого Света, спровоцировать по предыдущим историческим образцам войну всех против всех, в которой Вашингтон мог бы выступать арбитром, принимающим непосредственное участие на завершающем этапе.

Такой дестабилизации в современной политической обстановке препятствует наличие двух «удерживающих» факторов: Ирана и России. Это страны, которые, в отличие практически от всех остальных, не заинтересованы в мировых потрясениях и изменении статус-кво. Не заинтересованы же они, прежде всего, потому, что для обеих стран такие потрясения стали бы концом их нынешних режимов, ибо баланс политического ресурса и внутренних проблем и для Москвы, и для Тегерана складывается не в пользу стабильности.

Почти все остальные крупные субъекты Старого Света имеют существенные претензии к своему геополитическому окружению и готовы воспользоваться кризисной обстановкой, чтобы попытаться ко-

ренным образом изменить свой статус. (Так, Япония надеется на крушение современной международной системы соглашений и обязательств, чтобы вернуть себе утраченную в 1945 году самостоятельность и масштаб великой державы; Китай, сидящий в буквальном смысле «на раскаленной сковородке» массового социального недовольства и этнического сепаратизма, готов решать внутренние проблемы путем расширения своего политического влияния, в первую очередь на север и, по возможности, в тихоокеанском направлении; Индия рассчитывает поучаствовать в разгроме своего традиционного соперника — китайской державы; Пакистан видит себя метрополией, доминирующей над Афганистаном и Центральной Азией, заодно поучаствовав совместно с КНР в развале индийской полиэтничной государственности; Саудовская Аравия полагает, что, надежно перехватив первенство в арабском мире у Египта, она способна заменить Иран в статусе региональной сверхдержавы; и т. д. и т. д.)

Препятствием для всех этих устремлений являются иранский и российский суверенитеты, распространяющиеся на громадную территорию и играющие роль своеобразного «флегматизатора» (ингредиент в составе взрывчатки, делающий ее безопасной в обращении). При этом Иран оказывается как бы малой «подпоркой», а Россия — большой, стабильность которой зависит, тем не менее, от сохранности малой. Удар по Ирану и обвал военно-политической и экономической инфраструктуры тегеранского режима должны повлечь, по замыслу американских стратегов, универсализацию внутриисламского конфликта, когда территорию и ресурсы поверженного государства будут делить между собой арабские страны во главе с саудовцами, Пакистан и, возможно, вынашивающий честолюбивые замыслы Узбекистан. Такое положение дел способно поставить Россию, даже тщательно избегающую прямой вовлеченности, на грань катастрофы.

Речь будет идти даже не столько о гуманитарном коллапсе в масштабах огромного перенасыщенного людьми региона, сколько о дискредитации административной системы внутри самой России, что позволит США непосредственно вмешаться в ее внутренние дела. В свою очередь, крушение российского суверенитета вынудило бы Пекин к активному заполнению политического вакуума, возникшего

в Сибири, на Дальнем Востоке, да и в Казахстане. В противном случае неизбежно активизируется борьба уйгурских и тибетских сепаратистов, что при исчезновении российского рынка может привести к социальному взрыву уже в «великоханьских» районах Китая. После этого мировой порядок рухнет по принципу домино при сохранении единственного стержня силы и политической воли — американской империи.

Наиболее серьезный и самый интересный вопрос — зачем Америке это надо. Из всех крупнейших стран Запада (включая Россию—СССР), прошедших путем воспроизведения исторической модели Римской империи — второй, третий... десятый «Рим» и т. д., — США в наибольшей степени следовали и продолжают следовать этой парадигме. Речь идет отнюдь не только о бросающихся в глаза намеренных аллюзиях в государственном устройстве: Сенат, Капитолий и пр. Сама история США «запараллелена» с историей Рима практически в той же последовательности: освобождение от ига «царской власти», покорение варварских племен на собственной территории, рабовладение и внешняя экспансия, гражданская война, утверждение и последующая коррупция республиканских институтов...

Сегодня США вплотную подошли к аналогу «цезаристского» этапа в своей истории, ибо республика не может более выступать инструментом мобилизации человеческих и материальных ресурсов в контексте тех вызовов, которые США бросили миру и которые брошены в ответ им самим. Американское «элитное ядро» вплотную встало перед необходимостью антиреспубликанского и антиконституционного переворота и перехода к харизматической «цезаристской» диктатуре.

Именно для этого Соединенные Штаты нуждаются в создании экстремальной ситуации в мире, оправдывающей столь радикальное изменение общественной системы, которое может стать американской версией «консервативной революции».

Напомним, уже в 30–40-е годы Ф.Д. Рузвельт вплотную подвел страну к порогу цезаризма, на практике осуществляя полномочия если не Юлия Цезаря, то Помпея Великого. Реакцией на это стала конституционная поправка, ограничивающая время президентского правления для одного человека двумя сроками подряд. Сам факт этой

поправки говорит об остроте опасений, имеющихся в политическом классе США. Но ведь они были также и у римского Сената перед утверждением Империи!

Нет сомнений, что такой прогноз покажется необоснованным тем, кто благоговееет перед американской «демократией», возлагая ее самодостаточной сущностью, содержащей в самой себе механизмы собственной защиты. Однако уже в период холодной войны американская элита создала «теневое государство» на случай военного времени. С открытием боевых действий между США и СССР была запланирована приостановка полномочий Сената и Конгресса, перевод в другой формат взаимоотношений штатов и федерального центра, открытие новой параллельной цепи принятия и доведения до исполнителей решений. Иными словами, речь шла о военной диктатуре, причем персоналии, входящие в это заранее подготовленное «теневое государство», были (и остаются) засекречены. (Собственно говоря, римский император первоначально был просто республиканским полководцем, которому вручались на военный период неограниченные полномочия.)

То, что «теневое государство» живо и осуществляет свои операции, не сообразуясь с официальной административной вертикалью, подтверждается недавним инцидентом с бомбардировщиком Б-52, оснащенным ракетами «продвинутый Томагавк» с ядерными боеголовками. Этот самолет перелетел из Северной Дакоты на базу ВВС США Баркдэйл в Луизиане практически через всю территорию США. В стране уже сорок лет действует строжайший запрет на подобного рода перемещения ядерного оружия над американской территорией и есть строго установленный режим безопасности для провоза ядерных боеголовок. Первичное расследование показало, что Министерство обороны и официальное командование ВВС абсолютно не в курсе данной операции. Фактически это означает, что в Соединенных Штатах уже сейчас реально функционирует параллельная власть.

Рок или промысел?

Империя США — непосредственная угроза современному миру

В последнее время в процессе исчерпания психологических ресурсов нынешнего российского режима все активнее так называемыми «правыми» интеллектуалами выдвигается проект будущей империи, которая должна прийти на смену бывшей советской сверхдержаве и жалкому постсоветскому настоящему.

Прошлое России мыслится абсолютно мифологически: как некая смена «империй»! В империи записывается даже Киевская Русь (под № 1). По крайней мере, утешает хотя бы то, что начинают не с венедов. Империя рассматривается как радикальный маневр по выходу из смертельного «штопора», в который сорвалась страна. Само по себе взывание к ней — это заклинание силы, требование, обращенное к могущественной судьбе, наделить Россию сверхъестественным статусом.

Ибо смысл империи только в этом — сверхъестественном превосходстве над профаническими государствами, магическом присутствии неких имманентных сил, которые избавляют очевидно тленные вещи от тления и гибели, превращают обычные механизмы контроля и насилия в своего рода вечный неуязвимый и беспощадный джагернаут.

Империя — если следовать строго духу и букве этого понятия — не укоренена в божественной воле, в санкции неба, как классические монархии древности или христианские королевства феодальной Европы. Это нечто, связанное с землей, с хтоническими силами, с темным титанизмом бунта. Ибо аспект бунта, титанический и героический, обязательно должен присутствовать в подлинной империи. Ее легитимность не обеспечивается конвенциональными категориями Блага; империя всегда в своем генезисе волюнтаристична, всегда по ту сторону добра и зла.

(Кстати, первичное значение латинского слова *impero* — «поднимать целину, вспахивать», поскольку *pergo* означает «лемех»). Поэтому именно творцам бисмарковской империи адресовался возглас Ницше, глубоко эрудированного в классической филологии: «Будьте верными земле, братья мои!»)

Обращение к империи в условиях политкорректной современности имеет даже в лучшем случае некоторый привкус и запах серы; поэтому такое обращение следует рассматривать как крайний ход, на который толкает политическое отчаяние. Нечто вроде знаменитой молитвы дьяволу из стихотворения Федора Сологуба: «И я воззвал: / Отец мой дьявол / Спаси, помилуй / Я тону!»

«Правые» интеллектуалы мечтают заклясть судьбу и победить силы распада, взывая к надзаконной империи национал-державного типа; «левые» интеллектуалы в то же самое время предупреждают об угрозе надвигающегося на мир глобального беззакония, оформленного в виде всемирной империи. Негри пишет о новой легитимности, берущей свои истоки в необходимости «вечной войны во имя вечного мира». (Чуть-чуть напоминает советскую «борьбу за мир», не правда ли?)

Перед глобальным беззаконием, которое в правовом смысле представляет собой зеркальную противоположность «Левиафану» Гоббса, рушатся хилые штатетники правовых и псевдоправовых государств, рушится сам общественный договор. Гоббс утверждал, что люди друг другу волки, непрерывно дерутся между собой за кусок, за скудное выживание в полуголодной пустыне. И вот-де приходит государь, который устанавливает порядок, прекращает свару и строит всех в очередь за куском...

Глобальная империя, по Негри, — это, наоборот, верховная власть, которая организует войну всех со всеми и сама воюет против всех, будучи окончательным арбитром. Полная дегуманизация верховного авторитета! По сравнению с гоббсовским «человек человеку волк» такое положение дел стоит гораздо выше в иерархии беспредельного хищничества: власть всем волкам волк.

Впрочем, с наследственной памятью коллективизации, ГУЛАГа, внешних и внутренних войн для россиян этот тезис вполне органичен.

Однако греза монаха Филофея о Третьем Риме — «вдруг» подхваченная отдельными медиакратами уже в ельцинскую эпоху, а сейчас просто поставленная в повестку дня — заставляет нас еще раз попытаться понять и сущность империи, и ее внутреннюю феноменологию. Что является подлинной империей, а что симулякром? Откуда вообще взялось на земле такое «обустройство» человеческого фактора, как империя?

В качестве преамбулы необходимо отметить, что исчисление Филофея представляется нам спорным даже на момент его жизни, не говоря уже о том, что история решительно опровергла его утверждение, что «четвертому Риму не бывать»!

Филофей, конечно, считал «первым» Рим апостола Петра, христианскую де-факто империю. Но куда деть империю Августа, Нерона, Траяна? Бесспорно, именно она является первой, потому что факт империи внешен по отношению к явлению христианства (не говоря уже о том, что враждебен Христу!)

Далее Филофей почему-то не посчитал Священную Римскую Империю германской нации. Она-то уж точно и наследовала «первому», т. е. западному Риму и была при этом христианской. Филофей о ней якобы забыл (а может, не подозревал о ее существовании?)

Но хватит о Филофее. Вопрос серьезный: сколько было империй, и с чего они начались. Для нас бесспорно, что империя знаменует окончательное утверждение исторического времени, когда осевые ритмы (т. е. судороги, пробегающие одновременно по всем цивилизациям планеты, даже не сообщаящимся между собой) выходят наружу и становятся проявленным отрефлектированным фактом, предъявленным всему человечеству. До этого существовали великие государства архаической древности, но сколько бы они ни подминали под себя племен и правителей, они не становились империями, потому что образовывали метафизическую пирамиду, основание которой было на земле, а вершина упиралась в небо. Правители этих архаичных империй были членами небесного ареопага, своего рода аватарами Рока на земле. А империя вершиной упирается в титана, героя, человекобога. Империя есть титанический вызов, брошенный землей людям небу олимпийцев. И даже когда она существует церковно-

клерикальным образом от имени Неба — это «Небо, сведенное на землю».

Архетипом всех последующих империй (не исключая, с определенными оговорками, и империю Чингизхана) стало великое геополитическое образование, порожденное личностью Александра Македонского. Это еще не империя в полном последующем смысле; однако, подвиг Македонского-Зулькарнайна вводит человечество в эпоху универсализма (если не сказать, протоглобализма) и делает главное, что должна делать империя: превращает соборный человеческий фактор в имманентно «божественный» и создает дискурс, с помощью которого расшифровываются загадочные метафоры ранее герметически закрытых автономных культур. Македонский, объединив Грецию и Иран, Вавилон и Северную Индию, Египет и Предпамирье, создал эллинизм, без которого был бы невозможен модерн, геополитическое проектирование, последующие империи.

Что говорить, современная глобалистская цивилизация с ее потенциалом интерпретировать, связывать и решать — вся вышла из переметной сумы на боку Буцефала, любимого коня Александра.

У его недолговечного создания была одна характеристика, которую последующие империи не воспроизводили: равенство вошедших в него субъектов. Эллада, Иран, Египет — все были одинаковыми строительными элементами новой сверхцивилизации, управлялись диадохами — бывшими полевыми командирами, что позволило им начать борьбу за наследие Македонского, исходя из равных стартовых условий. Именно поэтому то, что сделал Александр, — это еще не вполне империя.

Моделью настоящего неба на земле на все последующие времена стал, разумеется, Рим. Эта машина работает до сих пор, штампуя отписки, которые для всех, претендующих на абсолютную власть по отношению к людям и истории, обладают неотразимой притягательностью. До настоящего времени мы насчитали двенадцать римов, действующих только в Западном полушарии. Это сам Рим (языческий), западный христианский Рим и Византия, упомянутая Римская германская империя Фридриха Бабароссы, Москва Филофея (сомнительно, но согласимся), далее Санкт-Петербургский «Рим» Петра

Первого (явно не то, что понравилось бы Филофею и что он включил бы рамки своего проекта!)... Но после этого, однако, идут «Рим» Лондона — Британская империя, над которой не заходит солнце, и «Рим» Наполеона... Все они отчетливо брали за основу свой западный Рим, воспроизводя зачастую отдельные детали его политического устройства и геральдической символики, чтобы подчеркнуть преемственность. Но к этому же относится и бисмарковско-гитлеровский Берлин (единая конституция и правовая база от 1861 до 1945), который попросту клялся Римом, да и обновленный Рим Муссолини (из песни слова не выкинешь!)

Отдельно в этой же западной обойме стоит золотопогонная сталинская Москва, столь мучительно соблазняющая нынешних ностальгиков возможностью связать воедино через Кремль XVI век с XXI.

И, наконец, всем римам Рим — Соединенные Штаты Америки!

Вот это, по нашему счету, будет двенадцатый Рим — роковой и последний в национально-почвенном смысле перед «глобальной империей» (описанной Негри), которая станет непосредственно империей антихриста — тринадцатой, как ей и положено.

Мы сознательно (хотя и по разным причинам) оставили за скобками данного перечисления империи Чингизхана и Османский халифат.

Первое являлось восточным эхом Рима, точнее, может быть, даже эхом эпопеи Македонского. В отличие от империи западного типа, она не ставила задачи создать новую сверхцивилизацию и тем самым радикально стимулировать максимально обобщенный человеческий ресурс. Ее цель заключалась в обеспечении мирового господства для фамильного клана чингизидов через создание монгольской правящей верхушки во всех завоеванных странах. Цель же западной империи — прежде всего, реорганизация сознания, которая по важности неизмеримо превосходит обеспечение династического наследования. (Поэтому, с династическим наследованием во всех империях дело обстояло очень плохо, не исключая и пример Романовых!)

Что касается второго — османы осуществляли свою геополитическую экспансию, для того чтобы защитить мусульманские народы от повторения крестовых походов, и смысл их проекта был — по крайней мере, в своей восходящей фазе — антиимперский и антизапад-

ный в целом. Поэтому ни этот халифат, ни предшествующие ему халифаты в истории Ислама не подходят под определение империи, также как и не превращаются в традиционные теократические государства архаического прошлого. Это в худшем случае просто продукт бюрократического перерождения первоначальной общины верующих, противостоящих государственной организации языческого общества. В конечном счете, именно бюрократическое перерождение, делавшее исламское общество подобным его противникам, и привело халифаты к краху.

Мы не можем обойти упоминанием неизбежные ссылки критиков на Среднюю империю Китая и Японскую империю. В случае Китая мы имеем дело с пережитком классической архаики: сакральное государство-храм, в котором «император» — сын неба. Само использование западного понятия «империя» в переводе с китайского есть просто поверхностная адаптация чуждого феномена к привычным штампам. Немного сложнее ситуация с Японией. О том, империя она или нет, вопрос не стоял до революции Мейдзи. После этого началась вестернизация и модернизация японского общества, которая проводилась целиком в интересах западного сообщества, прежде всего, Британской империи. Бесспорно, при этом японцами были заимствованы некоторые имперские технологические атрибуты: мобилизация и реорганизация ресурсов собственного населения, поползновение к колониальной экспансии (Корея, Китай) и т. п. По своим геополитическим соображениям Запад считал нужным официально дать Токио статус «империи». Однако тот факт, что вся недолговечная эпопея имперского проекта на Японских островах была инициирована внешними побудительными силами, полностью лишает возможности историков и аналитиков ввести модернизированное японское государство в сакраментальную «римскую обойму».

Если исходить из признания первичной римской модели основополагающим критерием в определении «имперскости», то неизбежно придется разделить этот феномен на два главных аспекта: символично-метафорический и содержательно-технологический.

О последнем в ходе этого изложения нам случалось уже упоминать. Содержательным стержнем империи является глубинная стиму-

ляция всех пластов и объемов человеческого фактора, для того чтобы заставить его перейти на другой уровень «данничества» (от слов «дань», «данник»). Данники фараона или китайского монарха — это люди, независимо от своего социального статуса, включая рабский, в подавляющей степени предоставленные сами себе. Люди, так сказать, в их натуральном, почти неотчужденном виде.

В империи в обязательном порядке происходит обобществление людей в пользу имперского проекта. Каждый человек как бы «национализируется» или обобществляется как корова, которая до определенного момента мычала сама по себе, а с приходом коллективизации становится социалистической буренкой, работающей на торжество мирового коммунизма! В Римской империи такой «коровой» становился каждый гражданин, ибо само слово «гражданин» уже указывает на национализацию его физического лица.

Сенат и народ Рима, голос народа — глас божий... Эти и другие выражения ясно указывают, что все, кто имел счастье или несчастье быть членом римского народа, тем самым были мобилизованы и призваны на противостояние мировому варварству и защиту *Pax romana* — мира по-римски.

Необходимость в империи возникает тогда, когда с точки зрения всемирного общества его сегментация на ячейки препятствует выделению достаточного количества энергии, чтобы компенсировать последствия энтропии в окружающей среде. Тогда вбрасывается очень специфический проект, при котором все его инсайдеры (римские граждане, носители «бремени белого человека» или участники мирового коммунистического и рабочего движения) обретают сверхчеловеческую силу, становятся причастными к небывалым возможностям. В их сознании происходит фундаментальная трансформация, в результате которой граждане империи — в отличие от варваров и дикарей за ее духовными границами — переживают энтузиазм и способны вершить великие дела. Конечная цель империи — повышение капитализации охваченного ею человеческого ресурса.

Однако, у империи есть и символично-метафорическая сторона, на которой покоится ее мистика. Без этой стороны никакой энтузиазм граждан и, говоря шире, никакая историческая эффективность импе-

рии немислимы. Этот символично-метафорический ряд не является произвольным и не меняется от империи к империи. Он задан римским проектом как некий иероглиф, воспроизведение которого служит паролем для входа в это особое пространство титанизма и триумфа. Соответствие римскому образцу (право на порядковый номер) определяется тем, насколько верно воспроизводится этот иероглиф в новой среде.

Зерном первого Рима был герой Эней, уплывший из-под Трои со своей дружиной. Иными словами, империю должен закладывать исход некоего героя из уже исчерпанного прошлого к иным берегам. (Ну, например, уход Петра Алексеевича из Москвы на берега Балтики или бегство Наполеона из Египта — его личной Трои.) Далее в классическом римском примере должен быть архаический период царей, с которыми ассоциируется некая темная, хотя и традиционная субстанция («олимпизм»), подлежащая преодолению. Последнее же выражается в республиканском периоде — аскетичном, простом, героическом. Это не легендарный субстрат, как цари, но эпос. (Наполеоновское собрание Европы, петровская реформа и т. п.) Затем, когда Апеннины уже собраны в единое пространство под эгидой будущего вечного города, следует вызов враждебного мира. Не каких-то мелких варваров, а глобального образования типа Карфагена (для России — Запад). Период Пунических войн, в ходе которого республика преодолевает свою детскую стадию и становится зрелой и готовой к триумфальному преображению, обязательно завершается гражданской войной, потому что при отражении внешней агрессии поднимаются великие герои, каждый из которых считает себя перевоплощенным Энеем и отождествляет свою личную судьбу с судьбой всего общего дела. Смута ведет в финале к торжеству единственного Цезаря, за которым начинается уже постреспубликанский, собственно имперский период. На этом этапе энтузиазм становится официальным, литургическим и охватывает уже все народы, так или иначе попавшие «под длань»...

Понятно, что примеры более десятка последующих «оттисков» только частично соответствуют этому первозданному иероглифу. Чем меньше сходство, тем мимолетнее и неубедительнее воспроизведение империи. Хотя полного разрыва быть ни в коем случае не должно.

Так в Райхе «Энеем» выступал «приплывший» из Австрии Гитлер (в 1912 он для убедительности даже сплавал в Великобританию и год провел в одном из портовых городов Шотландии!) Роль гражданской войны сыграли конфликт со штурмовиками и «ночь длинных ножей». Имелось и республиканское собрание Апеннин — германские земли Судетов и Силезии, Эльзас-Лотарингия...

Однако из всех этих примеров есть единственный, который воспроизводит иероглиф первого Рима в максимальной приближенности и тем самым получает больше всего прав на то, чтобы считаться его прямым наследником. Сегодня это «двенадцатый Рим», единственная империя, которая имеет Сенат и Конгресс римского образца, находящиеся на Капитолийском холме № 2 в городе Вашингтон, округ Колумбия.

История США практически без изъятий воспроизводит с понятной поправкой архетипическую историю подлинного Рима. Уяснение себе этого факта очень важно, потому что определение того, на каком этапе воспроизводства этого архетипа находится сегодняшняя Америка, позволяет предсказать, — опять же, исходя из римского аналога, — что будет дальше!

В роли Энея выступил Уолтер Рейли, основавший в 1607 году Джеймстаун в Виргинии. Пуритане и квакеры, бежавшие от притеснений британской короны, вытеснили шведов, изгнали голландцев, создали первоначальную территориальную базу. Власть британской короны над этой заморской колонией вполне соответствует легендарной эпохе первых римских царей. Для Георга Третьего, спровоцировавшего американцев своими притеснениями и высокомерием на бунт и сепаратизм, приведший к установлению республики, вполне может служить прототипом Тарквиний Гордый, посягательство которого на честь свободной римлянки привело к восстанию и победе республиканского строя в Древнем Риме.

Затем, подобно тому, как республиканский Рим воевал с племенами, населявшими Италийский полуостров, и консолидировал его земли, получившие независимость американцы вели войну с индейцами, французами, испанцами, выкупая Луизиану, захватывая Флориду и т. д.

Гражданская война в Америке предшествует тому, что можно было бы считать «Пуническими войнами» применительно к истории США,

ибо последними, безусловно, являются две мировых войны, которые США провели против континентальной Европы. (Япония, хотя и играла весьма броскую роль на мировом театре военных действий, по своему значению не могла сравниться с Европой. Соответственно, и нейтрализация Японии — только повод вступить в мировую войну для нейтрализации Европы.)

После «Пунических войн» для США — подобно тому, как это было в свое время для Рима — наступает период всемирной экспансии. Естественно, две тысячи лет назад экспансия Рима осуществлялась в рамках ойкумены в силу тогдашних технических ограничений. Сегодняшняя Америка осуществляет экспансию в планетарном масштабе.

«Постпуническая» экспансия «двенадцатого Рима» происходит на фоне ожесточенного соперничества с советской империей, которую (опять все с теми же поправками и ограничениями) можно приблизительно сравнить с Парфией. Последняя, кстати, также как и СССР, рухнула в результате, прежде всего, внутренних процессов.

Однако главное, что следует уяснить себе по поводу США: сегодня они находятся в предцезаристской фазе. Республиканский конституционный строй исчерпал свой ресурс, который был обеспечен в значительной мере почвенным белым американизмом, одноэтажной Америкой.

Также как и в Риме, гомогенность титульного населения подорвана крупными анклавами афроамериканцев, латиносов, азиатов, которые также претендуют на аналогичную степень «укорененности» в североамериканской почве. Подобно тому, как это было с Римом, растут антиамериканские настроения по всему миру, множатся вызовы геополитического и геостратегического порядков. Ответом на это может быть только переход к постреспубликанской фазе империи. А это значит, что во главе США должен встать соответствующий «Цезарь» или «Август».

Соединенные Штаты давно миновали ту фазу, когда они, подобно раннереспубликанскому Риму, были залогом освобождения от местных царьков и тиранов, цитаделью свободы и надежды на деколонизацию. Сегодня они по примеру классических колониальных государств перешли к экспорту своего суверенитета за пределы национальной территории. На этой стадии развития появление харизматической диктатуры становится неизбежностью, ибо экспорт

суверенитета, не опирающийся на человекобожескую фигуру кесаря, практически невозможен.

Есть и еще один аргумент в пользу неотвратимой «цезаризации» американского политического пространства. Сегодня США — это последнее большое государство, где традиционная сословная буржуазия находится у власти. (В Европе правят аристократические клубные элиты, опирающиеся на организованных люмпенов. В бывших и сохранившихся «соцстранах» люмпены господствуют напрямую.) Именно потому, что американская буржуазия сумела сохранить кастовые черты, в том числе сословный менталитет и этику первого Рима, она нуждается сегодня в неизбираемом харизматическом лидере как гаранте своего выживания во все более бурном море деклассированных элементов, составляющих ныне подавляющее большинство и в Америке, и в мире.

Точно так же в Древнем Риме цезаризм явился как ответ патрициата на растущие притязания городской черни. (Напомним, что феномен люмпенства возник в первом настоящем космополитическом мегаполисе, которым оказался именно Рим, а отнюдь не пресловутый Вавилон, гордившийся уже при Македонском своим миллионным населением. В Вавилоне были шудры, но еще не было люмпенов.)

Для мира это означает, что «холодная» экспансия США (военные базы, лоббистские группы, разведрезидентуры, карманные президенты и т. п.) завершилась, и Вашингтон стоит перед перспективой антиконституционного внутреннего переворота и началом неограниченной «горячей» экспансии, первыми ласточками которой стали Ирак и Афганистан (зона Древней Парфии).

Евразийский материк становится в постреспубликанском проекте важнейшей игровой площадкой, вытесняя важность даже западного полушария, которое могло считаться главнейшим только с изоляционистских позиций наивного республиканизма (доктрина Монро). Впрочем, это и так очевидно, если сравнить удельный вес военных усилий США в Европе и Азии с аналогичными усилиями в Латинской Америке за последние 70 лет.

Ключевая проблема для США сегодня по-прежнему Россия, даже слабая, утратившая самостоятельную мотивацию своей субъектности

и готовая быть сателлитом. Сам факт политического суверенитета Москвы над всей Северной Евразией является препятствием для Вашингтона в разжигании большой евразийской войны «всех против всех», в ходе которой для США существует единственный шанс установить настоящий «мир по-американски», имперский диктат в формате римских кесарей. (Меньшую степень насилия и авторитета современный мир всегда отвергнет.)

Таким образом, США неизбежно должны будут устранить Россию как последнюю техническую помеху в реализации их проекта.

Именно с этим связан контролируемый Вашингтоном провокационный подогрев имперских амбиций некоторых группировок в Москве: заокеанские политтехнологи прекрасно понимают затратность этой темы, ее способность истощать не только материальные ресурсы, но и человеческое терпение. Сегодня невозможно спровоцировать Москву на то, чтобы загнать огромные деньги в оборонный проект типа противодействия СОИ. Но еще можно побудить политический класс России потратиться на безнадежную авантюру вроде какого-нибудь «Третьего Рима».

Предпосылки внутриевропейского конфликта

1

Главнейшие войны, сотрясавшие мир за время письменной и датированной истории, — если не считать великое монгольское завоевание Евразии, — происходили на территории Европы или исходили с европейской территории. Европа на протяжении последних двадцати трех веков — с того момента как Александр Великий положил предел амбициям Ахеменидской державы — является эксклюзивной зоной агрессии и кровопролития. Наиболее масштабная и наиболее кровопролитная фаза европейской истории началась тогда, когда практически весь мир был завоеван и поделен. Тогда европейские державы, сконцентрированные на сравнительно небольшом клочке суши, превратились в скорпионов в банке и с чудовищной яростью бросились уничтожать друг друга.

Объективно не могло случиться так, чтобы такой ситуацией никто не воспользовался. Ею и воспользовались Соединенные Штаты, до начала Первой Мировой войны бывшие чем-то вроде современной Австралии: маргинальная, маловлиятельная страна, находящаяся далеко от мировых центров принятия решений (за океаном!), к тому же вся в долгах (\$5 млрд. государственного долга странам Европы на 1914 год). По окончании войны США были уже великой державой, кредитором, которому Европа была должна \$14 млрд., и президент которой, тогдашний Вудро Вильсон, чем-то напоминавший нынешнего Буша своим узколобым баптистским морализмом, указывал всем и каждому в стилистике карикатурного дяди Сэма, как нужно правильно жить по заповедям Господним.

Европа, конечно, не послушалась, и послала американцев с их заповедями куда подальше. Как результат — вторая война, вдесятеро кровопролитнее предыдущей. Итогом этой внутриевропейской бойни стало превращение дяди Сэма в циклопа, которому океан по колено, и который накрыл бронированным кулаком оккупации не только поверженный Рейх, но и страны-союзницы: Францию, Великобританию,

Голландию, Бельгию... Всю Западную Европу! В Германии, конечно, было хуже всего: «денацификация» превратилась в физический и моральный геноцид германского народа. В американских лагерях для военнопленных от эпидемий, голода и невыносимых условий содержания умерло порядка полутора миллионов молодых немецких мужчин. Германские девушки были превращены в солдатских проституток для GI, а в школах до 60-го года было запрещено упоминать о Гёте, Шиллере, Фихте как об идейных предтечах национал-социализма.

«Горе побежденным!» Однако, далеко не римский юмор был в том, что странам союзницам, принявшим на свои земли американскую армию, приходилось не многим легче. Карточная система, длившаяся в Великобритании и Франции практически столько же, сколько и в СССР, черный рынок, проституция, пьянство и криминал... Американские солдаты развели в послевоенной Европе ужасающую грязь и похабщину, нищету и коррупцию, превратившись тем самым в самый скорбный результат европейского самоуничтожения.

Фактически, Вторая Мировая оказалась войной США против Европы. Европы как принципа, как всемирного центра силы, как цивилизации. Америка превратилась на этом в супердержаву номер один, ее «план Маршалла» был ориентирован на превращение исторического наследия бывшей первой Римской империи в экономическое пространство, в фабрику, где клепают дешевые и качественные товары для американского рынка и чинят американские танки и истребители. (Позднее этим же путем была проведена Япония.) Разумеется, все это стало возможно только с помощью СССР. Вашингтон и Москва давили континент на пару. Иосиф Сталин строго соблюдал обещания, данные в Тегеране и Ялте. Когда его тезка, молодой хорват из бывшего Коминтерна, возглавивший Югославию, предложил помочь греческим коммунистам, ведущим смертный бой с британской оккупацией, то услышал в ответ строгий выговор с характерным акцентом: «Мы обещали Черчиллю, что Греция останется в британской сфере влияния».

2

Естественным образом сложилось так, что оккупированные части Европы ненавидели, соответственно, каждая — своего оккупанта. За-

падная Европа формировалась стихийно как общественная территория антиамериканизма, Восточная Европа стала зоной антисоветизма. Конечно, последний был несколько интенсивнее: США не устраивали таких феерических акций на оккупированных территориях как подавление Берлинского восстания '51-го, Будапештского восстания '56-го, «Пражской весны» '68-го, польской «Солидарности» '80-го.

С другой стороны, советское государство вложило немалый ресурс в развитие «гражданского общества» в Западной Европе, и это «гражданское общество» оказалось по своему содержанию естественным образом антиамериканским. Массовое выступление против размещения американских ракет «Першинг» на европейской почве — только маленький штрих. А бесчисленные врачи без границ и матери за мир, возникшие именно в ту эпоху, и по сей день составляют наиболее оперативный элемент демократической грибницы альтерглобализма.

После крушения социалистической системы, завершившего холодный период противостояния Старого и Нового светов, образовались две Европы, из которых политтехнологи Евросоюза начали немедленно пытаться вылепить одну.

Сегодняшняя Западная Европа — это политэкономическое образование с коллективным ВВП, превосходящим американский, сравнимым уровнем высоких технологий и тяжелым комплексом страшного поражения, внутри которого медленно зреет понимание того, что это не «взбесившаяся» Германия была разбита, а «коричневая чума XX в.» остановлена, но что вся она, Европа, была разбита и поставлена на колени неевропейскими силами впервые в своей истории. Америка и Советский Союз сделали с гордой цивилизацией самого организованного воинства во всем человечестве то, что Карфаген не смог сделать с Римом, а Иранская держава с Элладой.

Вот это новое понимание является внутренним стимулом, побуждающим западно-европейскую часть человечества к тому, чтобы встать с колен и с чистого листа приступить к восстановлению мирового господства — главной цели, которая всегда являлась смысловым мотивом всей европейской истории.

В этой ситуации у Западной Европы оказываются два политических класса, две группировки, влияющие на выработку главнейших решений.

Эти группировки противостоят друг другу и имеют противоположные политические интересы. Первой группировкой оказываются выборные политики, репрезентативные фигуры представительной демократии. Этот класс деятелей следует признать в целом «пятой колонной» американизма, вашингтонским лобби, которое при нынешних раскладах будет отчаянно бороться за сохранение подчиненного положения Европы по отношению к США под видом союза и партнерства с ними.

Этот тезис нуждается в некотором раскрытии. Существует широко распространенный миф, что Европа в целом (а особенно, почему-то, Великобритания!) является родиной демократии. Сначала, конечно, упоминается Эллада с ее полисами, Римский сенат и «*vox populi*», затем magna carta и парламент, да и прочие несуразные, к делу не относящиеся вещи...

До 1920-го Европа была феодально-монархической, кастовой цивилизацией. Социальные подвижки, вызванные Великой войной и провоцирующей притягательностью советского большевизма, Ортега-и-Гассет назвал «восстанием масс». Но настоящее включение низов в политэкономическую трансформацию континента было осуществлено только через прямое американское вмешательство, шедшее от фальсификации всеитальянского референдума о судьбе монархии до насильственного акционирования крупнейших семейных бизнесов Европы. (Кстати, ТНК — это хитроумный ответ Старого света на американский демонтаж европейской элитной буржуазии.)

Разумеется, импорт демократии на европейскую землю был для американцев не только реализацией долгожданной религиозной миссии, но и оружием разрушения европейской цивилизации, превращения последней в экономическое пространство, приспособленное под глобальные нужды новой всемирной империи, «сияющего города на холме». В '45-м году это было точно так же, как в 2003-м в Ираке: шизофреническое сознание, которое рассматривает импортируемую с помощью безграничного насилия демократию как религиозную сверхценность и одновременно как инструмент уничтожения духовной суверенности противника.

Суть в том, что политики Европы, приходящие к власти в результате выборов на всех уровнях, — от национального до муниципально-

го, — являются порождением ситуации, сложившейся в западной части континента после его оккупации и переустройства американскими политтехнологами. Почвенная, голосующая по нынешней модели Европа — это креация Вашингтона. С ее объединением, с возвратом цивилизационного интегризма у класса политиков будет в буквальном смысле выбита почва из-под ног.

Противоположную роль играет европейская бюрократия, точнее, та ее часть, которая стремится формировать международные бюрократические институты, обслуживающие Евросоюз. Эта элитная бюрократия стремится к полной эмансипации от выборных и ротируемых политиков, от местных органов самоуправления, в конечном счете, от национальных суверенитетов. Европарламент и бесчисленные комиссии при нем, фонды и институты, центры планирования и т. п. в идеале не должны быть подотчетны никому. Путь к этому — евросоюзная империя, опутавшая весь мир сетями ТНК и неправительственных организаций, управляемых клубной элитой, для которой международная европейская бюрократия — естественный друг и союзник. (Клерки и писцы в канцеляриях знатных господ.)

Таким образом, западно-европейская бюрократия по своим политическим интересам занимает антиамериканскую позицию, что делает ее как класс врагом профессиональных политиков, сохраняющих, кстати говоря, в силу электоральной логики определенный элемент персонализма, который вообще-то после '45-го года повсюду в мире представляет собой важную мишень для нападок.

Противостояние этих двух классов на политической сцене Европы можно ежедневно наблюдать в форме антикоррупционных кампаний и скандалов, которые то политики инициируют против бюрократов, то бюрократы — против политиков и их партий.

3

Ситуация, сложившаяся в зоне бывшей конфронтации между НАТО и Варшавским договором после 1991 года, некоторыми чертами напоминает политический расклад в эпоху после Первой Мировой войны. Тогда рядом с коалицией великих держав, воевавших против Тройст-

венного союза (Германии, Австро-Венгрии и Османского халифата), возник аналогичный антигерманский союз новых национальных государственных образований, в которые преобразовались осколки Австро-Венгрии и Османской империи. По аналогии с коалицией держав-победительниц («большой» Антантой) это новое образование стали именовать «малой» Антантой. К ней присоединились Польша и три прибалтийских государства, политический генезис которых связан с выпадением бывшей Российской империи из обоймы держав-победительниц благодаря антивоенной большевистской революции. Таким образом, новая Советская Россия превратилась в противника коалиции, ради которой Николай II погубил на Восточном фронте шесть миллионов своих подданных и, соответственно, красная Москва стала поддерживать проигравшую сторону, а именно угнетенную людоедским Версальским договором Германию.

Сложились две Антанты. «Малая» стала санитарным кордоном, изолирующим Советскую Россию, и вплоть до середины '30-х годов попала под руководство Англии, Франции и, в меньшей степени, США.

Именно этот период сформировал базовое самоощущение и, так сказать, политико-цивилизационную самоидентификацию у всех этих стран, протянувшихся между Адриатическим и Балтийским морями. Характерной чертой их обществ была традиционная маргинальность, зависимость от иностранного владычества — турецкого, австрийского или российского, смотря по обстоятельствам, комплекс неполноценности по отношению к центрам европейской цивилизации, к которой они себя причисляли, повышенная враждебность по отношению к «Востоку», с которым ассоциировалась отсталость, полицейский бюрократический гнет и неприятие буржуазно-либеральных ценностей, которые в какой-нибудь Праге или Бухаресте воспринимались гораздо серьезнее и пафоснее, чем, например, в том же Париже.

Вот этот набор черт политической психологии определяет первичную физиономию Восточной Европы, ее, так сказать, бессознательное кредо.

С середины 30-х в «малой» Антанте стали побеждать германское и, в меньшей степени, итальянское влияния. Даже в традиционно германофобской Польше рейтинг национал-социалистского режима стоял очень высоко.

Это было связано со стремительной люмпенизацией восточно-европейских обществ, с компенсаторным ростом этнического популизма, возможно, с исторической памятью о военно-духовной доминании тевтонов. Так или иначе, практически вся «малая» Антанта была включена в непосредственную сателлитную орбиту Берлина. Что произошло с Восточной Европой в ходе тяжелейшей, кровопролитнейшей битвы, которая прокатилась через эти страны с Востока на Запад, завершившись концом германского мира, бывшего, несомненно, для них миром господ, и приходом на место войск СС отрядов НКВД и советской бюрократии? Произошел опаснейший поворот в коллективной психологии восточноевропейцев, благодаря чему они стали миной замедленного действия, ожидающей хозяина, который сможет использовать ее в Третьем мировом конфликте!

На глазах чехов, словаков, поляков, румын и пр. была развенчана «солнечная легенда» о германском хозяине. Швабы и силезцы были изгнаны со своих земель пинками, поляки не отставали от советской армии в издевательствах над германскими беженцами. То же самое происходило в Словении, Румынии, на бесчисленных европейских дорогах, ставших свидетелями унижения и заката германизма.

Для восточноевропейцев Германия за десятилетие своего непосредственного присутствия ('35–'44 гг.) стала символом Великой Европы. Вхождение в Советский блок радикально похоронило всю харизму, всю притягательность европеизма в глазах неосоциалистических обществ. Произошла травматическая смена хозяина: с почитаемого, хотя и внушающего страх, на ненавидимого, растоптавшего нежные цветочки малоантантовской буржуазности. Смершевский сапог наступил на горло романтизму простых и честных лавочников и мечтавших о собственном деле официантов. С крушением гордой иллюзии о причастности к европейской цивилизации у бывшего «санитарного кордона» исчезли последние следы хоть какой-нибудь самоидентификации и на их место встал озлобленный маргинализм.

Восточно-европейское общество — о том свидетельствует, кстати говоря, вся его культурно-художественная надстройка: литература, кино и т. п. — стало обществом люмпенов, гораздо более опасных, чем советский люмпениат. У последнего есть характерный для наших

людей brutальный цинизм и агрессивный нигилизм в отношении самой возможности ориентироваться на какие-то ценности. Восточно-европейское общество маскирует зияющую внутреннюю пустоту аффектированным благообразием и свято верит, что общечеловеческие ценности есть. Неевропейские, понятно... Европа пролетела как фанера над Парижем! Родина общемировых ценностей для восточно-европейского обывателя находится за океаном.

Нас, однако, интересует складывающееся сегодня четко обозначенное противостояние Западной Европы, все еще остающейся частью НАТО, и бывшего Варшавского блока, который сегодня превратился в «троянского коня» американцев внутри европейского континента. Варшавский блок плюс Балтия страстно желает войти в НАТО. На первый взгляд, это ничем не противоречит имеющей место европейской ситуации и соответствует тенденции Евросоюза включить те же самые страны в свой состав.

Но это только видимость. После конца организованного противостояния двух «лагерей» и прекращения действия Варшавского договора НАТО стало исключительно инструментом американской оккупации Европы, продолжающегося военного господства Вашингтона без каких-либо внешних геополитических оправданий, которые раньше существовали в лице Москвы.

Сегодня вступление в НАТО со стороны Польши или Чехии означает только присоединение к факту этого иноземного господства над Европой, предоставление себя в распоряжение американцев.

А вот «встречная» инициатива ЕС имеет противоположный смысл: евросоюзная бюрократия хочет проникнуть в восточно-европейские страны **политически**.

Дело в том, что, как и в СНГ, в странах Варшавского договора политическим наследником постсоциалистической эпохи стали номенклатуры, выращенные Москвой. По своей сути это были диссидентские номенклатуры, контролировавшиеся только прямым комитетским надзором. Главной мечтой рядового бюрократа из братской соцстраны было служить американцам. Сегодня эта мечта в полной мере реализовалась. Но есть одна проблема: бюрократия «с той стороны» — как мы говорили выше — имеет антиамериканские

корпоративные интересы. Интеграция Восточной Европы в Евросоюз грозит демонтажем всей корпоративной инфраструктуры, сложившейся за период советского господства.

Почему это так важно для номенклатурщика из Братиславы или Будапешта? Потому что бывший пояс спутников СССР снова превращается в «санитарный кордон» малой Антанты, но уже строго в интересах США. Этот кордон отделяет нефтегазовое сырье России от западно-европейского потребителя. В «спокойное» время это кусок хлеба с толстым слоем масла для восточноевропейского номенклатурщика. В период же кризиса Восточная Европа становится энергетической удавкой, наброшенной на горло Евросоюза, буде он дерзнет встать с колен и сделать шаг к самоопределению.

4

Противостояние между Западной и Восточной Европами перерастает в вооруженный конфликт при условии крушения политического суверенитета Москвы. Как бы ничтожно не было в настоящий момент реальное содержание этого суверенитета, сохранение России как «юрлица» на географической карте пока что является формальным препятствием для массы тенденций, грозящих выйти наружу, как только будет объявлено, что «король голый!»

В тот момент, когда Соединенные Штаты, следуя неумолимой геополитической логике, окажутся перед необходимостью довершить разгром России, начатый поражением СССР на стадии холодной войны, им понадобятся военные усилия восточноевропейцев, направленные против бывшей «большой» Антанты.

Почему такая необходимость возникнет у американских стратегов? В первую очередь, потому что ликвидация российского «юрлица», в компетенцию которого входит контроль над нефтегазовой добычей и проводкой этого сырья в Западную Европу, поставит последнюю в предельно кризисную ситуацию. В этих условиях Евросоюз может пойти на прямое политическое и даже военное вмешательство в российскую ситуацию либо с целью поддержать распадающийся режим, либо, что для США гораздо опаснее, пытаясь привести в Москве к власти ту часть по-

литических аутсайдеров нынешнего времени, которые могли бы гарантировать западноевропейцам энергетическую безопасность.

Именно для того, чтобы предотвратить поддержку Евросоюзом политической целостности и суверенитета России, Вашингтону понадобится антиевропейский демарш «малой» Антанты!

Не следует забывать при этом, что в сердце Европы все еще квартированы американские войска. Порядочный контингент GI все еще остается на берегах Рейна. Есть американцы и в Великобритании, и в странах Бенилюкса, и в Италии... Эти силы будут использованы для захвата ключевых узлов европейской оборонительной инфраструктуры, ареста или ликвидации правительственных чиновников, срыва оборонительных мероприятий по отражению агрессии «малой» Антанты. Фактически это будет извращенная пародия на сценарий превентивного советского удара, которым те же американцы сорок лет «кошмарили» европейскую публику. Этот сценарий — практически чистое «фэнтези» во времена Хрущева и Брежнева — становится ощутимой явью при условии окончательного исчезновения евразийской державы. По логике американцев это должна быть третья финальная война США против Европы, которая ведется по образцу предыдущих двух: за счет американского паразитирования на внутриевропейском цивилизационном надломе.

В этих условиях крайне интересна стратегическая ситуация Франции. Благодаря консервативному национализму президента де Голля, опиравшегося на свои тайные связи со Сталиным и Хрущевым, Франция выкинула со своей земли американских «союзников» и военные структуры НАТО, покинув этот блок. Штаб-квартира НАТО была вынуждена перебраться из Парижа в Брюссель.

Мало того, используя статус постоянного члена Совбеза ООН, принадлежащий ей как стране-победительнице и, опять же, тайную поддержку СССР, Франция инициировала собственную программу по созданию ядерных вооружений. В результате, это единственная европейская страна, обладающая сегодня ядерной триадой по аналогии со сверхдержавами: атомные подводные лодки-ракетоносцы, баллистические ракеты шахтного базирования и сверхзвуковые бомбардировщики-ракетоносцы, способные нести управляемые ракеты с ядерной БЧ.

У Великобритании есть ракетноносные подводные атомоходы, но проблема в том, что они оснащены американскими «трайдентами», поставляемыми британскому союзнику из-за океана. Хотя боеголовки на них англичане ставят свои, тем не менее, нет гарантий, что эти ракеты взлетят в направлении, не прописанном американо-британскими стратегическими соглашениями. (Вспомним позорные камуфлеты российских подводных ракет на учениях в Северном море в присутствии президента Путина.) Что касается воздушного компонента, Великобритания отказалась от своих стратегических бомбардировщиков «Вулкан» вскоре по завершению конфликта с Аргентиной из-за Фолклэндов. А наземных ракет у англичан никогда не было.

Французская ядерная мощь имеет то неоспоримое преимущество перед британской, что вся она изготовлена французскими руками под французским контролем на французской территории (как в свое время это было принято в СССР).

Самое интересное — это французская стратегическая доктрина. Она предполагает круговую оборону «шестигранника» (так на политическом сленге французы именуют собственную национальную территорию). «Круговая оборона» предполагает, что Франция готова наносить ядерный удар в том направлении, откуда будет исходить угроза ее суверенитету. В отличие от других европейских стран, все еще терпящих на своей земле американский сапог, Франция уже при де Голле вышла из идеологического режима противостояния двух лагерей и объявила о готовности воевать даже в том случае, если противником окажется не Советский Союз, а — страшно сказать! — Соединенные Штаты...

Во времена холодной войны это казалось экзотической позой, обозначающей французскую претензию на великодержавность, которая не укладывается в биполярный мировой порядок. И только теперь вдруг оказалось, что концепция «круговой обороны» может стать более чем уместной.

Есть еще одно забавное свидетельство поразительной французской предусмотрительности. В свое время не очень было понятно, зачем французам шахтные ракеты средней дальности. До серьезных центров в СССР они добить не могли — их радиус ограничен двумя с

половиной тысячами километров. Против американцев — в контексте «круговой обороны» — тем более.

И вот сейчас выясняется, что две дивизии стратегических ядерных сил, располагающих восемнадцатью шахтами на плато Альбион, оказываются как нельзя кстати перед лицом тех проблем, которые могут возникнуть у Евросоюза с восточного направления. Сегодня французские ядерные силы — это единственный зонтик, под которым Европа может спрятаться во время вселенской бури, организуемой неоконсерваторами из Белого дома.

5

Теперь перейдем к наиболее деликатной части. В силу всем известных исторических пертурбаций, объединяющим кодовым названием которых стало «Беловежская пуца», мы имеем теперь две Восточных Европы, а не одну, как в более классические времена. Первая Восточная Европа, как известно, возникла из осколков Австро-Венгрии, царской России и Османской Турции. Вторая очевидно представляет собой продукты распада СССР.

В контексте внутриевропейского конфликта, замешанного на российско-американском столкновении, нас интересует конкретно Украина, Белоруссия, страны Балтии и Грузия. С точки зрения американского стратегического планирования, если страны Варшавского договора должны быть повернуты против своих европейских соседей на Западе, (то, к чему, в общем-то, сорок лет их готовила Москва), то бывшие республики СССР, естественно, представляют собой кулак против России.

Понятно, что сами Соединенные Штаты, даже добившись распада России и политического исчезновения Кремля как центра власти, должны будут каким-то образом вмешаться в процессы, происходящие на построссийской территории, и точно также совершенно понятно, что Пентагон ни за что не захочет задействовать в этом направлении американские наземные силы. В условиях конфликта с бывшими союзниками по НАТО и занятости бывших противников по Варшавскому пакту на Западе американцам для использования остаются только республики СНГ. На Прибалтику очевидно будут возложены операции ме-

стного значения, имеющие целью контроль над северо-западом европейской части России; Грузия — очевидный оператор в интересах США на кавказском направлении. Таким образом, непосредственным обеспечением военного и политического присутствия Вашингтона в Центральной России придется заниматься Украине и Белоруссии.

Белоруссия вполне располагает для этого соответствующим военным потенциалом. Она сохранила эффективный ВПК, основные роды войск. Возможно также, что Минску удалось оставить себе кое-что из советских ядерных арсеналов. Не просматриваются проблемы и в области мобилизационной готовности белорусского народа поддержать «миротворческие операции» на территории большого восточного брата.

Сложнее с Украиной. Украинский народ вряд ли однозначно воспримет новую геополитическую конфигурацию, в которой ему будет отведена роль жандарма в отношении тех, кто до недавнего времени был жандармом для самой Украины. Некоторые увидят в этом, как говорится, «поэтическую справедливость», а для других стимулом может быть решение вопроса с Крымом и с перспективой контроля на Черном море. Ведь в логике расширяющегося вмешательства США в дела стран Старого света их старый союзник Турция неизбежно выпадает из обоймы американских сателлитов хотя бы уже потому, что главным оператором в регионе Малой Азии — Иранского нагорья, по замыслу Вашингтона, должен стать объединенный Курдистан — окруженное ненавистью ближайших соседей нелегитимное образование с тридцатью миллионами конфликтоориентированного населения и неограниченной военной поддержкой Вашингтона.

Анкара в этом случае становится аргументом Евросоюза против «восточников» и все той же Украины. Очевидный аргумент противостояния — судьба Крыма и Черноморья.

В таком контексте миссия Украины на Востоке может представиться не имеющим альтернативы решением. Не в этой ли перспективе формулируется идея о том, что Киев как «мать городов русских» должен сменить Москву в качестве точки сборки для всего постсоветского пространства?

Сценарии развязывания Третьей Мировой войны

Начало XXI столетия стало временем перехода к новому цивилизационному порядку. Так называемый «мировой порядок» — новый или старый — есть более узкое понятие, характеризующее цивилизационный порядок в его отдельных частных проявлениях (геополитический расклад игроков на мировой карте, состояние международного права и т. д.)

«Цивилизационный порядок» определяется фундаментальным соотношением между субъективным и объективным факторами в общечеловеческом масштабе, точнее говоря, это отношение доминирующих форм сознания к обществу и естественной среде на данный момент. «Цивилизационный порядок» сегодняшнего дня — это переход к окончательному утверждению «интеллектуальной экономики» на базе глобального информационного общества. Это предполагает исчезновение явных противоречий, а в перспективе и полное тождество между субъективным и объективным аспектами цивилизации: между виртуальным и реальным, между знаком и предметом, между «означающим» и «означаемым». При информационном обществе проектирование реальных процессов, идущих в мире, окончательно сводится к управлению принципиальными трендами общечеловеческого сознания, исчезает различие между естественным и антропогенным видами сред, открытие физического закона окончательно становится проблемой его формулирования.

Этот переход представляет собой наиболее радикальное изменение смысловых ориентиров за всю историю человечества. Очевидно, что он порождает и сопутствующий кризис как по вертикали цивилизационной перестройки, так и в горизонтальных планах.

Вертикальный срез современного кризиса — это социальная драма глобального общества. После 1945 г. планетарный социум избавляется от структурных сложностей прошлого, так называемых традици-

онных аспектов, связанных с влиянием антропологического фактора на общественное устройство. В первую очередь, это выражается в исчезновении традиционных сословий с присущими им модальностями сознания, разрушении групповых интересов классового и кланового типов и формировании групповых интересов, основанных на случайных конъюнктурных связях.

В горизонтальном аспекте кризис выражается, прежде всего, в ликвидации избыточного количества политических субъектов, выступающих в роли самостоятельных игроков. В оптимуме переход к новой планетарной цивилизации предполагает биполярную схему как с точки зрения социального устройства, так и с геополитических позиций: правящие и управляемые в единой общечеловеческой системе.

Наиболее серьезным препятствием на пути этого перехода в данный момент являются США. В силу исторически сложившихся обстоятельств эта страна получила «блокирующий пакет» в наборе силовых, политических и финансово-экономических «авуаров» современной мировой системы. Кроме этого, она традиционно возглавляется политическим классом, возникшим как контрэлита по отношению к традиционно господствующей верхушке Старого света. Вдобавок, США располагают уникальной географической изоляцией, которую при наличии монополии на воздушно-космический фактор, мощнейших ВМС и всемирной сети военных баз они способны использовать как одностороннее преимущество в противостоянии с остальным миром.

Суть нынешнего конфликта «США — мир» сводится к тому, что на фоне формирования глобальной империи, в которой доминирует сознание информационного (знакового) типа, США остаются национальной империалистической державой старого образца, в которой господствует относительно традиционное сознание, в основе которого лежат символ и аналогия.

Великодержавно мыслящая часть элиты США считает, что конец первого десятилетия текущего века — оптимальное время и вместе с тем последний шанс, для того чтобы изменить динамику системной эволюции планетарного общества в свою пользу и навязать национально избираемую администрацию Вашингтона остальному миру в качестве единственного арбитра.

I. Приоритеты вызовов, угрожающих гегемонии США, по оценке американских стратегов

Основа американских геополитических технологий — стратегий, состоит в переосмыслении и использовании исторического опыта как своего, так и западных империалистических держав предшествующих периодов. В последнем случае речь идет о практике экспорта своего национального суверенитета на чужие территории. Для колониальных империй прошлого этот экспорт выражался в прямом присоединении к короне новооткрытых или отвоеванных у соперников территорий с их населением, где устанавливались соответствующие законодательные и административные практики. США применяют этот опыт в виде принятия американских национальных законов, «позволяющих» Вашингтонской администрации вмешиваться во внутренние дела иностранных государств, заводить уголовные дела по преступлениям, совершенным на чужой территории, вмешиваться в иностранные фискальные системы, проводя расследования экономических нарушений, не подпадающих под американскую юрисдикцию, похищать иностранных граждан из других государств для суда и наказания на территории США. Предельными шагами в этом направлении стали легитимизация права США на физическое уничтожение иностранных лидеров, а также создание тайной международной сети тюрем для лиц, считающихся противниками Америки.

Помимо этого США активно используют собственный опыт участия в двух мировых войнах, заключающийся в том, чтобы по возможности воевать чужими руками, ограничиваясь ролью арбитра и источника материально-технического и финансового снабжения воюющих сторон, вмешиваясь в боевые действия лишь на последнем этапе. Когда воздерживаться от прямого участия в войне невозможно, Соединенные Штаты стремятся создавать и возглавлять широкие коалиции для того, чтобы легитимизировать свои действия де-факто даже при отсутствии формальных санкций существующих международных организаций.

Наконец, главной целью всех американских стратегий является выявление возможных альтернативных Америке центров силы и разработка сценариев их нейтрализации.

В этой связи американцы выстроили иерархию приоритетных вызовов, которые угрожают или в ближайшее время будут угрожать монополярному положению в мире американского национал-империализма.

1. **ЕВРОПА.** На протяжении всей истории США Европа, лидируемая Великобританией, представляла собой главный цивилизационный вызов великодержавному Вашингтону. В 1945 г. США добились решающей нейтрализации европейской угрозы, оккупировав практически всю западную часть континента и сведя его геополитическую роль к статусу административного и экономического придатка США. Однако уход с политической сцены СССР, который был главным оправданием военного присутствия США в Европе, независимое экономическое и технологическое развитие, поставившее ЕС вровень с Америкой, наконец, приход нового поколения европоцентристски мыслящих политиков поставили под вопрос сохранение американской доминанции в этой части мира. Поэтому, одна из первоочередных задач — радикальная дестабилизация и нейтрализация европейского континента, который грозит превратиться в ядро формирующейся в мире глобальной системы.

2. **РОССИЯ.** Несмотря на поражение СССР в холодной войне и фактическое проникновение американского контроля во все стратегически значимые сферы государственной деятельности правопреемницы СССР — Российской Федерации, политическое руководство США убеждено, что процесс демонтажа бывшей сверхдержавы далек от завершения. Россия сохраняет ядерный потенциал, способный нанести Америке неприемлемый ущерб, само ее физическое существование на огромной территории от Балтийского моря до Тихого океана является препятствием для американского проекта по развязыванию множества дестабилизирующих конфликтов по всей территории Евразии. Кроме того, социально-политический феномен России непредсказуем и неконтролируем до конца в силу своей масштабности и многомерности, переплетения общеевразийских связей и интересов. Поэтому путь к развязыванию Третьей Мировой войны, с точки зрения Вашингтона, неизбежно проходит через упразднение российского суверенитета.

3. **КИТАЙ.** Со второй половины XIX века эта страна стала объектом колониального давления со стороны Великобритании, европей-

ских государств и Российской империи, что автоматически толкнуло ее в орбиту американского влияния. Китайская революция 1911 г., Гоминьдан, а позднее конфликт с СССР сделали Китай скрытым фактором американской игры в восточной части Евразии. Тем не менее, сам масштаб китайской державы, растущий доступ к новейшим технологиям, монополизация в рамках китайской экономики мирового товарного производства являются вызовом для США в среднесрочной перспективе. Поэтому США уже сегодня планируют серию внешних и внутренних кризисов, которые должны будут ликвидировать территориальную целостность и суверенитет Китая после того, как он сыграет отведенную ему роль на начальном этапе развязывания Третьей Мировой войны.

4. ИНДИЯ. Эта крупнейшая «азиатская демократия», получившая при скрытой поддержке Великобритании доступ к ядерному оружию, опережающая соперничающий с ней Китай в ряде чувствительных технологических направлений и контролирующая водное пространство между Атлантическим и Тихим океанами, находится в орбите политического влияния британских и европейских элит, являясь, таким образом, в перспективе ресурсом глобальной системы. Один этот факт делает существование «великой Индии» опасным и неприемлемым в контексте американского стратегического планирования. Пентагон рассматривает Индию как один из инструментов нейтрализации Китая в ходе обоюдно разрушительного конфликта.

5. ИСЛАМСКИЙ МИР. Это около шестидесяти стран, входящих в организацию Исламская конференция, где мусульмане составляют большинство или значительную часть населения. Так называемые «мусульманские» страны характеризуются коррумпированностью и неэффективностью своих национальных администраций, слабостью инфраструктуры, сырьевой ориентацией экономик, отсутствием самостоятельной технологической базы, что в результате превращает эти государства в слабое уязвимое «подбрюшье» Старого света, на чьей территории легко организовать и развязать кровопролитные конфликты с далеко идущими последствиями, затрагивающими другие регионы мира. При этом главную опасность для США в Исламском мире представляет именно человеческий фактор — четвертая

часть населения Земли, объединенная на общей религиозно-политической и этико-правовой платформе, которая обладает наибольшим потенциалом сопротивления «промывке мозгов». По оценке американских стратегов, эта религиозно-политическая общность может генерировать при определенных обстоятельствах ежегодно миллионы молодых пассионариев воинского типа, способных питать мировую герилью. Главной технологией для нейтрализации этого потенциала американцы считают создание максимального числа внутренних конфронтаций по религиозно-сектантскому и этноязыковому признакам.

6. ЮЖНАЯ АМЕРИКА. Со времен «доктрины Монро» эта зона определена как «внутренний двор» США, где, опираясь на сеть «банановых республик», возникших после ухода испанской и португальской метрополий, Вашингтон имеет возможность проводить бесконтрольную грабительскую политику, основанную на монетаризме и сырьевой эксплуатации. Главной проблемой здесь является непримиримая оппозиция (восходящая корнями еще в старую Европу) англосаксонского и латинского начал, осложненная в этом регионе добавлением к латинскому еще и мощного индейского фактора. Человеческое пространство Южной Америки, в конечном счете, сложилось вокруг антиамериканского этического импульса, который находится в основе идеологии боливаризма во всех его разновидностях. Это спектр простирается от колумбийских наркокартелей до бразильской теологии освобождения. Парадоксальным образом американским стратегам в наименьшей степени удалось разработать эффективное решение для нейтрализации «грингофобского» пространства к югу от Рио-Гранде, о чем свидетельствует интенсивность оппозиционного движения в наиболее близкой и контролируемой Вашингтоном Мексике, а также превращение распространяющегося в Латинской Америке протестантизма вопреки всем расчетам американских политтехнологов в новый антиамериканский фактор.

7. ЯПОНИЯ. С точки зрения США, она при всей своей экономической значимости является одним из наименее опасных вызовов американской великодержавности в силу прямого военно-политического контроля США как над политическим режимом, так и над собственно

территорией. Фактически, уровень этого контроля существенно не изменился со времен генерала Мак-Артура. Тем не менее, в 1945 г. США под давлением британского союзника были вынуждены сохранить японский императорский дом (Императора первоначально предполагалось судить и казнить как военного преступника, а в стране установить республику). Японская монархия после революции Мэйдзи вошла в мировой клуб сверхэлит, выступающий главным разработчиком глобальной системы; таким образом, на уровне символов Япония продолжает оставаться противником американского проекта, что и выражается в фактической неурегулированности «мирных» межгосударственных отношений между Токио и Вашингтоном.

Американские стратеги рассчитывают использовать традиционное межцивилизационное противостояние Японии и Китая в схеме возможного внешнего окружения китайского государства, к которой, возможно, будет подключена также Индия, некоторые государства Юго-Восточной Азии и построссийские образования на территории Сибири и Дальнего Востока.

II. Сценарии развязывания региональных конфликтов в целях нейтрализации возможных вызовов в адрес американской гегемонии

Американский проект большой европейской войны

Специфика обстановки в современной Европе характеризуется глубоким административным дуализмом, возникшим в результате сочетания на одной территории двух взаимоисключающих проектов, каждый из которых имеет свои инициативные и лоббистские группы политических сторонников, бюрократические корпорации и правовые базы. Речь идет о старом проекте Североатлантического договора (НАТО) и о новом проекте Европейского Союза. Первый из них является формой закрепления американской оккупации Европы с превращением последней в военно-политический придаток США. Вооруженные силы НАТО при этом являются оперативным подразделением армии США.

Второй же проект — ЕС — прямо противоположен первому. Это организация Европы без США, с независимой от доллара региональной валютой, которая превращается в возможную альтернативу доллару как мировая расчетная единица. ЕС — это Европа, пробудившаяся к политической независимости, стремящаяся вернуть себе статус организатора мировой цивилизации. При этом появление ЕС резко повышает особую значимость и статус Великобритании, которая превращается в посредника между США и Европой, являясь одновременно как бы продолжением и Вашингтона (как часть англосаксонского мира), и Европы (как член ЕС). Кроме того, Великобритания, сохранив национальную валюту, играющую роль расчетной единицы в британском содружестве наций, становится возможным выгодополучателем как при сценарии краха доллара, так и в случае кризиса евро. Положение осложняется, с точки зрения США, еще и тем, что Франция оказывается единственной ядерной державой Евросоюза, над ракетно-ядерным мечом которой у Пентагона нет никакого контроля. Ракеты «Трайидент», установленные на британских ядерных подлодках, сделаны в США, а от стратегической авиации Лондон отказался. Париж, в отличие от Соединенного королевства, обладает полномасштабной триадой: баллистические ракеты как морского, так и шахтного базирования плюс ядерные ракеты и бомбы на борту стратегических бомбардировщиков «Мираж-4», причем все элементы триады выполнены целиком французским ВПК. Это делает Евросоюз, одним из осевых элементов которого является Франция, совершенно автономной в технологическом отношении ядерной империей, подобной России и намного превосходящей на сегодняшний момент Китай.

После распада Советского Союза и организации стран Варшавского договора Америка стала политическим наследником СССР в роли куратора бывших советских сателлитов в Восточной Европе. Это стало возможным благодаря мощным пятым колоннам, образовавшимся в этих странах за годы советского присутствия. Все элементы сопротивления социализму, зревшие в подконтрольных Москве странах, оказались завязанными на спецслужбы США.

Это позволило превратить бывших союзников Москвы в «троянско-го коня» Америки внутри Евросоюза. По политическим причинам тра-

диционная Западная Европа не могла блокировать прием новых членов в ЕС, однако очень быстро выяснилось, что эти страны, когда-то исторически принадлежавшие к так называемой «малой Антанте» (санитарному кордону против молодой Советской России), хотя и сохранили и даже укрепили свои антироссийские установки, совершенно утратили при этом принцип европейской солидарности, открыто продекларировав лояльность Вашингтону при всех обстоятельствах.

На последнем этапе Соединенные Штаты стали сколачивать из этих стран неформальный военный союз, явно направленный против Западной Европы (Это особенно четко проявилось в разногласиях между Варшавой и Прагой, с одной стороны, и традиционными столицами Евросоюза, с другой, по вопросу о размещении элементов американской ПРО).

К тому же следует учесть и геополитические последствия распада СССР в противоречивом структурировании современной Европы. В результате поражения Москвы в холодной войне к восточноевропейскому пространству добавилось шесть новых европейских государств: Украина, Молдавия, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония. Эти государства, в том числе, как показали последние события, и Белоруссия — обладают высоким потенциалом практической антироссийской направленности.

Таким образом, на территории «большой Европы» образуется фактически три блока, преследующих различные геополитические задачи и подчиняющихся взаимоисключающим геополитическим логикам: «старая» Западная Европа, «новая» Центральная Европа и «новейшая» Восточная Европа. Достаточный исходный материал для того, чтобы взорвать мир на многострадальной европейской земле.

Возможный сценарий развязывания европейской войны выглядит следующим образом. Бывшим членам СНГ, образующим антимосковский «оранжевый» альянс, поручено создать трудности в снабжении Европы российскими газом и нефтью. К этому моменту Соединенные Штаты контролируют морские пути танкерных перевозок углеводородов. В Западной Европе вспыхивает мощный экономический кризис. Поскольку Франция на 80% обеспечивает свои потребности в энергоресурсах за счет сети АС, кризис бьет, в первую оче-

редь, по Германии, до 30% предприятий в этой стране закрываются, миллионы людей оказываются без работы, с беспрецедентной резкостью обозначается конфликт между автохтонным немецким населением и многомиллионной турецкой диаспорой. К власти в Берлине приходят правые националисты, создающие правительство национального спасения. Франко-германская ось оказывается разрушенной, Евросоюз — скомпрометированным, что приводит к обвалу евро. В этих условиях «малая Антанта-2» — Польша, Чехия, Венгрия, Румыния — фактически объявляют войну Германии при прямом подстрекательстве и военной помощи Вашингтона. Это стремительно ведет дело к общеевропейскому конфликту, в результате чего может оказаться, что системы американской ПРО в Чехии и Польше направлены не только против России, но и с не меньшей вероятностью против французского ядерного комплекса.

Как США собираются решать «Проблемы России»

Главной характеристикой современной Российской Федерации, по оценкам американских стратегов, является ее плохая управляемость при огромных территориях. Иными словами, Соединенные Штаты видят в России помеху именно в том аспекте, что семнадцать миллионов квадратных километров, протянувшихся с востока на запад Северной Евразии, объединены под единым государственным суверенитетом. Также как «атомная бомба» Ирана, «плохая управляемость» России — это просто форма обозначения предельного отчуждения американской администрации от данной страны, указание на невозможность мирного решения ее проблемы.

Проблема России состоит в том, что само ее существование в нынешнем виде — причем вне зависимости от политических установок и идеологических ориентаций кремлевского руководства — является блоком (препятствием) на пути целого ряда потенциальных конфликтов, которые могли бы быть развязаны, если бы нынешней России не существовало. В частности, это возможная широкомасштабная авантюра Китая в Сибири и на Дальнем Востоке; это интеграция Цен-

тральной Азии в военную диктатуру, способную бросить вызов Пакистану и Ирану; это, наконец, возможные военные акции Анкары в регионе Причерноморья и т. п. Все эти конфликты востребованы американскими планировщиками как составная часть дестабилизации, открывающей дорогу к реальному мировому господству, но все они не могут состояться, пока феномен Российской Федерации гипнотизирует потенциальных инициаторов конфликтов.

Таким образом, путь США к развязыванию большой войны лежит через ликвидацию России. На этом направлении американская неоконсервативная верхушка намерена, насколько это возможно, избежать прямой военной конфронтации между Москвой и Вашингтоном. Для этого предполагается использовать политический опыт, полученный в период перестройки и развала СССР в сочетании с технологиями окружения РФ через каскад «оранжевых революций» и шантажом российских элит, включая персональный подход к ее отдельным представителям. Ключевым элементом в демонтаже оборонительного предполя РФ должно стать уничтожение нынешнего политического режима в Иране. Разгром Ирана резко облегчит задачу изменения социально-политического пространства в южных республиках СНГ, а также, скорее всего, и в ряде субъектов Российской Федерации со значительным мусульманским населением. Воздушно-космическая операция США против Ирана по американским расчетам должна привести к гуманитарной катастрофе (голод, эпидемии, потоки беженцев, неконтролируемая преступность), масштаб и последствия которой окажутся неожиданными для администраций в соседних с Ираном государствах, включая Россию. Само поражение Ирана — ключевой державы региона — станет прологом к дестабилизации в Центральной Азии, на Северном Кавказе и на собственно российских территориях. После этого главным игроком в российской партии становится группа бывших республик СССР, образующих в настоящее время уже упоминавшуюся Восточную (так называемую «третью») Европу: Украина, Белоруссия, Молдавия, страны Балтии. В отличие от стран бывшего Варшавского договора, агрессия которых будет нацелена на западных соседей, «третья» Европа должна стать сугубо антироссийским инструментом. Порожденные гуманитарной катаст-

рофой в Иране волнения на юге России будут сопровождаться резким обострением отношений с упомянутой группой республик к тому времени уже бывшего СНГ.

На этом фоне американская администрация осуществляет ряд выходов напрямую на ключевые фигуры ряда российских регионов, а также на высокопоставленных армейских военачальников и ответственных работников силовых структур. (Такая тактика применялась в 2003 году для демонтажа саддамовского режима.) Губернаторы получают предложения выйти из подчинения Москве, сопровождающиеся обещаниями военной и политической поддержки США и личной политической карьеры в качестве лидера будущего государства, в которое должен превратиться вверенный данному губернатору субъект федерации. Американские стратеги убеждены, что такая тактика окажется успешной на фоне беспощадного разгрома Ирана и резкого обострения внешнеполитической обстановки по всему периметру российских границ.

Достаточно лишь нескольким из губернаторов пойти на поводу у американской провокации, чтобы это привело к тяжелейшему внутреннему кризису, коллапсу вертикали власти и общему хаосу. На этом фоне американцы предполагают, что дальнейшим шагом должен стать ввод войск Украины, Белоруссии и Балтии на территорию России. Соединенные Штаты, естественно, будут стремиться избежать собственного участия в наземных операциях и полицейском контроле российских территорий. Раздел России произойдет таким образом, чтобы создать к востоку от Урала крупный очаг сопротивления неизбежному китайскому вторжению в Сибирь. Организация сибирско-китайского конфликта станет первым и непосредственным следствием ликвидации суверенитета Москвы и началом полномасштабного распада большой Евразии на воюющие друг с другом региональные группы государств.

Актуальные проблемы мировой Уммы

Специфика глобального информационного поля на сей день определяется ключевым сигнальным словом «Ислам». Это слово написано в мозгу миллиардов людей светящимися буквами, независимо от того, мусульмане эти люди или нет, и более того, даже независимо от их отношения к религии вообще! При этом совершенно не важно, имеет ли эта сигнальность в каждом конкретном случае негативный или позитивный характер, ассоциируется ли у каждого данного «первого встречного» Ислам с терроризмом, борьбой за справедливость или вечной истиной. С чем бы это слово не ассоциировалось, оно энергетически заряжено для всех. Это центральное слово эпохи, пароль нашего времени.

Около двух тысяч лет назад похожим энергетическим зарядом обладало слово «христианство». Последователей Исы (АС) преследовали по всей Римской империи, их обвиняли во всех смертных грехах, в терроризме и аморализме, а также — что характерно — в поджоге главного города тогдашнего мира, Рима (сравни с нью-йоркскими башнями!).

Рим, как теперь каждый знает, сжег сам император Нерон. Надо надеяться, до того момента, когда всем станет точно известно, что Буш тоже сам разнес эти чертовы башни, пройдет все-таки меньше двух тысяч лет, иншаАллах.

«Ислам» потому является центральным ключевым словом в мозгах сегодняшнего населения Земли, что силы Мирового порядка бомбят мусульманские города и убивают повсюду мусульман. При этом все медиа могут трубить о том, что мусульмане — «за все плохое», а Мировой порядок — «за все хорошее», результат этого «трубного гласа» совершенно не тот, что ожидался. На наших глазах происходит своеобразное информационно-психологическое чудо. Вопреки беспри-

мерной всепланетной промывке мозгов в людях — от индейца в джунглях Амазонки до британского профессора в аудитории Оксфорда — укореняется инстинктивное убеждение, что именно Мировой порядок есть зло; стало быть, то, что он преследует, шельмует, поносит и проклинаяет, — это, если и не в буквальном смысле благо (ибо по части позитива трудно угодить и индейцу, и профессору одновременно), то уж, во всяком случае, противоположность злу.

Это общее положение сегодня сконцентрировано в узловой точке противостояния США и Ирана. Данное противостояние есть узел напряженности во всех смыслах, во всех аспектах: медийно-информационном, дипломатическом, военном, геополитическом, геосоциальном, наконец!

Америка повесила над Ираном дамоклов меч своей воздушной атаки. Этот «меч» время от времени утяжеляют, доведывая к нему солидную гирьку, выполненную в виде атомной боеголовки: дескать, будет не просто тотальная бомбежка женщин, детей и стариков под видом персональной охоты за аятоллами (Ирак и Ливан притупили остроту ощущений у прихотливых изуверов); нет, нападение будет ядерным, ибо только это может удовлетворить возмущенное чувство западной справедливости, недопускающее, чтобы кто-то кроме США и, возможно, Великобритании имел право не ползать на четвереньках и не добывать себе огонь трением двух кусочков дерева друг о друга.

Однако же, странное дело: чем больше этот огромный, изо дня в день надраиваемый прессой и слухами меч висит над непокорной страной, тем больше в тонком энергетическом поле «сдуваются» и теряют США, и, соответственно, тем больше румянеет и наливается соком исламский Иран. Такое впечатление, что Америка — это танкер, в чьих трюмах накоплена оккультная энергия, питающая мировую политику, а Иран — терминал, в приемник которого с борта танкера брошена труба. С каждой угрозой, с каждым перемещением авианосных группировок, с каждым прожимом через ООН и ЕС новых санкций, возрастает количество донорски отдаваемых Америкой сил, а Иран зримо превращается во второй полюс политического мира, занимая место бывшего СССР. То есть, по факту отнюдь не Российская Федерация является правопреемником любимой А. Прохановым «Красной империи», куда там! Агония

и конец Совка на политико-дипломатической арене тем омерзительнее и зрелищнее, чем мифологичнее его «сталинские» якобы достижения в ностальгическом прошлом.

Если дело так пойдет, может стать, что никакие разрушения от воздушных налетов американской авиации не компенсируют тех тонких энергетических ресурсов, которые администрация Буша закачает в Иран. Если кому-то кажется, что ресурсы, о которых мы говорим, вещь эфемерная, виртуальная и не сравнимая с материальным убытком или прибытком — пусть разуверится. На одну копейку «субтильных денег» можно снести и заново отстроить целый бетонный Манхэттен.

В этой связи — то есть после того, как мы обозначили незавидное (и где-то дурацкое) положение единственной сверхдержавы, которая является субъектом мирового разрушения, и, наоборот, завидное положение Ислама, ставшего объектом этого разрушения, — возникает один вопрос: Ислам как фактор, несомненно, фигурирует в американской стратегии. То есть, США представляют себе, чего в идеале хотели бы добиться, громя мусульман, как эта погромная деятельность повлияет на ситуацию Европы, России, Китая и т. д.

Более того, США планируют расколы и внутренние войны в самом Исламском мире, они ищут и находят себе союзников, а то и просто исполнителей из числа самих мусульман.

А вот, фигурирует ли хоть каким-нибудь образом США в стратегии Ислама, если предположить, что такая стратегия существует?

Очевидно, что США присутствуют в стратегических разработках иранского политического руководства, причем в разных видах и под разными углами зрения. Очевидно также, что иранское руководство знает об описанном нами феномене перекачки тонкой энергии, и политическая вампиризация США является сегодня одним из успешных направлений стратегии Тегерана.

Однако, это не совсем то, о чем мы спрашиваем. Стратегия государства, хотя бы и «исламского», и стратегия Ислама как, прежде всего, *негосударственного* исторического субъекта — не только разные вещи, они могут оказаться в итоге противостоящими друг другу.

На поверхности лежит то, что ближайшим следствием нахождения Ислама в фокусе американского стратегирования является сегодняш-

ний конфликт между шиитами и *ахль ас-Сунна валь-Джамаа*. Американцы курируют этот конфликт на трех основных уровнях. Во-первых, они пытаются выстроить фронт «суннитских государств» во главе с Саудовской Аравией против Ирана (Есть два варианта: «малый» воспроизводит старую саадамовскую схему «арабы против персов»; расширенный подключает к антииранскому блоку Пакистан). Во-вторых, они пытаются развязать образцовую гражданскую войну между суннитами и шиитами в рамках геополитической лаборатории, в которую превратился Ирак. Там они опираются на свои старые кадры профессиональных провокаторов, много лет выращиваемых ЦРУ, которые сегодня позируют от имени суннитов и шиитов, делая ходки поочередно на территории общин и подрывая мечети и базары (иногда, складывается впечатление, что одни и те же люди сначала проводят антишиитский, а потом антисуннитский теракт).

И, наконец, американцы пытаются создавать новые организации и задействовать свежесозданные, привлекая для борьбы с шиитами наиболее маргинальную и наименее вменяемую часть субпассионариев, обычно отравленных еще и национализмом. Наиболее ярким примером последнего служит действующая с территории Пакистана белуджевская организация «ДжундуЛлах», делающая ходки в Иран и ликвидирующая там отдельных зазевавшихся жандармов и пограничников с записью на видео (Кстати, видеозапись может служить надежным показателем агентурной завязанности «террористов» на спецслужбе; вспомним хотя бы пресловутые кассеты с отрезаемыми пальчиками, которые в изобилии записывались так называемыми «чеченскими похитителями людей»).

Итак, налицо два уровня глобального конфликта. Первый — конфликт США с Исламом в целом и Ираном как его конкретным представителем. А второй — конфликт суннитов с шиитами и все с тем же Ираном уже как с представителем собственно шиизма.

В сложившейся геометрической фигуре — «двухуровневом треугольнике», состоящем из США, Ирана и лидеров вооруженных суннитских группировок, занятых антишиитской деятельностью — есть только один член, ведущий внятную, четкую и перспективную политику. Это, разумеется, Иран. Понятно, что иранское руководство не

собирается избегать навязываемой ему американцами силовой конфронтации, как бы асимметрична она не была с военно-технической точки зрения и к каким бы разрушениям и человеческим жертвам с иранской стороны не привела. Все разрушения и пролитая кровь, в конце концов, лягут морально политическим грузом на американцев. Если они применят ядерную бомбу, то может случиться так, что американцев — неважно, туристов или чиновников — начнут убивать повсюду за пределами их национальной территории, от Лондона до Гондураса! Убивать будут простые граждане, а рядом стоящие полицейские — стыдливо отворачиваться. Впрочем, так, как американцы ведут дела, этим может закончиться и без ядерной бомбы...

Но вот политика суннитов совершенно не понятна. Точнее, она предельно недаленовидна и тупикова. Ну, хорошо, ты, положим, салафит, тебя с души воротит от одного взгляда на этих «рафидитов», ты ненавидишь аятолл в их черных сейидских чалмах и кисейных накидках, ты не можешь простить им отсутствие пиетета по отношению к политическим фигурам исламской истории четырнадцативековой давности... Но ведь все это не освобождает тебя (понятно, риторическое местоимение) от необходимости думать и прикидывать!

Девять к одному, что Иран подобно Ливану выдержит американский удар и не развалится. Сколько американцы могут бомбить страну величиной с три Франции и населением как минимум в пол-России, не прибегая при этом к наземной операции, которая для них в Иране просто невозможна? Вся их надежда — пятая колонна; поднимутся-де азербайджанцы и курды, сметут режим и развалят страну. Такая вероятность есть теоретически, но, прямо скажем, небольшая. В Иране действуют не только центробежные, но и центростремительные силы, которые будут подпитаны американской агрессией. В Ираке общинный сепаратизм куда сильнее, а вот до сих пор американцам не удалось эффективно расчленить страну.

Итак, Иран выстоит. При этом уже сегодня для большей части Уммы он превратился во флагмана и в символ сопротивления тагуту. Кого можно поставить не то что рядом, а просто хотя бы на одно с ним поле? Не Саудов же, не Пакистан с его «дозволенной» бомбочкой!

Если бы сунниты сегодня, спрятав в карман свои сектантские эмоции, сплотились против Америки вокруг Ирана, они добились бы этим сразу далеко идущего стратегического эффекта в свою пользу. Во-первых, благодаря своей поддержке они стали бы мощным фактором влияния в пространстве иранской политики. А поскольку последняя становится сегодня узловым пунктом в мировом течении событий, то отсюда следует второй эффект: сунниты, внятно поддерживав Иран и дистанцировавшись от роли инструмента Госдепа США, обрели бы влияние и на мировую политику. Иными словами *ахль ас-Сунна валь-Джамаа* неожиданным для кяфиров блоком с шиитским Ираном смогли бы не только вернуть, но и намного превзойти международный политический вес, приобретенный суннитской частью Уммы в годы сопротивления советскому вторжению в Афганистан.

Достигнутый тогда политический эффект был внутренне противоречив, он включал в себя как мину замедленного действия оперативное взаимодействие со спецслужбами Пакистана, саудовцев и США. Идеологически он позиционировал исламскую «ортодоксию» на стороне ростовщического либерально-рыночного мирового проекта. Поэтому несомненная политическая накачка, полученная Уммой в Афганистане в 80-х гг., была недолговечна и разруливалась и контролировалась не из пещер Торо-Боро или офисов Пешавара, а из Лэнгли.

А вот сейчас политические дивиденды от поддержки Ирана были бы внутренне не противоречивы (Не говоря уже о том, что продемонстрированное фактически единство Уммы поверх сектантских разделений произвело бы на «мировое сообщество» эффект разорвавшейся бомбы!)

Что же произойдет в результате того, что Иран выстоит под американским ударом вопреки декларируемой неприязни, а то и ненависти различных суннитских группировок, антишиитских терактов, диверсионных рейдов в Иран и т. п.? А произойдет вот что: Иран превратится в исламскую сверхдержаву, которая возьмет на себя широчайший спектр политических и дипломатических контактов со всеми антиамериканскими силами — от Бразилии и Китая до ЕС. А сунниты, боровшиеся с Ираном, окажутся на стороне проигравшей Америки и как некий виртуальный субъект внутри Уммы утратят последние осколки политического авторитета и реального влияния.

Предвкушение этого (некая сокращенная репетиция) проявилось во время ливанско-израильской недавней войны, когда стержнем успешного противостояния сионистам выступила «Хизбулла». Уже тогда кое-какие суннитские алимы на раннем этапе израильской агрессии попытались расколоть мусульман и объявить исламское сопротивление на юге Ирана вне закона по сектантским мотивам. Однако, ход боевых действий расставил все по местам, вознес престиж «Хизбуллы», и этих алимов быстро заткнули.

То же, только в стократно бóльшем масштабе произойдет и в результате ирано-американской войны.

Строго говоря, думающим мусульманам жалеть здесь не о чем. Да, так называемые «лидеры» так называемых «суннитов», чья политическая субъектность сегодня пульсирует на берегах Потомака, пролетят, что называется, «как фанера над Парижем». Однако, именно это расчистит политико-идеологическую площадку в среде мировой исламской молодежи для серьезного формирования фундаментального исламского дискурса. Именно того, который сумеет демонтировать по-настоящему засилье клерикальной элиты и среди шиитов, и среди суннитов, и, в конце концов, все-таки объединить Умму на семьдесят третьем пути.

Аллаху Акбар!

Насилие вчера, сегодня, завтра

Как тема насилия стало беспокоить мыслящих людей сравнительно недавно. Английский философ XVII Гоббс, живший в эпоху глубокого политического кризиса и гражданских войн, считал, что людям естественно присуща агрессивность в защите своих непосредственных интересов, как зверям, грызущимся за кусок. Поэтому необходима стоящая над людьми сила, воплощенная в лице монарха, которая превращает это стадо в общество, причем также путем насилия. Уже на этом уровне мы видим различие двух типов насилия: один — на уровне частных индивидуумов, так сказать, в горизонтальной плоскости; другой — исходящий от системы и направленный на подавление инстинктов частных лиц, т. е. проявляющийся в вертикальном измерении.

Маркс считал насилие социально обусловленным и полагал его неизбежным атрибутом присвоения прибавочного продукта эксплуататорским классом. Насилие, порожденное экономической несправедливостью, считали марксисты, должно быть упразднено последним насилием, исходящим снизу, от пролетариата. После того, как пролетарская революция упразднит социальное неравенство, исчезнут причины, порождающие насилие.

В XX веке философы и психологи стали делать акцент на биопсихологической стороне насилия. Они как бы забыли об историческом глобальном аспекте его проявления в виде войн и революций и стали изучать агрессивность клинического типа, мотивированную комплексами, страхами и т. п.

Конрад Лоренс, изучавший поведение животных, разработал теорию бихевиористского насилия, т. е. такого, который порождается поведенческими ситуативными моделями, якобы примерно одинаковыми у людей и животных.

Другой постфрейдистский мыслитель Э. Фромм, пытаясь дистанцироваться от биологизма своих предшественников, полагал, что насилием человек заглушает страх перед сложностью бытия.

У всех этих мыслителей — от Маркса до Фрейда и Фромма — присутствует тенденция к упрощению и снижению представления о насилии, которое, в одном случае, сводится к социальным механизмам, в другом же — к врожденным моделям поведения или последствиям обязательной психической травмы. При этом в последнем случае большинство современных исследователей как бы забывают о том, что существует некий «исторический» масштаб насилия, не пересекающийся с индивидуальными склонностями и характеристиками частных лиц. Этот исторический масштаб нельзя объяснить также и социальными причинами, по крайней мере, исчерпывающим образом. Подавляющее большинство войн, определивших, в конечном счете, лицо мировой цивилизации, невозможно свести ни к борьбе за ресурсы, ни к проблематике производительных сил и общественных отношений.

Насилие признается фундаментальной характеристикой человека во всех сакральных документах метафизической Традиции. Бхагават-гита, Эдды германских племен, Ветхий Завет — все пронизаны темой насилия, поднятого до измерения духовной борьбы, воплощенной на человеческом уровне в кровопролитном конфликте. Евангелие, считающееся благовестием мира и кротости, на самом деле непрерывно повествует о насилии, начиная с избиения Иродом младенцев и кончая судом и распятием Мессии. В Коране ангелы возражают Господу, решившему поставить человека своим наместником на земле: «Поставишь ли Ты на земле того, кто будет грешить и проливать кровь..?»

В конечном счете, позиция современных мыслителей, в свою очередь, может быть признана бегством от проблемы насилия, инстинктивным нежеланием признать, что мы имеем дело с метафизической характеристикой человека, с тем, что присуще «человеческому состоянию» и имеет не психологическую или клиническую, а антропологическую основу.

Насилие имеет метафизическую природу, которая была интуитивно угадана еще древними греками в досократическую эпоху. Гераклит

стал знаменит дошедшей до нас фразой: «Вражда — отец вещей...» Такое наблюдение могло быть выведено только из опыта «человеческого космоса», где, действительно, любой феномен проявляется как следствие действия и противодействия, за которым и стоит неустрашимая тень смертоносного оружия. Трудно прийти к гераклитовскому выводу, рассматривая камни, реки или водопады; в любом случае, по отношению к неживой природе это кажется большой натяжкой.

Естественный природный мир характеризуется как раз минимальностью насилия, да и то сосредоточено в царстве жизни: можно допустить, что насилием является взаимоотношение видов в цепи питания, пожирание акулами селёдок. Однако такое допущение будет грешить этической инфантильностью. В строгом смысле охота кошки на мышь не может иметь отношения ни к насилию, ни к агрессии.

«Отсутствие насилия» и «естественность» в обыденном сознании почти синонимы. Большой космос (или «макрокосм») представляет собой плавную иерархию состояний субстанции, которая от плотного и коагулированного внизу восходит к тонкому, «растворённому», наверху. В традиции эта иерархия обозначается фигурой Великого существа, «сына Земли и Неба», который возводит вверх токи, идущие снизу, от грубых проявлений субстанции, и наоборот, низводит влияние тонких сфер в нижние регионы бытия. Этот механизм взаимодействия между метафизическими «Небом» и «Землей» обозначается кадучеем — жезлом, обвитым двумя змеями, одна из которых сползает вниз, а другая поднимается вверх. В этом «большом космосе» нет насилия, но есть взаимодействие энергетических влияний, уравнивающих друг друга. Макрокосм — царство красоты и гармонии, а Великое существо, его объёмлющее, — бог, выражающий концентрацию всего мыслимого блага и ослепительного света. В некоторых религиозных традициях его называли Аполлон и Ормузд, а до современного Запада память о нем дошла под именем Люцефера или Денницы. Во внутренней диалектике духа то, что было бесспорным благом, стало абсолютным злом.

Проблема микрокосма, т. е. земного человека, в том, что общество как объёмлющий его кокон, позволяющий выжить в условиях враждебной среды, устроено совсем не так гармонично и последователь-

но, как иерархически организованные слои большого космоса. В некотором смысле социум представляет собой радикальную инверсию природы (в противном случае он не смог бы стать механизмом защиты от природного воздействия на беспомощное телесное существо).

В классическом традиционном обществе вверху находится как раз плотный кристаллизованный элемент — личности. Это те, о ком пишут учебники истории: короли и императоры, цезари и вожди. Они являются носителями смысла своей эпохи, в них время становится историей.

Внизу же находятся аморфные массы. В них любой человек исторически необязателен: вместо него мог бы быть другой или же вовсе не быть такого человека. Без сомнения, это состояние анонимной массы является более разреженным, более «жидким» или «субтильным», чем состояние кристаллизованных персон.

Говоря опять-таки о традиционном обществе, мы не можем игнорировать то, что сознание как сфера утверждения собственно человеческого проявляется именно на уровне исторических фигур, на уровне личностей, на уровне знати. Т.е. сознание присуще плотным слоям человеческого космоса.

Массы же аморфные и летучие, переходящие как пыль на ветру, погружены в бессознательное. На практике это выражается в том, что они являются носителями обычаев и адатов, механических клише повседневности, которые не дают им раствориться в ничто.

Такая противоестественная иерархия общества (с точки зрения соответствующей Логосу первичной организации вселенной) уже содержит в себе неизбежность насилия. Если в «большом космосе» мир идей принадлежит тонким планам и последовательно формирует (в буквальном смысле, сообщая принцип формы) нижележащие, все более плотные слои, которые сами по себе формы лишены, то в человеческом пространстве личностное сознание может воздействовать на множественный хаос человеческого низа только путем принуждения, часто кровавого.

Неумолимая поступь истории имеет в своей динамике единый вектор: прогрессирующую мобилизацию человеческого материала. Люди строятся во все более жестко организованное сообщество, в кото-

ром их обратная связь с источником инициативы вверху слабеет, а прямое воздействие на них растет. (Так, например, группа инициативных вождей заложила будущий «вечный город» Рим, потом принудила племена к относительно мягкому сотрудничеству и подчинению. Следующий шаг — сакральная монархия архаического типа. Потом возникла республика, фактически мобилизовавшая все население Апеннин в статусе «гражданина»; наконец, предельная форма мобилизации выразилась в образовании империи, в которой не осталось практически никого вне политического действия Цезаря. При этом Цезарь был все, а массы — ничто.)

Это же определяет и природу войн: хотя на первый взгляд между собой воюют вожди, воплощающие суверенитеты своих народов, в действительности война оказывается средством мобилизации населения, причем не только в военном, но, прежде всего, в культурно-историческом и политическом аспектах. Война ведется за то, чтобы сознание, воплощенное в знати, встало в иные, более оперативные отношения к бессознательному, воплощенному в массе. Бессознательное же в социальном смысле представляет собой «сырое время», еще не получившее смысл и не ставшее историей. Знать отнимает это «сырое время» у народа, превращая его в двоякий капитал: роскошь материального и проявленность духовного.

В эту традиционную эпоху насилие, идущее сверху вниз, имеет «мужской» характер: оно открывает пути социально неизведанного и сопряжено с предельным риском авантюры. Исторические лидеры — наиболее подверженная превратностям категория существ.

В Новое время, благодаря кризису верхов и расслоению знати, часть «личностных кристаллов» — персон, обладающих сознанием — отбрасывается вниз. Они начинают в своей борьбе опираться на тех, кого недавно подавляли. Сознание, таким образом, приходит в массы и из проектного становится протестным. Тем самым создается встречный вектор насилия: снизу вверх. Изначально он не может иметь никакого иного оформления, кроме религиозного (в противоположность метафизической и языческой природе насилия, идущего сверху вниз).

В итоге последние этапы мировой истории характеризуются не борьбой сознания против инертного бессознательного (хотя элементы

этого никогда вполне не исчезают), но противостоянием двух типов сознания. Это приводит к тому, что в современном социуме насилие становится универсальным и повседневным, а позиция «верхов» (да и сами «верхи») коренным образом перерождается. Вместо риска и авантюры их заботой становится сохранение статус-кво, преэминентность и безопасность. Таким образом, насилие «верхов» становится «женским», вырождаясь в бюрократический контроль и полицейскую brutальность. Протестная агрессия снизу, напротив, приобретает мужской характер.

Ближайшее будущее неизбежно сопряжено с ростом обоюдного встречного насилия, под действием которого будут распадаться ложные культурные бренды, фиктивные общности и изжившие себя суверенитеты. В перспективе человечество ждет растягивающаяся на многие поколения гражданская война между глобализмом сверху и глобализмом снизу. В этих условиях понятие «коллективного бессознательного», скорее всего, окажется устаревшим.

Генезис политического насилия в современном мире

Одно из наиболее частотных слов, употребляемых в постсоветской России — это гламурно звучащий термин «элита». Строго говоря, он означает «избранные». Однако, в традиционном обществе еще сравнительно недавнего прошлого господствующие классы отнюдь не были «элитой». Аристократии и даже крупной буржуазии власть принадлежала по праву рождения. Социальное происхождение было тесно связано с особым качеством личности, обладавшей превосходством над другими «от Бога».

Проблема насилия в тогдашнем обществе также стояла иначе, чем теперь. Вопрос о легитимности насилия со стороны монархического истеблишмента по отношению к «вилланам» («подлому сословию») не обсуждался: Богом данное право было совершенно очевидно в традиционной сакральной перспективе. Не ставился также отдельный вопрос о нелегитимности бунта против монарха: для его подавления не нужно было квалифицировать силы бунтовщиков как «незаконные вооруженные формирования».

Насилие тогда было очевидным, прозрачным и концентрированным по месту и времени.

Размытым и вездесущим, при этом сопровождающимся большим количеством юридического и медийного словоблудия, оно становится лишь с выходом на авансцену истории новой группы влияния, к которой, собственно, и относится представление об «избранности». Таким образом, «элита» как новая социополитическая реальность и современное насилие теснейшим образом связаны между собой.

«Элита» есть не что иное, как политически оформленный Либеральный клуб, взятый в самом широком аспекте. Во Франции XVIII века этот клуб начинается с декадентских аристократических салонов,

куда проникают Руссо, Вольтеры и иная околосаксонская публика разночинного происхождения. Дальнейшее развитие этот клуб получает в революцию 1789 года: адвокаты, торговцы и деклассированные дворяне, рубящие головы представителям традиционного истеблишмента, — это его радикально левое крыло (в те времена), Директория — правое.

В Америке Либеральный клуб уже в XIX веке фактически стал ведущей политической силой, взявшей под свой контроль государство после гражданской войны 1861–65 гг. Именно в Штатах складывается корпус либеральной элиты в ее нынешнем понимании: адвокаты, крупные частнопрактикующие врачи, удачливые мошенники, верхушка интеллектуальной и художественной богемы (в частности, Ральф Эмерсон и другие представители раннего американского романтизма) и прочая подобная публика. Они — а вовсе не представители англо-саксонского протестантского капитала — оформляют мировоззрение американского экспансионизма, замешанного на смеси прагматизма, билля о правах и геополитического мессианства.

В Европе Либеральный клуб полномасштабно прорывается к управлению после Второй Мировой войны. За этим следует фундаментальное перерождение классических европейских «демократий». Если в прошлом политические партии, участвовавшие в парламентской борьбе, были авангардами реальных сословий и отражали в своих дискурсах их интересы, то в новых условиях эти партии становятся просто подразделениями Либерального клуба, которые только имитируют соответствующие дискурсы, формируют бренды, условно связываемые с теми или иными потребностями социальных групп. Парламентское представительство становится виртуальным, публичная политика превращается в театр.

Предвосхищая эту эпоху (а точнее, уже с конца XIX века), насилие и все, что с ним связано, становится излюбленной темой Либерального клуба. Оно разрабатывается в антропологическом и клиническом аспектах (психиатрия в лице таких «новаторов» как Ломброзо и Фрейд с их последователями до сего дня); оно изображается в искусстве (кино и театр); наконец, оно оказывается рычагом в продавливании судебных реформ, изменении законодательной базы и т. п.

Важно подчеркнуть, что Либеральный клуб, стремясь монополизировать насилие через освоение дискурса новой нерелигиозной ле-

гитимности, создает для этого светскую квазирелигиозную подкладку: общечеловеческие ценности, правозащитная тема, гуманизм, в конечном счете, философия ненасилия. В ход идет все: Толстой, буддизм, модифицированное секулярное «христианство» — все присваивается Либеральным клубом, для того чтобы идентифицировать себя со всем «гражданским обществом» и получить полномочия на одностороннее насилие в интересах упрочения своего политического будущего. Естественным «штабом» мирового либерализма становится США. Таким образом, любые аналоги и филиалы этого клуба повсюду в мире превращаются в центры, лоббирующие американские геополитические интересы.

Разумеется, Либеральный клуб в своем удачном прорыве на мировой политической олимп не отменил, а только потеснил двух других капитальных игроков, участников исторического мэйнстрима. Такими являются Традиционный клуб, который, несмотря на тяжелейшие испытания, потрясшие его до основания (две мировые войны и Октябрьская революция), тем не менее, остался на плаву, и сообщество радикалов.

Генезис политического радикализма в современном (т. е. не религиозно-сектантском) значении слова восходит к якобинским народным комитетам... Впоследствии радикализм был оформлен если не как доктрина, то как модель жизни и политической воли Огюстом Бланки... В эту славную плеяду входят частично декабристы и карбонарии, народовольцы и эсеры, а также ненавидимые славянофилами националисты «русской» Польши и Австро-Венгрии.

Либералы всегда вели активную политико-стратегическую игру с радикалами, с одной стороны, пытаясь запугать, а то и обвалить с их помощью традиционный истеблишмент, расчищая место для себя, с другой — представить свой клуб тем же «традиционалистам» и «молчаливому большинству» в качестве единственной альтернативы ужасам террора и революции. Отсюда противоречивость либеральной политики в отношении политического радикализма.

Либеральный клуб никогда не был синонимичен буржуазии как таковой. Традиционная буржуазия если и конфликтовала со знатью, то никогда не выходила по-настоящему из подчинения церковному авто-

ритету, проводя влияние клерикализма в те социальные низы, которые она напрямую экономически контролировала. Это не было нарушено даже Реформацией: представители крайнего протестантизма, выброшенные за океан, в Новый свет, были скорее деклассированными осколками третьего сословия; эмигрировав, они позволили аристократам стабилизировать сословно-иерархический порядок в Европе.

Либеральный же клуб по своей сути глубоко секулярен, и сфера его проявления — это культура: «духовность» как имитация религиозного духа. В своей практической деятельности он стремится вытеснить буржуазию с политического поля, одновременно коррумпируя ее верхние слои и проводя антибуржуазный пиар в искусстве и идеологии. Последним направлением занимается левое крыло либералов, которое «отвечает» за связи с радикальным сообществом.

Пик успехов леволиберального сегмента и одновременно его максимального сближения с радикализмом пришелся на 60-е годы, когда США серьезно втянулись в поддержку южновьетнамского режима. Именно в этот период «молчаливое большинство» попало под влияние леволиберального и частично радикального дискурсов, стали как грибы расти молодежные субкультуры, начала формироваться протестная массовая улица. Знаковым проявление союза левых либералов с радикалами стал феномен экзистенциалистских интеллектуальных кругов во Франции: Камю, посвятивший философии бунта исследование «Восставший человек»; Сартр, публично защищающий левых террористов во Франции и Германии... Серия студенческих восстаний, прокатившихся по миру в 1968, была как раз следствием этого союза. Политически усилия левых демократов закончились ничем из-за саботажа СССР, который никак не мог определиться со своей идеологической субъектностью и, в конечном счете, к началу 70-х превратился в «кривое зеркало» США.

Во многом именно поражение левого крыла Либерального клуба и его почти полная маргинализация к сегодняшнему дню породила то, что в современной жизни популярно именуется «международным терроризмом» и предполагает вмененную всем в обязанность войну против него.

С приходом Рейгана в США осуществился стратегический перелом в пользу правых (а в дальнейшей перспективе — и крайне пра-

вых) либералов. Голливудский актер с социал-фашистской идеологией стал совершенным воплощением самого «духа» Либерального клуба в его жесткой правой версии. Приход рейганизма совпал с глубокой реформой в философии и практике международного насилия. Правым либералам удалось не только добиться признания нелегитимности насилия, исходящего от СССР (всеобщего осуждения вмешательства Москвы в Афганистане), но и гораздо больше того: признания самим СССР легитимности насилия, исходящего от США. (Были «проглочены» как должное американские удары по Ливии, Гренаде и Панаме, а также — венец капитулянтства! — операция западной коалиции против Ирака.)

Либерализм прошел большой путь в перераспределении правового ресурса в отношении всего, что связано с насилием как сверху, так и снизу. Из описывающего насилие дискурса к сегодняшнему дню окончательно выпали такие понятия, как «справедливость», «свобода», «борьба с тиранией», зато утвердились такие новые категории, как «безопасность» и «защита цивилизации».

Логично, что захватившим «полюс силы» правым либералам было недостаточно того реального сопротивления, которое как радикалы, так и «молчаливое большинство» были способны оказывать диктату Мирового порядка в «постсоциалистическую» эпоху. Либеральный клуб, будучи имитатором по своей глубинной сути, неизбежно должен был прийти к имитации войны против себя (естественно, при отождествлении либералов со всем «гражданским обществом» в целом). Старые формы террора — народнические, РАФовские и т. д. были слишком воспиты и прославлены в недавнем прошлом выходцами из либеральной же среды, поэтому потребовался совершенно новый источник террора, новый «субъект нелегитимности». «Исламский терроризм» стал оптимальным выбором. Естественно, поскольку борьба либералов ведется за контроль над «молчаливым большинством», в фокусе постоянно организуемой медийной драмы должны быть сценически эффектные удары, наносимые по представителям именно массы населения: посетителям кафе, пассажирам транспорта, случайным прохожим и т. п.

Однако, достигнутый на короткое время эффект brutальной симуляции террора как вызова демонизированной нелегитимности в адрес

порядка быстро изнашивается. Левые либералы пробуют вернуться в мировую политику через антиглобалистское движение. Да и Традиционный клуб никуда не исчез: сегодня без его тайной поддержки не смог бы выстоять ни Ахмадинежад, ни Уго Чавес...

Мир ожидает обострение борьбы между властными клубами, которое в ближайшее время должно проявиться в резком ухудшении отношений между США и Великобританией, причем по инициативе Вашингтона.

Медиа в эпоху «постмодерна»

Цели медиа вчера и сегодня

Медийное пространство как самостоятельный фактор цивилизации существует сравнительно недавно. Фактически рождение медиа как одного из оперативных инструментов коллективного сознания совпадает с выходом на историческую арену Либерального клуба — самостоятельного игрока в большой политике. Либеральный клуб изначально является сообществом людей, более или менее независимых от жесткой иерархии и черпающих материальные ресурсы непосредственно из социальной среды. Иными словами, это люди «либеральных профессий» (адвокаты, врачи, профессура) и богема, к которой примыкают финансисты и спекулятивные посредники разного рода. Именно благодаря тому, что это сообщество осознает себя как политико-идеологический фактор нового времени, оно создает условия для возникновения профессиональной журналистики.

Первоначально СМИ действуют как рупоры различных общественных групп и политических направлений, поскольку «либералы» (в широком смысле) на первых порах обслуживают как интересы буржуазии, так и некоторой части традиционного истеблишмента. Кроме того, возникает левое крыло либерального сообщества, наиболее крайним и известным выразителем которого стал Карл Маркс.

В XIX и значительной части XX веков пресса не только была каналом самовыражения различных социальных классов и групп населения, она также позволяла либералам формулировать дискурсы этих групп, выступая практически в роли демиурга истории. Так, несомненно, что и коммунистический дискурс от имени «пролетариата», и национал-социалистский дискурс от имени мелкой буржуазии и националистически ориентированной части рабочего класса были гене-

рированы крайне левым и крайне правым флангами все того же Либерального клуба.

Положение резко меняется после 1945 года. Военный триумф США, которые с позапрошлого века становятся штаб-квартирой мирового либерализма, а также изоляция за «железным занавесом» тоталитарных бюрократических режимов, возглавляемых сталинской коммунистической номенклатурой, приводит к тому, что мировые медиа начинают обеспечивать в геополитическом пространстве рыночной экономики контроль Либерального клуба над «молчаливым большинством».

В силу гарантированных западными конституциями свобод существует и альтернативная пресса, но она попадает в идеологические гетто просоветской или — в гораздо меньшем масштабе — неонацистской ориентации. К концу двадцатого столетия медиа превратились практически в главную и безальтернативную структуру, формирующую унифицированное массовое сознание западного человечества.

Медиа и образование

На более ранних этапах своего развития класс профессиональной журналистики был с определенными оговорками подчинен культурным традициям, превалирующим в каждой данной стране. Это означало, что медиа не выходили из тех рамок, которые задавались средней и высшей школой, существовавших под эгидой национальных академий.

Стандарты образования определялись научным сообществом, и стержневым элементом академизма были гуманитарные дисциплины. Философия, логика и история занимались проблемами «высокого смысла» и оттачивали мыслительные методики, которые, в свою очередь, позволяли делать прорыв в естествознание. В этот период научное сообщество еще было тесно связано с Клубом традиционалистов — высшими слоями социальной иерархии, а также религиозным истеблишментом. Именно в силу этого философы играли определяющую роль в академическом мире. К концу XIX века положение меняется: левый либерализм (марксизм) производит революцию в

гуманитарных дисциплинах, рушатся догматы классического естествознания...

Научное сообщество присоединяется к Либеральному клубу, порывая с фундаментальным наследием Возрождения. С этого момента возникает поначалу малозаметная эрозия национальных систем образования.

Постепенно журналистское сообщество чувствует все меньшую ответственность в отношении академически признанной картины мира, в конечном счете, освобождается и от необходимости соотнобразовываться с фактологией. Миф и слух начинают превращаться в инструментарий информационных каналов.

К сегодняшнему дню не система образования определяет уровень и качество информационного потока, проходящего через медиа, но наоборот: картина мира, создаваемая «творчеством» входящих в либеральное сообщество журналистов, начинает влиять на образовательные программы, идеологию преподавательского состава, и, в результате, медиа превращаются в могучее средство влияния на весь образовательный блок. (Наиболее ярко и законченно этот процесс проявился в США.)

Если принять во внимание, что новорожденное человеческое существо как «чистая доска» почти полностью зависит от той интеллектуальной «закладки», которая осуществляется преподавательским корпусом с первых шагов его включения в социум, нет ничего удивительного в том, что во всем Западном мире идет стремительный кризис академического знания и развал основных каналов его воспроизводства и передачи. Формирование ментального поля на уровне наций оказалось в руках наиболее невежественной и «бессистемной» части либерального сообщества: журналистов.

Тенденции внутри медиа

Наиболее влиятельная часть западных медиа сегодня остается в руках центра и умеренно правого сегмента Либерального клуба, тесно связанного с устоявшимися политическими партиями и бюрократическим аппаратом. Этот основной блок информационного ресурса ста-

вит перед собой задачу формировать единообразную позицию по наиболее жизненным политическим вопросам, которая выдается за мнение всего общества и является как бы нормативной цивилизационной установкой. Это касается, прежде всего, проблем легитимности правящих элит, действенности институтов представительной демократии, прав человека, национально-освободительных движений, войны и мира в различных регионах планеты, терроризма и т. д. Объективно, поскольку мировой либерализм определяется политической конъюнктурой внутри американских властных структур, западные медиа транслируют под видом цивилизационных установок прежде всего позицию сильнейших групп влияния в самих США.

(При этом надо добавить, что так называемый Традиционный клуб, в который входят представители наследственной знати и «князя церквы», фактически отрезан от медийного пространства. Его отдельные выходы в информационную сферу осуществляются под контролем либералов через призму сопутствующих комментариев и оговорок.)

В последнее время внутри Либерального клуба все более активно действует группа международных медиамагнатов, состоящая из более или менее «случайных» нуворишей и сверхнуворишей. Типичной для них политикой оказывается приобретение бумажных изданий, обладающих традиционными брендами, наряду с достаточно популярными телеканалами. Совмещение телевизионных технологий, влияющих на сознание аудитории в режиме прямого действия, с журнально-газетной аналитикой, рассчитанной на более образованные слои, создает особый эффект, когда рациональная, объяснительная часть интерпретации событий совпадает с эмоциональным программированием коллективного бессознательного.

Скандал как оружие

Многие из этих медиамагнатов являются этически сомнительными персонажами со спорной легитимностью в мире большого бизнеса. Возможно поэтому они делают ставку на тот сегмент медиа, который популярно именуют «желтым».

В последнее время общественная роль изданий, специализирующихся на слухах, скандалах и дезинформации, резко выросла. Таблоиды начали играть возрастающую роль в зомбировании определенной части «молчаливого большинства». Как правило, желтая пресса ведет обработку своей аудитории в духе несфокусированного правого национализма, концентрируя ощущения неудовлетворенности и социального поражения в хорошо понятных направлениях конфессионального и этнического конфликта.

(Дальше начинают формулировать конкретные задачи уже специализированные маргинальные издания различного рода движений и группок, которые, как правило, курируют секретные службы.)

Иными словами, «олигархи» как особый скандальный подкласс Либерального клуба борются за свое присутствие в большой политике на площадке правого популизма.

Это происходит на фоне крушения леволиберального дискурса, стержнем которого на протяжении полутора веков был марксизм во всех его модификациях. Сегодня левый либерализм свелся к антиглобалистскому сообществу, распадающемуся на множество маргинальных и маловлиятельных направлений, чей общей характеристикой оказывается мировоззренческая инфантильность и бессистемность.

Ближайшее будущее

Кажущаяся пассивность Традиционного клуба объясняется во многом уверенностью «старых элит» в неотвратимости кризиса, который обрушится на либералов.

Признаки этого кризиса уже во многом проявлены в лице той геополитической проблемы, в которую превратились США для всего мира. Эта проблема имеет не только для всех очевидное военное, но также цивилизационное и культурное измерения. Американский проект несет человечеству перспективы «измененного сознания», в котором отсутствуют классические смысловые ориентиры, дававшие людям силы жить на протяжении всей их истории. Для начала в американском проекте отсутствует сама История — и как концепция,

и как ценность, и как непосредственный опыт, который должен быть индивидуально открыт каждому.

Драма «американской угрозы» миру как в зеркале воспроизводится в проблеме современных медиа: они превратились в духовную угрозу всему человечеству — вызов ментальной гармонии и душевному здоровью всех людей на планете. Если кто-то этого не замечает, то это уже тревожный симптом наличия измененного сознания. Для свежего человека встреча с медийным пространством всегда оборачивается тяжелейшим шоком.

Информационное общество, скорее всего, «убьет» медиа в их современном виде. В мире Интернет-телевидения и интерактивных конференций вокруг игр-проблем не останется места для старого классического зомбирования новостными блоками и аналитическими статьями. Однако, духовные опасности для современного человечества не будут нейтрализованы, они просто перейдут в иную, возможно гораздо менее предсказуемую сферу.

Тоннель без света в конце

1. Небескорыстная «наивность» информационных апологетов

Мы уже давно живем в условиях информационного общества, о котором по инерции продолжают спорить футурологи. Аналитики и философы делают вид, будто с проблемой информации как орудия управления еще что-то неясно. Достаточно много интеллектуалов заверяют нас, что господство информации над всеми остальными видами интеллектуального опыта сулит человечеству счастливое будущее, какие-то небывалые степени свободы... Непонятно, на что при этом они опираются, ибо первые, но при этом весьма серьезные признаки кризиса, поражающего человеческое существование через информационные каналы, — вокруг нас.

Проблема телевизионного «алкоголизма» дискутировалась слишком давно, чтобы кого-то впечатлять. Мрачные «телеголики», утнувшие в креслах, упершись взглядом в экран, выключены не только из общественного пространства — телевизионный человек поглощает «картинки» событий, но уже не способен принимать в них участие; они выключены даже из жизни собственной семьи вокруг них... Домохозяйки, обсуждающие перипетии мыльных сериалов с гораздо большим интересом, чем собственные проблемы, — это уже тоже вчерашний наивный день, первый лепет будущей грозы. Сегодня души и сердца людей властно заполняет интерактивное общение с информационным потоком. И если живые журналы и форумы отдаленно напоминают традиционную переписку между людьми, то погружение в саморазвивающиеся игры или в так называемый «экономический Интернет» становится уже серьезной социально-психологической проблемой.

Есть емкое, хотя, возможно, для кого-то и неожиданное сравнение интерактивного взаимодействия с информационным потоком: игровой автомат! Человек набирает код (делает ставку), бросая в щель деньги (личное время), дергает за ручку — хлоп, проиграл! Процесс можно повторять до бесконечности. Время от времени высыпается джек-пот, жалкая моральная компенсация за разбазаренную в ничто невозвратимую экзистенцию личного бытия.

2. Информация как интеллектуальная энтропия

Игровой автомат — доступная грузчику, «тупая» версия того, во что погружен интеллектуал, работающий в Сети. Наиболее опасным совпадением здесь является личное участие как игрока, так и юзера в процессе. Конечно, промывка мозгов может вестись и через более консервативные формы воздействия: то же печатное слово, например, в его современной редуцированной и выхолощенной форме (блистательный Пелевин, кажется, имел в виду именно эту сторону информационного воздействия в своей «Empire V»: гламур и дискурс). Однако, читатель сохраняет по отношению к тексту определенную независимость именно в силу того, что не вовлечен в динамику его формирования. Сегодня все большее распространение получают такие информационные потоки, которые предполагают непосредственное участие потребителя в их формировании. В этом случае практически исчезает разница между «сообщением» и интерактивной игрой.

Одно из распространенных недоразумений, мешающих понять специфику воздействия информационного потока на человеческую личность, — это путаница в понятиях «информация» и «знание». Люди склонны ставить знак равенства между ними или, по крайней мере, считать, что информация есть способ передачи некоторого знания. Опасное заблуждение, ибо знание и информация суть совершенно различные, не зависящие друг от друга вещи. Скажем, упоминавшаяся выше домохозяйка получает массу информации о виртуальных созданиях, именуемых «второй мамой» или «просто Марией», но что, собственно, она при этом узнает? Впрочем, есть пример поубедительней

из области науки: чем больше информации мы имеем о местоположении некой частицы, тем более это местоположение неопределенно. Экспонентальный рост информационных данных сопровождается одновременным исчезновением реального знания. Это происходит потому, что специфика информации — в ее знаковости и виртуальности. Она отвечает только сама за себя, а не за то, что она якобы «сообщает». В конечном счете, единственное знание, которое информация содержит, — это правила игры с ее виртуальными элементами.

3. Отчуждение личного бытия: вчерашняя и завтрашняя модели

До сих пор все сказанное представляло как бы культурную или теоретическую проблему, касающуюся пока что небольшого сегмента населения. Но что происходит, когда информация становится структурообразующим фактором экономики? Что происходит, когда она превращается в системный критерий выстраивания социальных связей? Ее засасывающая виртуальность, независимость от реального объективного мира, жесткость в навязывании правил взаимодействия со знаковым потоком превращаются в сильнейший прессинг, в результате которого пользователю отведена роль пассивного терминала в этом процессе.

В доинформационном обществе человек был вынужден отдавать часть своего внешнего физического времени рынку труда, для того чтобы поддержать существование себя и своей семьи. Это прошлое общество, диккенсовские ужасы которого могут показаться патриархальной идиллией на фоне того, что готовит нам будущее, не посягало на внутреннее время человека. Ни мастера-надсмотрщика, ни капиталиста не интересовало, что проносится в голове пролетария, стоящего свою смену у станка или конвейера. Не заботило капиталистов и их прислужников также и то, что переживал эксплуатируемый в глубине собственной души. Потребовалось явление тоталитарного социума (замятинское «Мы», оруэлловский «1984-й»), чтобы поставить под серьезный вопрос право человека контролировать содержа-

ние собственного «я». Тоталитаризм оправдывал вторжение в душу — информационную перестройку личности, осуществлявшуюся еще архаичными прямолинейными способами, — общим интересом, необходимостью нести повинность во имя общего дела. Бесспорно, это была уже явная тирания. Ведь принципиальная сущность тирании именно в том, что человека принуждают оставить свое дело и заниматься чужим. Это может происходить либо в результате прямого принуждения, как, например, при феодализме (барщина), либо же когда не менее феодальное по сути отчуждение в пользу Системы мотивируется идеологически. Люди приносят на алтарь отчуждения в пользу Системы всю свою жизнь, искренне забывая о своем частном интересе. Но эта тирания, при всей ее информационной обеспеченности и вторжении в душу, является еще «мягким» вариантом. Подлинный гнет начинается с того момента, когда Система не нуждается больше в идеологии, чтобы психологически мотивировать отчуждение во имя «общего». Ей достаточно силы только одной информации, не сопряженной ни с какими экзистенциальными побудительными мотивами, ни с какой этикой, чтобы заставить человека отдавать ей оба вида принадлежащего ему времени. Информационный человек жертвует Системе не только внешнее, жизненное время, которое, разумеется, конечно и невосполнимо; он также отдает и внутреннее время в виде душевной занятости абсолютно посторонним виртуальным пространством. При этом он не получает даже той жалкой отдачи, которую имели его деды в виде идеологической интерпретации, способной, по крайней мере, утешать суперэго. Нет, полностью пассивный человек-терминал лишается суперэго и получает в обмен на это право сублимировать свое бессознательное в виртуальных игровых выплесках. Разобщенный и атомизированный, он превращается в пустую оболочку, содержание которой высосано информационным потоком.

Кстати, уже сегодня многие кампании-флагианы так называемой интеллектуальной экономики, привлекают на свои сайты толпы пользователей, которым предлагают решить ту или иную научную или технологическую проблему. Как ни странно, люди тратят бесплатно миллионы человеко-часов в Интернете на решение этих дорогих головоломок и довольно часто добиваются результатов. Исследователи

указывают, что подобная, весьма напоминающая мошенничество, индустрия к нынешнему дню вышла на финансовые обороты, сравнимые с экономической отдачей крупных исследовательских центров!

4. Эксгибиционизм пред ликом сатаны

Другой стороной информационного общества оказывается тотальная прозрачность частной жизни и нависание «большого брата» практически над любым телодвижением рядового гражданина. Все это в значительной мере мотивируется заботой об общественной безопасности и подогревается время от времени демонстрацией возможностей современного «международного терроризма»; однако, будем честны до конца, нынешний человек настолько психологически перестроен под информационный формат, что сам теперь является носителем удивительного комплекса «социального эксгибиционизма»: он мазохистски счастлив, что правительство и спецслужбы знают о нем даже то, что он сам о себе не знает. Беда с информационными описаниями персоналий, однако, в том, что в силу разъединенности информации и знания непонятно, какие выводы могут сделать компетентные органы из тех или иных данных. У простых людей ведь нет обратной связи с системой, и они не могут повлиять на то, как будут оцениваться их кодированные описания теми, кто решает их судьбу.

Жан-Жак Аттали в своей теперь уже старой книжке «Горизонты 2000», описывая довольно страшный социальный пейзаж будущего человеческого пространства, неожиданно признался в конце, что его самого нарисованные перспективы отнюдь не радуют и даже пугают. Но, добавлял он после этого, тут ничего нельзя поделать, ибо у этой жуткой судьбы человечества есть религиозный смысл и к этому ведет некий высший императив. Правда, он не настаивал, что слово «религиозный» в данном случае совместимо с предикатом «божественный». Скорее, наоборот: и ему, и многим аналитикам из другого лагеря — Валлерстайну, Чомскому и прочим — ясно, что за информационным обществом стоит «церковь сатаны», тот клуб элит, которые давно эмансипировались от судеб обычного «смертного» человечества, ис-

пользуемого в качестве донора и выючного животного для долгожданной реализации древнего как мир проекта «Сверхчеловека».

5. Кто в «Доме» хозяин?

Последние 300 лет в истории Запада шло интенсивное формирование нового корпуса сверхэлита, в котором реализована принципиально другая, нетрадиционная концепция знати. Прежнее понимание правящего класса было основано, выражаясь современным научным языком, на аналогово-символических представлениях. Земной порядок отражал небесный. Господа были гарантом этического и благого аспектов социума и несли ответственность за все, что в нем происходит.

Новое представление о касте «избранных» предполагает, что сверхэлиты не зависимы от любых пертурбаций и кризисов, происходящих в обществе, не достигаемы ни для житейского моря, ни для исторических бурь. Согласно этой модели, никакие войны и революции не должны угрожать положению правителей, которые сохраняют стабильную родовую преемственность на все будущие времена. С другой стороны, эти правители и не могут нести ответственность за какие бы то ни было проблемы, возникающие в мире «смертных». Чтобы решить такую непростую задачу «де-историзации» господ, необходимо создать Систему в ее развитом современном виде. Под этим понимается такая организация управления всеми макропроцессами в человеческом пространстве, при которой, во-первых, существовал бы непрерывный и стабильный рост всех показателей, а во-вторых, были бы нейтрализованы все связанные с ростом и сопутствующие ему кризисы.

Выполнение этого условия возможно лишь при подчинении глобального общества законам информационного количественного пространства, которое освобождено от сопряженности с объективным миром фактов. Во второй половине XVII столетия решение такой теоретической задачи взял на себя Готфрид Вильгельм Лейбниц, философ немецкого происхождения, ставший без преувеличения политическим менеджером и корпоративным организатором всевропей-

ской монархической верхушки. Именно он в своем мировоззрении сформулировал предпосылки теории информации, создав учение о двух истинах: логической, которая безусловна и необходима, и фактической, которая лишена и познавательной и этической ценности. Бог, по Лейбницу, это арбитр-информационщик, осуществляющий оптимально логический выбор из всех возможных вариантов. Зло принадлежит к эмпирической «необязательной» сфере, за которую «Высшее существо» не несет никакой ответственности. Монадология Лейбница и его учение о познании легли в основу современных либерально-консервативных теорий общества, обеспечивающих, на самом деле, бесконтрольную власть суперэлиты, реально идентифицировавшую себя с лейбницовским ни за что не отвечающим арбитром, власть которого обеспечивает наилучшую конфигурацию мира из всех возможных.

Почти одновременно со смертью Лейбница к власти в Англии пришла Ганноверская династия, которая еще в континентальный период воспринимала философа в качестве своего дворцового «гуру». Через пару лет — в 1717 году — была создана великая ложа Англии, которая с этого момента начала курировать все процессы, происходящие в сфере «высокой» теоретической науки, а также, соответственно, в сфере подготовки высшего слоя экспертов и интеллектуалов Британской империи. Именно Ганноверская династия с ее глобалистским видением миропорядка и новыми методологическими подходами к цивилизационному проектированию приступила к непосредственному строительству того Мирового порядка, контуры которого к сегодняшнему дню уже вполне ясны.

Глобальная империя

Современная цивилизация вошла в фазу фундаментального противоречия между своими политэкономическими возможностями и цивилизационно-стратегическими задачами. До определенного периода экономический и технологический рост мировой цивилизации обеспечивал воспроизводство политического господства традиционных элит, окончательно сформировавшихся несколько более ста лет назад.

Институты представительной демократии, связанные со всеобщим образованием и равенством (условно-юридическим) жизненных возможностей, обеспечивали вовлеченность в экономический рост подавляющего большинства мирового населения, хотя и не в равной мере.

Однако главной проблемой западной цивилизации в двадцатом столетии стал тот факт, что политический кризис и, в частности, кризис мирового порядка, опережал возможности роста реальной экономики. Эту разницу все в большей степени стал компенсировать рост виртуальной экономики, который, в свою очередь, вел к усугублению политического кризиса. В конце XX столетия мировой истеблишмент встал перед необходимостью фундаментальной перестройки планетарного политэкономического порядка. Эта перестройка должна сопровождаться, с одной стороны, окончательным торжеством виртуальной экономики над реальной, а с другой стороны — отменой традиционных институтов буржуазной демократии, формирование которых было содержанием всего периода так называемой Новой истории.

Сочетание двух этих моментов и образуют начало эпохи столь широко разрекламированного информационного общества.

В этом обществе предметом отчуждения становится не часть жизненного времени работающего индивидуума — так называемое «рабочее» время, — а все время без различия на сферу труда и сферу личной жизни.

От производства товаров через производство услуг экономика переходит к включению в себя всей сферы обыденной жизни как формы биопроизводства, которая подвергается трансформации в количество, в количественно и ценностно измеряемый объект.

Отчуждение жизненного времени индивидуума в условиях интеллектуальной или информационной экономики происходит в форме превращения его в некое количество оцениваемой информации, которая становится частью всеобщего информационного потока. Собственно говоря, общественное биопроизводство (производство жизни) состоит во включенности всех экономических участников в информационный поток.

Именно здесь возникает главная политическая проблема нового порядка: 4/5 населения Земли по различным причинам не готовы к участию в таком экономическом производстве. Наиболее подготовленным отрядом всемирного пула «работников» оказывается население западных мегаполисов, и то частично: в первую очередь средний класс, связанный с оргпроизводством.

В истории известна практика инвестиций в социальную трансформацию огромных масс людей. Наиболее ярким примером является превращение неграмотной аграрной России в индустриальный тоталитарный СССР всего за 20 лет (1921–1941 гг.)

Сегодня правящие классы не намерены вкладывать пропорционально сопоставимые средства в социальную трансформацию примерно 5 млрд. жителей Земли и твердо намерены предотвратить прорыв на политическую сцену альтернативных сил, способных, по примеру большевиков, изыскать эти средства в ресурсах, принадлежащих сегодняшним собственникам.

Таким образом, как минимум 5 млрд. жителей Земли становятся балластом для нового информационного общества, иными словами, не могут принять участия в создании информационного продукта по новым политэкономическим правилам. Буржуазная демократия, обеспечивавшая ранее расширенное вовлечение аграрного населения Запада в индустриальное и начальную фазу постиндустриального обществ, сегодня становится бесполезной в роли социального инструмента развития и, соответственно, будет отброшена за устарелостью. Это уже происходит на наших глазах.

Человечество стоит перед перспективой установления планетарной олигархической диктатуры в форме глобальной империи.

Глобальная империя есть будущая форма военно-бюрократической диктатуры, охватывающей собою весь мир. Это инструмент, который

будет необходим правящим элитам для реализации выдавливания 90% населения земли из пространства Истории. Такого рода глобальная операция может происходить только в форме беспощадной войны против большей части населения мира.

Очень важно понять техническое содержание термина «выбрасывание из истории». Пребывание в истории традиционно сопряжено с интерпретацией любого действия любого человеческого существа или группы существ как имеющего влияние на сюжетный ход всеобщего исторического процесса. Письменная история фиксирует лишь незначительную часть живших на земле людей и совершенных ими деяний как «исторические», имеющие знаковый смысл и образующие фиксированные вехи в течение коллективного времени.

Однако до последнего времени молчаливо предполагалось, что не только герои учебников истории и энциклопедий, но каждый родившийся человек вообще является деятелем исторического процесса, чьи поступки находятся в обратной связи с сюжетным ходом истории, ее проективной заданностью. Эта презумпция была оформлена как представление о роли масс в истории.

Такой общечеловеческий гуманистический взгляд на значимость каждого человеческого существа в балансе коллективного времени-смысла предполагает, что каждое действие и каждый совершивший его деятель — безусловны и существуют необходимым образом. Это представление отражено в популярной фразе: «История не знает со-слагательного наклонения».

Иными словами, до сих пор человечество было погружено в сферу так называемой первичной возможности, наиболее плотной и конкретной в иерархии бытийных возможностей. В этой сфере любой феномен существует потому, что нужен именно он в данное время и в данном месте с исключением альтернативы этому феномену.

Однако новый глобальный проект мировых элит предполагает вытеснение 90 % человечества во вторую и третью сферы возможностей, где любой феномен имеет неограниченные варианты альтернатив (2) или может не случиться вообще (3).

Очевидно, что человек, который мог бы и не родиться, и действия, которые могли бы быть такими, а могли бы быть и не важно какими дру-

гими, имеют призрачный характер и не оказывают никакого влияния на сюжетное развитие исторического времени. Такое положение дел становится эквивалентом «исторической смерти» для подобным образом вытесненной части человечества. Это мало чем отличается от гибели во всех других аспектах, и именно поэтому сегодня в среде т. н. «ученых» начинают подниматься голоса о необходимости уничтожения как раз вот этих 90% «балластных» (или «несостоявшихся») человеческих существ.

Мостик между исторической смертью, имеющей место, так сказать, в духе, и физической смертью бесчисленного сонма несчастных как раз и образует глобальная империя, осуществляющая перманентное насилие против биомассы.

Это насилие призвано решить три задачи:

– физическое уничтожение наиболее активных представителей вытесненного человечества, которые не смиряются со своим положением вне истории и вне смысла;

– само по себе организованное односторонне насилие эффективно ставит его объект в положение истребляемых животных, т. е. является оперативной процедурой обесмысливания существования тех, кто становится пассивной жертвой насилия;

– наконец, сам факт силового давления на биомассу является формой отчуждения и присвоения внутреннего энергетического ресурса биологического времени, которое еще течет в подавляемом человечестве, сохраняющем формально экзистенциальные параметры разумных и страдающих человеческих существ.

Не случайно, опять-таки, в последнее время в среде палеоисториков и антропологов стала популярна теория сосуществования в отдаленную эпоху кроманьонцев и неандертальцев, которые были двумя неравноправными версиями возможного человечества. Согласно этому видению, кроманьонцы (хомо сапиенс) обеспечили себе вхождение в историю за счет уничтожения неандертальцев (хомо фабер), представлявших пустую тупиковую форму возможного человечества.

Альтернативой одностороннему насилию глобальной империи может быть только всемирная герилья — партизанская война на всех уровнях, которая в идеальной перспективе способна привести к кризису и краху олигархический Мировой порядок.

Глобальная борьба с Системой

Новый герой рубрики «Современная Россия» — Гейдар Джемаль, человек обладающий множеством социальных статусов и ролей. В России Джемаль известен как общественный деятель, политик, один из ведущих экспертов по Ближнему Востоку, идеолог политического Ислама, радикальный оппозиционер «ельцинскому и путинскому режиму», конспиролог и, конечно же, как пропагандист Ислама, освобожденного от клерикализма.

Однако первое интервью «Портфелю» Гейдар Джемаль дал как философ, мыслитель и интеллектуал, именно в таких качествах признаваемый за рубежом, но почти неизвестный в России.

Наш столичный обозреватель *Алексей Козлов* узнал много нового о современном обществе, будущем нового мира, противостоянии цивилизационных периодов и манипуляторах электронной эры, а в конце интервью пришел к выводу, что в аспирантуре ему следовало идти изучать не политологию.

Портфель. *Что из себя представляет современное общество, современный мир? Что за период истории мы наблюдаем?*

Гейдар ДЖЕМАЛЬ. Мы находимся в переходном периоде. Как, скажем, между Средними веками и Возрождением. От Возрождения к Новому времени через Французскую революцию. И через 17-ый год к Новейшей истории. И это, в лучшем случае, дает нам технический способ понять, о чем идет речь. Некий курс, некое понимание у тех, кто занимался историей о том, что значит переход во всемирном порядке.

Но это, даже в теоретическом плане, не готовит нас к масштабу того перехода, который происходит сегодня. Потому что это переход макроцивилизационного уровня, который как бы остается за бортом — с поправками и допущениями. Цивилизация, которая включает в себя размах и вариации — от фараона и до сталинского или рузвельтовского времени. Не потому, что Сталин напоминает фараона, а потому, что есть нечто принципиально общее, осевое между архаическим обществом и обществом, которое прорезалось как модернизм в XX веке. Между ними есть огромные дистинкции, есть то, что их связывает. Переход к нынешней цивилизации характеризуется тем, что эта будущая цивилизация противостоит почти в равной мере как Советскому Союзу времен Сталина и Берии или Брежнева, так и древнему Китаю времен легендарных императоров.

II. Почему Вы все-таки назвали в одном из своих интервью Ислам сакральным инструментом оппозиции системе?

Г.Д. Потому что Ислам — это единственная сегодняшняя доктрина, которая абсолютно внятно и серьезно говорит, что, во-первых, человек — это не самоцель, а инструмент. Во-вторых, инструмент конечный. В-третьих, инструмент в конечном процессе, имеющем сверхцель. Но в определенной части проекта человек может отразить провиденциальную идею, в которой он задействован как инструмент. И это соединение его сознания с частью идеи является оптимальным достижением того максимума, который будет соединен с победой над обществом. Созданием человеческого общества, оптимально торжествующе противостоящего этому социуму, замкнутому на себе и осуществляющемуся во имя себя. Социум виртуалов — это некая теофания, т. е. манифестация божественного начала, под которым имеется в виду классическое Великое существо.

Теперь, если посмотреть, чем является та цивилизация, которая сейчас грядет?. Это, конечно, глобальное информационное общество, в котором символ выведен за скобки, также как и аналогия. Это как переход от аналогической системы передачи данных к цифровой. Это, некоторым образом, с внешней точки зрения торжество исламской методологии. Но это внешне. Потому что на самом деле внут-

ренное содержание и внутреннее подразумевание у бенефициаров этого общества совершенно другое. Дело в том, что исламская информатика исходит с самого начала из абсолютизации принципа конечного. То есть, человеческая жизнь конечна. История конечна. Более того, само действие рока, которое воспринимается язычниками как бесконечное небо, тоже конечно. Невежество, которое Сократ считал настолько безграничным, что знание может быть незнанием о том, что ты не знаешь, тоже конечно. Оно конечно, потому что ограничивается Всевышним, Который Сам не ведом. То есть, отношение к Нему тоже конечно.

В то время как у язычников все является спиралью, кусающей себя за хвост змеей. Циклический мир, который после своего исчезновения возникает снова. Смерть человека, которая является переходом на другой план существования. Смена одной манифестации на другую. Калейдоскоп гуляющих, переходящих друг в друга нюансов и возможностей, которые образуют великий коловорот или великую спираль смыслов, времен, личностей. То, что называется «универсальный водоворот», *Vortex universal*, когда каждая точка идет по некой спирали, не попадая никогда на позицию другой.

Исламское воззрение на длительность предполагает финализм как ограничение любой проекции. С точки зрения языческого сознания, протяженность есть следствие двух точек, которые не совпадают между собой. Они образуют квант пространства. Бесконечно исчезающий, но все еще разделяющий две точки, не становящиеся пока одной целой. Неограниченное число таких квантов образует протяженность. С точки зрения исламского сознания, протяженность существует авансом, а точка, поставленная в нее, ее ограничивает и центрирует. Точка не принадлежит протяженности и не делит ее, а трансцендирует. Поэтому этот момент исламского сознания в нынешней системе информационного общества изъят. Они разрушили для массового сознания традиционный платоновско-гегелевский дискурс, они убили символ и заменили его постмодернистским знаком, который внешне напоминает то, что принесено Исламом, — господство знака над смыслом, но, по сути, обслуживает противоположную задачу.

П. Теперь знак — это брэнд, марка...

Г.Д. Да. Но знак — это брэнд для простых людей, которые его потребляют. А для бенефициаров общества знак есть оружие господства символа над реальностью, с помощью которой они хотят осуществить этот ноосферный проект. Окончательно ликвидировать разрыв между субъективным и объективным. По Тойнби, «цивилизация рождается в ответ на вызов». Бросается вызов, а цивилизация его подхватывает и что-то отвечает. То есть имеется некий лаг, когда вызов уже брошен, а ответ еще не получен, не сформулирован. И там наступает некий кризис, когда человек как бы проваливается внутри среды, не защищенный от ее жгучего действия. Это катастрофа. Переход от одного уровня к другому через катастрофу и кризис. Прометей не принес очередной огонь, а космический холод уже наступил. И пока он принесет, — а он принесет, — большая часть людей, дрожащих в пещерах, будет выбита этим холодом.

Современные бенефициары новой глобальной системы хотят создать структуру, в которой нет этого лага, где виртуальная субъективность сама генерирует этот прометеевский огонь. Она не нуждается во внешнем герое, который приходит для того, чтобы спасти человечество. То есть виртуальное и реальное должны слиться в тождество. И, конечно, ключи должны находиться в руках виртуальщиков. Они проектируют процесс, и никакой разницы между антропогенным и естественным нет. В конечном счете, проблема физического закона, открытия физического закона, есть проблема его формулировки. Что в скрытой форме, надо признать, было и раньше. Не нужны лаборатории и миллионы испытаний, чтобы найти зависимость между какими-то процессами, а потом их истолковать. Достаточно обладать методологией формулирования, чтобы сделать такие законы, которые тебе удобны. А под них реальность подведет соответствующие совпадения. Если взять любой закон из учебника, то мы увидим, что он ложится в логику, он ожидаем, его можно сочинить. Если посмотреть на многие законы, то кажется, что они выдуманы философами с формальной логикой. Получается, что во внешний мир заложено то, что человек с формальной логикой, с кантовскими абстракциями может ожидать. Нужно только оживить это дело, подогнать. Половина зако-

нов изобретена Ньютоном и Лейбницем, исходя из их идеальных представлений о том, как должна себя вести масса, что такое инерция. И только потом оказалось, что есть некоторые влияния. А вообще это все было выдуманно из головы. То же и с небесной геометрией. Оказывается, что планеты вращаются все-таки немного эллипсоидно. А у Эвклида или Эйлера они вращались по строгим кругам. Они выдумывали эти законы, будучи естественными номиналистами, но не понимали этого. Они наблюдали недра собственной центральности.

Сегодня элиты хотят выбросить на свалку иллюзии прежних людей и объявить себя ноосферными хозяевами мира. В их мире не должно быть кризисов, недо- или перепроизводства.

II. Потому что это не нужно рынку?

Г.Д. Рынок становится прозрачным. Он становится функцией от сознания господ. Потому что Хайек писал, что «рынок — это черный ящик», божественный, непредсказуемый хаос, у которого нет законов. Сам Хайек, с их точки зрения, вредный придурок. Рынок должен быть абсолютно прозрачен как законы поведения газа в трубе.

II. Он должен быть управляем?

Г.Д. Он должен быть мыслим, мыслеполагаем. Эта мыслеполагаемость должна быть записана иероглифами. Становиться информационным потоком и преобразовываться в данность. И тогда это обеспечивает неостановку времени, отсутствие катаклизмов, изъятие конечности и вечное господство одних и тех же. То есть высшую ницшеанскую реализацию — идею «вечного возвращения равного». Хайдеггер, кстати, уточнил, что внутри этой европейской системы, — а это, как подчеркивал Ницше, европейская проблема, принять и понять вечное возвращение одного и того же, существует элитарное усилие, напряжение, присущее герою-джентльмену, представителю элиты, которое внутри этого вечного возвращения производит переоценку таким образом, что в следующий момент то равное, которое вернется, будет содержательнее, богаче и ценнее, чем предыдущее. То есть он поднимает планку, ставку внутри этого возвращения. Он постоянно обогащает это внутреннее возвращение. В конечном счете,

он делает его открытым. Это реализация рая, отмена второго закона термодинамики, отмена гравитационного поля. Все это сливается, и мы живем в мире, который одновременно является физическим, конкретным и виртуально-райским без малейших противоречий.

Это то, что происходит сейчас. Сейчас идет переход к этому. Приметы этого уже есть. Проблема только в том, что на пути к этому придется слить большую часть человечества. Как балласт. Почему? Потому что общество так устроено, что человек должен либо платить за проезд, либо его выкидывают с подножки. Общество защищает человека от космоса. Если человека бросить без общества в открытую среду, то он будет подобен тем племенам Каменного века, которые зависят от случайных обстоятельств экосистемы. Так делают вырубщики леса в Амазонке. Они приходят к индейскому племени и перекрывают какой-нибудь приток. Раз, — карпов нет, рыбы нет, племя вымирает или уходит. Или, например, белые завоеватели прерий Америки выбили бизонов, устранили тем самым единственный гарант физического существования индейцев. А их было, ни много, ни мало, двадцать миллионов на конец XVIII века, которые зависели от, допустим, стомиллионных стад бизонов. В прежней экосистеме они могли существовать бесконечно, но их за двадцать лет выбили, и индейцы превратились в кучку совершенно оголодавших бродяг, которых заперли в резервации.

Это то, что происходит с людьми, которые существуют в племени, куда не пришел Прометей. В племени, куда он пришел, наступает независимость от внешних законов. И такая внешняя независимость наступила на самом архаическом уровне. Уже фараон ни от чего не зависел. Древняя Индия, Вавилон ни от чего не зависели. Ацтеки и майя уже не зависели. Легенды о том, что развитие производительных сил подняло человечество, — это полная ерунда. Принципиально человек был защищен уже три тысячи лет назад так же, как и сейчас. Но тогда он за это платил совсем немного. И достаточно было иметь под командой три миллиона рабов, таскающих носилки, чтобы их время, отнимаемое, отчуждаемое у них, компенсировало расход на поддержание баланса между социумом и давлением рока.

Дело в том, что характер рока, то есть математическая модель сужающейся спирали, такова, что каждый следующий день стоит го-

раздо дороже, чем предыдущий. Если пустить шарик кататься по спирали, он будет катиться быстрее, потому что каждый следующий кружок меньше диаметром. То есть, он будет проходить меньшее расстояние. Кажется, что катится с одной скоростью, а получается все быстрее. Он быстрее проходит очередной виток. Поэтому платить надо больше. Откуда брать? От людей. Значит, надо превращать рабов с носилками в современных менеджеров, средний класс, яппи. Тех, кто ездит на машине, связан массой обязательств, отчисляют в фонды.

II. Кредиты, финансовые обязательства и повинности, статусные вещи...

Г.Д. А еще детей в колледжи. Белка в колесе. А есть ли предел? Оказывается, есть. Человека можно довести до состояния психостении, сверхнапряжения. Он будет абсолютный психопат, у которого внутри не будет времени на размышления. Он будет полностью вовлечен в систему отношений. А дальше? Ресурсов нет. Интенсифицировать? Он сдохнет. Или начнет восставать. Хиппи — это переходный момент бунта поколения, перед которым поставили вызов быть более социализированными, чем их отцы. Если все люди превращены в придатки к терминалу компьютера и вовлечены в интерактив, то проблем нет. Они 24 часа в сутки будут сидеть и умирать перед компьютером, создавая виртуальную ценность, виртуальное отчуждение своего времени, которое можно обозначить любой цифрой.

Но ведь не все сядут за компьютеры. Миллиарды просто не умеют, другие не пожелают. А научить всех, дать всем возможность — таких денег никто не пожелает выделить на это. Большевики произвели переход от архаической, лапотной России в современный модерн. Когда из мужика возник рабочий, спортсмен, партийный деятель, обитатель мегаполиса. Сколько для этого понадобилось? Потребовались безумные деньги. А по времени очень мало — одно поколение. От 17-го до 40-го года. В сороковом году Советский Союз был мегаполисной сверхдержавой. Но ради этого был уничтожен, по меньшей мере, десяток миллионов людей. Пять или восемь миллионов выброшены за границу. И ради этого у ста пятидесяти миллионов было отобрано все. И плюс к этому еще помогала Америка, которая присылала сюда

десятки тысяч инженеров, специалистов, потому что была заинтересована в том, чтобы у Европы, которая Америке всегда была ненавистна, появился противовес. Представьте себе, что тот же самый акт, совершенный со ста пятидесятью миллионами мужиков имперской России, нужно совершить с семьями миллионами африканцев, миллиардом китайцев, миллиардом индийцев. Откуда взять деньги? Просто так их нет. Большевики нашли, у кого их отобрать. Но бенефициары, они же сами не будут их отдавать. Большевики были алиенированы от бенефициаров. Они уничтожили романовскую семью, которая была частью сверхэлиты проектировщиков. Потом их растворили, опустили, уничтожили, и процессом продукта модернизации воспользовалась система. Но сейчас большевиков нет. И на риск большевиков больше никто не желает пойти. Значит, денег на продвижение человечества хотя бы на следующий виток социализации нет. Возникает другая проблема — кто не платит, сходит с поезда.

У виртуальной экономики есть возможность обеспечивать себя материально. У нее нет возможности материально обеспечивать тех, кто не хочет в ней участвовать. Они превращаются в мировых бомжей. Только вот вопрос. Помойка для них не предусмотрена. И ночлежка тоже. Потому что и первая, и вторая интегрированы в безрасходный интернет-магазин, доступ к которому открывается степени твоего интерактива в терминале. В этих условиях остается одно — война на истребление всей этой «сволочи», которой оказывается без малого пять миллиардов.

То есть человечество во всем его многоцветии должно быть слито. Не по расовому признаку. Есть массы китайцев и индусов, включенных в эту перспективу. И масса французов, выключенных. Линия идет по-другому. Переход на позиции информационного винтика в глобалистской ленте Мебиуса, где между твоим внутренним и внешним нет никакой разницы, потому что человек, включенный в интерактив, лишен внутреннего, нет грани между внутренним и внешним. Это хорошо понятно тем, кто участвует в интернет-играх. В игре внутреннее человека становится одним с переживанием игры. А там есть гораздо более интересные процессы.

Сейчас есть интернет-компании, которые предлагают абстрактно решить проблему. Они ее формулируют, выкидывают через ЖЖ или

сайт неограниченному количеству людей. И люди проводят часы и бесплатно приводят гениальные решения вопросов, которые представляют собой ключевые технологические разгадки. А если им еще и небольшую награду предлагают, то тысячи людей начинают проводить творчески время в интерактиве, убивая время.

Таким образом, понятно, что информационное общество является смертным приговором огромному большинству людей. Жизнь становится внематричной. Это означает, что будет создаваться очень жесткая репрессивная империя, единственной задачей которой будет полицирование, контроль и экстерминация человеческого балласта. Он ведь будет бунтовать, в первую очередь, потому что никто не позволит параллельно с виртуальной экономикой существовать архаическим типам экономики. Иначе это будет разрушать целостность закрытых информационных потоков внутри виртуального ядра.

Поэтому ход в отношениях между информационным обществом и живым человеческим — это война. Которая уже сегодня ведется в форме борьбы с международным терроризмом, захвата под разными предлогами суверенных стран, ликвидации суверенитетов, сворачивания международного права. В данной ситуации конфликт идет между глобальным обществом, центр которого находится в Европе, в Великобритании, и почвенническим империализмом, который сохранился в США. Потому что США в лице своей республиканской великодержавно-шовинистической части не намерены растворяться во имя власти безымянных бенефициаров.

II. А какая-то персонификация бенефициаров вообще возможна?

Г.Д. Конечно. Это старые традиционные элиты, имеющие корни в аристократических группах мирового общества, которые формировали единый интернациональный суперклуб, начиная где-то после Кромвеля, после казни Карла I. Этапом интернационализации была та судорога осевого времени, которая прошла в XIX веке — это гражданская война в Америке, это революция Мэй-дзи, которая сопровождалась колоссальной мобилизацией японского общества. Любый японист вам расскажет, что на уровне захода командора Пери в Йокагаму и Нагасаки только небольшая часть японского общества на это

отреагировала. Тогда сегун поставил перед самураями вопрос, каков должен быть ответ проклятому чужеземцу. Было поощрено выдвижение любых концепций. И, в конце концов, оказалось, что только восемь из тридцати тысяч предложений принадлежали перу не самураев. Это говорит о том, что обычные японцы не считали, что это их касается. Не считали, что Япония как государство имеет к ним отношение. Они жили частной жизнью — рис, хозяйство, родственники. Сегун, Токио, моря, американцы — для них это была абстракция. А их дети уже умирали вокруг Порт-Артура за японскую империю. И вся империя работала на производство броненосцев, выигравших Цусиму. Это мобилизация. А в сорок первом году практически не было японца, который не был бы готов пожертвовать своей жизнью во имя «восьми углов под одной крышей», то есть Великой Азии, соединенной под предводительством императора Японии. Мобилизация прошла полностью и с минимальными потерями, но она прошла при поддержке Великобритании. Потому что японский дом вошел в Британский клуб. В России было освобождение крестьян, в Китае — масштабные реформы. Во Франции — судороги перехода ко второй империи, радикализация французского общества и Парижская коммуна. Не было страны, избежавшей какой-нибудь судороги.

И вот на этом уровне создается великая азиатская масонская ложа, которая в нарушение классических масонских заповедей позволяет нехристианам становиться масонами. Евреям, мусульманам и индуистам. Вот эти люди, замкнувшие интернациональный круг элит, включившие в свой состав крупнейшие финансовые дома, объединившие еврейских ростовщиков с именами крестоносцев Средних веков в единую систему, и есть те бенефициары, которые обладают определенными социальными качествами. Эти качества позволяют им воспринимать тех гуру, которые работают на их уровне, т. к. все эти люди являются мистиками, последователями и учениками определенных учителей, носителей традиционного символического сознания. Например, есть официальный Ватикан, восходящий на уровень Папы, который является непререкаемым авторитетом для всех католиков. А есть так называемый скрытый Ватикан. Ватикан Лурда, Ватикан чудес. Ватикан скрытых святых. Не только в православии

существуют старцы. Они есть и у католиков. Это особые люди, реально обладающие паранормальными возможностями. Но этот Ватикан, изолированный внешне в своем католицизме, не враждебен, а соединен в экуменизме с Далай-ламой, с рядом церквей. А за этим фасадом существует некий неоэллинизм. Декодер. И ключевым именем здесь стоит имя Генона и школа традиционалистов. Этот неоэллинизм, как и прежде, опирается на платоновскую и аристотелевскую метафизику. На Платона как универсальный ключ ко всем дискурсам, начиная от шаманов Амазонки и заканчивая православной церковью. Генон, как известно, очень любил Владимира Лосского и считал его аутентичным мэтром и особенно ценил его работу о юродивых в православной традиции. Вот эти гуру и являются проектировщиками будущего, завтрашней реальности.

П. Учитывая эту интернациональность, непубличность и клановость элит, где проходит линия фронта, линия борьбы с Системой? Получается ведь, что она везде.

Г.Д. Линия борьбы с Системой носит сейчас дробный характер: колумбийские партизаны и афганские моджахеды, моджахеды Ирака и левые радикалы Европы. Проблема в том, что тот инструмент, который служил в качестве объединяющего весь мир протестного дискурса, марксизм, перестал работать.

П. На смену ему пришел Ислам?

Г.Д. На смену ему приходит Ислам. Но Ислам — это познание, которое покрывает очень сложное переплетение тенденций. Потому что есть тенденции. Есть некая религиозно-политическая платформа. Есть некое единство этико-правого характера. Но политического супервизиона, краеугольного камня, который подпирает весь свод, в данный момент нет. В силу определенных обстоятельств. В результате этого в исламском пространстве существуют противоречивые тенденции и противоречивая постановка задач, которая ведет к неверным оценкам ситуаций. Особенно на конкретных региональных уровнях. Афганские моджахеды неверно оценивали ситуацию в конце восьмидесятых — начале девяностых годов как конъюнктуру вокруг

Афганистана. В результате этого они в массовом порядке противостояли талибам, привели к созданию политического тупика, позволяющего по второму кругу вмешаться иностранным державам. В свою очередь, талибы совершили ряд технических ошибок. У них не было методологии реальной оценки глобальных процессов.

Например, методология Щедровицкого. Мыследеятельность. С точки зрения метафизики или человеческого личностного порядка, эти люди — ноль. А с точки зрения технологии или умения предсказать результаты, они могут задавить прекрасных оппонентов, которые будут «соль земли», но без помощи собственной методологии они будут раздавлены встречными. Это как наполеоновские солдаты и мамлюки. Как говорил Наполеон: «Один мамлюк может побить десять моих солдат, но тысяча моих солдат побьет десять тысяч мамлюков».

Но все это временный период, связанный с дефицитом методик. Я скажу такую вещь, что Декарт, представляющий собой огромный шаг в организации западного мышления, был первый реальный теолог и монотеист, мысливший в исламских терминах. Я храню одну очень редкую книгу французскую об истоках картезианского менталитета, где анализируются его средневековые корни, мистики, с которыми он был знаком, в том числе и исламские каналы. Декарт — это первый человек в платоновском пространстве, который сказал, что точка — это нечто противостоящее протяженности, ограничивающее ее. Концепция Декарта — это Коран. Все Откровение Корана в этом. Просто сформулированное таким парадоксальным математическим образом на европейской почве. Но это картезианское мышление осталось невостребованным теми, из чьих корней оно пришло. Потому что интерпретации Корана остались до сих пор на уровне эллинских подходов, на уровне греческой аналогической семантики, которая была применена сразу же с первого века, когда арабы стали наследниками византийцев. А это все равно, что интерпретировать огонь, то есть природу плазмы, исходя из динамики жидкости.

Отсюда и неэффективность работы этого инструмента.

II. Можно ли использовать исламскую методологию вне религиозного мировоззрения, поскольку современный мир секулярен?

Г.Д. Вопрос в том, что Ислам — это не религия. Ислам на уровне Пророка и его сподвижников — это люди, внутреннее самоощущение которых, хотя они переживали глубокие фундаментальные сверхчеловеческие эмоции, не носило религиозного характера в современном смысле этого слова. То, что современный человек понимает под аффективной жизнью спиритуального порядка, было им совершенно не знакомо. Они были людьми, реализм и авангардизм которых были совершенно непостижимы через поколение после них. Поколению, которое пыталось понять, что им дали. Поскольку они пользовались греческой методологией, духовным опытом, это было нереально понять. Причиной тому несовместимость сознания. Открывать тайны монотеизма людям, стоящим на позициях Эвклида или Зенона почти безнадежно. Задача была в том, чтобы это послание четырнадцать веков продержалось. До настоящего времени, когда появляется шанс поднять людей нового мышления, переживших постмодернизм, понять тайны Ислама, прийти к пониманию предельной диалектики конечного. Для людей девятнадцатого века проблемы конечного не существует. Я Вас уверяю, что Маркс, который будто бы не верил в жизнь после смерти, с точки зрения своей языческой упертости в бесконечное, ничем не отличался от китайца с культом предков.

А здесь мы имеем радикальный разрыв с естественным человеком. Для того, чтобы спасти человечество от бенефициаров, от этого виртуального пространства, нужно парадоксально бросить вызов естественному человеку. Потому что именно он с его вязким гомогенным сознанием становится на выходе субъектом и одновременно, в другой ипостаси, жертвой этого сообщества господ.

*Беседовал АЛЕКСЕЙ КОЗЛОВ
Интервью. Журнал «ПОРТФЕЛЬ»*

Субъект сопротивления всемирному гнету

Крах социалистической системы продемонстрировал изначальную ложность марксистской предпосылки о том, что бывают общества двух видов: «плохие», эксплуататорские, и «хорошие», основанные на социальной справедливости. Сегодня интеллектуалы, исследующие тайну «юдоли человеческой» в ее и теологическом и социальном контекстах, приходят к выводу, что общество как глобальный механизм организации человечества есть инструмент, в конечном счете, не менее враждебный биологическому индивидууму, чем вполне бесчеловечный физический космос. Точно так же как космос общество вытягивает из каждого живущего индивидуума его внутренние ресурсы, его «экзистенциальное тепло»; точно так же как космос общество стремится раздавить каждого индивидуума, превратив его из точки противостояния среде в часть этой среды, в объект, ничем не отличающийся от объективной сущности общества.

Социализм своим коллективизмом и тоталитарностью наилучшим образом продемонстрировал, что стремление лучших политических умов прошлого превратить всемирное общежитие в нечто подобное безотказно работающему механизму во имя справедливости на самом деле дает абсолютно деструктивный эффект, лишая смысла каждую конкретную человеческую жизнь. После конца социализма обнаружилось, что мировая олигархия взяла на вооружение все его «завоевания» в тоталитарно-бюрократической сфере, в области господства и угнетения, где социализм достиг максимальных успехов.

Сегодняшний империализм на наших глазах строит вполне «бесклассовое» общество, которому могла бы позавидовать сталинская Москва: современное социальное пространство лишено устойчивых классовых страт с присущими им традициями, жизненными целями, менталитетом и т. п. Социальное пространство западного мегаполиса почти сплошь люмпенизировано. Современный люмпен — это, как

правило, лишенный корней и устойчивых этических ориентиров, поверхностно образованный индивидуум, который примерно в одинаковой степени готов к любому повороту колеса фортуны. Главной его жизненной целью являются деньги, связанные по возможности с минимальным количеством обязательств. Он не включен ни в какие органические структуры солидарности, свойственные более архаическим фазам развития социума, а его самосознание себя как гражданина некой страны основано на «промывке мозгов», осуществляемой правительственными СМИ, и имеет вполне условный характер.

В этом обществе фактически нет бенефициаров. Однако это не означает, что архаическая пирамида сакральной власти исчезла. Просто сегодняшние реальные элиты находятся вне общества, стоят над ним. Их присутствие в социальном сознании имеет мифологизированный искаженный характер и в информационном плане обслуживается желтой прессой, сам характер которой дает обсуждаемому предмету привкус чего-то сказочного, нереального.

В этих условиях главной стратегической проблемой Истории становится организация социально-политического протеста, который как бы лишается своего субъекта с исчезновением классических «пролетариата» и «буржуазии». Точнее говоря, субъектность протеста размывается на мириады микроскопических протестных импульсов, живущих в индивидуальных сердцах, которые, тем не менее, не способны пережить опыт солидарности, в силу того, что обладатели этих сердец в человеческом плане слишком деградированы.

Вместе с тем, гибель протеста как принципиального фактора означает духовную смерть самого человечества, за которой неминуемо последует и его физическая катастрофа. Протест есть смысловой стержень истории.

Из всего сказанного следует, что на нынешнем этапе состояния мирового общества задача консолидирования экзистенциальных протестов в единый политический вектор может быть возложена только на религию как последнюю и предельную область этического должностования. В силу этого, базой для формулирования такого теологически обеспеченного протеста становятся те среды, где социально навязанная извне солидарность сочетается с открытостью к религии

озному дискурсу. Такой средой на сегодняшний день являются, в первую очередь, диаспоры.

Для любой протестной идеологии крайне важно опереться на концепцию некой мессианской общности, которая могла бы выступить в качестве реального коллективного деятеля, инициирующего смысловое изменение Истории (фундаментальную смену парадигм сознания). С этой целью на роль такого исторического мегасубъекта назначались различные социальные классы (буржуазия, пролетариат...), нация («народ-богоносец», «избранный народ»...) и другие образования. Проблема в том, что любые общности, основанные на позитивных — т. е. жизненных — ценностях, оказываются либо виртуальными, либо ложными.

Классовая солидарность, опирающаяся на единые для данного класса политэкономические интересы, представляет собой виртуальную общность. Именно поэтому множество выходцев из любого данного класса действует по убеждениям вопреки классовым интересам. И, с другой стороны, все эти классы исторически оказались упраздненными к сегодняшнему дню с изменением макроэкономического расклада.

Что касается нации, ее базисом выступает определенным образом осознанное и интерпретированное прошлое. Но «общее прошлое» необходимо является не чем иным, как мифом, на котором может базироваться только ложная общность. Она существует до тех пор, пока новая интерпретация не породит новый миф о прошлом. (Существование «советских людей» на месте исторических «русских» и явление в последние годы ностальгической попытки восстановления царистской мифологии, но с совершенно новым человеческим материалом, — лучший и наиболее очевидный для нас пример этого.)

Причина того, что всякая позитивная общность иллюзорна, заключается в том, что, грубо говоря, «каждый умирает в одиночку» (Ганс Фаллада). Человек смертен (конечен); именно поэтому ценность его внутреннего времени радикальным образом не соответствует любым ценностям, возникающим из сферы утверждения жизни, будь то обеспечение сиюминутных материальных интересов или проективное воспроизводство жизни и служение будущим поколениям. Самое малое, что можно сказать о соотношении внутреннего времени с цен-

ностными концептами вне индивидуальной сферы, — это то, что речь идет о «неэквивалентном обмене». Ни служение своей утробе при жизни, ни служение счастью будущих внуков и правнуков (понимаемому в принципе тоже как проявленное жизненное преуспевания) ни, тем более, служение мифам вроде «государства», «нация» и т. п. не сопоставимы с фактом безусловного исчезновения живого индивидуального участника исторического процесса.

Внутреннее время смертной личности соотносимо только с личной же вечностью, даже если последняя имеет характер персонализированного, «адресного» небытия. Единственной общностью, которая имеет корни в реальности, может быть лишь «братство по могиле», союз людей, которые одинаковым образом интерпретируют общую для них всех смерть. Такая интерпретация неизбежно вносит глубоко религиозный теологический характер, не имеющий ничего общего с мифологией трансмиграций, жизни после смерти, иллюзорности любого конца и т. п.

Первичное фундаментальное сознание своей конечности ведет к духовному утверждению Воскресения и Суда как предельного выражения смысла.

На самом деле корни смысла растут из «почвы» небытия: на смысл имеет право только то, что безусловно должно исчезнуть.

Итак, фундаментом подлинной общности становится осознанный нигилизм по отношению ко всякому жизнеутверждению, «жизнизму» в его пошлейших формах, которые так любят выдавать себя за гуманизм.

Диаспора есть то особое человеческое пространство, где осознание беспочвенности и нигилизма в отношении жизненных миражей может быть началом теологического смыслообретения. Именно это делает диаспору телом возможного нового субъекта глобального протеста, который фактически будет представлять собой метаполитическую и метаисторическую Контрцерковь (община, противостоящая по всем параметрам традиционному жречеству и традиционному эзотеризму, который по-прежнему является основой сегодняшнего общественного существования, вопреки видимому профанизму современного Запада).

Интернациональный союз: «История нам должна!»

В последние месяцы во внутренней общественно-политической жизни России по-видимому наиболее спорным и раздражающим явлением стало возникновение Интернационального Союза (полное название: «Интернациональный Союз поддержки трудовых мигрантов»). С февраля по май в Екатеринбурге, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде была учреждены три региональных отделения ИнтерСоюза, а в перспективе — Сибирь, Дальний Восток и Юг России... На базе региональных организаций будет создано Федеральное общероссийское движение.

Но уже сейчас начинают раздаваться голоса, призывающее к тому, чтобы удушить это начинание на корню. Достаточно предсказуемо, ибо доминирующее направление в общественной идеологии последних лет — направление, настойчиво внушаемое сверху через все каналы массовой информации — было прямо противоположно интернациональной идее.

Именно поэтому ИнтерСоюз явился как полная неожиданность для всех участников общественно-политического процесса в России. Прежде всего, сама власть не знает, как реагировать на эту инициативу. Ведь невозможно в лоб атаковать идею интернационализма! Во-первых, потому, что существует мощное духовное наследие интернациональной этики, оставшейся после советской эпохи. Почти два десятилетия постсоветской промывки мозгов не смогли подорвать этот базовый фундамент, который в свое время превратил советский народ в уникальное цивилизационное явление.

Во-вторых, интернационализм на совершенно инстинктивном уровне воспринимается простыми людьми всего мира — не только советскими! — как позитив. Если бы это было не так, Советская Россия не смогла бы стать маяком для всего человечества, провозгласив в качестве своего политического знамени принцип братства народов.

(В отличие от США, созданных англосаксонской протестантской буржуазией, речь в советском проекте шла не о «плавильном котле», из которого должна была выйти псевдонация — химера; раннесоветская идеология ставила задачу реализации именно международной солидарности, в которой участвуют нации как самостоятельные субъекты истории).

Учитывая это, власть пока не высказывается прямо. Зато такую задачу выполняют различного рода националистические провокаторы, которые пытаются, прежде всего, смазать главное содержание проекта Интернационального Союза. Националисты, как и следовало ожидать, педалируют «национальный» момент, разжигают рознь, страшают угрозами, исходящими от «неместных». Анализировать их позицию бессмысленно, поскольку она не самостоятельна: националистические лидеры в сущности — мелкие функционеры, действующие в «сером» промежуточном пространстве парapolитики.

Возможно, самое любопытное — неуверенность и аморфная реакция оппозиции, причем во всем ее спектре. Ни оппозиционные либералы, ни самопровозглашенные левые не могут до конца собраться с мыслями и четко определиться в своем отношении к ИнтерСоюзу. Понятно, что либералы ощущают угрозу, но по тем или иным причинам не хотят жестко определяться против; однако, левым-то, казалось бы, сам Бог велел безоговорочно поддержать интернационалистскую инициативу. Вместо этого они высказывают разного рода сомнения и оговорки: а так ли уж начитанны «гастарбайтеры» в марксизм-ленинизме, чтобы заслужить право быть объектом солидарности?!

Причина всего этого набора раздражения, злобы, растерянности и непонимания в том, что Интенациональный Союз фактом своего возникновения бьет в самую сердцевину духа и буквы «ельцинизма», пораженческой эпохи демонтажа советской цивилизации, которая началась после 1991 г. Тем самым подрывается смысл существования всех тех, кто сделал ставку в своей политической, экономической, метафизической и прочих карьерах именно на поражение СССР в холодной войне.

ИнтерСоюз — не как фактическое движение, а как стоящий за ним замысел, — это предъявление счета к истории по выданным ею в свое время долговым обязательствам. История задолжала советскому

народу, потому что советский проект давал существованию человечества новый смысл и новое дыхание; однако реализация этого проекта была прервана в значительной мере искусственно не только по объективным, но, в первую очередь, по субъективным причинам. Сегодня наступает то предельное время, когда мы можем предъявить истории этот счет, открыть дорогу к восстановлению постсоветского пространства как великой интегральной цивилизации.

Этой надежде, этой возможности противостоит политическая болезнь «ельцинизма».

Суть «ельцинизма» легко понятна через исторические аналогии. Это своего рода русифицированная версия турецкого кемализма. В 1918 г. Османская империя — многонациональная монархия, художественно отвечавшая за населявшие ее народы, — потерпела поражение в войне против Антанты. И тогда поднялась фигура Кемаль Ататюрка, радикального националиста, который заявил: «Мы, турки, слишком долго отвечали за других, которые этого вовсе и не стоят! Теперь будем отвечать только за себя». К чему это привело? К тому, что историческая наследница Восточной Римской империи превратилась в заштатное бюрократическое государство Третьего мира, совмещающее задачи передового натовского плацдарма с функциями дешевого курорта для среднего класса, этаким гламурной версии Крыма.

Такую же роль «ельцинизм» уготовил России и всем республикам бывшего СССР.

В то же самое время, когда Кемаль Ататюрк добивал «больного человека Европы» (расхожее прозвище Османского халифата в XIX веке), превращая его в «процветающий» азиатский труп, Ленин сумел переобратить распавшуюся царскую империю на платформе интернационализма, превратив Советскую Россию в духовную сверхдержаву не за счет чудо-оружия, которого тогда не было, а за счет чудо-идеи, которая равно взывала к сердцу и китайского кули, и американского докера. Напомню, что никакая 11-ая армия Фрунзе не смогла бы «присоединить» мусаватский Баку и эмирскую Бухару к советскому проекту, если бы не могучие силы, поднявшиеся из глубин самих этих национальных окраин... Те же самые силы, которые боролись за сепаратизм в царскую эпоху, стали силами интеграции в эпоху советскую!

«Советская» партноменклатура не с Горбачева, а гораздо раньше взяла курс на сговор с империализмом и капитуляцию перед Западом: уже в 70-ые годы в умах референтуры («белых воротничков») получила прописку идея «конвергенции». Одновременно с этим стали проявляться националистические тенденции, понемногу началась игра на раскол и противостояние между народами СССР — то, что пышным цветом расцвело в горбачевскую эпоху драматическими событиями в Алма-Ате, Оше, Ташкенте, Тбилиси, Карабахе и т. д.

В конце этого бесславного коллапса советского пространства партноменклатура приняла «волевое решение» признать свое идеологическое и цивилизационное банкротство в противостоянии с Западом или, как тогда эвфемистически выражались, с «рыночной экономикой». Номенклатура рассчитывала на долю в мировом пироге, присвоенном империалистическими правящими элитами. Но, естественно, была обманута. Выпавший из проекта политический класс, не имеющий иных интересов, кроме шкурных, не может состояться даже как хищник и рано или поздно обречен быть уничтоженным теми, кого он рассчитывал взять в «партнеры».

Поучительно, что развал СССР преподносился народу совершенно в кемалистских терминах: «Россия освобождается от СССР!» Один из упреков, адресованных советской эпохе, заключался в том, что в СССР не существовало собственно российской компартии и республиканской Академии наук! Явные признаки колониальной порабощенности советским монстром.

Вся эта неокемалистская дребедень — не только достояние обветшавшей ельцинской риторики. По сей день страна отмечает праздник «День свободной России». Надо полагать, от Киргизии...

Неокемализм-ельцинизм сегодняшней России — это символ веры паразитов всех мастей, для которых сама идея непризнания поражения СССР в холодной войне уже есть вызов и угроза их паразитическому будущему, начало конца бесстыдного пиршества на «останках» СССР.

Одна из расхожих попыток оболгать Интернациональный Союз — это утверждение, что проект-де обращен к «пришлomu элементу», занимается «гастарбайтерами», организует их в ущерб коренному населению, посягая на рабочие места и уровень зарплаты. На этой пло-

щадке сходятся и маргинальные национал-шовинисты, и праволиберальные экономисты, бравирующие своей «патриотичностью».

Однако, ИнтерСоюз обращен, в первую очередь, не к киргизам, таджикам или молдованам; он обращен именно к народу России и представляет собой символический билет в будущее.

Да, интернационалистское духовное наследие советской эпохи еще живо в коллективном бессознательном, объединяющем народы нынешнего СНГ. Но из членораздельной сознательной сферы высказываний интернациональная идея практически вытеснена усилиями национал-демагогов, причем, не только в России, но и во всех бывших советских республиках. ИнтерСоюз возрождает сам дискурс, саму возможность говорить открыто об интернационализме как о той платформе, на которой люди должны реализовывать свою подлинную человеческую сущность, бороться за социальную справедливость, отстаивать свое право на то, чтобы их жизнь имела исторический смысл, а не была тем, во что ее хотят превратить заправилы либеральной экономики: случайным существованием анонимной пыли на ветру.

ИнтерСоюз — это удар по насаждаемому мировоззрению люмпенов, запрограммированных откликаться на неонацистские слоганы. ИнтерСоюз — это также напоминание так называемому среднему классу о том, что праволиберальные лидеры — как «государственники», так и «космополиты» — ведут его к нравственному разложению и дегуманизации, т. е. в итоге к полному социальному краху.

ИнтерСоюз представляет собой практическую инициативу по формированию новой этики солидарности. Номенклатура много сделала для того, чтобы выхолостить прежние формулировки советской эпохи, превратить их в бессодержательные лозунги, вызывавшие раздражение как у широких слоев населения, так и у скептической интеллигенции. Центральной ошибкой того времени было отсутствие в интернационалистской теме и вообще в понимании справедливости религиозной базы. Сам интернационализм есть, в конечном счете, понятие теологическое, поскольку строить его на общности экономических интересов, на пресловутой «солидарности трудящихся» — дело бесперспективное.

Именно поэтому новая этика солидарности должна быть этикой в основе своей религиозной. Только через призму теологического ми-

ровоззрения можно реально понять смысл истории и масштаб тех задач, которые стоят перед нашей страной. Теологию в этом вопросе нельзя заменить даже пафосом Маяковского при всей его поэтической гениальности. Ибо без религиозного измерения весь накал советского «революционизма» вылетает попросту в трубу.

Интернациональное движение должно быть безусловно открыто для сотрудничества и с Исламом, и с Православием. Более того, именно здесь возможно завязать, может быть, впервые, диалог между верующими — не галочный демагогический «диалог цивилизаций», изобретенный сильными мира сего, но диалог православных и мусульман, которые вместе будут создавать единую великую цивилизацию. А то, что это реально, свидетельствует пример таких скромных, ни на что не претендующих стран, как Сирия, Ливан и Палестина!

Наконец, говоря о самих трудовых мигрантах, нельзя забывать, что в своем подавляющем большинстве это выходцы из наиболее активной части населения своих республик. Это те, кто, будучи в прошлом учителями, инженерами, прорабами — короче говоря, бюджетниками, потеряли почву под ногами в условиях новых компрадорских экономик, обслуживающих этнократические элиты, которыми в одночасье обернулась бывшая нацноменклатура. Дехканину нет смысла бросать землю, которая дает ему хотя бы скудный кусок хлеба, и ехать в неизвестность, пробовать себя в незнакомых ремеслах. Дехканин инертен. Те, кто приезжают на заработки в Россию, — это осколок бывшего среднего класса так называемых национальных республик СССР. И именно в этом смысле эти миллионы советских людей (отказывающихся считать себя «бывшими») становятся прообразом масштабного движения к будущему, если угодно, партией интеграции в новое единое пространство.

Мы проводим четкий водораздел между трудовым элементом, между теми людьми, которые несут в своем сознании интеграционный принцип, и — с другой стороны — паразитическим элементом, который, как и всюду, существует также и в миграционной среде. Этот паразитический элемент наживается на горе и жизненных тяготах своих земляков, они эксплуатируют незнание и неадаптированность к новой среде вновь приезжающих, подчас выступая практически в ро-

ли работорговцев. Они, эти паразиты, берут последние гроши у неосведомленных растерянных мигрантов за услуги, которых не существует в природе. Они селят их в отстойниках, напоминающих лагеря перемещенных лиц в послевоенной Европе. Они сдают их в аренду и используют как бесправную службу на контролируемых ими рынках.

Всегда и во всем эти паразиты пользуются поддержкой местных коррупционеров из бюрократии и силовых структур. Но они найдут жесткого оппонента в лице ИнтерСоюза, одна из целей которого положить конец коррупции, работорговле и сговору между паразитами всех мастей и национальностей.

Мы основываемся не на модной нынче геополитике, мы не пользуемся сомнительными с исторической точки зрения брендами типа «Евразия», мы не играем в привлекательные оппозиции типа «Восток — Запад»... Интернациональный союз исходит из универсальности человеческого бытия, единства истории человеческого рода, религиозного стержня социально-политической антропологии. Интернационализм для нас — путь к справедливости, справедливость — гарант и критерий свободы, все это — условия, без которых человеческая жизнь бессмысленна. И, поскольку речь идет о выборе между смыслом и абсурдом, будущее за нами.

Список использованных источников информации

«КОНТРУДАР» — **www.kontrudar.com** — личный сайт Гейдара Джемалы, ранее располагался по адресу <http://www.kontrudar.ru/>

«ИСЛАМКОМ» — **www.islamkom.org** — сайт Исламского комитета, ранее располагался по адресу <http://www.islamcom.ru/>

«ЗАВТРА» — газета «Завтра», электронный адрес <http://www.zavtra.ru/>

«ПРОФИЛЬ» — еженедельный журнал, электронный адрес <http://www.profile.ru/>

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» — <http://www.lgz.ru/>

«ИСЛАМ.РУ» — независимый исламский информационный канал, электронный адрес <http://www.islam.ru/>

«БУРЖУАЗНЫЙ ЖУРНАЛ» — <http://www.bj.ru/>

«НАКАНУНЕ.РУ» — ежедневное интернет-издание, электронный адрес <http://www.nakanune.ru/>

«ПОЛИТИК HALL» — аналитическое издание, электронный адрес <http://www.politikhall.com/>

Биография

Гейдар Джахидович Джемаль — родился в 1947 году в Москве. Поступил в 1965 в Институт Восточных языков при МГУ. Два года спустя исключен из комсомола и университета «за буржуазный национализм». Входил в круг так называемого «Южинского клуба», объединявшего наиболее радикальных интеллектуалов, занимавшихся проблемами метафизики, эзотерической традиции, «психологии глубин» и т. д. Поддерживал отношения также с политическим андеграундом: Петром Григоренко, Вадимом Делоне, Красновым-Левитиным, Есениным-Вольпиным и др. Зарабатывал на жизнь договорной работой как рецензент иностранных поступлений в ФБОН, ВГБИЛ, «Историчку» и т. д.

С 1980 года — активный член преследуемого в СССР «Исламского движения Таджикистана», с 1987 — член политсовета.

В 1990 году совместно с представителями нелегальных организаций Поволжья и Кавказа участвует в организации первой после КПСС некоммунистической партии — Всесоюзной исламской партии возрождения. В 1991 г., после распада Союза и выхода таджикского республиканского филиала, превратившегося в самостоятельную партию, становится представителем «русского центра» при ЦК Таджикской ИПВ. Во время гражданской войны 1992 года — политический советник вице-премьера исламо-демократического коалиционного правительства Давлата Усмона, отвечавшего за силовые структуры. После поражения коалиции становится партнером доктора Тураби в Судане и курирует российский отдел в Постоянном совете Хартумской международной исламской конференции (1992–1998 гг.).

Параллельно с этим в Москве с 1993 по 1995 гг. занимается созданием передач по религиозной исламской тематике в рамках программы «Ныне» на 1-ом канале.

В 1995 г. по предложению доктора Тураби создает в Москве Исламский комитет, тесно сотрудничающий с Союзом мусульман России, возглавляемым Надыршахом Хачилаевым. С 1996 г. Исламский комитет взаимодействует с А. Лебедем и входит в состав Союза патриотических и национальных организаций России — движения в поддержку президент-

ской кампании генерала Лебеда. Входя в Центральный совет СПНОР, Г. Джемаль активно лоббировал переговоры Лебеда с Масхадовым.

Параллельно в этот период Г. Джемаль сотрудничает с мусульманскими организациями Европы, входит в президиум Всеевропейской конференции «Ислам — шанс Европы» со штаб-квартирой во Флоренции (первое рабочее заседание — декабрь 1993); поддерживает контакты с Британским советом мусульман, с Исламским парламентом Великобритании, с сорбоннским «Клубом друзей Ислама», созданным Роже Гароди и старшим инспектором ЮНЕСКО по делам беженцев Рашидом Бениссой.

В это же время Г. Джемаль устанавливает отношения с сыном покойного Имама — Ахмадом Хомейни и при поддержке последнего участвует в академической жизни г. Кум — центра иранской шиитской теологии. В частности, именно Исламскому комитету принадлежит идея о визите аятоллы Тазхери в Россию для встречи с патриархом Алексием (именно в этот период на 1-й канал — в мае 1994 — выходит часовой документальный фильм Джемалья «Исламская республика Иран», вызвавший политический скандал в иранофобской на тот момент, «козыревской» России).

В 1998 г. по приглашению сподвижника Манделы шейха Ахмада Ясина Г. Джемаль уезжает в ЮАР читать факультативный курс лекций по социальной антропологии и политической философии в Кейптаунском университете. За этот курс Джемаль получил диплом «почетного доктора Кейптаунского “зимнего” университета».

Последние восемь лет Джемаль уделяет основное внимание созданию текстов, чтению лекций, публичным комментариям по текущим событиям, сотрудничеству с различными интеллектуальными клубами в России и за рубежом.

Ведет правозащитную деятельность, предавая гласности случаи фабрикации дел и нарушений прав человека в отношении российских мусульман. Поддерживает два сайта **kontrudar.com** и **islamkom.org**.

Имеет публикации: «Революция пророков» в издательстве «Ультра.Культура» (2003), «Освобождение Ислама» в издательстве «Умма» (2004), «Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке» (коллективная работа Научной группы Исламского комитета под ред. Г. Джемалья) в издательстве «Умма» (2006). В «Ультра.Культуре» вышел также его поэтический сборник.